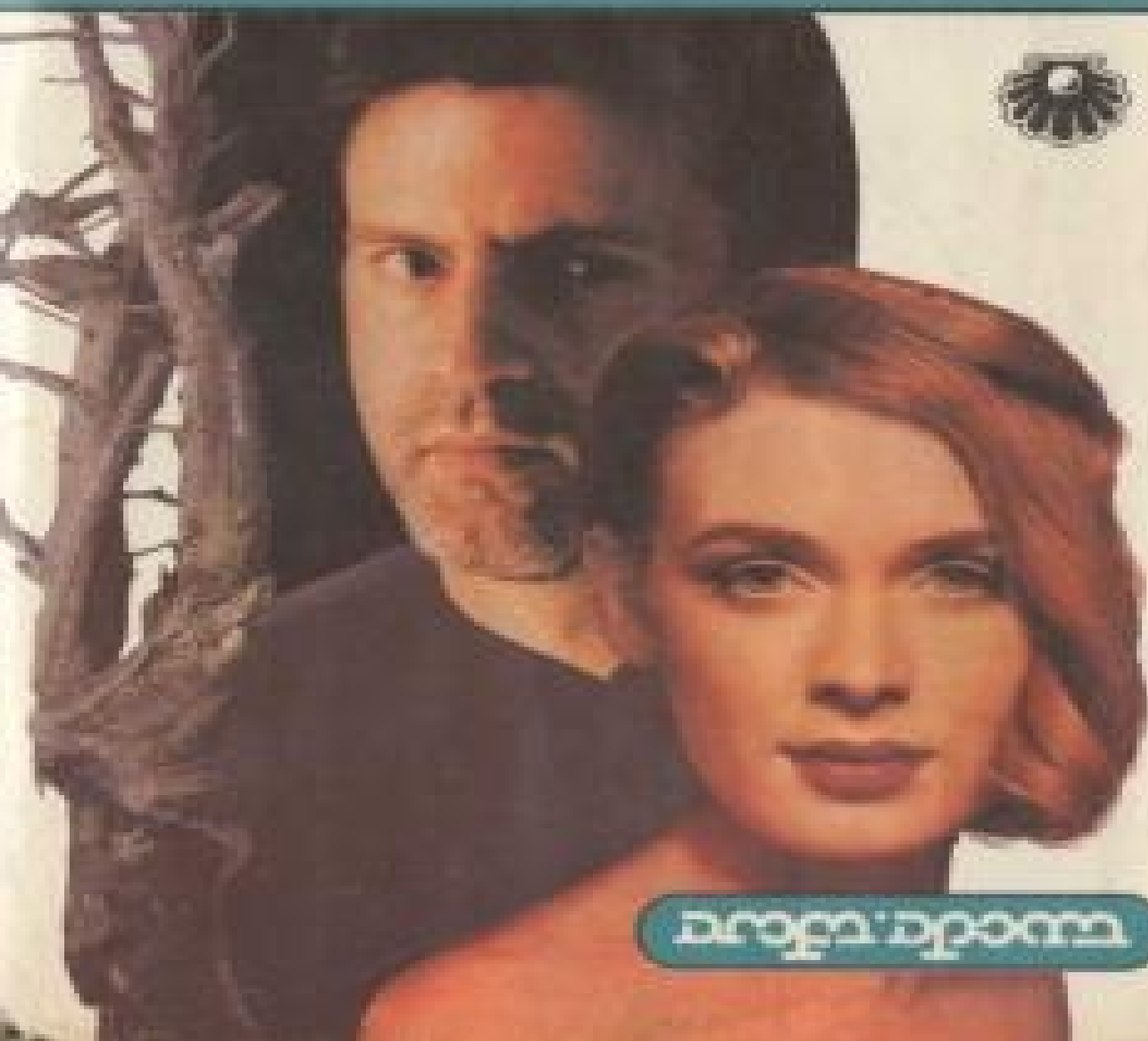

Colleen McCullough

Колл Маккаллоу

Силкоп серия третьего тысячелетия

ПРОСТ:ПРОСТ

Annotation

Действие происходит в ближайшем будущем.

Третье тысячелетие нашей эры. Человечество в тисках жесточайшего кризиса. Надежда на нового Мессию и спасителя, но... Спасителя губит женщина, которую он любит.

- [Колин Маккалоу](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [ГЛАВА IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
-

Колин Маккалоу

Символ веры третьего тысячелетия

Глава I

Было слишком ветрено даже для суровых зим Коннеттикута. Когда доктор Джошуа Кристиан свернул на Элм-стрит, ему в лицо ударил холодный ветер, в лицо вонзились ледяные иглы.

Он знал эти места. Хотя все так переменялось с тех пор, когда Элм-стрит была главной магистралью для кварталов черных. Яркие, как оперенье попугая, ткани, гордые люди, всюду смех, дети мчатся на скейтах или роликах – такие чудные детишки, веселые, всегда много веселых детей... Эта улица была идеальным местом для игр!

Возможно, когда-нибудь Вашингтон и власти штатов изыщут средства, чтобы помочь таким северным городам во внутренних областях страны, но пока есть проблемы гораздо более насущные, чем судьба сотен тысяч опустевших улиц. Пока – серая фанера вместо стекол, выцветшая, облупившаяся краска, серая черепица, время от времени срывающаяся с крыш, в стенах трещины... Спасибо, ветер хотя бы нарушил тишину: гудит в проводах, ревет и буйствует в проломах стен, сметает в кучу заиндевелые листья и пустые мусорные баки, грохочет в пустых цистернах возле винного магазина Аби и у бара на углу.

Доктор Джошуа Кристиан вырос здесь, в Холломане. Он не мог, да и не пытался, представить себе, что живет где-нибудь в другом месте. Он любил Холломан. Любил, несмотря на то, что все упоминания об этом городе начинались обязательно с «не»: некрасивый, неразвитый, неперспективный... Это был его дом. Этот город создал доктора Кристиана, чтобы доктор прожил в нем всю жизнь и стал свидетелем его крушения.

Серое, все серое – полдень, ряды домов, стволы оголившихся деревьев, небо. Я вмешался в дела этого мира, и он будет серым. Цвет бесцветья. Облик одиночества. Квинтэссенция беды. О, Джошуа, не одевайся в серое, даже мысленно, не примеряй серое к себе.

Ну вот, уже лучше: теперь он поравнялся с домом, явно обитаемым. И этот дом был отмечен тем же клеймом упадка, что и остальные: отвалившиеся карнизы и притолоки, ни огонька в окнах. Но крыльцо выметено, выполоты сорняки и содран мох, стены обшиты алюминием.

Дома доктора Кристиана стояли сразу за поворотом с Элм-стрит, за ее пересечением с 78-й улицей, милях в двух от центрального почтового

отделения, и доктор сам наведывался туда отправить письма и заглянуть в свой абонентский ящик: почтальоны больше не приходили. Дойдя до номеров 1045 и 1047 по Оук-стрит, доктор остановился под ветвями великолепных восьмилетних дубов. Прекрасно: света в окнах нет. Если свет виден с улицы – значит, в дом ворвался холодный ветер.

Его дома не выделялись ничем: серые, стандартные – с отдельным входом со двора. Только они были соединены галереей на уровне второго этажа: в одном жила семья доктора, в другом он принимал больных.

Дорогу он перешел, не глядя по сторонам – зачем, если в Холломане нет машин, и на мостовой намело высокие сугробы.

На сегодня к нему не записался ни один пациент. Можно не рисковать, открывая 1045-й номер. Доктор пошел к 1047-му.

Маленький начес над последней ступенькой, крепкая дверь, открывающаяся наружу. Ключ в замке – и вот он уже в небольшой прихожей, которая служит дополнительной защитой от враждебного внешнего мира. Еще ключ, еще дверь, вестибюль, где он снял и повесил на вешалку свою шотландскую шапочку, отороченную мехом, шарф и пальто, разулся, обул тапочки. Третья дверь – уже не запертая.

Наконец он дома!

Кухня. Мама у плиты – а где же ей еще быть?!

Никто не ожидал, что к шестидесяти годам она превратится в маленькую коренастую тетушку, морщинистую, с толстыми лодыжками. Она и сама громче всех смеялась над этим своим преображением.

– Что такой веселый, Джошуа?

– Я только что сыграл в игру.

Сразу несколько ее детей сделали психологами, и общение с ними не прошло даром. Она умела казаться более проницательной, чем была, умела не выказывать удивления. Вот и сейчас не переспросила: «Игру? Какую игру?» А только справилась:

– Ну, и выиграл?

Он присел на угол стола и, покачивая ногой, взял из вазы, которую она постоянно здесь держала, крепкое золотистое яблоко.

– Это была игра воображения, – тем не менее объяснил он, похрустывая яблоком. – Я попробовал представить себе: а что, если форма в вас не соответствует содержанию? – он улыбнулся. – Что, если за ней кроется старое, некрасивое и утомленное многими годами каторжного труда?

Она поняла и рассмеялась. На щеках появились милые ямочки – как раз на границе между бледноватой кожей и тонким слоем румян на скулах.

Из-под ярких, хотя и не знавших никогда помады, губ показались великолепные зубы, синие глаза, чуть туманные от близорукости, засияли из-под длинных ресниц. Ни одной серебряной нити не было в ее прекрасных волосах – длинных, волнистых, густых, цвета зрелой пшеницы, – собранных на затылке в узел.

Он глубоко вздохнул, поражаясь – это поражало его постоянно – что его мать остается самой прекрасной из женщин, каких он когда-либо видел. Сама она об этом не подозревала – по крайней мере, ему так казалось. А теперь ему было уже тридцать два, а ей через четыре месяца исполнится пятьдесят восемь... Замуж она вышла рано. Говорят, она любила его отца, который был много старше ее, – безумно любила. И даже обманула жениха, уверив его, что беременна – чтобы отрезать ему пути к отступлению. Ведь он мог пойти на попятный, испугавшись того, что она так юна. Как славно, что они все-таки поженились!

Отца Джошуа почти не помнил: тот погиб, когда мальчику было всего четыре года. Доктор даже не был уверен, что действительно помнит отца: может быть, только представляет его по рассказам матери? Говорят, Джошуа – копия отца. Зная себя, он часто задавался вопросом: чем же отец мог так увлечь Маму? Очень высокий, худой, с желтоватой кожей, черноволосый и черноглазый, с лицом аскета и орлиным носом... Впрочем, напрасный труд: он не мог смотреть на себя глазами Мамы – глазами, полными любви – самой первобытной, самой чистой. Такой чистой, что он никогда не ощущал ее как груз, принимал ее без вины или страха.

– Где все? – спросил он, пристраиваясь у плиты сбоку, чтобы ей было удобнее разговаривать с ним.

– Еще не пришли из клиники.

– Пожалуй, тебе стоит переложить часть домашних дел на девочек.

– В этом нет нужды, – ответила она твердо. Об этом они спорили постоянно. – Девочки живут в 1045-м.

– Но дом слишком велик, чтобы ты управлялась одна.

– Трудно управляться только детям, Джошуа. А в этом доме детей уже нет.

Голос ее звучал печально, но без упрека. Сделав заметное усилие, она успокоилась:

– Мне не нужно вытирать пыль. Единственное преимущество нынешней зимы. Пыль просто не может сюда попасть.

– Мне нравится твой оптимизм, мама.

– Я попала бы к тебе в пациенты, если бы стала жаловаться на жизнь. Когда-нибудь у Джеймса и Эндрю будут свои дети, тогда и у меня появятся

заботы. Ведь у меня одной есть опыт по этой части. Я – из последнего счастливого поколения, которое могло иметь сколько угодно детей. За четыре года замужества я родила четверых. И вас было бы больше, если бы твой отец остался жив. Я – счастливая, Джошуа.

Он не смел сказать то, что хотел: Мама, как же вы были эгоистичны! Четыре ребенка – в то время, когда мир уже стремился к сокращению рождаемости, когда люди задавались вопросом: почему мы у себя в Америке должны жить по-старинке? Теперь четверо ваших детей вынуждены расплачиваться за вашу слепоту и легкомысленность. Вот тяжесть, которая пала на наши плечи: не холод, не нехватка уединения и комфорта в поездах, даже не строгая регламентация всей жизни, столь чуждая истинному американцу...

Дети. Вернее, отсутствие детей.

Задребезжал телефон. Мать взяла трубку.

– Джеймс говорит; если ты свободен, он хотел бы видеть тебя. Пришла миссис Фейн и еще какая-то Паи-Пат.

По галерее Джошуа отправился в 1045-й. Джеймс уже поджидал его в переходе.

– Только не говори мне, что она не справилась. Не поверю, – сказал Джошуа, когда они шли по коридору.

– Справилась.

– Тогда в чем дело?

– Пусть сама расскажет.

Пока Джеймс ходил за миссис Фейн, доктор уселся, но не за массивным столом, в мягкой кушетке в своем кабинете.

– Что случилось? – спросил он, едва миссис Фейн появилась на пороге.

– Это было ужасно! – ответила миссис Фейн, присаживаясь на дальний конец кушетки. – Началось все прекрасно: девочки были рады увидеть меня после четырехмесячного отсутствия и посмотреть гобелен. Мэри Трингл – надо сказать, она вообще-то молчалива – не может смириться с тем, что я получаю так много за реставрацию каких-то там гобеленов...

– Значит, причина не...

– Отсюда и неприятности?

– О, нет! Все шло прекрасно поначалу. Даже когда я рассказала, что расстроена из-за письма, в котором Второе Бюро по вопросам детства сообщило, что мне в лотерее не повезло.

– Вы говорили, что были у меня?

– Конечно. Вот тут-то и прорвало Сильвию Стрингман. Вы –

шарлатан, потому что величайший сексолог мира Матт Стрингман сказал, что вы – шарлатан, и что я влюблена в вас, если хожу к вам на прием. Честное слово, доктор, не знаю, кто из них больше осел – Сильвия или ее ученый муж.

Доктор Кристиан подавил улыбку, внимательно рассматривая пациентку. Она пришла – значит, впервые за последнее время чувствует себя действительно неплохо. Патти Фейн была вождем племени Пат-Пат – клана из семи женщин, которых сдружила классная комната в местной школе. Странный симбиоз, поддерживавшийся, пожалуй, лишь стараниями старшей из них – Патти Фейн, или Патти Дру, как ее звали в те времена. Все семь Пат-Пат были очень разными – по характеру, внешности, национальности, но обрели такое единство, что все вместе направились в Свотмур, разом вышли замуж, одновременно нашли работу в университете Чабб. Шли годы, однако соплеменницы продолжали встречаться примерно раз в месяц, заранее договорившись о месте сбора. Их взаимная привязанность была так неодолима, что теперь их мужья и дети были тоже включены в сообщество, хотя и на правах отдельной группы.

Патти Фейн (доктор мысленно звал ее Пат-Пат I) стала пациенткой его клиники три месяца назад. В глубокую депрессию ее поверг голубой – проигрышный – шар лотереи о Бюро по рождению второго ребенка. Отказ ударил ее больно: Пат было уже тридцать четыре, и БР могло вот-вот просто вычеркнуть ее из списков женщин, стоящих в очереди за разрешением завести второго ребенка. К счастью, он смог справиться с ее депрессией, вскрыв ее причины. Милая, чувствительная женщина, с такими легко работать. Как, впрочем, с большинством пациентов, которых одолевают не мнимые, а вполне реальные беды. У реальных бед есть реальные же корни – их легче выкорчевать.

– Я будто осиное гнездо разворошила, рассказав им, почему у меня был стресс. Скажите на милость, почему женщины так скрывают, что обращаются в БР? Каждый из нас, из Пат-Пат, получал оттуда письма каждый год. Но разве кто-то признался в этом открыто? Боже упаси! Ну почему никому из нас не достается красный шар? Никому из семерых!

– Удача в этой лотерее выпадает одному из десяти тысяч, а вас всего семеро.

– Мы все прекрасно подходим – и по тестам, и с медицинской точки зрения. Все замужем, имеем по одному ребенку, да и наш возраст...

– Все верно. Но судьба – против вас, Патти.

– Все еще – против, – помрачнела она. – Забавно: Марг Келли так и светилась от радости, но никто не поинтересовался, чем она довольна –

всех занимала моя беда... Если бы я случайно не услышала разговор тех двух женщин о вас, доктор... не знаю, что бы я сделала с собой...

– Маргарет Келли? – задумчиво переспросил он.

– Она вытянула красный. Он не стал ее перебивать.

– Боже правый! Как быстро она перевернулась! Мы, как обычно, пили кофе и вели обычную беседу, как вдруг Синтия Кавалерри – сегодня мы встречались у нее – спросила у Марг, с чего это та выглядит, будто киска у блюдечка со сливками. А Марг порылась у себя в сумочке и достала пачку бумаг – каждый лист с печатью...

Патти помолчала, снова мысленно переживая сцену в доме Синтии.

– Они все замерли. В комнате и так было холодно, а тут как будто морозом дохнуло. Дафна Корник как вскочит с кресла! Вот уж не думала, что она может быть такой стремительной... Раз – и вырвала из рук бедняжки Марг эти бумаги. Дафна! Дафна всегда была с причудами... Эти ее походы в церковь, стремление наставить всех на путь истинный... Мы всегда следили за своими словами в ее присутствии. И вот эта-то Дафна стояла теперь перед Марг и рвала в клочья бумаги, и обвиняла Натана Келли в тайных связях с БР, поскольку он был ректором Чабба и бывшим владельцем «Майского цветка». И вообще заявила, что она – единственная, кто достоин иметь второго ребенка, потому что может воспитать его в страхе и любви к Господу, как воспитала своего Стаси, а Марг и Натан научили своего ребенка неверию, и все мы, остальные, живем в грехе, открыто преступая заповеди, и что наша страна не имела права подписывать Делийский договор и она не понимает, как Бог мог допустить, чтобы его служители оказались главными вдохновителями этого договора. Тут она перешла на отвратительно грубый жаргон – вот уж не ожидала, что Дафна знает такие слова! Она была вне себя и даже не пыталась этого скрывать.

– Интересно, – проронил доктор, почувствовав, что Патти ждет от него какой-нибудь реакции. Потом вскочила Кэнди Феллоуз и напустилась на Дафну: мол, ты кто такая, чтобы критиковать Гуса Роума, величайшего из президентов?! Она кричала, что презирает тех, кто распевает по воскресеньям псалмы, они лицемеры и ханжи и протирают колени в молельнях, чтобы всех обставить и подняться повыше по социальной лестнице... Ну и зрелище было – казалось, Дафна и Кэнди вот-вот вцепятся друг в друга.

– Но этого не случилось?

– Нет! – гордо ответила Патти. – Их остановила я. Я, доктор! Вы можете себе представить? Я растащила их, усадила в кресла и сказала, что

теперь мне стыдно называть себя Пат-Пат. Тогда-то и выяснилось, что каждая из нас год за годом обращалась в БР. Я спросила у них: что же постыдного в этом? Какое право они имеют оскорблять Марг? Или Аугстуса Роума, или священников? Пусть запомнят раз и навсегда: всякий вправе попытать счастье в лотерее. Напомнила, что даже Джулия Рич не смогла получить разрешения на второго ребенка. Почему бы нам просто не порадоваться за Марг, не поздравить ее? А Марг я утешила. И спросила: «Похожа я на богоматерь?»

Патти была горда собой.

– Вы прекрасно справились, Патти. Думаю, вам больше не понадобятся мои услуги.

«Я даже не пыталась объяснить подругам, что он для меня сделал, – подумала Патти. – Так они не поймут – это надо испытать... Но почему, почему люди вроде Матта Стрингмана считают для психолога преступлением подводить пациента к мысли о том, что опоры он обретет в Боге? Может, они сами себя воображают богатыми?»

– Я привела с собой Марг Келли, – сказала она вслух.

– Зачем?

– Мне кажется, ей нужно выговориться. Только не с Натаном, по-моему, она не представляет себе, какие последствия может иметь появление второго ребенка. По-моему, она думает только о том, что мы должны радоваться за нее.

– Но тогда, Патти, она живет, не видя ничего вокруг.

– Так и есть! Она – жена ректора, обитает в особняке со слугами, ее возит личный шофер, через неделю она обедает в Белом Доме. О том, что происходит в мире, она узнает только от Пат-Пат, а мы живем хоть и скромнее, чем Келли, но значительно лучше большинства. Вот я и подумала, что разговор с вами пойдет ей на пользу.

– Патти, вы сможете ответить мне на один щекотливый вопрос?

– Попытаюсь, – посерьезнела она.

– Если бы Марг Келли спросила у вас, стоит ли ей заводить второго ребенка, – что вы ответили бы ей?

Жестокий вопрос. Но Патти уже пережила те ужасные дни, когда, запершись в своей комнате и уставившись в стену, выбирала самый надежный способ самоубийства.

– Я сказала бы ей: да.

– Почему?

– Она – хорошая мать Гомеру. И у нее много возможностей оградить свою душу от злобы.

– Хорошо. А если бы на месте Марг была Дафна?
– Не знаю. Мне казалось, что я знаю Дафну как свои пять пальцев, но теперь... Я не смогла бы ей ответить.

Он кивнул.

– А если посчастливилось тебе бы самой?
– Думаете, я посоветовала бы себе разорвать письмо из Бюро? Нет, я не настолько глупа... У меня хороший муж, сын учится в школе отлично... Ох, не знаю! Не знаю, смогла бы я решиться!

Доктор вздохнул:

– Проводи меня к Маргарет.
– Но она здесь!
– Я имею в виду – спустись со мной в приемную, чтобы представить нас друг другу. Меня она не знает, а тебе может довериться. Будь мостиком между нами.

– Не очень-то надежен этот мостик...

Джошуа и Патти, держась за руки, спустились в приемную, где в угловом кресле сидела красивая бледная женщина.

– Марг, милая, это и есть доктор Кристиан.

Он молча протянул гостье руки. Она машинально ответила и, кажется, очень удивилась, обнаружив свои ладони в ладонях доктора.

– Можете ничего не говорить, – сказал доктор, улыбнувшись. – Ступайте, и пусть у вас будет ребенок.

Она поднялась и улыбнулась в ответ:

– Так и будет.

Он развернулся и вышел.

...Патти и Марг дошли до пересечения с 78-й улицей, где ходили автобусы и троллейбусы. Их автобус только что ушел.

– Какой необычный человек, – сказала Марг, когда они укрылись от ветра за высоким сугробом возле автобусной остановки.

– Ты почувствовала? Правда?

– Как будто током ударило...

Доктор Кристиан вернулся на кухню к матери. Но продолжить разговор не удалось: пришли его братья с женами и сестра.

Мэри – второй ребенок в семье, единственная дочь. Тридцать один еще не замужем. Так похожа на Маму, но – совершенно некрасива. Будто мамино отражение в кривом зеркале. Угрюмая, замкнутая девочка. Такой она была, такой, вероятно, и останется. С пациентами неизменно любезна, как и полагается секретарше клиники... Может, и нет причин волноваться

за нее?

Джеймс, средний из братьев. Тоже похож на мать – и тоже лишь бледная ее копия. Его жена Мириам – рослая, подвижная девушка, энергичная и полная здорового прагматизма; профессиональный терапевт, она оказалась весьма кстати в клинике; и вообще – удачная партия для Джеймса.

Мириам была англичанкой, весьма щепетильной во всем, что касается языка и манер. Семейству Кристиан она внушала нечто среднее между благоговением и страхом – не только своей славой лучшего в мире терапевта, но и талантами лингвиста. Излюбленной шуткой Мириам было, перечислив языки, которыми она владеет, добавить: «И американским». Кристианы так любили и уважали ее, что никогда не подавали виду, что задеты ее нетактичностью.

Эндрю... Молод. Красавец. Такой была бы сама Мама, родись она мужчиной, – прекрасна, как ангел и непоколебима, как скала. Почему только Эндрю так безлик, почему все время норовит отступить в тень? Его жена, Марта, специалист по психологическому тестированию, была на семь лет моложе мужа. Домашнее прозвище – Мышка. Очаровательная, как мышка. Проворная, как мышка. Робкая, как мышка. Серенькая, как мышка. Иногда, уступая натиску собственных фантазий, Джошуа представлял себя – ну, если не котом, так парой гигантских ладоней, от хлопков которых мышка, оглушенная, падает замертво.

А все – Мама. Это она собрала великолепную команду специалистов в помощь Джошуа – самому старшему, самому любимому. Да-да, Мама. И даже жен себе его братья выбирали с учетом потребностей их семейного предприятия. Возникла необходимость в квалифицированном терапевте – и женился Джеймс. Понадобился специалист по тестам – ее привел в дом Эндрю. Даже по характерам обе женщины подходили, чтобы встать на следующих за маминой ступеньках семейной иерархии, как их мужья заняли ступеньки пониже Джошуа. Мэри тоже никогда не пыталась протестовать против своей вполне рабской участи, даже когда Джошуа имел на нее большое влияние и пытался бороться с Мамой за лучшую долю для сестры.

Едва там, внизу, появлялись признаки недовольства, Джошуа становился на сторону обделенных, к которым относился, как к собственным детям. Но никакие раздоры не мешали членам семьи получать в конечном итоге удовольствие от работы и от общения друг с другом. И постепенно он, смущенный, но благодарный, смирился с маминым стремлением возвести его на трон главы семейства и общего дела.

Обедали в столовой. Мама сидела в конце овального стола, чтобы быть поближе к кухне, Джошуа – во главе, напротив нее, остальные – по бокам. По заведенному Мамой правилу нельзя было говорить ни о чем важном, пока не подадут коньяк и кофе. К тому же, все они – кроме Мамы – редко выходили из своих рабочих кабинетов и мало знали об окружающем мире. Любые беседы о делах мира, нации, государства или города казались им тягостными.

Ели молча, но с аппетитом: Мама была настоящим кулинаром, и ее искусство могло кого угодно убедить в том, что маленькие радости жизни неистребимы и в нелучшие времена. Впрочем, убеждать в этом приходилось в основном Джошуа, которого мало интересовали даже такие невинные удовольствия плоти.

Кофе и коньяк подавали обычно в гостиную, соединенную со столовой широкой, изящной аркой. Именно здесь становилось ясно, почему первый этаж 1047-го дома производит на гостей неотразимое впечатление.

Стены были обиты белым атласом. Атласные завесы скрывали и проемы окон. Пол выложен белой мозаикой, а стол и стулья стояли на ковриках искусственного меха. Диваны и кресла – бледно-розовое с зеленым – гармонировали со столиками, покрытыми розовым лаком.

И всюду – зелень. Кадушки, горшки и корзины с пышными растениями, одетыми зеленой, розовой, красной, пурпурной листвой. Они то спадали каскадами с белых кубов и кашпо, то вздымались вверх – острые, как шпаги, и на каждом стебле, листке, лепестке – блик солнца. Папоротники и пальмы, орхидеи и кактусы – чего только здесь не было! Большинство из них цвело весной, но цветение продолжалось до середины зимы, и почти весь год дом наполняли садовые ароматы. А зимой иллюзию поддерживала разноцветная листва нецветущих растений.

Сад доктора Кристиана тоже входил в семейный симбиоз. Растения поглощали углекислый газ, люди – кислород, одни поддерживали других. На первом этаже было теплее, чем наверху, где располагались спальни: растения согревали воздух своим дыханием. Впрочем, эта забота о людях была обманчива: люди, в свою очередь, тратили почти всю свою норму электроэнергии и неприкосновенный запас газа на обогрев сада. В гостиной семья проводила все свободное время. По воскресеньям Кристианы ухаживали за растениями: поливали и удобряли, протирали влажной губкой живые листья и удаляли увядшие побеги, лечили захворавших и воевали с вредителями, и делали это с энтузиазмом. Они с удовольствием заменили бы синтетические коврики настоящими мехами,

но воскресные наводнения безнадежно погубили бы шкуры... А еще по воскресеньям наиболее стойкие растения, прошедшие всю неделю в клинике, возвращались на свое место в гостиной, а на смену им заступали Другие.

Этот день грозил стать самым неприятным для доктора Кристиана: предстояло заполнить кучу канцелярских бланков и отослать в Холломан, Хатфорд и Вашингтон, бросить в топку бюрократического локомотива. И оплатить все счета. И внести записи в бухгалтерские талмуды. Обычно в этот день – День Искупления – он не ходил в клинику. Но конфликт в племени Пат-Пат волновал его.

Мама подала ему кофе, Джеймс – бокал с бренди. Еда, даже приготовленная самой Мамой, всегда была для доктора чем-то необязательным. Другое дело – обволакивающее тепло после кофе с коньяком. Прекрасная прелюдия к послеобеденному сну; традиция, родившаяся совсем недавно – когда люди стали меньше употреблять спиртного перед трапезой.

Их прадед и прабабка с отцовской стороны торговали французским вином и бренди, да и сами любили выпить. В те времена в доме был заложен солидный винный погреб. Конечно, со временем вина портились, особенно с тех пор, как стало невозможным хранить бутылки при нужной температуре. В слишком холодном погребе вина скисали, как если бы их держали в кухонной жаре. Но, хотя ледники оккупировали Канаду и Россию и подступили к самым виноградникам, Франция еще долго ухитрялась производить коньяк, так что Кристианы умудрялись пополнять свои запасы. Вот только расходовать их приходилось экономно.

– Наша Патти была сегодня великолепна, – начал доктор.

– Я так и знала! – воскликнула Мириам.

– Я отпустил ее из клиники.

– Боже! Она говорила тебе, что они с мужем собираются сменить место жительства? Вероятно, «Техас Эй энд Эм» долго уламывала Боба Фейна, но он слишком крепко связан с Чаббом. Янки не доверяют любому месту, не похожему на их Новую Англию. Да тут еще страхи Патти – ведь она первой из Пат-Пат покинет Холломан, – подал реплику Эндрю.

– Довольно редкое явление за пределами кровных связей – женщины, ставящие свою дружбу выше супружества, – вступил Джеймс. – Слава Богу, что одна из них сумела со стороны взглянуть на свою группу. А постоянная перемена места жительства – лучший способ освободиться от предвзятости. Удивляюсь, что ни один из их мужей не догадался до этого раньше.

– Переезд – очень ответственный шаг, за колебания никого порицать нельзя. Они местные уроженцы, здесь их корни, работа, здесь – все, – задумчиво сказала Мэри.

Доктор Кристиан не дал увести себя в сторону от темы:

– Нет, о переезде она мне не говорила. Пусть ей повезет... А у нее были колебания? Боялась разрушить союз Пат-Пат?

– Да, боялась. И открыто признавалась мне в том. Но сейчас преодолела себя. К счастью, выигрыш Маргарет Келли помог увидеть, кто есть кто, и Патти поняла, что этот союз должен был распасться после колледжа... если не после школы.

– Они просто пытались продлить молодость, – сказала Мэри.

– Не так уж весело быть взрослым в наше время.

– Я поступлю, как Патти Фейн, – заявила Марта.

Доктор Кристиан с детства умел концентрировать всю свою волю, чтобы заставить собеседника посмотреть себе в глаза.

– Ай-яй-яй, Мышка! Ты, кажется, терпеть не можешь наших пациентов?

Она смутилась и покраснела:

– А то как же! Разумеется!

– Зачем ты дразнишь ее, Джош? – вступилась Мэри, всегда готовая придти на помощь Марте.

– Вы заметили? Никто из Пат-Пат не говорил подругам о своих ежегодных запросах в Бюро, – задумчиво проговорил Джеймс. – Вот наглядный пример того, как женщины относятся к Бюро.

Ну, Джеймс, Бюро само виновато в том, что выигрыш в лотерее не всегда достается тем, кто особенно остро нуждается во втором ребенке...

Доктор Кристиан хотел бы еще поговорить на эту тему, но тут вмешалась Мама.

– Это Бюро – проклятье для общества! – расплакалась она. – Что знают эти бессердечные негодяи в Вашингтоне о том, в чем нуждается женщина?

– Мама, ну с чего ты взяла, что им об этом ничего не известно? С чего ты взяла, что в Бюро сидят одни мужчины? И даже если так, то почему они должны относиться к женщинам хуже, чем сами женщины относятся друг к другу? Мама, уверяю тебя: там поровну мужчин и женщин... Что толку клясть судьбу? Бюро – это расплата за Делийское соглашение, это воплощение зла, которое принесло нам последнее десятилетие, жестокое и жалкое. Ты должна помнить те времена лучше меня, я ведь был еще ребенком...

– Аугустус Роум продал нас, – процедила Мама сквозь зубы.

– Мама! Мы сами продали себя! Послушать ваше поколение, так можно подумать, будто Делийский договор грянул, как гром средь ясного неба. А ведь Гус Роум и Делийский договор – лишь следствие, причины же надо искать в прошлом. 90 лет назад, когда нас было 150 миллионов и мы находились в расцвете сил и гордыни, – что мы делали? Мы швырялись деньгами – это считалось нашим стилем, национальным характером, а мир ненавидел нас за это. Мы кичились своей наукой и своей промышленностью, и мир ненавидел нас за это. Мы кичились уровнем жизни, какого остальные народы не могли достичь по многим причинам, экономическим и социальным, и мир ненавидел нас за это. Мы вели войны за рубежом во имя свободы и справедливости, а мир ненавидел нас за это – и не только те, с кем мы сражались. Кстати, не сказал бы, что мы всегда воевали бескорыстно, хотя большинство из нас было уверено именно в этом. Мы так верили в праведность своего взгляда на жизнь, в котором агрессивность уживалась с альтруизмом, что не заметили, как низводим идеи в пустой звук, религию – в посмешище, людей – в ничтожество.

Он поднялся с узкого дивана, чтобы размять ноги; листва задрожала, задребезжали цветочные горшки. Все сидели, завороченные громовыми раскатами его голоса. Сестра была испугана и чувствовала себя пристыженной, невестки замерли в восхищении, братья ничего не могли сказать в ответ, а мать – о! мать была в восторге, хотя и сохраняла маску спокойствия. Так было всегда, когда он начинал вдохновенно говорить. Даже в самом тесном кругу, среди тех, кто слышал его изо дня в день, он умел поражать.

– Я не помню, как начиналось третье десятилетие. Зато знаю, что оно принесло людям. Они ждали его наступления, распевая псалмы и готовясь к смерти и Страшному суду. Другие воспевали технически идеальный мир и готовились жить в этом железном раю. Однако, новое тысячелетие принесло боль и бессилие. Жизнь еще более жестока к людям, и чем в какие-либо иные времена. Планета быстро остывала, и никто не знает – почему. Конечно, тут же нашлись мудрецы, готовые порассуждать об атмосферных слоях, перемещающихся магнитных полях, росте солнечной активности и изменении наклона земной оси. Но все это – болтология. Они уверяют, что вот-вот – через какие-нибудь десятки или сотни лет – наберут достаточно данных, чтобы объяснить, почему мы попали в новый ледниковый период. На самом деле знает об этом разве что сам Бог. Единственное, в чем можно быть уверенным – то, что продолжаться наши муки будут довольно долго. Впрочем, с точки зрения вечности одно-два

тысячелетия – пустяк... Территория, пригодная для жизни, все сжимается. Вода, вместо того, чтобы напоить нас, превращается в ледовые шапки на полюсах. А населения все еще слишком много, чтобы всем хватило скудных ресурсов. Вот что принесло нам третье тысячелетие. И как мы можем выйти из положения, если даже не умеем объяснить случившееся?

Он пожал плечами и помолчал, чтобы слушатели могли оценить сказанное. Доктор всегда угадывал, где нужно сделать паузу. Продолжал он уже мягче:

– Нельзя сказать, что мы, американцы, были слишком бестактны по отношению к остальному миру. Просто мы забыли, что такое голод. И голодные объединились против нас. Предоставив США право разрастаться, они тем временем создали для себя – в силу необходимости – программу сокращения численности населения. Четыре поколения должны были ограничиться рождением одного ребенка в семье, последующие – максимум двух. Мы одни на планете держались особняком. Затем наступило прозрение. Выяснилось, что мы уже не так богаты, чтобы противостоять остальному миру. Даже в апогее своей славы мы остро нуждались кое в чем – в силе духа. Но откуда было ей взяться, если наш народ выжег себе мозги наркотиками, сердце – сексом без любви, душу – страстью к вещам... Когда европейское сообщество – как мы ни старались это предотвратить – сблизилось с арабским миром, ничего не оставалось, как сесть за стол переговоров в Дели.

– Никогда не поверю, что нам оставалось или подписать договор, или умереть, – проговорила Мама сквозь слезы. – Просто старый Гус Роум продал нас за Нобелевскую премию.

– Мама, ты – как все твоё поколение... Неужели ты не понимаешь, что именно вы в ответе за капитуляцию? Да, да, да! А моему поколению досталось собирать по крохам богатство, издавать законы... чтобы возродить то, что было Америкой – было и будет. Вы были отравлены гордыней. Во мне же нет ее, нет ни капли. Почему же я должен судить, прав ли был Гус Роус, отдавая нас на растерзание в Дели вместо того, чтобы ввергнуть нас в войну, в которой нельзя было победить?

Спокойней, спокойней, Джошуа... Он с силой потер пылающее лицо ладонями и потряс головой, стряхивая напряжение. И опять зашагал по комнате – только медленнее. Но глаза его все так же сверкали.

– Почему – я? Разве я судья этому миру? Я – человек из Холломана. Разве Холломан – центр мира? Нет, это всего лишь один из тысячи старых промышленных городов, ставших захолустным. Он еще хранит тепло жилья, но уже ждет гибели – под натиском сначала бульдозеров, потом –

лесов. Принято считать, что у нас есть еще в запасе несколько веков, прежде чем ледники заявятся сюда. Времени как раз хватит, чтобы развалины поросли лесом...

Но когда-то... когда-то Холломан обростал плотью – пишущими машинками и подъемными кранами, скальпелями и клавишами, он строился, учился говорить, обретал знания. Он появился из хаоса и превратил хаос в музыку... Холломан поторапливал третье тысячелетие и сам подготавливал его. Так может быть, и жертвой, и судьей новой эры должен быть именно человек из Холломана?

Трое плакали.

– Мы с тобой, Джошуа, – мягко сказал Джеймс.

– До самого конца, – добавил Эндрю.

– Да поможет нам Бог, – заключила Мэри.

– Иногда, – сказала Мириам, готовясь ко сну, – мне кажется, что он не человек. Не может он быть человеком.

– Мирри, ты же знаешь его столько лет... Как ты можешь так говорить! – откликнулся Джеймс из постели, прижимая к ногам грелку с горячей водой. – Джошуа – самый человечный из всех, кого я когда-либо знал.

– Ну да... нечеловечески человечен... Он становится страшен. Нынешней зимой что-то в нем переменялось.

– Становится он разве что лучше, – сонно пробормотал Джеймс. – Мама говорит, что он вошел в пору расцвета сил...

– Не знаю, кто пугает меня больше – Джошуа или Мама. Я собираюсь потолковать с Мэри... Храни вас Господь, Джимми! Джимми! Слышишь? Обними меня, мне так холодно...

Марта-Мышка с опаской заглянула на кухню: нет ли там Мама, которая всегда ревниво охраняла свое царство. Каждый вечер Марте приходилось ждать, пока Мама отложит скипетр и державу и удалится на покой. Тогда Мышка, прошмыгнув на кухню, разжигала плиту, чтобы приготовить горячий шоколад, который Эндрю так любил перед сном.

Ей показалось, что большая черная тень на белой стене – это грозная тень Мама, и сердце ее бешено забилося. Но это Марта стояла у плиты, следя за молоком.

– Не прячься, малышка, – нежно сказала Мэри. – Составь мне компанию. Хочешь, сварю для тебя шоколад?

– Нет-нет, не беспокойтесь!

– Ну, труда это не составит – все равно вожусь у плиты. А почему ты не отправила на кухню Эндрю – для разнообразия? Пусть и он что-нибудь сделает для тебя, а то балуешь его, как Мама.

– Нет-нет! Он... Это я сама... Честно!

– Да что ты так всполошилась, милая Мышка? – улыбнулась Мэри, не отрывая взгляда от вспенивающегося молока. Она всыпала в кастрюлю шоколад, перемешала, выключила газ. Мэри знала, что Марта придет, поэтому молоко вскипятила в расчете на троих. – Хорошая ты, Мышка, – сказала она, протягивая Марте поднос с двумя дымящимися чашками. – Слишком хорошая для нас. И для Эндрю тоже. Наш Джошуа когда-нибудь тебя – ам, и съест!

Кроткое личико Марты засветилось при одном упоминании этого волшебного имени:

– Ах, Мэри, разве он не чудо?

– Конечно, – сказала Мэри устало. – Чудо.

Лицо Марты потускнело:

– Меня часто удивляет... – начала она, но мужество ее на этом иссякло, и закончить Марта не смогла.

– Удивляет – что?

– Вы... не любите Джошуа?

Мэри напряглась. Видно было, что ее бьет дрожь:

– Я ненавижу его.

Мама была очень взволнована. Этой зимой Джошуа в чем-то переменился. Стал более оживленным, деятельным, более уверенным в себе и... скрытным? Зрелость! Пробыл его час. Ему тридцать два – как раз тот возраст, когда мужчина или женщина знают, чего хотят и умеют добиться своего. Он очень похож на своего отца, трагически погибшего. О, Джой, почему ты умер так рано? Нет, с Джошуа этого случиться не должно. И не может случиться. Ведь он не только в отца – он и в нее тоже...

Она готовилась ко сну с той же методичностью, с какой занималась всеми домашними делами. Сначала – грелка. Бутылка, доверху наполненная крутым кипятком (что всегда пугало других членов семьи), заворачивалась в сложенное вдвое махровое полотенце. Края полотенца скреплялись булавками. Бутылка занимала свое место в изголовье, примерно на уровне плеч, сверху укладывалась подушка, на нее натягивалось одеяло. В изголовье она держала грелку пять минут, потом передвигала ее на новый участок – и так вдоль всей кровати. Затем она снимала с себя одну за другой многочисленные одежды и натягивала

шерстяную ночную рубашку. Холод отвратительно действовал на ее мочевой пузырь, и больше всего она боялась испачкать постель. Самым трудным было скользнуть под одеяло, одновременно повернув подушку нагретой стороной вверх.

А теперь – тепло, тепло, тепло, ТЕПЛО... Самый сладостный миг: погрузиться в тепло. Можно лежать, ни о чем не думать, наслаждаться ощущением того, как тепло просачивается сквозь кожу и плоть – к самым костям. Уже согревались ступни, обутые в вязаные пинетки, а она еще гладила бутылкой простыни, всюду, куда могла дотянуться, укладывала грелку к себе на грудь и придерживала ее там всю ночь. Утром вода еще оставалась тепловатой и годилась для умывания.

Да, он очень вырос за последнее время, вырос духовно. Он – великий человек, ее первенец. Она еще носила его под сердцем, но уже знала: сколько бы детей ни дал ей Бог, этот – единственный. Джошуа должен выполнить свое предназначение – в этом она видела смысл своей жизни и жизни остальных Кристианов.

После смерти мужа ей пришлось очень тяжело. Не из-за денег: семья Джоя была весьма состоятельна, а ей полагалась часть их доходов. Хуже было сознавать, что она, женщина, не заменит детям отца. Правда, потом она нашла выход – переложила роль отца на Джошуа. Еще мальчиком он вступил в круг мужских забот, но никогда не жаловался. Несомненно, это повлияло на его характер.

В небольшой комнате на втором этаже (он делил этот этаж с матерью и сестрой, оставив самый верхний женатым братьям) готовился ко сну доктор Кристиан. Мать укладывала грелку на середину его кровати, но он всегда отталкивал бутылку подальше, в ноги, и спокойно засыпал, не чувствуя холода, даже в тридцатиградусный мороз, хотя порой по утрам и обнаруживал, что его волосы примерзли к подушке. Пижаму и шерстяные носки он надевал, но ночной колпак – никогда. Спал он так беспокойно, что матери приходилось сшивать постельное белье в некое подобие спального мешка, очень узкого, чтобы сын не раскрывался ночью.

Кто-то должен был воззвать к этим обезумевшим от страха и слез людям, заблудившимся в новом мире, на который возлагалось столько надежд. Кто-то должен был крикнуть им: если вы не можете растить детей и хлеб в этом холоде, если Бог ваших храмов не указывает вам пути, наберитесь смелости и начните поиски нового, собственного Бога. Не тратьте времени на жалобы и проклятья в адрес правительства. Позаботьтесь о будущем, о детях, дайте им мечту и веру. Мечту и веру...

веру... веру...

Глава II

Снежная крупа заметала улицы, пешеходы опасливо пробирались по скользким тротуарам.

Доктор Джудит Карриол предпочла втиснуться в переполненный автобус. Ей пришлось поднять меховой воротник. Щекам стало жарко, зато воротник защищал от господина, дышавшего ей прямо в лицо. Ей пора было выходить, но мужчина и не думал уступить даме дорогу: с невинным выражением лица он шарил рукой по ее телу, надеясь проникнуть под меховое манто. Автобус начал притормаживать. Она изо всех сил наступила каблуком мужчине на ногу. Он сдержался и не крикнул – только отдернул ногу и отодвинулся. Уже от дверей она обернулась и взглянула на него с насмешкой.

И так всегда: ты должна сама отбивать атаки этих распаленных животных. Обращаться к водителю за помощью бессмысленно: он сделает вид, что ничего не заметил. Может, этот хам последует за ней? Джудит с воинственным видом постояла на остановке, но разбитая колымага уже отчалила, погромыхая и поскрипывая. Мужчина зло смотрел из окна, их взгляды встретились. Доктор насмешливо отсалютовала. Пронесло!

Департамент окружающей среды представлял из себя большой, хаотично застроенный, участок земли. У главного входа она заметила небольшую толпу. Чувствовалось, что настроены люди агрессивно. Доктор Карриол прибавила шаг, а потом перешла на бег, хотя это и не шло элегантно одетой даме интеллигентной внешности. В очередной раз пролетарии явились, чтобы призвать к ответу тех, по чьей вине – так им казалось – страна скатилась в ледяную пропасть. Что распяляло их на этот раз, прибавляло им решимости? Наркотики? Оружие? Что-нибудь новенькое? Поди узнай... Хотя как раз в этом и заключалась работа, доверенная доктору Джудит лично Президентом: устранять причины, которые приводили недовольных к этому большому приземистому зданию из белого мрамора.

Вход с Кей-стрит был оснащен кодовым замком, который реагировал на голос. Пароль менялся каждый день. Выбирал пароль высокопоставленный шутник, сам Гарольд Магнус, Секретарь Департамента. Пожалуй, он мог бы найти своим способностям и лучшее применение... Как и все специалисты, она недолюбливала этого выскочку, которого Президент посадил в руководящее кресло по соображениям

исключительно политическим.

Впрочем, делая собственную карьеру, Магнус не препятствовал в этом своим подчиненным; спасибо и на этом.

– Спустишься в пучину морскую, – сказала она в микрофон, встроенный в стену.

Дверь, скрипнув, отворилась. Чепуха, напрасная предосторожность. Все равно нельзя обмануть электронику, помнящую всех сотрудников по голосам. Кому тогда нужен пароль? Разве что самому Гарольду Магнусу ради удовольствия управлять подчиненными, как марионетками, заставлять этих образованных людей, уставясь в стенку, произносить глупости.

Департамент был создан во второй половине прошлого века. Идея принадлежала Аугустусу Роуму, одному из самых выдающихся политиков, который сумел так сплотить народ, что его четырежды избирали Президентом. Руководил он Соединенными Штатами в один из самых трудных периодов их истории, когда Англия вступила в Европейское сообщество, а весь арабский мир пошел за левыми и встал под коммунистические знамена, так что США пришлось присоединиться к Делийскому договору. Одни считали его предателем родины, другие – ее спасителем. Действительно, в последние двадцать лет страны Западного полушария стали искать близости с США. Впрочем, скептики напоминали, что альтернативы у их соседей просто не было...

Здание Департамента было построено в 2012 году. Это было самое мощное из министерств – и единственное, располагавшее значительными энергетическими ресурсами. Его подвалы были набиты компьютерами, и тепло, выделяемое ими во время работы, использовалось для отопления помещений, чему черной завистью завидовали Государственный, Юридический, Финансовый и все прочие департаменты. Да, тут все было продумано: преобладание белого цвета в интерьерах позволяло улучшить освещенность помещений, низкие потолки экономили тепло, абсолютная звукоизоляция успокаивающе действовала на сотрудников.

Сектор № 4 занимала целый этаж вдоль Кей-стрит; здесь же располагался кабинет Секретаря. Чтобы попасть к себе, Карриол пришлось остановиться перед еще одним микрофоном:

– Спуститься в пучину морскую.

Как обычно, вся секция уже трудилась: доктор Карриол предпочитала задерживаться до ночи, поэтому приходила на службу попозже. Встречаясь с ней, сотрудники здоровались почтительно, без намека на фамильярность. Что ж, она – не только ветеран Департамента, но и глава его мозгового центра. Не удивительно, что доктор Джудит пользуется большим влиянием.

Когда-то над ее личным секретарем все потешались. Еще бы: зваться Джон Уэйн, носить имя образцового киногероя, но говорить писклявым детским голоском и не знать, что такое бритва... Впрочем, он пережил свой позор – а заодно и всех насмешников. Теперь он – один из немногих ветеранов Департамента, фигура в некотором роде священная. Секретарем он был великолепным. Хотя собственно секретарские обязанности выполнял, разумеется, редко, – для такой примитивной работы Уэйн и сам имел секретарей.

Проследовав за Джудит в кабинет, Уэйн ждал, пока начальница снимет все свои меха. Эту роскошь она приобрела по случаю предыдущего повышения по службе. На следующей ступеньке карьеры доктор предполагала обзавестись собственным домом. Сняв мантию, Карриол осталась в черном платье, прямом, строгом, без узоров и украшений – она и так выглядела великолепно. Не мило – в том пошлом смысле, который вкладывают в это слово обыватели. Утонченность и особая отстраненность отпугивали от нее даже завязтых сердцеедов. Даже те, до кого она снисходила, назначая им свидания, – даже эти редкие счастливицы бывали наповал сражены ее недостижимостью. Зеленоватые глаза под тяжелыми веками, пухлые, но четко очерченные губы... Она знала, что сочетание бледности и черноты волос придает ей особое очарование, и умела им пользоваться. Тонкие и длинные руки, изящные кисти, тонкие пальцы с коротко стриженными ногтями, не ведающими лака... Нечто паучье. Впрочем, прозвище ей дали другое: Змея. Может быть, из-за тела – длинного, гибкого, почти лишенного выпуклостей. Или из-за характера?

– Итак, еще один день начался, Джон.

– Да, мадам.

– Вы уже договорились о времени?

– Да, мадам. В четыре в конференц-зале.

– Прекрасно. Не хотелось назначать заранее, в последнюю минуту он мог вмешаться и все испортить.

– Этого не случится, мадам. Все это слишком важно. Шеф ему не позволит.

Она села за стол и стала переобуваться, сменив черные ботинки на черные же лодочки на очень высоком каблуке.

– Кофе?

– М-м-м... Неплохо бы. Есть что-нибудь новенькое к предстоящей встрече?

– Пожалуй, нет. С вами собирается поговорить мистер Магнус, но это не новость... Вы рады, что начальная фаза Исследования закончена?

– Конечно. Мы ждали этого пять лет! Конечно, можно было развернуться быстрее, если бы сразу подключить к этому делу вас, Джон. Да, вы – настоящая находка. Найти такого человека в недрах Департамента – все равно, что наткнуться на золотой самородок где-нибудь в глиняном карьере.

Уэйн потупился, слегка порозовел и пулей вылетел из кабинета.

Джудит сняла трубку зеленого телефона:

– Это доктор Карриол. Миссис Тавернер? Пожалуйста, Секретаря.

Их соединили без лишних слов.

– Мистер Магнус?..

– Я хотел бы повидаться с вами, – его голос звучал печально, почти обиженно.

– Господин Секретарь, я знаю, что все еще главенствует мнение, будто бы Исследование – всего лишь гипотеза. Я согласна – пусть те, кто над вами, думают так и дальше, раз не хотят мне помочь. По крайней мере, до тех пор, пока мы не ткнем их носом в результаты. На это понадобится несколько месяцев. И предать сейчас огласке ход работ – значит, все испортить. Вы это понимаете?

Сердце ее бешено колотилось. Глупо, как глупо! Разве можно уговорить Гарольда Магнуса?!

– Бойтесь, что я перебегу вам дорогу? – усмехнулся ее собеседник. – Так сказать, отрясу все яблони, пока вы выбираете одно яблочко получше... А может, так и надо действовать?

– Чепуха!

– Не скажите... Ладно, будем надеяться, что вторая фаза поиска будет продвигаться быстрее первой. Я хотел бы увидеть конечные результаты еще будучи Секретарем... Что ж, не забывайте держать меня в курсе!

– Конечно, – ответила она вежливо и, повесив трубку, улыбнулась.

Когда Джон принес кофе, она задумчиво смотрела на зеленый телефон, покусывая губу.

– Джон, можете пригласить их.

Уэйн ввел тех, кто ожидал в приемной.

– Доктор Абрахам, доктор Хемингуэй, доктор Чейзен – вы готовы?

Они чинно склонили головы.

– Тогда начните вы, доктор Абрахам. Доктор надел очки. Легкая дрожь в руках выдавала его волнение. Он любил Карриол и был счастлив встретиться с ней хотя бы на совещании – на большую близость он и надеяться не смел.

– Когда я начал работу, в моем списке значилось 33368 человек. После всех тестов и проверок остались три кандидата. Каждого я опишу подробно, без комментариев, и перечислю их в том порядке, который кажется мне более справедливым, – по степени их соответствия идеалу.

Он откашлялся и взял со стола первую папку.

Зашелестели бумагами из своих папок и остальные присутствующие.

– Кандидат номер один – маэстро Бенджамин Стайнфельд, американец в четвертом поколении, из польских евреев. 38 лет, женат, имеет сына. Мальчику около 14, учится в школе. Маэстро – образцовый семьянин и прекрасный отец. Женился в девятнадцать, но два года спустя его первая супруга с ним развелась. Едва закончив музыкальную школу Джулларда, стал распорядителем «Праздника зимы» в Таксане, штат Аризона, и взвалил на себя ответственность за организацию целой серии концертов и шоу, которые вот уже три года транслируются по телевидению на всю страну, пользуясь невероятным успехом у зрителей. По воскресеньям, как вы, вероятно, и сами знаете, он ведет телепередачу, посвященную актуальным проблемам. Причем так умело, что ни разу не дал разгореться эмоциям, которые, казалось бы, неизбежны при обсуждении самых больных тем. Его программа по праву считается лучшей в Штатах. Полагаю, вы уже успели познакомиться с материалами, собранными в ходе наблюдений, поэтому можно и не вдаваться в подробности. Характер и способности маэстро Стайнфельда безусловно позволяют говорить о присутствии у него так называемой «искры божьей».

Прочитав короткое введение на первом листе из папки, доктор Карриол стала рассматривать цветную мужскую фотографию. Вполне обычная физиономия. Массивный череп, резко очерченные твердые губы, большие темные глаза, густая шапка светло-каштановых волос, спадающих на высокий лоб. Она отметила: лицо типичного дирижера. Во всяком случае, типичная дирижерская шевелюра: густая и буйная.

– Возражения есть? – спросила она, глядя на Чейзена и Хемингуэй.

– А первый брак, Сэм? Вы выяснили причину разрыва? – спросила Хемингуэй. Кажется, доктор Абрахам возмутился:

– Конечно же! Развод не бросает ни малейшей тени на репутацию маэстро. Просто его прежняя жена неожиданно открыла в себе... склонность к лесбийской любви. Рассказала об этом мужу, Стайнфельд все понял и, что особенно важно, всячески приободрял ее во время ее первых попыток сойтись с женщинами... попыток отчасти мучительных для нее. Да, о разводе же речь зашла лишь тогда, когда маэстро решил снова жениться. И, напомним, предоставил первой супруге возможность самой

подать иск. В противном случае ей нелегко бы пришлось в суде...

– Спасибо, доктор Абрахам. Еще нет возражения? Нет? Прекрасно. Кто же следующий в вашем списке? – спросила Карриол, откладывая фотографию дирижера и открывая другую папку.

– Мэрли Гроссман Шнайдер, американка в восьмом поколении, предки – из немецких евреев. Тридцать семь лет, замужем. Сыну шесть лет, школьник, очень талантливый мальчик. Шнайдер – превосходная мать и супруга. Работает в НАСА – астронавт. Возглавляла космическую миссию Фозбуса – занималась созданием пилотируемых генераторов солнечной энергии на околоземных орбитах. Автор бестселлера «Усмиренное солнце». Кроме того, она – атташе НАСА по связям с общественностью и президент Общества женщин – ученых Америки. Во время учебы в колледже была известна, как феминистка, инициатор акций протеста против употребления слов типа «билетерша», «официантка», «председательница». Если помните, одно время часто цитировали ее высказывание: «Если нация изберет женщину на самый высокий пост, захочет ли нация, чтобы ею правила Президентша – или ей нужен настоящий Президент?» Ее выступления вообще славились выразительностью и остроумием. Она умела увлечь аудиторию. Как ни странно, эта феминистка очаровывала даже мужчин. И как женщина, и как личность.

«Строгое, красивое лицо, – думала доктор Карриол, разглядывая фотографию. – С твердыми складками у рта – признак выдержанности и твердой воли, присущих астронавтам. Но широко раскрытые серые глаза – глаза гениального мыслителя».

– Возражения есть? Никто не откликнулся.

– А третий?

– Персиваль Тейлор Смит, почти стопроцентный американец. Его предки по отцу прибыли сюда в 1683 году, предки матери – в 1671-м, оба рода – из англо-саксов, белые, протестанты. Ему 42 года, женат, дочери около шестнадцати. Как муж и отец – безупречен. Возглавляет Бюро по общественно-социальной регуляции отношений в Палестрине, штат Техас. Заслуги этого человека феноменальны. В Палестрине никто давным-давно не покушался на самоубийство, а в местных психиатрических лечебницах нет сегодня ни одного пациента с расстройствами на почве изменения условий окружающей среды или перемены места жительства. Обаятельная личность, первоклассный оратор, абсолютно преданный своему делу специалист.

Доктор Карриол посмотрела на фотографию. Честное, открытое лицо, улыбающееся, хотя и утомленное. Сфотографирован в момент беседы.

Веснушки на щеках и на носу, трогательно оттопыренные уши, рыжие волосы, голубые глаза, сеть морщинок вокруг рта и глаз – свидетели пережитых горестей и радостей.

– Возражения?

– Палестрина расположена в зоне В, жизнь там более стабильна. Думается, Смиту пришлось легче, чем специалистам из городов зоны С, – сказала доктор Хемингуэй.

– Понятно. Доктор Абрахам?

– Коллега права. Но... Во-первых, даже на фоне зоны В, – показатели Палестины резко выделяются. Во-вторых, методики, разработанные мистером Смитом универсальны.

– Согласна, – поддержала доктор Карреол. – Спасибо всем. И тебе, Сэм. Теперь можно предоставить слово доктору Хемингуэй. Но прежде спрошу еще раз: может ли кто-то из вас привести существенные возражения против кандидатур, предложенных Абрахамом?

Доктор Хемингуэй подалась вперед, и Абрахам нахмурился: настырность этой маленькой дамы начинала выводить его из равновесия.

– Я заметила, что первые два кандидата – евреи. Вы тоже еврей. Да и ваш шеф – еврей. Это как-то повлияло на ваш выбор?

Доктор Абрахам сдержался, только насмешливо присвистнул:

– Какая наблюдательность! Давайте спросим у доктора Карриол, нет ли у нее особого пристрастия к евреям. Ведь из трех руководителей исследовательских групп, которые у нее в подчинении, двое – евреи: я и доктор Чейзен. Двое против одной бедной Милли!

Доктор Карриол рассмеялась. Смягчилась и доктор Хемингуэй.

– Хватит, Сэм. Спасибо за доклад. Теперь твоя очередь, Милли.

Карриол взяла со стола еще три папки.

– Ну, что ж, – начала миниатюрная дама с личиком, похожим на собачью мордочку. Колкость Абрахама не задела ее: Хемингуэй была из тех, кто обязательно усомнится и обязательно выскажет сомнение вслух. – Каждый член нашей группы вел отбор самостоятельно, а потом мы сравнивали результаты. Так что все три кандидата включены в список в результате большего или меньшего совпадения мнений. Под номером первым значится Кэтрин Уокинг Хос. Ее отец – чистокровный индеец сиу, мать – представительница шестого поколения ирландских католиков, переселившихся в Америку. Двадцать семь лет, одинока, детей нет, замужем не была. Бисексуальна. Несомненно, вы слышали или ее саму, или о ней: она известна как исполнительница народных песен. Очень целеустремлена, всегда в приподнятом настроении. Терпима и

оптимистична – здесь у нее самые высокие показатели среди 38 тысяч испытуемых. Ее докторская диссертация по этнологии, вышедшая отдельным изданием, признана выдающимся вкладом в науку. Великолепный оратор, притягательная личность. Она – колдунья. В том смысле, что умеет заговорить публику... Весьма любопытная фигура.

С фотографии смотрела молодая женщина, смуглая, с легкой улыбкой на устах и взглядом ясновидящей.

– Возражения?

– Двадцать семь лет... Слишком молода, – сказал доктор Абрахам. – Ее не стоило даже вносить в список.

– Согласна, – ответила Хемингуэй. – Но компьютер не стер ее имя из своей памяти. Понимаете? Мы несколько раз пытались это сделать, но электронный мозг, похоже, протестовал: данные Хос показали ему ценней сведений о ее возрасте. Почему мы должны считать ее молодость помехой?

– Согласна, – сказала Карриол. – Но ее взгляд... Прежде, чем приступить к более серьезным исследованиям, я хотела бы быть уверенной, что она не употребляет наркотики и психика ее достаточно стабильна. – Она открыла следующую папку. – Итак, ваша вторая находка?

– Марк Гастингс. Американец по меньшей мере в восьмом поколении. Тридцать четыре года, женат, его девятилетний сын – многообещающий спортсмен. Марк заслуживает высшей оценки и как муж, и как отец. Он – защитник «Длиннорогих», команды лиги В, – лучший защитник за всю историю американского футбола и все еще превосходит своих более молодых одноклубников. Другого такого трудяги не найдешь во всем Техасе и Нью-Мексико. Работает с молодежью, создает юношеские клубы, первоклассный оратор, сильная личность. Выполняет обязанности председателя Совета по делам молодежи при Президенте.

«На вид грубоват, – подумала Карриол. – Как обманчивы бывают лица...» Действительно, перед ней был портрет неотесанного простолюдина: приплюснутый нос, массивная челюсть, сросшиеся брови. Какая угроза исходит от него, должно быть, на футбольном поле!.. Но глаза свидетельствовали, что душа этого человека мудра и прекрасна. И, кажется, не чужда поэзии.

– У кого-нибудь есть возражения? Тишина.

– А ваш последний кандидат?

– Вальтер Чарновски, американец в шестом поколении, из поляков. Сорок три, женат, дочери двадцать. Она – студентка-первокурсница в Брауне. Вся группа сошлась на том, что Вальтер заслуживает высочайшей

оценки как муж и отец. Вы, разумеется, знаете, что в 2026 году он получил Нобелевскую премию по физике за исследование генерации солнечной энергии в пространстве. Руководит лабораторией Солнца. Но что еще важнее – возглавляет ассоциацию «Ученые – человечеству», первую и единственную, которая смогла преодолеть расовые, религиозные, национальные и идеологические барьеры и создать по-настоящему интернациональное, активно сотрудничающее сообщество ученых. Полагаю, в нем есть «искра божья». Он говорит на восьми языках, и неплохо, дружелюбен и приятен в общении.

Светло-русые волосы с золотистым отливом, янтарные глаза, округлое лицо с намечающимися морщинками, лишь добавляющими обаяния. Карриол никогда не встречалась с Чарновски лично, но всегда считала его самым привлекательным мужчиной из всех известных общественных деятелей.

Доктор Абрахам холодно заметил:

– Я могу, конечно, и ошибаться, Милли, но мне помнится, что профессор Чарновски был одним из авторов петиции «Католики – за свободу», в которой папу Иннокентия призывали отменить энциклику Бенедикта о контрацепции и контроле за рождаемостью.

– У вас прекрасная память, Сэм. Но я не думала, что мы станем сейчас, накоротке, рассматривать и минусы кандидатур. В тексте нашего отчета вы найдете всю необходимую информацию. Добавлю только, что с 2019 года, когда профессор участвовал в этой акции католиков, ничто в его поведении не давало повода усомниться, что ответ папы Иннокентия он воспринял как должно.

– Такое пятно в биографии трудно оставить незамеченным. Тем более, что дело имеет религиозную подоплеку!

– Моя работа, Сэм, – ответила доктор Хемингуэй, взглядом изничтожая оппонента, – состояла в том, чтобы пропустить через компьютер более тридцати трех тысяч кандидатур и выбрать три наиболее достойные, соответствующие заданным параметрам, – она откинулась на спинку кресла, закрыла глаза и нервно побарабанила пальцами по подлокотнику. – Следовало столько предусмотреть! Во-первых, кандидат должен быть американцем по меньшей мере в четвертом поколении по материнской и отцовской линиям. Во-вторых, он должен был быть не моложе тридцати и не старше сорока пяти. В-третьих, если он женат (или замужем), ему полагалось иметь высший балл за исполнение роли супруга и родителя по десятибалльной шкале, которую разработала доктор Карриол. А если нет – быть либо гомосексуалистом, или лесбиянкой, либо

бисексуалом – как жена Цезаря, например. В-пятых, его деятельность должна быть связана с публичными выступлениями или работой с людьми. В-шестых, эта деятельность должна носить благотворительный характер по отношению к обществу в целом и к каждому человеку в отдельности, да еще при полном бескорыстии. Седьмое: от него ожидали максимальной привлекательности и психической стабильности. Восьмое: кандидатом мог стать только прекрасный оратор. Девятое: по мере возможности – наличие «искры божьей». Наконец, исключалось официальное служение любому из культов.

Она открыла глаза и взглянула на Абрахама:

– Если судить по этому перечню требований, могу уверенно заявить: я со своей задачей справилась.

– Вы оба справились, – сказала Карриол, пододвигая к себе папки. – Мы ведь вовсе не соревнуемся между собой. Хотя поиск и стал проверкой эффективности наших источников информации, компьютерных программ, методик... Пять лет назад, берясь за эту работу, вы, вероятно, удивлялись, что планируется ухлопать столько времени и средств на какие-то пустяки. Но думаю, что уже через пару-тройку месяцев вы уже начали понимать, насколько непросто и важен наш поиск... У кого-нибудь есть возражения по существу доклада Хемингуэй? Нет? Великолепно. Благодарю вас, Милли. И за то, что знаете назубок все критерии отбора – тоже.

Доктор Хемингуэй вздрогнула, но решила промолчать.

– Доктор Чейзен, ваша очередь.

Доктор Чейзен всегда отличался решительностью и убежденностью, что только усугубляло его сходство с огромным напористым бизоном. Аналитик он был от бога, Карриол переменила его к себе несколько лет назад из Департамента здоровья, образования и благосостояния. Его молчание во время обсуждения предыдущих кандидатур не удивило Абрахама и Хемингуэй: они поняли, что Чейзен просто не услышал имен тех, кто заинтересовал его в списках, предложенных исследователям. Теперь же, получив слово, он без сомнения даст коллегам бой. Впрочем, на лице Моше Чейзена они не смогли прочесть разочарования. Аналитик раскрыл первую из приготовленных им папок.

– Я делал отбор по собственному методу. Это, конечно, не так демократично, Милли, как у вас в группе. Зато – эффективно. Итак, первый кандидат – первый с большим отрывом от остальных – доктор Джошуа Кристиан, американец в седьмом поколении. В нем смешались нордическая, кельтская, армянская и русская крови. Тридцать два года, холост, бездетен, женат никогда не был. Компьютеры располагают

исчерпывающей информацией по каждому гражданину нашей страны, тем не менее так и не удалось определить, есть ли у него какие-то предпочтения в области секса. Известно только, что живет он с семьей: мать, сестра, два брата и их жены. Он – глава, можно сказать – отец семейства. Имеет степень доктора философии, полученную в Университете Чабб; там же изучал психологию. Имеет частную клинику в Холломане, штат Коннектикут. Специализируется на «неврозах тысячелетия» – так он это называет. Результаты его методов лечения феноменальны. Он создал нечто вроде... лучшего слова не подберу... да, нечто вроде культа. Усилия своих пациентов он направляет на поиск утешения и исцеления в Боге, пусть даже помимо какого-либо из религиозных учений. Умеет вызвать необычно сильные эмоции, причем – в любой аудитории. Однако главное – что делает его кандидатом номер один (рискну сказать – единственное) удивительная концентрация того, что принято называть «искрой божией». Вы говорили, именно это особенно важно? Тогда лучшего кандидата трудно даже вообразить.

Его слова были встречены гробовым молчанием: доктор Чейзен слишком удивил их своим выбором.

– Я первая выскажу целый ряд возражений, – сказала доктор Карриол. – Никогда не слышала о термине «невроз тысячелетия». Никогда не слышала о докторе Джошуа Кристиане, – Карриол была не только руководителем Сектора № 4 – она еще и считалась одним из ведущих психологов США. – Как вы это объясните?

– Очень просто, мадам. Доктор Кристиан никогда не публиковал своих работ, за исключением докторской, да и то в тезисах. Но я их прочел, прочли и эксперты. Диссертация почти полностью состоит из множества экспериментальных данных: таблицы, графики и очень короткие комментарии к ним. Но эта работа, насколько мне позволяют судить мои познания в соответствующей области, настолько глубока и оригинальна, что стала настольной книгой всех специалистов. Для многих она явилась отправной точкой в их собственных исследованиях.

– Допустим. Но я о нем ничего не знаю!

– И неудивительно. Скорее всего, он просто не стремится быть знаменитым. Он интересуется лишь своей маленькой клиникой. Окружающие относятся к нему одновременно с презрением, насмешкой, удивлением и восхищением. Но работает он очень и очень профессионально.

– Почему же он не пишет? – спросила Хемингуэй.

– Вероятно, ему не нравится это занятие.

– До такой степени, что не может даже размножить материалы своих исследований? В наше-то время, когда это не представляет никакого труда?

– Да.

– Тогда он просто ненормальный, – заметил Абрахам.

– А разве в перечне требований, который так бегло пересказала Милли, сказано, что человек должен быть совершенством в чем-либо помимо семейных отношений? Вы хотите сказать, что у него с головой не в порядке, Сэм?

– Да, а что? – приготовился к обороне Абрахам.

– Джентльмены! – оборвала их Карриол. Она давно вытащила из папки фотографию кандидата, но даже не взглянула на нее, удивленная выбором Чейзена. Теперь она внимательно изучала портрет безвестного психолога. Да, лицо привлекательное. Хотя взгляд, пожалуй, слишком утомленный, даже потерянный. Не красавец: нос, как турецкая сабля... наследство предков-армян? И черное пламя глаз. Лицо, полное аскетической отрешенности, какую встретишь не часто. Интригующее лицо, но... Она пожала плечами.

– А ваш второй кандидат, доктор? Чейзен криво усмехнулся:

– Я же понимаю, что вы задаетесь вопросом: с чьими же мозгами не все в порядке – с мозгами Мойше Чейзена или его компьютера? Успокойтесь. Компьютер тоже исправен. Он выбрал другого кандидата... Сенатор Дэвид Симз Хиллер-седьмой. Комментарии понадобятся?

У всех вырвался вздох. Кто же не знает этого человека?! Вот он, на фотографии – самый обворожительный, самый уважаемый американец, Дэвид Симз Хиллер, сенатор Соединенных Штатов, ему еще только тридцать один, и он слишком молод, чтобы быть Президентом, но можно не сомневаться, что к сорока обязательно станет им. Шесть футов четыре дюйма роста – так что комплекс Наполеона ему не грозит. Прекрасно сложен. Чудесные волнистые волосы, обещающие остаться такими же в старости. Классические, хотя и немиловидные, черты лица. Четкая линия рта, лишённого чувственной припухлости. Глубокие и ясные синие глаза. Строгий взгляд человека умного, решительного, мудрого. Полное отсутствие эгоизма, жестокости, мелочности, упрямства и безразличия к тем, кому не повезло родиться Хиллером. Доктор Карриол отложила снимок.

– Возражения?

– Вы это всерьез, Моше? – спросила Хемингуэй.

– А я бываю несерьезен? Да, у Хиллера-седьмого не обнаружилось ни единого недостатка. Само совершенство!

– Тогда почему вы поставили на первое место какого-то неведомого миру полусумасшедшего психолога из глухомани вроде Холломана, а не лучшего из людей Америки? – голос Абрахама прямо-таки звенел от напряжения.

– Не знаю – почему, – нахмурился Чейзен. – Знаю только, что Джошуа Кристиан – единственный, кто соответствует установленным критериям. По крайней мере, в моем списке претендентов. Я так считаю, и все тут. Прекрасно помню, как пять лет назад ваша уважаемая Джудит, сидя на этом самом месте и давая нам задания, разорялась насчет «искры божией». Она призывала нас использовать самую современную технику и методику, чтобы уловить неуловимое, и утверждала, что в случае успеха мы совершим революцию в науке. Поэтому, закладывая программу в свой компьютер, основным критерием отбора я сделал именно эту «искру Божию». Что она такое? Первоначально этим термином обозначали силу, которую Господь давал своим угодникам, чтобы могли увлекать и поддерживать тех, кого обращают в веру. Однако постепенно понятие так опошлилось, что его стали беззастенчиво применять к эстрадным звездам, светским хлыщам и политикам. Но, хорошо зная Джудит, готов поспорить, что она имела ввиду отнюдь не новомодное значение древних слов. Ей, безусловно, ближе их первоначальное толкование. Она умеет смотреть в корень.

Его слушали внимательно. Даже Карриол, выпрямившись в своем кресле, взирала на Чейзена так, будто видела его впервые.

– С тех пор, как зародилась так называемая «массовая культура», то, как человек говорит, как воплощает свои идеи, стало значить не меньше, чем суть его слов и взглядов. Если Бог помогал некоему человеку написать гениальную книгу, Бог же был обязан позаботиться о том, чтобы автор обратился на телевидение, потому что только после соответствующего сюжета в передаче «Час Мэрлин Фельдман» вся интеллектуальная Америка поймет, что Джо Блю – великий писатель. А как часто кандидат в Президенты набирал очки только потому, что в теледебатах с соперником сумел выставить свою программу в более выгодном свете, чем те, кто появлялся рядом с ним на экране? А задумывались ли вы, чем старый Гус Роум перетянул население страны на свою сторону, лишив сторонников Сенат и Конгресс? Дружеской болтовней с телеэкрана! Он посиживал в студии, и простецки поглядывал в камеру, и излагал кредо так по-свойски, что американцы и не сомневались: этот парень говорит от сердца и обращается ко мне и только ко мне. Гус знал, как, каким словом задеть за интимнейшие струны души человеческой.

Чейзен даже поморщился от собственных слов.

– Вы слышали речи Гитлера? Видели на старых кинолентах его выступления, электризовавшие толпу? Потрясающе! Неказистый, инфантильный человечек, дешевый позер... Многие немцы использовали ту же тактику, что и он, тоже обращались к оскорбленному чувству национального достоинства, и рассчитывали на доверчивых недотеп... Но у них не было способности воодушевить слушателей, которой обладал Гитлер. Пусть он был дьяволом во плоти, но дьяволом, воспламененным пресловутой «искрой божией»! Теперь возьмем его лукавого противника, сэра Уинстона Черчилля. Большинство высказываний, приписываемых ему, дошло до нас либо в публикациях других деятелей, либо в устном пересказе. Немного же осталось в этих цитатах собственно Черчилля... Не удивительно, что мы часто представляем себе его как крайне сентиментального господина, любителя пошлых эффектов. Тем не менее Черчилль всегда знал, что, где и когда сказать. Люди только и ждали, что появится деятель, который подчинит их себе – и Черчилль явился. О, он тоже воодушевлял! Ни Гитлер, ни Черчилль не отличались ни красотой или мужским обаянием. Я даже думаю, что общаться с ними было не слишком приятно. И все-таки оба умели очаровать! «Искра божия» помогала святому Франциску Ассизскому приручать диких зверей и повелевать ими...

Теперь посмотрим на эстрадную звезду Игги-Пигги или известного плейбоя Рейала Дилайса. Есть ли в них «искра божия»? Нет, конечно! Оба весьма сексуальны, милы, обоим поклоняются. И все же, когда ветер времени унесет их жизни, никто даже имен таких не вспомнит. Им не дано силы, которая может объединить вокруг них нацию в переломный момент истории. Что же до сенатора Дэвида Симза Хиллера-седьмого... Компьютер выявил в нем некую «искру» – но, я убежден, вовсе не ту, которую ищет наша Джудит. И только доктор Кристиан действительно тот, кто нам нужен.

– Пожалуй, стоило бы сделать перерыв, чтобы мы могли прийти в себя после вашего сообщения, Моше, – сказала Карриол.

– Но... Познакомьте уж нас и с вашим третьим кандидатом.

Чейзен раскрыл последнюю папку.

– Доминик д'Эсте. Американец в восьмом поколении, на четверть негр. Тридцать шесть лет, женат, двое детей, разрешение на второго ребенка за номером ДХ-42-6-084. Девочке – одиннадцать, мальчику – семь. Говорят, Доминик щедро одарен от природы. Набрал высший балл по шкале Карриол, – Чейзен поклонился ей не без насмешки.

Лицо очень приятное. Негритянское происхождение выдают только форма и блеск глаз да еще выражение лица: любопытство и живость характера свойственны этой расе.

– Доминик д'Эсте – астронавт Лаборатории Солнца, специалист по солнечной инженерии, но сейчас исполняет обязанности мэра Детройта. Фанатик всяких технических новинок, которыми напичкал свой город. Получил Пулитцеровскую премию за книгу «Зимой даже солнце умирает». Состоит в Президентском совете по проблемам выживания городов. Ведет популярную дискуссионную телепередачу «Северный город» в воскресной программе Эй-Би-Си. И считается лучшим в стране оратором. После сенатора Хиллера, разумеется.

– Хотите что-нибудь сказать? – обратилась доктор Карриол к присутствующим.

– Только одно: чересчур красив, – ворчливо заметила Хемингуэй.

Остальные усмехнулись. Чейзен вскинул руки, будто сдаваясь в плен.

– Вы не упомянули об одном обстоятельстве... Мне оно известно, потому что я знаю Доминика лично, – вступил в разговор Абрахам, прежде работавший в НАСА. – Мэр д'Эсте – церковный староста. Компьютер об этом не знает?

– Ну, почему же? Знает. И тем не менее, обдумав все хорошенько, и я, и компьютер решили: степень его участия в делах церкви так невысока, что этим обстоятельством можно пренебречь, – тут Чейзен хмыкнул. – Или исключить Доминика потом... на финальном этапе отбора.

Карриол сложила все папки в сторону и отодвинула их на край стола.

– Благодарю вас и поздравляю с успешным окончанием долгой и напряженной работы. Надеюсь, вы уже вернули все данные по группам испытуемых в Федеральный банк данных о населении и изъяли программы из компьютеров?

Все кивнули.

– Если все же решите оставить программы для дальнейшего использования – зашифруйте их так, чтобы никто, кроме вас и меня, не мог понять, о чем речь. Других бумаг, связанных с нашим поиском, у вас не осталось? Тогда копии ваших докладов я пока оставляю у себя. А сейчас, может, перекусим? Джон, будьте добры, – улыбнулась она секретарю, который все это время не переставая строчил в своем блокноте. Он тут же отложил карандаш и поднялся.

Хемингуэй, извинившись, вышла в другую комнату, остальные сидели молча и расслабившись. Оживились они лишь когда Хемингуэй вернулась, а Уэйн вкатил сервировочный столик с чайником, кофейником, чашками,

кексами и сэндвичами, вином и пивом и стал расставлять все это перед участниками совещания.

– Выходит, я напрасно не сориентировала свою программу на выявление «искры божией», – вернулась к теме разговора Хемингуэй, откусывая от сэндвича с копченой семгой.

– Не слишком ли большое значение придает Моше этому пункту? – задумчиво подхватил доктор Абрахам.

Все трое посмотрели на Карриол, которая, похоже, глубоко задумалась.

– Это было забавно, весьма забавно, – вздохнув, сказал Чейзен. – Надеюсь, Джудит, второй этап поиска будет еще забавней?

Но Карриол и не думала отвечать на дерзкое замечание. Наконец, она отставила чашку, вернулась на свое обычное рабочее место и взяла со стола ручку.

– Я полагаю, вы не совсем ясно себе представляете – точнее, совсем не представляете – на что будет нацелена вторая фаза исследований. До сего дня я и не хотела, чтобы вы об этом знали – это отвлекло бы вас... Кроме того, я не хотела, чтобы коллектив исследователей распался. Но теперь, когда мы переходим ко второму этапу, – она в упор взглянула на Чейзена, – теперь я объявляю, что отныне доктор Чейзен отстраняется от участия в исследованиях. Вы получите новое задание, Моше. И не потому, что я недовольна вашими результатами. Нет, наоборот, – ее голос чуть потеплел. – Вы прекрасно справились с заданием, Моше. Должна признаться – я просто потрясена.

– Только не говорите, что мы, остальные, не оправдали надежд! – личико Хемингуэй жалобно сморщилось.

– Не волнуйтесь, Милли, и вы были на высоте. Не думаю, что результаты вашей работы пропадут из-за ошибки в выборе критерия, сделанной Моше. Без погрешностей на первом этапе не обойтись. Для чего же нам второй этап, как не для того, чтобы избежать любых случайностей? Я рассчитывала на точность и беспристрастность компьютеров, но Чейзен умудрился и их завербовать. Что ж, не исключено, что на втором этапе его кандидаты будут вычеркнуты из списка, ведь, увлекшись поиском «искры божией», исследователь мог недооценить значения остальных девяти критериев...

– Нет! – хрипло воскликнул Чейзен. Карриол улыбнулась, разряжая обстановку.

– И тем не менее: вторая фаза исследований будет вестись так, как планировалось с самого начала. У нас должно быть девять кандидатов – а не только ваша, Моше, троица.

– Может, проверим остальных шестерых по программе Моше? – предложил Абрахам.

– Можно. Но нужно ли? Это значит, во многом положиться на волю случая и... и Моше.

– Я так понимаю, что вторая фаза работ пройдет уже без участия компьютеров? – спросила Хемингуэй.

– Да, вы останетесь один на один с испытуемыми. Предстоит исследовать совершенно аналогичные реакции человека на другого человека в определенной ситуации. Сегодня – первое февраля. Завтра мы приступим ко второму этапу работы. В нашем распоряжении – три месяца. Первого мая предстоит завершить и этот этап.

Ее руки медленно шарили по столу. Неприятное зрелище: они будто жили сами по себе, отдельно от Карриол, и сами выискивали невидимую жертву... или плели невидимую паутину.

– Группы ваши ликвидируются. Можете известить своих подчиненных о завершении исследований. Просто – о завершении. Никакого намека на второй этап работ. Пусть о нем знают только присутствующие здесь. Три месяца Сэм, Милли и я – вместо Моше – будем продолжать индивидуальные исследования с девятью претендентами. По три кандидата на каждого. Сэм займется группой, отобранной Милли, Милли – с кандидатами Сэма. А я – теми, кого предложил Моше. Люди вы опытные, никаких рекомендаций не понадобится. Завтра Джон даст вам возможность познакомиться с досье на ваших подопечных. Ни выносить папки, ни делать выписки нельзя. Придется напрячь память. Хотя, конечно, по мере надобности вы сможете затребовать досье еще раз. Еще раз напоминаю, – в ее голосе появился металл, – на этой стадии работы становятся еще более секретными. Если кто-нибудь из кандидатов догадается, что попал под наблюдение, превратился в объект исследований, нам придется туго. Большинство из них – значительные персоны, а некоторые обладают и немалой властью. Так что придется быть предельно осмотрительными, понимаете?

– Не идиоты же мы! – обиделась Хемингуэй.

– Конечно, Милли, конечно... Но лучше лишний раз напомнить о предосторожности...

Доктор Абрахам, хмурясь, обратился к Карриол:

– Джудит, наши отделы ликвидируются так внезапно... Как я объявлю своим подчиненным, что завтра они остаются без работы? Они наверняка догадаются, что такие масштабные исследования не могут прекратиться просто так... Боюсь, я уже не успею морально подготовить своих людей к

переменам в их жизни.

– Останутся безработными? – вскинула брови Карриол. – Слишком сильно сказано, Сэм! Они – служащие нашего Департамента, таковыми и останутся. Возможно, они будут помогать Моше в его новой работе. Если захотят, конечно. А нет – тогда получают возможность участвовать в других проектах Департамента. Это вас устраивает?

– Меня – вполне. Но хотелось бы все же получить письменное распоряжение о расформировании отдела...

Это не понравилось Карриол. Но она была, как всегда, любезна:

– Как только в Секторе № 4 введут такой порядок – издавать по всякому поводу приказы – я непременно выполню ваше требование.

Абрахам почувствовал, что над его головой собираются грозовые тучи и пошел на попятную:

– Благодарю, Джудит. Извините, если обидел. Это – нервное, поверьте. Проработав пять лет с людьми, всегда стараешься позаботиться о них...

– И все же надо сохранять беспристрастие. Надеюсь, кто-нибудь из ваших сотрудников согласится работать в новой команде Чейзена?

– Что вы! Откровенно говоря, все они были бы счастливы участвовать в этой работе.

– Тогда что же вас беспокоит?

– Ничего, – вздохнул он обреченно. – Ничего.

Доктор Карриол взглянула на него, будто что-то взвешивая, но промолвила лишь:

– Хорошо. Она встала.

– Еще раз благодарю всех вас. Надеюсь, удача не отвернется от вас и впредь. Моше, завтра утром зайдите ко мне. Я уже подобрала для вас интересную работу. Отдел ваш будет расширен. А вы получите шанс блеснуть своими талантами.

Чейзен промолчал. Он знал руководителя Сектора № 4 куда лучше, чем бедняга Сэм. Этой даме лучше не намекать на ее ошибки. Он был разочарован тем, что его отстранили от участия в исследованиях. Каким соблазнительным не оказалось бы новое задание, оно не могло утешить его. И все же он понимал: спорить бесполезно. Коллеги поспешили уйти. В кабинете остались только Карриол и Уэйн. Посмотрев на часы, Джудит вспомнила, что ей предстоит встреча с Магнусом – если тот еще не покинул офис. Уходя, она со вздохом взглянула на исписанный блокнот своего секретаря:

– Джон, бедняжка, придется вам потрудиться, чтобы все это расшифровать!

Уэйн без слов принялся собирать папки с материалами.

Кабинет Секретаря находился этажом ниже. Это просторное помещение при необходимости использовалось и как конференц-зал. Большая приемная уже опустела – было около шести часов вечера. Но секретарь Магнуса еще сидела в своем кабинете. Сотрудников Департамента занимал вопрос: чем занята Хелен Тавернер по вечерам. Казалось, что вся жизнь ее состоит только из занятий танцами и каторжного труда на Гарольда Магнуса. С социальным ее положением тоже ясности не было. Одни утверждали, что она разведена, другие – что овдовела, а кое-кто и вовсе считал, что никакой миссис Тавернер попросту нет на белом свете.

– Добрый вечер, доктор Карриол. Рада вас видеть. Заходите. Он вас ждет. Принести кофе?

– Да, пожалуйста, миссис Тавернер.

Гарольд Магнус сидел за необъятным столом орехового дерева: именно такой он велел найти для своего кабинета. Большое кожаное кресло было развернуто к окну, через которое можно было наблюдать за пустынной Кей-стрит.

Но, едва скрипнула дверь, Магнус развернулся лицом к Кариолл.

– Ну, как, – спросил он нетерпеливо.

– Минутку, сейчас миссис Тавернер принесет кофе.

Он сдвинул брови:

– Черт побери, какой может быть кофе, когда речь идет о таких важных вещах?!

– Это вы сейчас так говорите. А через пару минут обязательно захотите подкрепиться, – она ответила без женской снисходительности к мужскому желанию постоянно демонстрировать свою силу. Она просто констатировала факт. Сила была как раз на ее стороне – сила профессионала, судьба которого мало зависит от политической ситуации.

Она уселась в широкое кресло возле стола.

– Сами знаете, впервые встретившись с вами, я совершил непростительную ошибку, – он любил начинать разговор внезапно, с резкой фразы, не давая собеседнику собраться с мыслями.

Впрочем, доктор Карриол хорошо знала эту тактику. И научилась ей противостоять.

– Какую же?

– Пытался узнать, кто вам покровительствует.

– Как старомодно!

– Чепуха! Времена меняются, но оба мы знаем, что женщина, если

хочет добиться положения в обществе, должна пройти через энное количество чужих постелей.

– Смотря какая женщина.

– Допустим. Но я полагал, что вы – из этих самых.

– Почему же?

– Отчасти – из-за вашей внешности. О, есть множество хорошеньких особей, которые умудряются избежать этой участи. Но вы-то – не хорошенькая, нет. Вы – очень эффектная и обаятельная. Я же на своем опыте – поверьте, немало, – убедился, что именно такие, как вы, успешно идут по рукам... и по служебной лестнице.

– Но теперь вы свое мнение изменили?

– Конечно, после одного коротенького разговора с вами.

Она устроилась в кресле поудобнее.

– А почему вы решили рассказать мне об этом?

Он ответил ей насмешливым взглядом.

– А, понятно: чтобы указать мне мое место.

– Может, и так.

– В этом нет необходимости. Я свое место знаю.

– Вот и чудесно.

Вошла миссис Тавернер с кофе и двумя графинчиками: коньяк и неразбавленный шотландский виски – настоящая редкость в последние годы.

– Благодарю, – он налил себе кофе и кивнул: – Наливайте сами, доктор Карриол.

Магнус был человек полный, но не тучный, скорее – дюжий. Толстые губы, густые брови, в светлых, цвета соломы, волосах, несмотря на возраст, ни проседи, ни проплешины. Голос, богатый обертонами, которые он мастерски использовал в разговоре. До того, как Тибор Ричи выдвинул его на один из самых важных постов в государстве, Магнус был известным адвокатом, специализировался на делах, связанных с экологическими авариями. Причем с одинаковым рвением защищал и тех, кто загрязняет окружающую среду, и тех, кто выступает в ее защиту, и стал непопулярен во многих кругах. Постепенно он выправил свое положение и завоевал сторонников даже в лагере оппозиции – может быть, потому, что не старался подчеркнуть свою близость к Президенту. Хотя вся его деятельность в Департаменте направлена была на то, чтобы поддержать политику Ричи. Если бы Магнус не развлекался вдобавок изобретением дурацких кодов и паролей, подчиненные, вероятно, назвали бы его лучшим из руководителей за недолгую историю Департамента. Он сидел в этом

кресле уже семь лет – с того самого времени, как Тибор Ричи был избран президентом США, и, судя по всему, расстанется с высоким постом не раньше, чем Ричи выедет из Белого дома. Между тем, поправка к Конституции, принятая во времена Аугусто Роума, все еще действовала и не оставляла оппозиции надежд на победу на выборах, намеченных на ноябрь. Следовательно, Магнусу предстояло править Департаментом еще не меньше пяти лет.

Доктор Карриол тоже налила себе кофе. Магнус наблюдал за ней без симпатии. Да, он уважал эту женщину, но она не нравилась ему. Впрочем, ему вообще не нравились женщины: он достаточно натерпелся сначала от матери, а потом и от жены. Прелести секса мало занимали его, он предпочитал хороший стол и выпивку. И упорствовал в своем заблуждении, что такой образ жизни не в пример полезней для здоровья.

Джудит Карриол... Непререкаемый авторитет. Наиболее заметная фигура в Департаменте. Когда пять лет назад она явилась к нему с детально разработанным и серьезно аргументированным планом Исследований (именно так – с прописной!), он без колебаний дал добро. И все равно она вызывала у Магнуса раздражение, почти отвращение. Такая великолепная, такая холодная, такая омерзительно работоспособная – она нарушала его стройную теорию О Презренной Женщине. Господи, как он уставал от общения с ней!

Во всяком случае, так он себя убеждал.

Хотя, честно говоря, поначалу проект Карриол привел его в замешательство. Но он шал, что в Вашингтоне очень интересуются, какие настроения царят в народе. Ни один президент не сталкивался еще с такой степенью разложения нации, даже предшественник Тибора Ричи – Нобелевский лауреат Роум. Старику Роуму удавалось поддерживать единство нации своим обаянием, его преемник в этом был не так силен... Ради подстраховки Магнус познакомил Президента с проектом, предложенным Джудит. Может, энергии Ричи и не хватало, но в дальновидности его сомневаться не приходилось: он дал указание немедленно приступить к делу.

Джудит знала, как Магнус относится к ней: скрывать свои чувства шеф не умел. Но такой начальник ее вполне устраивал: Оба умели стоять на своем, зато и понимали друг друга с полуслова.

– Хиллер, конечно, – сказал Магнус уверенно.

– Да. И еще восемь человек.

– Нам нужен Хиллер.

– Вот что, сэр: если бы сенатор Хиллер был единственным возможным

кандидатом, не стоило бы тратить столько времени и денег. Думаете, мы просидели по пять лет только для того, чтобы Хиллер за это время возмужал и подошел к нужному возрасту? Нам пришлось здорово потрудиться. Не бывает задачи сложнее – отыскать человека, достойного стать Богом. Даже сравнить не с чем.

– Хиллер, – упрямо повторил Генеральный.

– Мистер Магнус, чтобы вычислить Хиллера, достаточно было бы проанализировать только политических деятелей. А не перелопачивать такую массу данных.

Он понял, что лучше перевести разговор на другую тему.

– Как насчет второй фазы работ?

– Начинается. Я назначила Хемингуэй, Абрахама и... себя. Я заменю Чейзена и поработаю с отобранными им кандидатами.

– И что же стряслось с вашим любимчиком Чейзеном?

– Ничего. Он был в ударе. Но на следующем этапе, боюсь, станет только мешать. Индивидуальная работа – не его конек. Для Чейзена найдется дело: пусть откорректирует методику миграции населения.

– Черт побери! Лишь бы чем-нибудь его занять?

– Допустим. Я разрешила ему сохранить его отдел, да еще передала в его распоряжение людей из группы Хемингуэй и Абрахама. Было бы глупо, обучив людей настоящей работе, бросить их на какие-нибудь никчемные подсчеты расходов и доходов от использования вертолетов для подкормки оленей в Национальном парке... А миграция – подходящая тема, чтобы занять Моше и еще восемнадцать специалистов до самой пенсии.

– Вижу, вы не очень-то верите в отдачу наших программ.

– Я реалистка, сэр.

– Итак, на второй стадии работ будут заняты лишь трое.

– Чем уже круг посвященных, тем лучше. Мы да Джон Уйэн. А там, где Уйэн – там и кавалерия Соединенных Штатов не нужна, – усмехнулась она, вспомнив популярные боевики прошлого.

– Что мне передать Президенту?

– Ну, что мы перешли ко второму этапу Исследований в намеченные сроки. И что первый этап оправдал ожидания.

– Нет, это немыслимо! Он ждет более подробного отчета, Джудит!

Она вздохнула:

– Хорошо. Тогда скажите ему, что сенатор Хиллер, как и предсказывалось, вошел в девятку претендентов, и что из девяти кандидатов семь – мужчины. У одного из кандидатов – двое детей. По разрешению Бюро, конечно. Только двое не обзавелись парой – мужчина и

женщина. Трое из девяти связаны с НАСА и, в частности, с Лабораторией Солнца: свидетельство того, сколь значительны успехи астронавтики и какой надежный там персонал. И еще сообщите, что ни одна из кандидатур не встретила серьезных возражений.

– А помимо Хиллера есть еще именитые люди?

– Могу сказать только, что семеро из девяти весьма популярны, в том числе обе женщины. Двое мужчин широкой публике неизвестны.

– И у кого выше шансы?

– Сложно сказать. Я специально отстранилась от отбора в финальную группу. Даже не знаю, кто в список не попал. Я предпочитаю сосредоточиться на конечной цели Исследования.

Он кивнул и развернулся к окну.

– Благодарю вас, доктор Карриол. Жду дальнейших отчетов, – проговорил он, обращаясь к своему отражению в тройном стекле, отгораживающем шефа Департамента окружающей среды от окружающей среды – жестокой и холодной.

После разговора с Магнусом Джудит не сразу отправилась домой. Сектор № 4 опустел, и только Джон Уэйн встретил ее за своим столом. Милый Джон!.. Тот, кто хочет, чтобы его сын был непоколебим, как крепостная стена, – пусть назовет его Джоном. Имя многое значит. Карриол верила в особое значение имен. Все женщины, которых зовут Памелами, – сексуальны. Джоны – надежны, как крепостная стена. Мэри – близки к земле. А Джошуа Кристиан?

Маленький сейф, встроенный в тумбу ее стола, был плотно забит папками с досье. Она достала их и разложила перед собой. Сколько копий можно оставить? Сколько нужно уничтожить? Уэйн вошел как раз в тот момент, когда доктор Карриол взялась за папку с надписью «Джошуа Кристиан».

– Садись, Джон. Что ты обо всем этом думаешь?

Весь Сектор № 4 сгорал от любопытства, гадая, чем занимаются наедине их начальница и ее странный секретарь. О них судачили, за ними пытались подглядывать. Однако наедине с Карриол он, хоть и не становился вполне мужчиной, но выглядел гораздо менее бесполом. Только он и она знали, что Джон – единственный, кто, помимо начальницы, имеет доступ к сверхсекретной информации. Даже к такой, которая недоступна самому Гарольду Магнусу.

– Я думаю, что все идет хорошо, ответил Уэйн. – Сюрпризов не так много. Лишь одна кандидатура по-настоящему неожиданна. Если

подождете, я представлю отчет.

– Ты уже близок к завершению?

– В общих чертах.

– Спасибо. Пожалуй, не стоит. Я достаточно хорошо помню все, о чем говорилось. Хватит для начала.

Она закрыла глаза, помассировала их кончиками пальцев, затем неожиданно отдернула руки и в упор взглянула на Джона. Это был один из излюбленных приемов Джудит. Очень действенный прием, только не против Джона. Да она и не пыталась его подловить. Просто неискоренимая привычка...

– Старина Чейзен всех переплюнул, правда? Я всегда знала, что Сильвия ему не пара.

– Да, он – молодчина, – согласился Джон. – Соберетесь перебросить его на проблему миграции?

– Да.

– И посмотреть его кандидатов?

– Не доверила бы никому другому, – она не удержалась и зевнула, прикрыв рот ладонью. – Я так устала... Не принесешь чашечку кофе? Не хочу хлебать какую-нибудь бурду в какой-нибудь кафешке. Лучше здесь задержусь.

– Прикажете подать ужин?

– Ну, это слишком хлопотно. Если что-нибудь осталось после совещания, тогда принеси, пожалуйста.

– Кого первого разложите на молекулы, мадам?

Даже наедине Джон никогда не обращался к ней по имени, да она и не поощряла его и не сподвигала его к этому.

– Что за вопрос? Кто, как не сенатор Хиллер?! Он ведь здесь, в Вашингтоне, – она поежилась. – Бр-р-р! Неужели ты думаешь, что я отравлюсь в Коннектикут и Мичиган к тем двоим, да еще зимой?

Джон криво усмехнулся. Зубы у него были прекрасные, голливудского образца, но широкой улыбки от него еще никто не добился.

– Все равно что Аляска.

– Не совсем, – пожала она плечами. – Пока еще нет...

Она оставалась в офисе, пока не стемнело. Зато теперь она знала содержание всех досье, могла расположить имена и лица по ранжиру, выделив плюсы и минусы каждого. Двух кандидатов она уже отбросила, уверенная в том, что они не пригодятся Тибору Ричи.

Но доктора Джошуа Кристиана не было среди тех, кого она

недрогнувшей рукой вычеркнула из списка. И не только в силу его заслуг. «Неврозы тысячелетия» – это, конечно, интересно. Но еще больше заинтересовало ее имя этого человека.

Однако работать с ним, судя по всему, будет нелегко. Диссидент от науки, изгой среди коллег. Практика его невелика – значит, и кругозор узок. Кроме того, не страдает ли он Эдиповым комплексом? В свои тридцать все еще живет с мамочкой и явно не искал даже близости ни с женщинами, ни с мужчинами. Как и большинство ее современников, доктор считала добровольное воздержание куда более трудно объяснимым, нежели любые сексуальные отклонения. Себя Джудит понимала: она была фригидна. Кристиан не похож на человека с холодной кровью. Тогда что за сила помогает ему сдерживать природные инстинкты?

Нагрянуть к нему в клинику, вторгнуться в его жизнь, оглушить потоком информации? Не выйдет, изучая досье, она поймала себя на ощущении, будто это он наблюдает за ней – с недоверием и тревогой. Представиться ему: «Я из Вашингтона»? Наверняка его только отпугнет упоминание о столице: вместилище власти и бюрократического аппарата. Не поможет и посредничество ее знакомых в Чаббе: он не приедет, это ясно. Нужно, чтобы их встреча произошла естественно, как бы сама собой.

Пора было уходить: выйти через центральный подъезд и принять очередную порцию мучений в каком-нибудь жутком троллейбусе. Каждый вечер она уговаривала себя потерпеть. Еще несколько дней – и ее включат в число немногих счастливиц, которым разрешено приезжать в Департамент и уезжать на машине. Для большинства смертных такая роскошь бывала доступна только во время отпуска, четыре недели в году. Весьма благоразумное и дальновидное установление: об отпуске люди вспоминали как о самом счастливом, самом светлом моменте жизни. Воистину, нынешнее правительство – самое благоразумное и дальновидное в истории страны. Вот только положение страны все бедственней. Потому Америке и понадобились Исследования.

Доктор Карриол жила в Джорджтауне. Очаровательное местечко! Еще до наступления невыносимых холодов она утеплила свой домик из красного кирпича. Пришлось заколотить досками окна, хотя она так любила смотреть на улицу с ровными рядами деревьев и домами старинной постройки.

Два года назад все свободные деньги – да и те, что только планировала заработать с повышением жалованья – она вложила в покупку дома. И до сих пор сидела бы по уши в долгах, если бы не эта рискованная затея с Исследованиями. Выросла идея из азов профессии, а перспективу сулила и

Джудит, и всей стране. Возьми Гарольд Магнус дело в свои руки – оно не принесло бы Джудит таких выгод. Но пока ей удавалось так распоряжаться ходом работ, что сам Магнус уже ни за что не смог бы разобраться во всех тонкостях.

Постоянного мужчины в ее жизни не было. Лишь случайные свидания, в которых она искала скорее общения. Потребности в сексе она не испытывала и, если уступала домогательствам, то без интереса: ни отвращения, ни радости, ни привязанности. Вашингтон – идеальный город для вечных любовниц, но неподходящее место для поисков мужа. Да и вряд ли ей кто-либо подошел бы. Замужество отняло бы слишком много сил и энергии, которые нужны ей для работы. Даже постоянный любовник только раздражал бы ее.

Было холодно. Она переоделась в теплый велюровый костюм, натянула толстые шерстяные носки и вязанные тапочки. Пока тушила консервированное мясо с картошкой – грела руки над газовой плитой. За ужином окончательно согрелась. И – спать. Даже если близился восход, она обязательно ложилась спать.

Глава III

В конце января город окутывался туманом и тайной. Двое могли пройти в метре друг от друга, друг друга не заметив. Следы на снегу свивались в замысловатую вязь, складывались в бессмысленный шифр. Вздохи восторга и предсмертные вздохи парили над землей, как облачка влажного дыхания. Туман оседал на тротуары устало, бессмысленно, будто под тяжестью отлетевших и слившихся с ним человеческих душ. Умирали многие.

Одним из тех, кто умер в эти дни, был Гарри Бартоломью. Его застрелили. Он был беден и постоянно страдал от холода. Может, он хуже переносил холод, чем другие. Или просто был слабее. Если бы ему дали возможность выбрать, он отправился бы в Каролину или в Техас, но его жена не могла бросить свою матушку, а та не желала уезжать из Коннектикута. «Янки не должны жить южнее линии Мейсона – Диксона. Так повелось со времен Гражданской войны» – твердила старуха. Он не работал уже с конца ноября и получил бы работу не раньше 1 апреля, Дня Дураков, а приходилось остаться здесь, в холоде. Сварливая, противная старуха, приходилось делиться с ней драгоценными крохами тепла. Ничего не поделаешь: у старухи водились деньжата.

А в результате Гарри сделался преступником: он жег дрова.

Печью Бартоломью обзавелись еще несколько десятилетий назад, когда все без опаски и без сомнения вырубали и жгли леса. Потом власти – сначала федеральные, а затем и местные – наложили запрет. Во-первых, леса быстро редели и исчезали. А во-вторых, холодный влажный воздух так насыщался углекислотой, что превращался в смог, густой, как кисель. Холодный кисель лип к коже, студил кровь в жилах, и люди топили печи все больше и больше, и туман становился все гуще и гуще...

Сначала топить печи запретили в городах и пригородах. Гарри жил в сельской глубинке, в краю холмов и лесов. Уже тогда древесина шла лишь на изготовление бумаги и на строительство. Расход нефти тоже был сведен до минимума, шире пользовались газом. Постепенно новые и новые области объявляли «бездымными». Дрова еще жгли, но все меньше: слишком досаждали защитники природы. Нарушителей беспощадно штрафовали, а то вовсе лишали имущества. И все-таки Гарри продолжал топить печь. Дрожа, прячась – но топил, не в силах расстаться с привычкой.

Теперь туманы окутывали землю уже не всю зиму напролет, как

бывало до запрета на печи. И все-таки электростанции и заводы выбрасывали в атмосферу еще много углекислого газа, и порой смог снова сгустился. Для таких, как Гарри Бартоломью, смог был прямо-таки подарком: его тактика умыкания дров была рассчитана именно на такую погоду.

Низкая каменная ограда отделяла участок Гарри от соседнего, которым владела семья Маркусов. Участок Эдди Маркуса был куда больше и весь зарос деревьями: Эдди свои земли не распахивал. Пока вырубку деревьев не запретили, рощи сильно поредели, но потом злоумышленники стали обходить стороной владения главы местного «Комитета бдительности» (Эдди, как и его отец, был активистом движения зеленых). Только не Гарри.

Там, на границе участков, он припрятывал в дыру в стене моток веревки. Там веревка и хранилась до поры до времени. А когда опускались туманы, Гарри пробирался к стене, надежно привязывал веревку и, держа ее свободный конец, крался в рощу. Для скорости он обычно пользовался электропилой, а не топором или ножовкой. Все равно до дома Маркусов было далеко, да и туман приглушал звук пилы. А если Эдди все же что-нибудь услышит, можно быстро унести ноги, – дорогу к забору укажет веревка. К тому же он поставил на пилу глушитель, да еще обматывал ее одеялом. Хороший механик, Гарри всегда имел при себе запчасти и в случае чего быстро отремонтировал бы свое орудие.

Пять лет он безнаказанно пилил деревья на участке соседа. Конечно, Эдди, пусть с опозданием, но обнаруживал пропажу, однако винил в этом другого соседа, с которым был в ссоре вот уже почти два десятилетия. Гарри с удовольствием следил за их все разгорающейся враждой, которая позволяла ему безнаказанно обворовывать Маркуса.

К концу января 2032 года с крыш закапало. Капель обещала раннюю весну, а с нею и спасительные туманы, которых с таким нетерпением ждал Гарри.

Он уходил все глубже и глубже в чащу, разматывая веревку и завязывая на ней узелки, чтобы приблизительно отметить расстояние. Но на этот раз отработанный метод дал осечку: Гарри подошел слишком близко к дому Марков, и Эдди даже через забитые окна слышал звуки пилы.

Эдди схватил старенький карабин и выскочил за порог...

Потом, на суде, Маркус утверждал, что хотел только задержать вора. Он был немногословен, дескать, крикнул невидимке, чтобы оставался на месте, если не хочет, чтобы его подстрелили; потом вроде бы слышал слева от себя осторожные шаги; поднял ружье и...

Гарри был сражен наповал.

Этот случай вызвал много кривотолков в округе, а потом стал известен и на всю страну. Адвокаты, выступавшие на процессе, были великолепными ораторами и искушенными законниками да еще и старыми соперниками. Судья славился остроумием. В присяжные попали самые консервативные янки – из тех, кто упорно отказывался зимой уезжать туда, где теплее. Зал суда заполнили люди, безвыездно жившие в Коннектикуте, страдавшие от холода и упорно не понимавшие, почему правительство не разрешает им погреться у печей.

– Хочу побывать на судебном заседании по делу Маркуса, – сказал доктор Кристиан в один из последних февральских дней за традиционным семейным кофе.

– Джошуа, на улице так холодно, а суд так далеко, – беспокоилась Мама, не любившая, когда он отлучается из дому, особенно зимой: она не могла забыть о несчастии с Джоном.

– Мелочи, – бросил Джошуа. Он понимал, что волнует Маму, но решил пойти в суд во что бы то ни стало.

– Я должен быть там, Мама. Да, на дворе холодно, но уже слышна капель – значит, зима к концу. Не думаю, чтобы я попал в пургу.

– Там, в Хатфорде, минимум на десять градусов холоднее, чем у нас в Холломане, – настаивала она.

Он вздохнул:

– Мама, мне необходимо пойти. Такого накала страстей не было давно. Этот случай всколыхнул людей, вынес на поверхность горести и обиды, которые они таили в глубине души. Не забудь: это дело об убийстве. Значит, оно напрямую связано с «неврозами тысячелетия».

– Хотел бы я пойти с тобой, – задумчиво проговорил Джеймс.

– Почему бы и нет?

– Остановить клинику? Нет уж, Джошуа, иди один. Потом расскажешь...

– Собираешься поговорить с Маркусом? – спросил Эндрю.

– Конечно. Если разрешат. И если он захочет. Хотя... Он захочет, я уверен: сейчас он готов ухватиться за любую соломинку, лишь бы выбраться из передраги, в которую попал.

– Ему предъявят обвинение в убийстве, – сказала Мириам. – И наверняка признают виновным.

– Скорее всего. Хотя все зависит от того, как суд истолкует мотивы его действий.

– А как думаешь ты, Джош? Он убил преднамеренно?

– Трудно сказать, не видел человека. Во всяком случае, многие в этом убеждены. Да Маркус и сам признал, что целился из ружья, точно зная, что на мушке – человек. Но я, честно говоря, не знаю. Не уверен, что человек вроде Маркуса может жаждать чьей-то смерти. Конечно, выскочив из дома, он был зол. И – одинок. Один, в тумане... Туман обостряет чувство заброшенности, ощущение тревоги. Нет, я не знаю, Мирри.

– Если не хочешь брать с собой Джеймса, возьми хотя бы меня, – сказала Мэри.

– Нет, я пойду один.

Никому из Кристианов и в голову не приходило, что в мечтах она то и дело уезжает из этого дома, уносится далеко-далеко туда, где потребуются неистраченная ею способность любить, где нет семейной тирании. Прояви она побольше настойчивости, захлопай радостно в ладоши, как ребенок, которому обещана прогулка, – конечно же, Джошуа взял бы ее с собой. Она же, натолкнувшись на отказ, замолчала и ушла в себя. Пусть, пусть! Вокруг нее тупые, бесчувственные люди, совсем не думающие о Мэри. Бог с ними. Она освободится от них, обязательно освободится.

Автобус тащился долго: водителю то и дело приходилось сворачивать на обочину, чтобы высадить пассажиров, а обочины давно не чистились и заросли сугробами: сил хватало только-только на то, чтобы поддерживать порядок на магистралях между крупными городами да на городских мостовых.

Начнись слушание дела на неделю раньше, дорога была бы в более приличном состоянии. Но оттепель оказалась недолгой: пошел снег, подморозило. Снегопад застал их в Миддлауне и сопровождал до самого Хатфорда. Это тоже не прибавило автобусу скорости. Джошуа удалось снять номер в мотеле неподалеку от суда. Как и в большинстве гостиниц, здесь едва-едва топили и в номерах ртуть термометра поднималась не выше семнадцати градусов, да и то с шести утра до десяти вечера; зато столовую украшал электрический камин с фальшивым поленом. Спустившись в столовую, Кристиан удивился, что здесь таклюдно, и тут же догадался, что все эти люди приехали в Хатфорд, как и он, из-за суда над Маркусом. Это могли быть журналисты. Он узнал Бенджамина Стайнфельда: маэстро одиноко ужинал за столиком в углу. За другим сидел мэр Детройта Доминик д'Эсте, рядом с ним – бледнокожая брюнетка, лицо которой показалось ему вроде бы знакомым. Идя через зал, он оглянулся на нее. Удивительно: женщина ответила ему приветливой улыбкой и легким поклоном, в которых угадывались готовность и желание познакомиться.

Нет, это не ведущая какой-нибудь популярной телепрограммы. Но где-то он ее видел. Вот только где?

Он сел за столик по соседству с д'Эсте и его спутницей. Официантка, явно уже уставшая, с горестной миной подала Кристиану меню. Доктор Кристиан улыбнулся – и лицо ее озарилось радостью. «Какая все же сила заключена в человеческой улыбке! – подумал он. – Но почему тогда, используя улыбку и смех, чтобы исцелить человека, рискуешь навлечь на себя презрение высокоученых психотерапевтов?»

Выбор блюд в мотеле оказался неплох. Как ни странно, доктор Кристиан, остававшийся равнодушный к кулинарным шедеврам Мамы, за пределами родного дома делался почти гастрономом. Особенно в деловой поездке. Все с той же улыбкой он заказал похлебку по-новоанглийски, жареного цыпленка и салат по-русски.

Маэстро Стайнфельд уже пробирался к выходу, на прощание раскланиваясь со знакомыми, но остановился у стола детройского мэра. Мэр представил ему свою спутницу, и маэстро склонился к ее руке. При этом волосы упали ему на глаза. Выглядело это несколько театрально. Особенно когда он резко вскинул голову и роскошная грива вернулась в исходное положение, будто прическа конструировалась искусными парикмахерами специально ради таких впечатляющих дивертисментов. Доктор Кристиан краешком глаза наблюдал за соседями и посмеивался про себя. Принесли похлебку, и он сосредоточился на дымящейся тарелке. От десерта доктор отказался: и без того сытно и вкусно.

– Пожалуйста, только кофе и двойной коньяк, – попросил он и кивнул на заполненные столики. – Многовато сегодня народу у вас.

– Это все из-за Маркуса, – охотно откликнулась официантка.

Хозяйка была безусловно права, когда шепнула, что ей выпало обслуживать самого приятного из постояльцев. Маэстро Стайнфельд был великолепен, но слишком недоступен; мэр д'Эсте напоминал статуэтку – красивую, но неживую; и только этот господин был просто милым человеком. Его улыбка свидетельствовала, что он находит девушку приятной и привлекательной, но на уме у него нет ничего эдакого...

– Им даже меня пришлось кликнуть на помощь, – продолжала она. – Обычно-то я по вторникам выходная.

«Девочка из глуши, – решил доктор. – Этакая простодушная пастушка...»

– Надо же – столько внимания какому-то процессу, – поддержал он разговор.

– Про это напечатают во всех газетах! – заявила она торжественно. –

Бедняга! Ему и нужно было всего-то несколько поленьев...

– Но он преступил закон, – в его голосе официантка не услышала осуждения.

– У закона-то сердца нету, мистер.

– Да, это верно. – Он взглянул на ее левую руку. – Вижу, вы замужем. Но работаете?

– Деньги нужны всем, мистер.

– А дети есть? – спросил он, поскольку большинство женщин, имеющих детей, продолжали, как правило, работать.

– Нет. Джонни, мой муж, говорит, что надо погодить. Вот переберемся на юг...

– Что ж, он прав. И когда вы туда собираетесь?

Она вздохнула:

– Не знаю, мистер. Видите ли, Джонни сначала должен подыскать там работу да жилье... Но мы уже подали заявление. Остается ждать.

– А Джонни – он по профессии кто?

– Сантехник. Кристиан рассмеялся:

– Тогда волноваться нечего, ему работа всюду найдется! Машины где только не заменили человека, а вот в канализационных трубах до сих пор мало что смыслят.

Она расцвела в ответ. И долго еще потом рассказывала родным и знакомым, какого милого человека довелось ей встретить однажды в столовой мотеля.

Кофе был великолепен, как, впрочем, и коньяк, и доктор Кристиан повторил заказ. Давно он не испытывал такого удовольствия от обеда – и, соответственно, столь сильного желания увенчать это пиршество доброй сигаретой. Однако курить в зале было запрещено, выходить же на улицу не улыбалось: не лето... Что ж, он вне дома, вне клиники – и это уже само по себе роскошь. На всевозможные симпозиумы он отправлялся нечасто: мало приятного оказаться среди коллег, которые смотрят на тебя пренебрежительно.

Он оставил щедрые чаевые и медленно пошел к выходу, не забыв, впрочем, еще раз взглянуть на брюнетку. Нет, он точно уже встречал ее где-то!

Соседка мэра д'Эсте – доктор Джудит Карриол – размышляла о только что нечаянно подслушанном ею разговоре. Как разговаривал с официанткой этот Кристиан! Обычный набор любезностей – но он умудрился вернуть словам их истинный смысл, и официантка переменилась на глазах. Искра божия? То самое, о чем толковал Моше?

Доминик д'Эсте как раз дошел до кульминационного момента своей речи о программе миграции населения и отстаивал необходимость продолжать государственные разработки программы сезонных перемещений работников... Поскольку от нее требовалось лишь время от времени одобрительно кивать оратору, ничто не мешало размышлениям. Искра божия? Ну, у мэра-то икры этой определенно не водилось. Любезный, обаятельный джентльмен, он делался докучлив и утомителен, оседлав своего конька. Как сейчас, например. Спасибо, что хотя бы не проверяет, слушают ли его!

Сенатор Хиллер понравился ей больше. При помощи вашингтонских знакомых не составляло труда добиться встречи с ним.

Как и ожидалось, сенатор произвел на нее впечатление: энергичный, интеллигентный, предупредительный. Рожденный, что называется, в рубашке, с детства воспитывался в доброй американской традиции бескорыстного служения обществу. И все же, приятно проводя время в его обществе, доктор Карриол вернулась домой с убеждением, что сенатор Дэвид Симз Хиллер-седьмой обожает власть. Его не интересовали деньги – только власть над людьми. Власть ради власти – опасная страсть. И тут прав был Моше: искры божией сенатор был начисто лишен. Казалось, что слышишь напряженный скрип шестеренок в его мозгу: арифмометр, просчитывающий каждый шаг и жест, каждое слово. Не человек, а механизм. О, искра божия – это совсем, совсем другое. Поездкой в Хатфорд она, похоже, убила сразу двух зайцев. Редкое везение – встретиться с доктором Кристианом на нейтральном поле. Хорошо, что Джон Уэйн вовремя организовал слежку за доктором. Стоило тому купить билет на автобус и заказать номер в хатфордском мотеле, как Карриол отправилась туда же.

А вот на встречу с д'Эсте она не рассчитывала. Хотя могла бы сразу догадаться, что процесс Маркуса не обойдется без мэра: ведь он – ведущий телепередачи «Северный город», а Хатфорд – как раз один из северных городов. Свой первый день здесь она решила посвятить разговору с мэром, с которым ее познакомил его близкий друг Сэм Абрахам. Мэр не имел ничего против: его заинтересовала доктор Карриол. Или, во всяком случае, ее связи в столице.

Ну что ж, теперь с мэром покончено. О мэре можно забыть. До первого мая она может полностью сконцентрироваться на докторе Джошуа Кристиане – последнем и единственном отныне объекте исследований.

На следующее утро доктор Кристиан отправился в суд. Всю дорогу

Джудит следовала за ним, сохраняя дистанцию. Подождав, пока он выберет место в зале, села в том же ряду, третьем от конца, только у самого прохода. Народу в зале прибывало, и она потихоньку передвигалась с кресла на кресло – все ближе к своей добыче. Кристиан беседовал с двумя сидевшими перед ним женщинами. Она прислушалась: это были вдова и теща убитого. Только когда публике велели встать, приветствуя суд, он прервал разговор. К этому времени Карриол оказалась уже в соседнем с ним кресле.

Зал был маленький, с хорошей акустикой. Старинная лепнина на балконах, низко висящие люстры, пилястры и ниши в стенах... Великолепная декорация для словесных баталий, яростных и изящных. Но утреннее заседание вышло нудным. Весь вчерашний день сторона ответчика отмалчивалась, а сегодня разразилась потоком незначительных подробностей. Обвинение пробубнило вступительное слово, ужасно длинное и скучное; и зачитал-то его не главный обвинитель, а какой-то мелкий крючкотвор. Публику разморило в тепле, многие начали подремывать. Но доктор Кристиан бодрствовал, внимательно разглядывая лица вокруг. Не обращал он внимания только на свою соседку.

Объявили перерыв. Доктор Карриол повернулась к своему соседу, как по нотам разыграв совершенно правдоподобную сценку: дама собирается отправиться перекусить и хочет узнать, не намерен ли и джентльмен подкрепиться. Дама удивилась и даже слегка вскрикнула, вглядываясь в соседа; на ее лице – то же вчерашнее выражение готовности к знакомству.

– Доктор... Кристиан? Он кивнул.

– Вы меня не помните? Господи, неужели это действительно вы?

Ее глаза... Они напомнили доктору Кристиану пруд в парке Западного Холломана: темные, с янтарным отблеском воды в оправе из зеленой листвы; в глубине вод могло таиться что угодно: затопленные руины дворца... или изголодавшийся крокодил. Он настороженно улыбнулся в ответ, чувствуя, что имеет дело с коллегой.

– Где-то я вас видел, – выговорил он с усилием.

– Батон Руж, два года назад, – напомнила она.

Его лицо прояснилось:

– Конечно! Вы делали доклад, верно? Доктор... доктор Карриол?

– Совершенно верно.

– Хороший был доклад, помню. Социальные проблемы городов зоны С. Помнится, я еще подумал, что у вас великолепная способность трезво оценивать ситуацию, а вот на проблемы духовные вы обращаете внимания меньше... вам не хватает проницательности.

Такая прямота ошеломила ее. На мгновение Джудит даже прикрыла глаза, как от слишком яркого света. Не удивительно, что коллеги не благоволят к этому человеку! А может ли тот, кто одарен искрой божией, быть так резок, если не сказать – груб?

– О, пронизательность! Да разве только я лишена этого дара... – заметила она как ни в чем не бывало. – А у вас ее достаточно?

– Думаю, да, – сказал он без тени заносчивости, лишь констатируя факт.

– Ну, тогда, доктор Кристиан, вы просто не можете отказаться перекусить вместе со мной, и за ланчем разъяснить мне, что вам кажется неверным в моем взгляде на проблемы городов зоны С.

И он не отказался.

– Ситуация в этих городах – лишь одно из проявлений того, что я называю неврозами тысячелетия. Но здесь эти проблемы еще острее, чем в зоне В, где люди вынуждены каждую весну переселяться на север, хотя по-прежнему сохраняют любовь к родной земле и отчому дому и изо всех сил стараются продлить их век. Конечно, миграция – производственная необходимость. Не думайте, будто я вас поучаю. Но задумывались ли вы о духовном оскудении жителей этой зоны? Ни духовных связей, которыми сильны жители зоны D, ни чувства национальной общности, как у обитателей канадской зоны E. В долгие месяцы зимнего безделья разнообразие вносят лишь футбол да хоккей. И еще – право пользоваться машиной во время месячного отпуска на юге. Хлеб, зрелища и право не работать – все, чего требовали древние римляне. И Рим, напомню, погиб. Наши пролетарии более развиты и образованы, чем когда-либо в истории. Им нужна цель в жизни. Но чтобы иметь стремления – необходимы чувства. Окружающая действительность лишает их способности чего-то страстного желать. Они бедны, как церковная мышь, но большинство из них не жаждет коммунистического равенства; это настоящие американцы. Именно по их гордости Делийское соглашение нанесло самый сильный удар. А какие лишения они терпят в быту?! Они чувствуют себя обманутыми, их не радуют даже удобные жилища, выстроенные для них властями: это не подлинная забота о людях, а просто кость, брошенная голодной собаке.

– И в чем же вы видите выход?

– В Боге, – просто ответил он.

– В Боге, – повторила Джудит.

– Судите сами – Последние сто лет люди постепенно теряли веру в Бога. Церкви закрывались – люди перестали считать их местом, где Бог

общается с человеком. То одно, то другое вероучение возносилось и расширяло свое влияние, но – ненадолго. Вера все угасала и угасала. Лишь самые крупные Церкви и самые маленькие секты умудряются еще существовать. Они клянут всеобщее образование, растущее благосостояние масс, телевидение и подорванную мораль. Хотя прежде всего Церковь должна была бы сама покаяться – в своей пассивности, в запоздалых попытках обновиться, да и то чисто внешне. Смешно порицать то, в чем люди видят залог своего благополучия. Они не желают слышать обвинения во всех смертных грехах, не желают слышать, что бедным и несчастным остается лишь надеяться на райское отдохновение. Чем больше они имеют, тем больше хотят иметь. И чувствуют, что вправе желать этого. И – в этой жизни. В этой, а не в загробной. Все обманывали их. Церковь, не пытавшаяся даже вникнуть в их нужды и стремления. Правительство, которое ограничивало их свободу и инициативу, запугивало кошмарными картинками ядерной войны. Да, люди должны обратиться к Богу. Но не из страха. А так, как ребенок тянется к матери.

Он тяжело вздохнул.

Угроза ядерной войны исчезла вместе с безответственными правителями. Множество кошмаров, испокон веков довлевших над человечеством, развеялось. Люди хотят жить, а не готовиться к гибели. Мир третьего тысячелетия – мир совершенно новый. В нем не осталось места ни гедонизму, ни нигилизму. Мы же пытаемся заставить людей смотреть на мир сквозь призму старых, вышедших из употребления ценностей. Мы зовем их в прошлое, а не в будущее, доктор Карриол.

– То, о чем вы говорите, доктор Кристиан, имеет слишком мало общего с проблемами зоны С. Вы говорите скорее о проблемах общечеловеческих.

– Зона С – это и есть все человечество.

– Но вы – не психолог. Вы – философ.

– Все это – лишь слова, ярлыки. Жаль что слово, ярлык заменяют нам порой истинное понимание. Даже Бога заменяют. Посмотрите: человечество не понимает, почему оно должно поступать так, а не иначе; оно блуждает в духовной пустыне, и нет звезды, которая указала бы ему верный путь.

Она почувствовала радостный озноб. Будто пенная, вольная волна перехлестнула через дамбу, которой разум перекрыл ее душу. Совершенно новое ощущение! Так вот что он делает со своими пациентами... Но как? Его идеи любопытны, но действуют не идеи. Слово? Или взгляд, голос, жест, весь облик Кристиана?.. Когда он говорит, ему веришь. Он заставляет верить в себя. Смотришь ему в глаза, слушаешь его речи – и веришь. Будто

он властен над тобой, над твоей жизнью.

– Ладно, вернемся к поколению в зоне С, – сказала она, стараясь сохранять спокойствие, хотя это стоило немалых усилий. – Хотелось бы знать, что думает об этом человек проницательный. Меня серьезно интересуют проблемы миграции населения...

– Хорошо, давайте вернемся к зоне С. Во-первых, переселение людей необходимо организовать иначе.

Она рассмеялась.

– Ну, об этом говорят давно. И все, кому не лень.

– И правильно делают, что говорят. Массовые миграции жителей северных и северо-западных местностей происходили и до того, как власти взялись руководить этим процессом. Началось все еще около 1970 года, когда стало дорожать топливо. Промышленные предприятия возводили все ближе к югу – в Каролине, Джорджии... Возьмем, к примеру, мой родной Холломан. Его погубило не похолодание, не Делийское соглашение и не миграция. Он был мертв уже в начале третьего тысячелетия – за исключением университетского городка. Просто все производства перебрались южнее. Промышленные и деловые кварталы опустели еще лет за десять до моего рождения, а я появился на свет в конце 2000-го. Первыми откочевали – вслед за заводами и фабриками – черные и пуэрториканцы. Потом – белые работяги. А за ними – и среднее сословие, американцы итальянского, польского, еврейского происхождения. Большинство направилось во Флориду, часть – в Аризону. Переселенцы помоложе, которые дома не могли пристроиться даже кассирами в супермаркетах, – там нашли работу. Был у меня пациент, старик из Восточного Холломана. Я сам предложил ему подлечиться. Однако со временем, он стал для меня не просто больным, а почти что членом семьи: я не тороплюсь выписывать пациентов из клиники, даже если они уже вполне здоровы, но нуждаются в участии и поддержке. Старик был совсем одинок, вместо сведений о семье в медицинской карточке – одни прочерки. На протяжении пяти поколений его предки жили и работали в Холломане. Он родился году в 50-м, в семье было пятеро детей. В 85-м его отец умер, мать переехала во Флориду, брат – в Джорджинию, одна из сестер живет в Калифорнии, другая – в Южной Африке, третья – в Австралии. Он говорил, что в конце XX века это считалось нормой, и я ему верю.

– Ну и какое же отношение это имеет к проблемам отселения из зоны С?

– Самое прямое. Разъезжаясь по своей воле, люди не видели в миграции ничего противоестественного. Но с планомерным отселением

под чутким руководством чиновников они смириться не могут: их лишают возможности выбрать новое место. В прежние времена они просто не подчинились бы такому насилию. Это холода помогают правительству согнать их с насиженных мест. Лишенные выбора, они забывают вкус свободы.

– Но мы вовсе не стремимся ограничить их свободу! – горячо возразила Джудит. – Просто пока это не реально. Вот в будущем...

– Вы меня не поняли. Я вовсе не обвиняю Вашингтон или кого-то еще в жестокости. Понимаю, что это совсем непросто. План переселения неплох – в теории. Но представьте себе, каково это – снова переезжать в апреле обратно на север, если твой сосед северянин, прочно обосновавшийся на новом месте, остается на юге. Самая большая беда жителей зоны С – отсутствие дома. Дом – что это? Где он, если с ноября до апреля я проживаю здесь, а с апреля до ноября – там? У кочевника нет дома... нет, я думаю, что следует просто поставить крест на тех районах, где слишком холодно, закрыть Детройт, Бостон, Чикаго, Буффало... И в короткие сроки переселить людей – прежде всего горожан, крепко привязанных к промышленным предприятиям – на юг, подготовив для них места, где они могли бы пустить корни. И при этом смешать этакий коктейль из жителей разных зон. Когда старые соседи поселяются рядом на новом месте, они вместе с домашним скарбом перевозят сюда и старые раздоры. Глядя на старого знакомого, вспоминаешь о местах, откуда пришлось уехать. Пусть люди начнут все с начала. Они смогут друг друга понять – по всей стране, во всех ее зонах граждане, независимо от положения в обществе, знают, что такое проигрыш в лотерее Бюро, что такое дефицит угля и отсутствие транспорта.

– Тут вы, пожалуй, не избежали кое-каких натяжек... Но мне нравится ваш план, – улыбнулась Карриол.

Он не ответил на улыбку. «Может, у него просто неладно с чувством юмора?» – подумала она. И решила: вряд ли.

– Это не все. Нет, это еще не все, – тихо, как бы сам себе, сказал он. – В некотором смысле коммунисты, пожалуй, сильнее нас: они поклоняются Государственной Власти. Мы свою родину страстно любим, но... не поклоняемся ей. Мы должны обрести Бога, и в нем – центр мироздания. Только не Бога иудеев, лик которого изъеден ветром времени. Одни мыслители развенчивали его, другие возвеличивали вновь, но совершенно напрасно. Это неправильный Бог. Фальшивый. Фальшивая нота появилась давно, еще на стыке еврейской и римской культур. Человек сумел вообразить себе только такого Бога, который на человека же и похож. В

Богу же нет ничего человеческого. Бог – это Бог. Я говорю своим пациентам: веруйте! И если не можете верить ни в одну из придуманных до нас концепций, создайте собственного Бога. Главное – поверить, уверовать! Если не сможете – не излечитесь.

Доктор Карриол затаила дыхание: перед ней распахнулась ясная, волнующая панорама нового мира. Сам того не зная, Кристиан подсказал ей, что нужно сделать.

– Bravo! – она захлопала в ладоши и – непроизвольно – коснулась его рук. – Я буду счастлива, если у вас появится возможность проверить свои выводы на практике, Джошуа Кристиан.

Его поразил этот всплеск эмоций.

– Спасибо, – сказал он неуверенно.

И осторожно освободил запястье от цепких пальцев собеседницы.

В мотеле переставали топить в десять часов вечера. Предполагалось, что в это время постояльцам следует уже быть под одеялами. А если не спят – пусть терпят.

Доктор Карриол расхаживала по своему номеру из угла в угол. Она совершила ужасную ошибку, коснувшись его руки. Она спугнула Кристиана. Он оказался не из тех мужчин, что попадают на эту маленькую женскую хитрость. «Да он вообще не мужчина!» – думала она раздраженно.

Но к утру раздражение прошло. Если он смог увлечь ее, значит, сможет увлечь и миллионы. Она даже не рассчитывала на такие феноменальные данные кандидата. Конечный результат казался ей теперь непредсказуемым. Кардинальная перестройка всей системы миграции? Какая мелочь! Важен сам Кристиан. В нем – ответы на все вопросы тысячелетия. Он может исцелить людей, избавить их от страданий. И она подарит людям Избавителя. Именно она.

«Надо же было встретить эту женщину, которая умудрилась так безнадежно испортить весь день!» – думал доктор Кристиан, лежа в постели. Поток мыслей то уносил его на стремнину и затягивал в глубину, то выталкивал, задышащегося, на поверхность, бурля как всегда, помимо его воли. С любопытством и страхом Джошуа снова и снова спрашивал себя: он ли дает жизнь этому бурному потоку? Или тот своими водами спасает его от духовной жажды? А может, и не спасает даже; может, неведомая сила, порождающая поток, лишь использует Джошуа Кристиана как русло?

Он чувствовал, что должен сделать нечто такое... Но что? Целую зиму он посвятил размышлениям о своем предназначении – и безрезультатно.

И вот – эта женщина. Глаза, как жемчужины: красивые, но непрозрачные. Какая загадка и какие разгадки таятся в них? Леонардо да Винчи мог бы писать с нее Джоконду. Впрочем, мы и так видим портрет: портрет Джудит Карриол. Не саму Джудит Карриол, а ее портрет, написанный Джудит Карриол. Продуманы поза и жест (прикосновение тонких пальцев к запястью собеседника), антураж и красочная гамма (фиолетовый костюм, который так не идет к ее глазам, но так удачно оттеняет лицо и руки, придавая коже изысканный опаловый отсвет, а волосам – космическую черноту).

Когда она коснулась его запястья, его охватило смутное предчувствие. Нет, не плотское возбуждение; скорее духовное. Его пронзила (да, пронзила; он чувствовал боль) догадка: эта женщина знает... Он испугался. И теперь не мог заснуть. Почему эта женщина явилась именно нынешней зимой, когда в душе его наметился разлад, когда он был одинок, как никогда? Без сомнений, это Бог подает ему знак...

Немолода – около сорока; он умел различить истинный возраст людей, несмотря на все их ухищрения. Лучше бы она была моложе. Молодость легче отвергнуть, отпугнуть. Неуверенная в собственных силах, молодость ищет в себе самой причины неприязни. Джудит же не проведешь. А он чувствовал: следует бежать, спастись. Вернуться в Холломан и там ждать, когда его призовут. Может ли судьба явиться к мужчине в женском облике?

Мама. Хочу к Маме. Хочу к своим. Почему я не взял с собой Джеймса? Или хотя бы Мэри? Одиночество ужасно. Зачем я так радовался, убегая от их любви и преданности?

Дрема туманила глаза, веки сами собой смыкались. Сон, великий целитель, избавь меня от страданий, верни мне покой! И сон смилостивился. Последнее, о чем он успел подумать: я не дам ей похитить мою душу. Любой ценой надо остаться самим собой.

Утреннее судебное заседание оба проспали. Но встречи избежать не смогли, столкнулись около мотеля: он – возвращаясь с прогулки; она – выходя из дверей гостиницы. И замерли: в ее глазах – блеск молодой энергии; в его – тревога, усталость, старость.

– Мне кажется, – сказала она, – вы кое-что забыли. Вы забыли свое сердце – там, в Холломане.

Она начинала тщательно продуманную ею атаку. Этого он и опасался.

– Я бываю счастлив только там, доктор Карриол.

– Трудно в это поверить после того, что вы говорили вчера. Тот, кого волнуют дела всего мира, вряд ли может обрести покой в Холломане.

– Нет! Мне не нужно ни другого дома, ни другой работы.

Она кивнула. Фиолетовый цвет придавал ей загадочность: царица холодного, ясного утра.

– Наверно, это так. И все же я хочу, чтобы вы отправились со мной в Вашингтон. Сегодня же.

– В Вашингтон?

– Я работаю там, Джошуа. В Департаменте окружающей среды. Руководжу Сектором № 4. Хотя это, вероятно, вам ни о чем не говорит.

– Ни о чем.

– Сектор № 4 – мозговой центр Департамента.

– Значит, вы – большой человек, – сказал он, чтобы сказать хоть что-нибудь.

– Так оно и есть. И я очень увлечена своей работой, доктор Кристиан.

Казалось, она даже не заметила, что минуту назад назвала его по имени.

– Слишком увлечена, чтобы принять ваш отказ. Вы ведь хотите отказаться, правда?

– Да.

– Я знаю: вы не женаты, любите одиночество. У вас хорошая клиника, хоть и небольшая; вы – отличный специалист. Я вовсе не пытаюсь лишить вас того, что вы любите. Поверьте. И не собираюсь предлагать вам работу в Вашингтоне, если вас настораживает это.

Глубокий, немного тягучий, спокойный голос – слушая его, доктор Кристиан начал успокаиваться. Страхи минувшей ночи показались ему вздором. Она вовсе не хочет выкрасть его из Холломана!

– Просто я хочу, чтобы вы поехали со мной в Вашингтон и встретились там с одним из моих наиболее уважаемых коллег, Моше Чейзенем. Вы его не знаете да и не слышали о нем – Моше занимается совсем другими, нежели мы с вами, проблемами. Он – аналитик статистических данных, работает в моем Секторе. Изучает особенности миграции. Надо, чтобы вы встретились с Чейзенем, прежде, чем он приступит к новым исследованиям. Понимаете, недавно я поручила ему подумать над тем, как следует реорганизовать переселение граждан. Ваши идеи позволят ему взглянуть на весь круг проблем по-новому. Поедем?

– У меня так много дел в Холломане...

– Но едва ли их нельзя отложить на недельку – иначе вы не выбрались бы в Хатфорд.

– На неделю?

– Всего на неделю.

– Хорошо, доктор Карриол. На неделю согласен. Но – ни минуты больше!

– Благодарю вас! Меня зовут Джудит – я ведь еще не представилась? Пожалуйста, зовите меня по имени. Да и я предпочла бы звать вас – Джошуа.

Они вернулись в мотель.

– Но сначала я должен заехать домой, – сказал он, желая поиграть на ее нервах и, может быть, заставить отступить от затеи.

– Пожалуйста! Кстати, могу отправиться с вами вместе, – она взяла его под руку. – А потом сядем на ночной поезд до Вашингтона. Ведь Холломан – как раз на той ветке.

– Я не заказывал билет, мест может и не оказаться.

Она рассмеялась:

– Ну, что вы! Для меня билеты всегда найдутся.

Выхода не оставалось, пришлось согласиться.

В автобусе на Холломан доктор Карриол не отрываясь смотрела в окно, скрывая бурную радость победительницы, а доктор Кристиан размышлял о том, что заставило его поддаться на уговоры.

Он терпеть не мог отлучаться из клиники, хотя ничто не требовало его постоянного присутствия там. Она подловила его: почему нельзя смотреть в Вашингтон, если можно выехать на суд в Хатфорд? Не мог же он признаться, что суд над Маркусом – при всей драматичности – был для него чем-то вроде небольших каникул. А вот поездка в столицу, да еще с какими-то научными беседами, никак не похожа на пикничок. Теперь поздно менять решение, она уже не отступить. Его не покидало ощущение, что эта женщина манипулирует им. Предчувствия никогда не обманывали его: нет, надо во что бы то ни стало избежать поездки в Вашингтон.

Ждать автобуса, чтобы доехать до Оук-стрит, она не захотела, предпочла идти пешком. Но отдать ему свою сумку отказалась:

– Я всегда путешествую налегке. Чтобы не торчать потом в ожидании джентльмена, который поможет даме: напрасная трата времени!

У самого дома он снова заколебался: вечный страх холостяка перед любопытством, с каким Мама встретит гостью. Поэтому привел Карриол в 1045-й, оставил вещи, свои и ее, на черной лестнице, осторожно приоткрыл дверь.

Раньше здесь была кухня, потом ее переоборудовали в приемную... Пусто. Слава Богу! Можно незамеченным пробраться в кабинет.

Но в холле они столкнулись с Эндрю.

– Ты уже вернулся? Что так быстро? – изумился брат.

Тут он заметил женщину за спиной Джошуа. В Холломане женщины так вызывающе не одеваются. Надо полагать, эта леди – из большого и процветающего города.

– Джудит – мой младший брат Эндрю. Дрю, позволь представить тебе доктора Джудит Карриол. Мы вместе были на суде. Доктор Карриол считает, что мне полезней съездить в Вашингтон, чем заниматься делом Маркуса. Она вроде бы хочет подбросить мне небольшую работенку – так, на неделю...

– Доктор Карриол! Я так рад! – красивый молодой человек (не то, что его брат) шагнул к ней с протянутой рукой. – Я вас знаю. Вернее, читал ваши работы. Джеймс, Джеймс!

Шквал приветствий, комплиментов, расспросов. Семья, которая так занимала ее во время чтения досье на доктора Кристиана, была в сборе. Такой удачи она даже не ожидала. Пожалуй, теперь ей удастся выяснить, что связывает Джошуа с домочадцами. Сразу видно: перед ним благоговеют. Как ему удалось не превратиться в законченного эгоиста в такой обстановке? А ведь смог... Вскоре она поняла: он просто не понимает, как всякое его слово, всякий жест воздействуют на окружающих. Его слушают? Да ведь так заведено в доме: Мама возложила на него отцовские обязанности. Мама... Обязательно увидеть эту женщину, о которой довелось столько читать в материалах из папки Чейзена!

Но встретились они лишь через несколько часов, заполненных осмотром пациентов, экскурсией по 1045-му дому, в том числе по кабинету трудотерапии, занимавшему весь верхний этаж.

Карриол сочла клинику Кристианов лучшей из всех, что видела. Дело, которое держится на общесемейной любви к работе и на непререкаемом авторитете главы семейства, обречено на процветание. Поприсутствовав на осмотре пациента, она окончательно убедилась, что в этом доме царит нечто вроде культа, причем больные поклоняются тому же божеству. Все, ради чего специалисты часами просиживают над книгами, доктор Кристиан угадывал сам, интуитивно. И пациенты чувствовали это. Они получали от своего доктора мощный заряд духовной энергии. Даже спустя много лет (убедилась она, побеседовав с его давними клиентами), они не теряют духовной близости с исцелителем. Психолог высшей пробы – тот, кто интуитивно находит дорогу к чужому сердцу и уму. Кристиан умел ощущать всю глубину чужих страданий. Несчастные домочадцы – им доставалось куда меньше, чем посторонним.

«Он без труда покорил бы мир», – думала она, следуя за ним по галерее между домами. – «Если бы захотел. Но он никогда не задумывался, что этот мир принадлежит ему. Может, мир даже создан для него».

Мама пребывала в хлопотах и смятении. Мэри сразу сообщила ей о госте; сообщила с радостью – и не без преувеличений. Поэтому Мама, обрадованная тем, что сын наконец-то привел в дом избранницу, да еще и коллегу, засуетилась. Карриол поняла, откуда это оживление. Пока ждали обеда (Мама настояла, чтобы они задержались и отобедали), она наблюдала за Мэри. Единственная сестра доктора Кристиана держалась наособицу, в стороне от остальных, и на мамину суету взидала весьма холодно... Осуждая? Стыдясь? «Лицо ее светло – душа ее темна», – подумала Джудит. Не адская тьма, не черная злоба – просто сумерки, в доме, где не зажгли свечу.

И еще Джудит обнаружила, что в досье на Кристиана есть пробелы. Например, там ничего не говорилось о внешнем облике членов семьи. Она смотрела на большую фотографию Джо Кристиана в пластмассовой рамке, светло-зеленой с золотыми крапинками. Эндрю и Джошуа не похожи. Джошуа – копия отца, а не матери. Интересно, интересно...

Оба дома Кристианов очаровательны. Первый этаж 1047-го – что-то вроде джунглей с полотен таможенника Руссо: несуществующая в природе симметрия и стерильность, на пышных растениях – ни одного уродливого или подсохшего по краям листочка. Появись здесь львы и тигры – настоящие, с когтями и клыками, но с райским добродушием на уса-тых мордах, – путь им обязательно освещала бы та же круглая, пучеглазая луна, которую рисовал Руссо. В этих джунглях нет места смятению души. Эти джунгли – мир будущего. Будущего, которое может создать Джошуа Кристиан.

И Мама. Удивительно! Джудит не ожидала, что Мама окажется такой простодушной женщиной, даже простоватой. А она именно такая. И еще – очень сильная. Энергичная. Совсем не интеллигентная, мягкотелая. Такой к лицу раннее замужество, но не раннее вдовство. Теперь ясно, какое воспитание получил Джошуа Кристиан и почему с юности сделался главой семейства. Мама по наитию, а не по расчету лепила из сына того, кто теперь зовется доктором Кристианом. Ей достался превосходный материал. У четырехлетнего мальчика уже хватало мужского упрямства и мужской сосредоточенности, чтобы стать вожаком стаи. Ничего удивительного, что младшие боготворили брата, а мать была просто в него влюблена. Понятно, почему естественные влечения не затронули его; возможно, страсть не проснется в нем уже никогда. Впервые в жизни Карриол испытывала

приступ острой человеческой жалости: бедный, бедный маленький мальчик!

На вокзале, предъявив удостоверение, Карриол купила билеты в купейный вагон: роскошь, которая удостоверяла для Кристиана высокое общественное положение его спутницы. Одно дело – слышать от человека, сколь важен его пост, другое – собственными глазами убедиться в этом. После того, как проводник – без всяких напоминаний, сам – принес им кофе и бутерброды, доктор Кристиан почувствовал, что впервые в жизни получает от поездки настоящее удовольствие.

Но усталость, не покидавшая его, была сильнее. С чего он взял, будто поездка с этой женщиной должна перевернуть всю его жизнь? Так, всего лишь вояж к каким-то программистам, которым следует объяснить, что за статистическими данными, которыми они забавляются на своих компьютерах, – стоят живые люди, их души и плоть, их чувства и привычки. А через неделю – назад в Холломан, в будни. Однако выходило не убедительно. Это женщина (она сидела рядом с ним, хотя для женщины, с которой вас связывает лишь короткое знакомство, естественней было бы выбрать место напротив спутника) что-то скрывает.

Только когда поезд замедлил ход и нырнул в непроглядную темень туннелей за Манхеттенем, доктор Кристиан решился заговорить:

– Помню я как-то читал рассказ об этих туннелях... Поезд попал в какую-то пространственно-временную дыру и целую вечность носился из туннеля в туннель... Сидя здесь, в это можно поверить:

– Это точно.

– Но если представить себе, что это случилось и мы обречены на пожизненное заключение в своем купе, – что бы мы стали делать? О чем говорить? Были бы вы хоть тогда совершенно откровенны со мной?

– Как знать, – вздохнула она.

Карриол повернулась к нему, но в тусклом свете маленькой лампы на потолке лицо спутника казалось таким мертвенно-бледным и отталкивающим, что она снова отвернулась. И улыбнулась, глядя на свободное место напротив:

– А что, было бы очень мило... Не могу представить себе, что есть человек, с которым я хотела бы провести целую вечность... Надеюсь, вы понимаете, что я не имею в виду ничего непристойного.

– Непристойного? О чем вы? Она не ответила.

Если бы мы очень захотели, то могли бы заставить наш поезд нырнуть в такую же пространственно-временную дыру. Бесконечность – она внутри человека. Человек может разрушить границы времени.

Слава Богу, что в этот момент она не смотрела на него. Иначе заметила бы в его глазах растерянность: может, эта женщина умеет читать мысли?

– Вы могли бы сделать это, Джошуа. Могли бы помочь людям отыскать в душах стену непонимания, ими возведенную. И объяснить, как разрушить ее.

– Этим я и занимаюсь.

– Только не в тех масштабах. А как на счет всего человечества?

– Я ничего не знаю о мире за пределами Холломана. Да и знать не хочу.

Он откинулся на стенку сиденья.

Они сидели в тишине – только перестук колес и бесконечная тьма. Вечность темна? Темень вечна? Имя этой тьме – печаль: терпкая и долговечная, как запах мускуса.

Когда поезд въехал под грязные своды станции Пенн, он зажмурился от яркого света: будто в зале, освещенном тысячью канделябров, он предстал перед миллионами любопытствующих, похотливых взглядов.

После Пенна, когда поезд начал двигаться короткими перебежками от остановки до остановки, оба забылись тяжелым сном под перестук колес на стыках, протянув ноги на свободное сидение напротив и склонившись в стороны друг от друга. Проснулись они только от скрежета: колес у столичного перрона и – двери, раздвинутой проводником.

Здесь уже Карриол чувствовала себя как рыба в воде. Она повела своего спутника к автобусной остановке – мимо мраморного Пантеона Героев Америки; доктор Кристиан брел чуть позади.

– Наш департамент недалеко отсюда, сказала она, показывая на север, хотя для него это было пустым звуком. – Только сначала лучше заехать домой: освежимся с дороги.

Мартовское утро выдалось солнечным и теплым; можно было надеяться на раннюю и дружную весну. Увы, вишни еще не зацвели: с каждым годом деревья оживали все позже. «О, небеса, вдохните в них жизнь!» – молча молила она. – «Дайте мне увидеть, как деревья вновь покроются розовой пеной! Я ведь тоже жертва этого нервоза тысячелетия, о котором говорит этот человек. Или... или – жертва этого человека?»

В доме было свежо: уезжая, она оставила приоткрытым несколько форточек.

– Дом еще не достроен, – извинилась она, приглашая его войти. – Он стоил мне больших денег. Боюсь только, после Холломана обстановка

покажется вам неприхотливой.

– Что вы, у вас очень красиво, – искренне ответил он, разглядывая гарнитур «Королева Анна» светлого дерева, кресла и диваны с парчовой обивкой, солнечные блики на коврах.

Они поднялись по светлой, медового оттенка лестнице, прошли через холл, отделанный панелями того же цвета. В спальне стояла только широкая кровать.

– У меня редко бывают гости, поэтому за отделку комнаты для них я еще не бралась. Вам здесь будет удобно? Или предпочтете гостиницу, например, нашу, служебную?

– Мне и здесь нравится, – он поставил на пол чемодан.

– Здесь – ванная.

– Спасибо.

– Похоже, вы устали. Вздремнете?

– Нет, мне бы только принять душ да переодеться.

– Вот и хорошо. А потом – в департамент. Там и позавтракаем. Познакомлю вас с Моше Чейзенем, побеседуете, а вечером где-нибудь поужинаем, она жалобно улыбнулась: – Боюсь, у меня в холодильнике пусто...

И вышла, оставив его в одиночестве.

Глава IV

Мать доктора Кристиана и братья были довольны его знакомством с Джудит; сестра и невестки – наоборот.

Не успел Джошуа уехать в Вашингтон, как в его семье разгорелись страсти. Случилось это в ближайшее воскресенье, когда все с утра пораньше собрались на первом этаже 1047-го дома, чтобы по традиции заняться домашним садом.

Женщины, вооружившись пакетиками для удобрений, корзинками и маленькими ножницами, взялись за подкормку, обрезку сухих веток и листьев; мужчины разматывали полиэтиленовый шланг, устанавливали стремянки, чтобы поливать растения. Полагалось прежде потрогать рукой землю в кадке, чтобы знать, сколько воды потребуется. А после полива – наощупь же – проверить, достаточно ли вылиты воды. Каждый куст и цветок имел свой характер и привычки, которым люди старались угодить. Разногласия могли возникнуть только по поводу глянца на листьях: доктор Кристиан недолго любил этот блеск, полагая его неживым, а Мама любила, чтобы листва сверкала, как начищенная кухонная утварь. «Даже самое совершенное можно усовершенствовать», – говаривала она. На что сын неизменно отвечал: «Нет, Мама, этим мы только губим совершенство».

Сегодня она наконец-то имела возможность без лишних споров навести на листья любезный ее сердцу глянец. Но до этого ли женщине, озабоченной тем, что будет с ее ребенком?

– Говорю вам: это – начало конца, – мрачно пророчествовала Мэри. – Ему и раньше до нас дела не было, а теперь и подавно.

– Ерунда! – отвечала Мама, осторожно рассматривая полусохший лист филодендрона: можно ли удалить его безболезненно?

– Он уедет, вот увидишь. Он и эта змея нацелились завести большую практику в Вашингтоне. А мы перейдем на положение филиала, – настаивала Мэри, опрыскивая пальму.

– Я тебе, Мэри, не верю, – вмешался Джеймс, поднимаясь на стремянку, чтобы дотянуться до гигантского папоротника. – Почему ты так говоришь о Джошуа? Когда это он забывал о нас?

– Да постоянно!

– И неумно, и несправедливо. Он всего-то уехал на несколько дней в Вашингтон, чтобы побеседовать с одним из специалистов Департамента окружающей среды.

– Со специалистом! – фыркнула Мириам. – Для Карриол это был только предлог, чтобы выманить его отсюда. Честное слово, иногда наш Джошуа бывает так наивен! Почти как ты, Джимми!

Эндрю выходил за электродрелью и кронштейнами для кашпо и вернулся как раз к этому моменту.

– Джимми, дай-ка мне этот цветок: ему явно необходима подпорка и кронштейн нужен другой, – сказал он, забираясь на стремянку. – И почему все наши женщины так ополчились против приятельницы Джошуа? Все эти годы он работал, работал, работал – даже не замечал никого вокруг. Наконец, встретил женщину. Это ведь замечательно!

– Посмотрим, что ты скажешь, когда она обратит его в рабство, – пробормотала Мышка, пропалывавшая, стоя на коленях, горшки с кактусами.

– В рабство? – удивилась Мама. – Что за чушь!

– Костюм на ней был слишком ярок для ее возраста, – напомнила Мириам. Руки ее так дрожали, что земля из корзинки просыпалась, покалечив хрупкую бегонию.

– А каннибалы любят яркое, – вставила Мэри. – Эта людоедка его проглотит, вот увидите!

Мама передвинула свою стремянку к цветку, который назывался Волосы Вероники:

– Джошуа нужна жена. И подойдет ему только та, кто занимается тем же, что и он. Лучше Джудит Карриол не подыщешь.

– Да она в матери ему годится! – пискнула Мышка, преодолевая застенчивость.

– Бога ради, женщины, прекратите! – прикрикнул Эндрю, выйдя из себя. – Джош – взрослый человек и сам распорядится своей судьбой. Даже если ошибется...

– Ну, и чем же по-вашему может повредить ему Карриол? – спросил Джеймс примирительно. – Джошуа пора бы расслабиться. Вас гораздо больше должно было бы волновать то, что у него так долго не было подруги. Уехал с доктором Карриол – и хорошо сделал.

– А почему же он раньше не обзавелся подругой, – пискнула из зарослей Мышка, сама пугаясь собственной смелости; вопрос этот давно не давал ей покоя, но вслух она спросила об этом впервые, да и то потому, что в разгар небывалой смуты, постигшей семью, вопрошавший не рисковал оказаться в центре всеобщего внимания.

– Мышка, это вовсе не значит, что ему чуждо человеческое, – ответил Джеймс. – И он не ханжа. Просто Джош всегда был весь в себе. Сами

знаете.

– Я люблю его, – прошептала Мышка. – Люблю, люблю, люблю...
Вышла замуж за его брата и поняла, что люблю – его.

– Полагаю, он женится на Джудит Карриол, – отрубил Мама.

– Только через мой труп! – заявила Мириам.

– Удивляюсь тебе, Мама, – сказала Мэри не без иронии. – Роешь себе яму? Если Джошуа женится на такой, как Джудит Карриол, тебе придется удалиться от дел.

– Это меня не волнует, – бодро сказала Мама. – Самое важное для меня – это счастье Джошуа.

– Ну, конечно! – съязвила Мэри.

– Замолчите! – не выдержал Эндрю. – Ни слова больше о Джоше и его личных делах!

Остаток дня они провели в полном молчании.

Доктор Карриол даже не ожидала, что Кристиан и Чейзен так понравятся друг другу.

– Моше, Моше! – громко позвала она, врываясь в кабинет Чейзена без стука. – Я привела человека, который хочет тебя видеть! Мы встретились в Хатфорде, и я услышала от него столько нового о проблеме миграции, сколько и за год не услышала бы в стенах Департамента. Я уговорила его изменить планы и приехать сюда. Это доктор Джошуа Кристиан. Джошуа, позвольте представить вам Моше Чейзена...

Однако Кристиан был готов поклясться, что Чейзен, с которым они никогда не встречались, смотрел на него как на старого знакомого. Единственное сравнение, которое Джошуа мог подыскать: так мужчина реагирует на знакомство с любовником своей супруги. Впрочем, это выражение тотчас исчезло с лица Чейзена и он поднялся с улыбкой – вежливой, но не казенной.

Слава Богу, что удалось скрыть удивление, – думал Чейзен. От этого могла зависеть вся его карьера. Для Карриол это нормально – играть чужими судьбами. Он никогда не уважал свою начальницу по-настоящему. Работая с тем, к кому не расположен, постепенно научаешься владеть собой. Видно, Джудит об этом догадывается – иначе не ворвалась бы к нему без предупреждения. Нечто вроде комплимента: «О, Моше, вы такой сильный!..» Он с недоверием относился к любым похвалам и посулам Карриол: Ах, Моше, вы слишком хороший специалист, чтобы и дальше валандаться с Исследованием; займитесь-ка программой переселения! Использовала – и вышвырнула, как пустой тюбик из-под зубной пасты.

Можно подумать, программа должна быть готова не сегодня-завтра... Может, она и хороший администратор, но ведь и ученый тоже; должна понимать, как обидно прерывать работу, не получив конечного результата. Новое назначение состоялось уже пять недель назад, а он все еще не мог заставить себя по-настоящему взяться за эту программу. Сидел целыми днями и пытался настроиться на рабочий лад – а представлял себе, как они там перешли ко второй фазе Исследования.

И теперь он едва не оплошал. Еще бы: в кабинет к нему явился собственной персоной Джошуа Кристиан. Человек, которого он вычислил, плод его аналитического ума, – только настоящий, из плоти и крови. Похоже, доктор Кристиан что-то такое прочел в его взгляде. Вот только понял ли? Он ведь, бедняга, и не представляет себе, что значит для Чейзена этот неожиданный визит!

Так во вторник Моше Чейзен почувствовал надежду: а вдруг ему удастся стать свидетелем следующих фаз Исследования и даже узнать... узнать об их цели?

Воспрянув, он трудился со вторника до воскресенья плодотворно, как никогда. И дело было не только в доверии Карриол. Еще больше вдохновляло его присутствие Кристиана. Они нашли общий язык быстро и получали истинное удовольствие от совместной работы. И если доктор Кристиан проникся к новому знакомцу дружескими чувствами, то Чейзен прямо-таки влюбился в Кристиана.

– Понятия не имею, что со мной случилось, – рассказывал он Карриол.

– Быть того не может. Все вы знаете, только рассказывать не хотите. Нет уж, объясните.

– Джудит, вы любили кого-нибудь? Ее лицо не дрогнуло:

– Конечно, любила.

– Неуверен.

– Я лгу только по необходимости, Моше, – бросила она, без смущения. – Сейчас мне лгать незачем. И не перед кем: вы надо мной не властны. Не уклоняйтесь от ответа, дружище, выкладывайте.

– Попробую... Вы искали некоего выдающегося человека, который без усилий притягивал бы к себе окружающих и в то же время не был бы угрозой для нации и ее ценностей. Еще пять недель назад я заявил вам, что Кристиан способен на это... Как же объяснить, чем он меня взял? Он и сам не знает, как это получается. Да разве вы сами не влюблены в него?

– Нет.

– Ой ли, Джудит? А вы не лжете?

– Если я и влюблена, то не в Кристиан, а в его особый талант.

– Сильная же вы женщина...

– Не отвлекайтесь, Моше. Что заставило вас полюбить этого человека?

– Наверное, на то есть множество причин. Он очень помог мне в работе. Сойдет для начала? Не пытайтесь обманывать меня, я уже понял, что вы завершили Исследование, сделали выбор. И выбрали вы Кристиана. Как же не полюбить человека, которого я сам безошибочно выделил из массы именно за его способность внушать окружающим любовь? Человека, который смотрит на меня таким ясным взором, который сам так любит окружающих? Таких я еще не встречал. Думал, что где-то должен быть такой, но это все были мои фантазии. Разве кто-нибудь сможет его возненавидеть?

– Не сомневаюсь, что сможет. И вы, Моше, смогли бы: если были бы дьяволом...

– Что ж, иной раз приходится ловить себя и на том, что испытываешь к нему недобрые чувства, – задумчиво проговорил Чейзен. – Знаете, как-то я рассказывал, над чем работают разные группы статистиков. Он сидел, покачивая головой, и вдруг сказал: «Ну, Моше, эти люди, о которых речь... вы же их за людей не считаете!» И я почувствовал... Нет, злоба – не то слово. Стыд, унижение. Да, пожалуй так: стыд.

Она нахмурилась и потеряла интерес к беседе. И поспешила выдворить Чейзена, чтобы поразмыслить в одиночку.

В понедельник Карриол предложила Кристиану пройтись до Департамента пешком, через парк: день, погожий, теплый и безоблачный. Он согласился без колебаний.

– Надо думать, вы предложили мне прогуляться неспроста, – сказал он по пути. – По-моему, вы никогда не тратите времени попусту... Кстати, Моше – замечательный специалист, большой ученый. Но, как и его коллеги, он больше занимается частностями, чем целым. Любит факты, а не людей. Как человек он мне не очень интересен.

– А вы могли бы сделать так, чтобы он переменялся?

– Вряд ли. Если только отчасти. Но когда я вернусь в Холломан, он постепенно забудет обо мне, и все вернется на круги своя.

– Вот уж не думала, что вы такой пессимист.

– Задача не в том, чтобы изменить Моше Чейзена. А в том, чтобы изменить людей, которых он изучает.

– И как бы вы за это взялись, Джошуа?

– Я?

Он остановился посреди травянистого склона. Стоять было неудобно,

ноги съезжали по влажной траве. Но это ему, похоже, не мешало: неустойчивость, шаткость была для него родной стихией.

– Да, так что бы сделали вы?

Он сел, где стоял – прямо на склон.

– Я сказал бы им, что худшее позади. Что время самобичеваний кончилось. Приказал бы вспомнить о гордости. Смириться с судьбой и набраться мужества. Мы мерзнем зимой – и будем еще больше мерзнуть в будущем. Поэтому надо объединиться с соседями, хотя бы по Северному полушарию, и организовать массовое переселение людей. Ограничиваться одним ребенком у супругов. Забыть о ностальгии по добрым старым временам, не оплакивать горькую долю и не сопротивляться неизбежному. Хватит стенать о вчерашнем дне, он не вернется. Пусть заботятся о будущем. Пусть думают о лучшем и живут для лучшего – так они излечатся от неврозов тысячелетия. Я сказал бы им: дети ваших детей будут жить лучше, чем ваши предки. Конечно, если мы уже сейчас позаботимся о них. И прежде всего – если перестанем трястись над ними. Следующие поколения должны вырасти закаленными. Следует воспитывать детей так, чтобы они могли гордиться делами рук своих, а не оплакивать наследство отцов. Всем американцам, независимо от возраста, я сказал бы: нельзя легко отказываться от того, что было создано тяжким трудом поколений. Этим от беды не откупишься. Тот, кто готов без конца откупаться от врага, никогда не победит.

– Допустим. Из вас вышел бы специалист по пропаганде: вы знаете, как вселять оптимизм, – задумчиво сказала она. – Но все это не так уж оригинально.

– Конечно, нет! – воскликнул он раздраженно. – Вечные ценности не бывают оригинальными. А почему вы ищете оригинальности, скажите на милость? Как часто люди восхищаются старыми и пошлыми истинами лишь из-за оригинальной упаковки, в которой их преподносят ловкие ребята.

– Согласна. Я не спорю с вами, успокойтесь. Продолжайте, прошу вас. Продолжайте.

Он оттаял:

– Я сказал бы людям, что их любят. Вот чего им особенно не хватает: знать, что их любят. Правительство квалифицированно, предусмотрительно и даже самоотверженно, но любовь для администраторов – нечто эфемерное. Следом за правительством и простой человек перестает говорить своей жене или своему начальнику, что любит их. Зачем, дескать, говорить о том, что само собой подразумевается? Но, господа, мы ведь все

хотим слышать, что нас любят. От этих слов светлее на душе! Вот и я сказал бы им: вы любимы. Вы вовсе не погрязли в грехах, как вас убеждают; вас не за что презирать; у вас есть все, чтобы спасти себя и мир.

– Не дожидаясь райского блаженства?

– Да. Я объяснил бы им, что Бог послал их в этот мир вовсе не для того, чтобы они ждали здесь смерти. Ожидая блаженства неземного они обкрадывают себя... Джудит, когда люди обращаются ко мне за помощью, они смотрят на меня с мольбой и надеждой, и помочь им легко. А когда на меня смотрите вы, я чувствую себя, будто под микроскопом. И даже не могу объяснить себе, что заставляет меня вытерпеть это. Ведь вам не интересны мои рассуждения о Боге или о человеке. Что же вас интересует? Какие люди, мысли, поступки? Зачем вы приглядываетесь ко мне? Такое ощущение, будто вы знаете обо мне слишком много, тогда как я о вас – ничего.

– Я хочу, чтобы этот мир вернулся в нормальное состояние, – холодно сказала она. – Пусть даже не весь мир. Хотя бы Америка.

– Охотно верю. Но это не ответ.

– Придет время, и я отвечу. Но пока дело не во мне, а в вас.

– Почему?

– Объясню, как только узнаю о вас все, что должна узнать.

– Хорошо. Если вам так уж нужно, необходимы ярлыки... Назовите меня так: Тот, Кто Возделывает Пашню. Тот, кто верит, что мир можно улучшить, полагаясь больше на силы человека, нежели на помощь Божью.

– И вы верите в это?

– Конечно.

– Но и в Бога верите?

– Да. Он есть, – сказал он очень серьезно.

– Никогда! – отрезала она. – Никогда не поверю!

Ярость и упрямство исказили ее лицо.

– Ну вот! – рассмеялся он. – Вот я и обнаружил щелочку в вашей обороне.

– Ничего подобного, – сердито прервала его Джудит. – Нет у меня никакой брони. Ладно, я объясню, почему заинтересовалась вами. Вы – человек идей. А я занимаюсь механизмами передачи идей от человека к человеку. Я хочу, чтобы вы написали книгу.

Он поднялся на ноги.

– Джудит, я не умею.

– Для этого существуют рабы, – ответила она, спускаясь по склону.

– Рабы? – переспросил он с недоумением, следуя за ней.

– Рабы, а что? Так называют тех, кто пишет книги за других людей. Многие выдающиеся писатели прошлого пользовались услугами таких безымянных рабов...

– Какое отвратительное слово!

– У вас есть что предъявить целому миру, а не единицам пациентов клиники в Холломане. Если вы не в состоянии написать книгу, почему бы не доверить изложение ваших идей – ради всего человечества! – помощникам? Это должна быть не просто книга, а новое Откровение, в котором люди черпали бы силы. Книга воздействует на миллионы. Чтобы победить эти проклятые неврозы, надо лечить сразу всю страну. И, может быть, весь мир – если он готов прислушаться к Откровению. Кто, если не вы, скажете им о любви? И как сказать об этом всему человечеству, если не посредством книги?

– Может, задумка и хороша, поздравляю... Но я не знаю даже, как за это берутся.

– Это я могла бы вам показать. И как начать, и как закончить. Нет, я не собираюсь писать за вас, не думайте. Найду издателя, а он, в свою очередь, какого-нибудь литератора.

Он поджал губы. Конечно, в этом что-то есть... Скольким людям могла бы помочь такая книга! А если предположить, что она только навредит? Не лучше ли жить-поживать в Холломане, пользоваться земляков в клинике, помогая тем, кому действительно умеешь помочь, и не рисковать жизнью тысяч, которые навсегда останутся для тебя безымянными?

– Не думаю, что я готов взять на себя такую ответственность, – сказал он наконец.

– Э нет, вы любите брать на себя ответственность. Вы даже нуждаетесь в ней. Будьте честны хотя бы перед собой, Джошуа. Скорее вас волнует, будет ли эта книга удачной, не выхолостит ли ваши мысли литературный обработчик. Эти сомнения я понять могу. Тогда пишите сами. Главное, чтобы ваша книга попала к людям. Нельзя зарывать в землю дар, ниспосланный вам Богом, – заключила она строго.

Он огляделся вокруг себя. Да, этот мир может быть прекрасным. Он и был задуман таким, но потом люди исковеркали и опустошили его. Он не считал себя избранником, Мессией. Но сейчас появилась реальная возможность сделать хоть что-то, чтобы вернуть миру гармонию. А вдруг родина повергнется в прах только из-за того, что какой-то там Джошуа Кристиан упустил свой шанс? О чем-то таком он грезил в долгие часы бессонницы. Но, – оправдывался он сейчас перед собственной совестью, – я думал об этом, как ребенок, мечтающий сделаться директором

шоколадной фабрики... или хотя бы не ходить в школу... Он и не надеялся, что такая возможность и впрямь ему выпадет!

Допустим, он не спасет страну. Зато, возможно, проложит дорогу другим – более сильным, решительным, чем он...

Тем, кто спасет-таки страну и мир. «И вообще, – думал он, следя за собаками и птицами, резвящимися в парке, пронизанном весенним солнцем, – разве можно сделать этот мир хуже, чем он есть? Лучше – можно. А хуже?..»

Кто она, эта женщина? Кто послал ее? Только не Бог. Бог не стал бы действовать так грубо, так откровенно. Дьявол? В его существование Джошуа не слишком верил. Ему всегда казалось, что дьявола придумал человек. Дьявол был нужен душе человеческой даже больше, чем Бог. Бог был, есть, будет – тут у человека нет выбора. А на дьявола можно списать все свои несовершенства...

А может, она и впрямь всего-навсего служащая одного из департаментов, лицо на государственной службе. Добрая. Злая. Бесконечно вопрошающая. Прямо беда с ней.

– Хорошо, я попытаюсь.

Она опять оказалась на высоте: не бросилась петь ему осанну, а лишь слегка кивнула:

– Вот и хорошо.

И прибавила шагу, направляясь обратно в Джорджтаун.

– Поспешим, друг мой, мы еще можем успеть на поезд в Нью-Йорк. Он отходит в полдень.

– В Нью-Йорк? – спросил он обескураженно, не успев еще оправиться от мучительных раздумий и нелегкого ответа.

– Конечно, в Нью-Йорк: издательство «Аттикус» находится именно там.

– Да, но...

– Никаких «но»! Надо отправляться сегодня же. На этой неделе у меня нет неотложных дел, а там – кто знает?! – она улыбнулась ему так мило, что он не мог не ответить улыбкой.

Позволив ей распоряжаться, он почувствовал себя в безопасности: в конце концов, она разбиралась в том, о чем он и понятия не имел – например, в издательствах и издателях. Вот когда он оправится и придет в себя...

Ему и в голову не приходило, что единственное, чего Карриол от всего сердца не хочет, – это дать ему оправиться и придти в себя.

– Нам обязательно надо встретиться с Эллиотом Маккензи.

Она почти бежала, ему пришлось поспевать за ней.

– Кто он?

– Издатель. К счастью, он мой старый приятель. Мы с его женой вместе учились в Принстоне.

Издательство «Аттикус Пресс» занимало первые двадцать этажей семидесятиэтажного дома. Карриол и Кристиана уже ожидали в фойе, как почетных гостей и проводили к лифту.

Эллиот Маккензи встретил их у лифта на семнадцатом этаже с рукой, протянутой для приветствия; Карриол он чмокнул в щечку. Женщина, проводившая их наверх – ее представили как Люси Греко – принесла в кабинет кофе. Оба, Люси и Маккензи, выглядели как фотомодели с журнальной обложки: он – высокий, стройный и элегантный; она – невысокая привлекательная блондинка средних лет, очень энергичная.

– Должен сказать, я был очень удивлен, когда Джудит поделилась со мной своей идеей, – растягивал слова Маккензи, а Кристиан, глядя на его тяжелый аристократический подбородок, ощущал в животе холодок, как мальчик, впервые вставший на скейт. – Вашим редактором будет Люси. У нее большой опыт работы с новичками. Она перенесет ваши мысли на бумагу. Лучше нее с этим никто не справится.

Доктор Кристиан успокоился:

– Ну, слава Богу! Значит, она будет моим соавтором.

Маккензи нахмурился:

– Конечно, нет. Автор – вы и только вы, доктор Кристиан. Люси – не более, чем ваш личный секретарь.

– Мне как-то неудобно...

– Тут нет ничего неудобного, – подала голос миссис Греко. – Разве имя акушерки вписывают в свидетельство о рождении ребенка? А я буду для вас именно акушеркой. Моя задача – в том, чтобы красивое и здоровое дитя родилось по возможности быстро и безболезненно.

– Получится, будто я вас обворовываю, – продолжал мучиться сомнениями Кристиан.

И Маккензи снова принялся объяснять, что так делается во всех издательствах и в этом нет ничего аморального; далеко не каждый изобретатель в состоянии воплотить свой замысел в металле и пластике, для этого есть другие люди, мастеровые, ремесленники; доктор Карриол так убедительно рассказала об особом даре мистера Кристиана, что «Аттикус Пресс» считает своим долгом помочь ему донести свет своих идей до сограждан; «Аттикус Пресс» заинтересована только в том, чтобы

быстро сделать хорошую книгу.

– Ну, не знаю... – растерянно пробормотал доктор Кристиан.

– Зато я знаю, – твердо ответил Маккензи с видом победителя.

Люси Греко тут же поднялась:

– Может, пройдем в мой кабинет, доктор Кристиан? Начнем с плана совместной работы.

– Ты уверена, что игра стоит свеч? – спросил Маккензи, когда они с Джудит остались наедине.

– А ты нет?

– Честно говоря, не пойму, из-за чего весь этот шум. По-моему, он вообще не желает писать книгу. Смотрится он, конечно, эффектно... в профиль – вылитый Линкольн... но вряд ли он такая же выдающаяся личность, как тот.

– Просто прячется, как черепаха в свой панцирь. Боится подвоха, боится, что им будут манипулировать, – вот и все. Было бы у меня побольше времени, я еще поработала бы с ним, добавила бы ему решимости... но времени нет. Через полтора месяца книга должна быть готова.

– Нелегкое дело. Да и дорогое. Не говоря уж о мучениях, которые мы претерпим, выманивая эту упрямую черепаху из панциря.

– Это предоставь нам с Люси. И не бойся, что книга будет тебе в убыток. За моей спиной стоит Департамент – ты не забыл? Твое издательство прогремит на весь мир.

– Посмотрим. Ладно, у меня назначена встреча... Тебе есть чем заняться, пока они с Люси будут возиться с его шедевром?

– Кроме него у меня забот нет. Не беспокойся обо мне. Посижу здесь, пороюсь в твоей книжной коллекции.

Однако к книжным полкам она подошла не сразу. Сначала постояла у огромного окна. Окно, как и полагалось, состояло из трех слоев толстого листового стекла, между ними – воздушная прослойка. От холода такие окна спасали, но придумали их не для этого. Нарастала депрессия, следом росло и число самоубийств. Вот правительство и распорядилось оснащать офисы массивными рамами с тройным стеклом, чтобы законные просторы не манили к себе людей. Помогало, но не всегда.

Синоптики утверждали, что весна в этом году будет ранней. И Нью-Йорк жил ожиданием. Деревья стояли еще голые, они все равно зацветут не раньше середины мая, но уже потеплело, и солнце светило ярче, солнечные зайчики плясали на стеклах. Облака плыли по небу, но доктор Карриол

смотрела не на них, а на зеркальные окна небоскребов. «Будь счастлив, Джошуа Кристиан! – сказала она в пустоту. – Вряд ли ты хочешь идти дорогой, которой я тебя веду, но стыдиться тебе не придется. Вреда я тебе не причиню, вот увидишь. Я же не виновата, что сам ты не способен распорядиться своим даром. Ты еще скажешь спасибо. Я со своим делом справлюсь. Тысячелетиями мужчины с пренебрежением относились к деловым способностям женщины, полагая, будто она может руководствоваться только эмоциями. Вот и нет, я докажу. Может, никто и не заметит, что я сделала для людей. Но я-то буду знать...»

К первому мая она намеревалась представить неоспоримые доказательства того, что доктор Джошуа Кристиан – тот самый, кого они ищут. К этому времени книга должна быть отпечатана. К Президенту она отправится с книгой и другими материалами в руках, чтобы не возникало никаких сомнений. Потому что Гарольд Магнус будет из кожи лезть вон, чтобы протащить кандидатуру сенатора Хиллера.

Она села за стол Эллиота Маккензи и придвинула к себе телефон. Предстояло набрать тридцать три цифры, но записная книжка ей не понадобилась.

– Это доктор Карриол. Позовите, пожалуйста, мистера Уэйна.

На том конце провода ответили, что Уэйна нет.

– Так найдите его.

Прикрыв глаза, она терпеливо ждала.

– Джон? Ты не мог бы проверить, не прослушивается ли этот телефон? 555-6273. Вряд ли этот номер может интересовать правительство, а вот промышленный шпионаж не исключается. Перезвони мне.

Он перезвонил через пять минут:

– Все чисто.

– Хорошо. Тогда слушай. Нужно несколько видеокамер и побольше микрофонов. Их следует установить в кабинете доктора Кристиана. И по всему дому тоже. Везде! Пусть каждый квадратный сантиметр прослушивается сутки напролет. Установить сегодня же, а убрать в субботу: по воскресеньям у них семейный аврал и они могут обнаружить «жуков». Понятно? И еще: полный список его пациентов, и как можно быстрее. Разговоры с ними записать на кассету. Но так, чтобы они не догадывались. То же – с членами его семьи, его друзьями. И врагами. На это, допуская, уйдет больше времени, чем на видеосъемку в доме и клинике, но к первому мая все должно быть закончено.

Уэйн был взволнован. Она поняла это по голосу. И по вопросу, который вырвался у него:

– Это Он?

– Он. Но все будет зависеть от того, насколько чисто мы сработаем. Ошибаться нельзя, потому что это действительно Он.

Кому, как не ей судить об этом? В конце концов, Исследования были ее идеей. Пять лет назад у них имелся лишь один кандидат – сенатор Хиллер. Как раз тогда Президент прислал в Департамент Магнуса. Магнуса удовлетворил бы и единственный кандидат – Хиллер. Но она настояла на том, чтобы решали компьютеры. И не потому, что была уверена, будто Хиллер не годится. Просто не хотела уступать Магнусу. А вообще она неясно представляла себе, кого именно ищет. Знала лишь, что главный претендент будет мужчиной. Только мужчине по силам вывести людей из пустыни к спасению, к земле обетованной. Временами она вообще не верила в успех: третье тысячелетие сгубило слишком много ярких личностей, обращая людей в безликую массу. Но разум ее не мог смириться с предположением, что безмолвные ледники, наступающие с полюсов, несут гибель роду человеческому. Как и доктор Кристиан, она не сомневалась, что безграничные внутренние резервы человека позволят ему выстоять и преодолеть любые трудности.

Но разве не странно, что отыскался Кристиан лишь благодаря упрямству и интеллектуальным вывертам некоего аналитика? Попади имя Кристиана в списки Абрахама или Хемингуэй, его наверняка бы забраковали. К счастью, занимался им Моше Чейзен. Как много в жизни зависит от человеческой индивидуальности... А вдруг Абрахам и Хемингуэй из-за несовершенной методики упустили кого-то, кто даже больше, чем Кристиан, подходит на роль спасителя человечества? Ах, если бы все сто тысяч американцев проверить по программе, разработанной Чейзенем! Впрочем, что теперь об этом говорить? Поздно. ОН выбран. И зовут ЕГО Джошуа Кристиан.

Три часа работы с Люси Греко вселили в Кристиана уверенность. Уже через полчаса общения он говорил с ней свободно, без стеснения, даже страстно. Карриол и Чейзен несколько сбивали его с толку своими критическими замечаниями. Люси – другое дело. О такой слушательнице можно только мечтать: сидит, как птенец в гнезде, клюв раскрыт, пихай туда что угодно. И вопросы Люси задавала очень уместные, помогавшие ему развивать свои идеи.

– Из вас получился бы неплохой психолог, – сказал он, когда они возвращались в кабинет Маккензи.

– А я и есть психолог. Он рассмеялся:

- Господи, как же я сам не догадался!
 - Доктор! – она вдруг остановилась. – Это будет самая нужная книга из всех, над какими я когда-либо работала. Поверьте.
 - Не знаю, что и сказать, – развел он руками.
 - Неправда. Вы же знаете: одни люди могут справиться со своими бедами сами, другие так остро переживают одиночество, что им не выкарабкаться без друга, без надежной опоры. И таких – большинство. Я слышала от вас достаточно, чтобы оценить значение книги. Вы просто боялись сами взяться за нее, правда?
 - Да. И очень долго.
 - Быть того не может!
 - Я всего лишь человек. Думаю, того, кто не боится и не сомневается, – надо пожалеть. Человек, лишенный чувства страха, – не человек, а машина.
 - Или «сверхчеловек» Ницше. Он улыбнулся:
 - Ну, я-то – не сверхчеловек. Честное слово.
- Их уже ждали Карриол и Маккензи. Издатель с любопытством смотрел на них: удалось ли Люси договориться с этим необычным автором? Разрумянилась, глаза сияют, как после свидания... Да и доктор Кристиан немного ожил. Bravo, Джудит Карриол! Первый барьер взят. Люси – прирожденный писатель, вот только собственных мыслей у нее – ни на грош. Зато попадись ей клиент, у которого есть, что сказать, она непременно отличится. Мастерица плести дивные узоры из слов!
- Я сегодня же отправлюсь с Джошуа в Холломан, – выпалила Люси с порога.
 - Вот и прекрасно, – Карриол встала и протянула Маккензи руку. – Спасибо, дружище.
- Греко отправилась домой – собираться в дорогу, договорившись встретиться с ними в три часа.
- Ну, что ж, – сказала Карриол. – Рассчитаемся в отеле и перекусим, пока Люси собирается.
- Он вздохнул с облегчением:
- Слава Богу! Я так и думал, что вы со мной не поедете.
 - Вы правы. Провожу в Холломан и вернусь в Вашингтон. Меня ждут дела, да и вас тоже. Я вам больше не понадобится: теперь у вас есть Люси...
 - Если бы все было так просто... Я до сих пор не уверен, что хочу, чтобы эта книга появилась на свет...
 - Послушайте Джошуа. Оставьте вы сомнения. Откровенно вам

говорю: у вас есть призвание, и вы знаете это лучше нас всех.

Правда, вас приходится направлять, подталкивать. Апостолы были решительней...

– Апостолы? Боже мой! Значит, вы и впрямь имеете в виду некую религиозную миссию?

– Да. Но не в устаревшем смысле этого слова.

– Джудит, я всего лишь человек, слышите? Я к этому не готов!

Какая нелепость – такой разговор на улице, на ходу, в спешке! Похоже, она поторопилась, предвкушая скорую победу. С сенатором Хиллером работать было бы проще: он прагматик, он сам бы понял, к чему его подталкивают и хотя бы не сопротивлялся. А с Джошуа Кристианом чувствуешь себя, будто на канате над пропастью.

– Забудьте, что я сказала. Я оговорила. Пишите свою книгу, и все. Сейчас самое важное – ваша книга.

Конечно, она права, – думал он, пока поезд вез его в Холломан. Люси Греко хватило такта сидеть молча и не надоедать спутнику: она чувствовала, что за несколько часов ее отсутствия что-то стряслось.

Новые знакомые вели себя странно. Глаза Чейзена при встрече... Необычная заинтересованность Маккензи и Греко в авторе, который не может и не очень-то хочет сам написать книгу... Обмолвка Джудит Карриол... Все это неспроста. Ну и что? Ты же ведь хочешь помочь людям, Джошуа? Не доверяешь Карриол? Ну и ладно. Делай, что должен, а там посмотрим. Книга, книга... Так много можно сказать на ее страницах. А сможет ли он уместить все в один том? Всего себя? Придется ведь что-то отбрасывать, искать слова самые нужные – самые простые и емкие. Объяснить читателям, почему жизнь кажется им бесполезной и наводящей тоску. Дать надежду. Истину. Любовь.

Ну что ж... Он сможет! Пусть с помощью Люси, которая умеет управляться со словами. В конце концов, такая книга нужней людям, чем вся жизнь какого-то Джошуа Кристиана. Или какой-то Джудит Карриол. Ему понравилась готовность Джудит, сделав дело, отойти в тень. Ладно, он на это тоже способен. Сделать – и раствориться в безымянной толпе.

Мама замерла, потрясенная: Джошуа появился к ней на кухню с женщиной, но совсем с другой! Она так и стояла с ложкой у рта, и даже не замечала, что соус, с которого она приготовилась снимать пробу, капает на пол.

Сын поцеловал ее в щеку.

– Мама, это Люси Греко. Она поживет у нас несколько недель, так что приготовь, пожалуйста, комнату и еще одну грелку на ночь.

– Поживет у нас?

– Да. Она – мой редактор. Издательство «Аттикус Пресс» заказало мне книгу. Чтобы не терять времени, мы будем работать здесь.

Она сама психолог, так что нашими семейными причудами ее не испугаешь. А где остальные?

– Будут вовремя. Узнав, что ты возвращаешься, мы решили перенести обед.

Тут Мама вспомнила о гостье, которая стояла со смущенной улыбкой:

– О, миссис Греко, прошу прощения! Джошуа, присмотри за кастрюлей, а я провожу миссис Греко в ее комнату.

Может, с его стороны было не слишком тактично не предупредить домашних о гостье. Ничего, им время от времени нужна встряска. Особенно Маме. Она вернулась так быстро (куда быстрее, чем требовали приличия от хозяйки дома, знакомящей гостью с ее пристанищем), что Джошуа хмыкнул.

– Держу пари, Мама, ты даже не показала миссис Греко, где ванная.

– Не маленькая, сама найдет. Что случилось, Джошуа? Все эти годы ты совсем не интересовался женщинами, а тут приводишь в дом сразу двух за какую-то неделю!

– Джудит я помог в работе. А миссис Греко, наоборот, поможет мне.

– А ты ничего от меня не скрываешь?

– Ну что ты, Мама!

– Ладно, – протянула она многозначительно. – А ты уверен, что доктор Карриол тебя совсем не интересуется? Знаешь, вы очень подходите друг другу...

– Да нет же! И давай не будем больше об этом. Может, поговорим о моей книге?

– Сгораю от любопытства, но... вот соберемся все после ужина – тогда и расскажешь, чтобы дважды не повторять одно и то же. А еще... У меня тоже есть для тебя кое-что.

– Новости?

Она заглянула в духовку.

– К нам приходили люди из Комитета по экстремальным ситуациям.

– Что?

– Да. Они эвакуировали почти все население Западного Холломана. Конечно, это было не так уж трудно: март, большинство домов пустует. Но повозиться им пришлось: улицы загорожены сугробами, снег заледенел. И,

если бы не оттепель...

– Мама! Зачем они приходили?

– Говорю же, эвакуировали весь Западный Холломан. Позвонили и с порога стали наседать: мол, побыстрее усаживайтесь в автобус и езжайте на станцию – знаешь эту развалюху, где живут бродяги? Там нас накормили супом, показали какой-то фильм, совсем новый, а по домам распустили часов в пять, вот почему я и с обедом не управилась.

– Странно...

– Наверно, они искали радиоактивные отходы с соседнего военного завода. Весь район обшарили. Счетчики Гейгера у них так и завывали. Я даже видела солдат! Я уж думала, что солдаты в этой стране вовсе перевелись – так долго не доводилось их встретить. Нет, есть еще армия: в полной амунии, перекрыли все улицы и прощупывали каждую пядь земли. Выглядело все довольно смешно.

Значит, не розыгрыш и не афера...

– Ну вот, а то горожане вечно любопытствовали, чем же заняты лаборатории и зачем их отгородили такими толстыми бетонными заборами. Теперь понятно?

– Они сказали, что провели дезактивацию и мы можем жить спокойно.

– Будем надеяться, что случай не повторится, – заметил он печально.

– Они обещали, что больше неприятностей не будет, – попыталась она успокоить. – Сказали, что захоронят эту гадость на обратной стороне Луны.

– Слушай их больше. Они всегда что-нибудь обещают.

– Тем не менее один из военных, очень обходительный человек, объяснил, что нам, не исключено, придется в ближайшие дни еще разок-другой вот так подняться по тревоге: город взят на контроль, они хотят удостовериться, что опасности больше нет.

На кухню подтянулись все домочадцы.

– Он не один! – таинственно зашептала им Мама. – Он приехал с подругой!

– И надолго доктор Карриол пожаловала? – спросила Мэри тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

– А это и не доктор Карриол вовсе, – ответила Мама. – Не доктор, а миссис. И зовут ее Люси Греко. И тоже очаровательна.

Глядя на остолбеневшую родню, доктор Кристиан расхохотался:

– Знать бы, что, приходя сюда с женщиной, получишь возможность так повеселиться, – о, я бы стал промышлять этим давным-давно! – он вытер слезы, выступившие от смеха. – Ну и дурацкий же вид у вас, дорогие мои!

– А теперь давайте, давайте, ступайте отсюда, – стала выталкивать их

Мама. – Через пять минут начну подавать обед, так что накрывайте на стол.

– Кто она? – спросила у него Мириам, раскладывая вилки.

Тут как раз вошла Люси. Он представил ее домочадцам. А Мириам шепнул:

– Пока – секрет. Потом!

«Потом» наступило после ужина, за кофе и коньяком. Он рассказал о книге. Реакция была даже более бурной, чем он ожидал.

– Идея прекрасная, Джош, – говорил Джеймс, обращаясь, впрочем, ко всем.

– Спасибо доктор Карриол – идея ее, а не моя.

Упоминание о Карриол встревожило женскую половину. Но и они не могли не признать, что идея великолепна.

– Я всегда верила, что тебе суждено написать книгу, – сказала Мэри. – Только боялась, что не сможешь преодолеть себя. Вспомни: ты ведь так и не смог приноровиться к диктофону, который мы подарили тебе на прошлое Рождество.

– Мне тоже так казалось. Поэтому единственный выход – найти человека, который запишет за мной мои мысли.

– Значит, вы – редактор? – Эндрю раскраснелся от волнения и выглядел еще очаровательней, чем обычно. Не удивительно, что, отвечая, миссис Греко говорила с ним как с мужчиной, который ее заинтересовал:

– Да, редактор. Но особый. Скажем, при работе с художественными произведениями редактор выступает в роли критика. Он не может указывать автору, что и как писать, а выявляет слабые места, несообразности в сюжете, характерах и так далее. Это – не моя профессия. Я специализируюсь на работе с теми, у кого есть свежие, оригинальные мысли или впечатления, но нет дара изложить это на бумаге...

Так они сидели и беседовали, а из разных концов комнаты на них нацелились десятки видеокамер, бесшумно фиксирующих каждое слово, каждый жест, выражение лиц. К воскресенью, когда придет пора поработать в зимнем саду, камеры уже уберут: ведь люди, установившие их, обещали повторить операцию по эвакуации населения не позже субботнего вечера. Если бы не пышная зелень, Кристианы непременно почувствовали бы запах свежей краски. Однако растения впитывали не только углекислый газ, но и запахи тоже. Видеокамеры новой конструкции зашифровывали изображение и звук и умещали их на ленте так экономно, что кассет хватило бы на две недели непрерывной записи – гораздо больше, чем необходимо. Даже энергия к ним подавалась из-за пределов дома, чтобы показания электросчетчика не позволили жильцам что-нибудь

заподозрить.

После скоропостижного отъезда доктора Кристиана Чейзен снова потерял интерес к программе миграции.

В понедельник, придя на работу, он ждал, что Кристиан вот-вот появится. Но ждал напрасно. Наконец, он позвонил Джону Уэйну, чтобы разыскать Карриол. От него и узнал о внезапном отъезде начальницы Сектора № 4 и Кристиана.

– И не пытайтесь связаться с доктором Карриол, – отчеканил Уэйн, и по его интонации Чейзен догадался, что секретарь только повторяет распоряжения начальницы.

– Мне нужен Кристиан! – чуть не застонал Чейзен.

– Прошу прощения, ничем не могу помочь.

А во второй половине дня в кабинете Чейзена появилась сама Карриол.

– Черт побери, Джудит, неужели вы не могли дать мне хотя бы попрощаться с этим человеком? – прорычал Моше.

– Простите, не подумала, – холодно сказала она.

– Так я и поверил! Вы всегда думаете, что делаете.

– Вам его не хватает, Моше?

– Да.

– Боюсь, вам все же придется обходиться без него.

Он снял очки, которыми пользовался за работой, и пристально взглянул ей в глаза:

– Джудит, в чем все-таки цель Исследования?

– Чтобы найти одного человека.

– Зачем?

– Со временем узнаете. А сейчас сказать не могу, простите.

– Не можете или не хотите?

– И то, и другое.

– Джудит, оставьте его в покое! – искренне воскликнул он.

– Что это вы о себе возомнили, Чейзен.

– Вы только эксплуатируете людей, чтобы добиться своего.

– Ну и что тут удивительного? Все так поступают.

– Нет, с вами не всякий сравнится, – отрезал он. – Вы принадлежите к особой категории. Таких раньше не было. А может, и были, только новые времена вознесли вас так высоко, что вы стали всем нам угрозой.

– Псих! – презрительно бросила она, выходя из кабинета. Дверь она притворила аккуратно, без стука – чтобы показать Чейзену, что он напрасно старался вывести ее из равновесия.

С минуту Чейзен сидел, протирая очки, а потом вздохнул и взялся за компьютерные распечатки. Но и сквозь протертые стекла очков никак не мог разобрать текст: в глазах его стояли слезы.

Глава V

Шесть недель Джудит Карриол не встречалась с доктором Джошуа Кристианом. Зато три из них посвятила просмотру видеозаписей. Час за часом перед ней проходили мельчайшие подробности его жизни, жизни его семьи. Она слушала рассказы о нем его родственников, пациентов, друзей, даже врагов. Она чувствовала, что это важно. И то, что ничего нового узнать не удалось, не умалило ее интереса.

Даже после сурового приговора, который вынес ей Моше Чейзен, Джудит и в голову не приходило, что ее цель далека от того, к чему стремился сам Джошуа. Нет, она не стремилась причинить ему зло. Но могла просто не заметить, что ему больно. Ей не хватало такта и порядочности. Жизнь ее складывалась так, что этим качествам в ее характере неоткуда было взяться.

Детство Джудит было детством обычного ребенка из многодетной нищей семьи. Будь ее родители еще немного беднее, девочка лишилась бы их и попала, вероятно, в лучшее окружение: живи они чуть-чуть богаче, сохранила бы хоть немного доброты, что изначально присуща каждому ребенку. Она родилась в Питтсбурге как раз во время глубокой экономической депрессии. Ее настоящее имя было не Карриол, а Кэррол. Оглядываясь назад, на свое детство, Джудит говорила себе, что отец и мать наплодили столько детей (она не могла подобрать другого слова) в результате своей распущенности и алкоголизма. Родители были католиками, но дом навсегда пропах дешевым виски. Когда Джудит, единственная из всех, смогла вырваться из этой жизни, она решила не считаться ни с кем, кроме себя. В двадцать лет она впервые начала зарабатывать и продолжала работать все время, пока училась. Она сохранила здоровье и целомудрие, что позволяло ей заставлять себя работать столько, сколько нужно. К просьбам своих родственников о помощи она оставалась глуха. Со временем те поняли, что не вытянуть из нее ни гроша и оставили Джудит в покое, презирая ее и боясь одновременно. Когда ее имя попало в списки кандидатов на стипендию в Гарварде, Принстоне, Чаббе – доброй половине привилегированных университетов – она известила семью, что принята в Гарвардский университет, а учиться уехала в Принстон. Джудит сразу же сменила фамилию, после чего связь с питтсбургским семейством оборвалась навсегда.

Университет мисс Карриол окончила с отличием, а потом углубилась в изучение психологии и социологии и начала работать в Департаменте окружающей среды, что открывало перед ней широкое поле деятельности. Она стала незаменимым человеком для Аугустуса Роума. никто не питал к многодетной семье больше отвращения, чем доктор Джудит Карриол. И пока Роум только разглагольствовал о необходимости ограничить рождаемость во всем мире, Джудит изучала возможности осуществления их планов на практике. Она посетила Китай, где с 1978 года ставили перед собой ту же задачу, затем Индию, применяющую насильственную стерилизацию, Малайзию, Японию, Россию, Арабские Эмираты, Европу, побывала даже в Австралии и Новой Зеландии, которые тоже подписали Делийское соглашение (правда, при условии, что они, подобно США и Канаде, будут ограждены от военных вторжений и нашествий иммигрантов). С группой китайских исследователей она объездила двенадцать стран.

С первых дней работы Департамент окружающей среды стал для нее домом родным. Джудит постоянно находилась в центре событий, была в курсе всех начинаний, направленных на то, чтобы убедить людей отказаться рожать детей. Пока удавалось на китайский манер апеллировать к чувствам и разуму сограждан, не перенимая индийский опыт насильственной стерилизации. Глава Департамента Роум внес личный вклад в пропаганду нового образа жизни, воздержавшись от рождения второго ребенка в собственной семье.

Но успешная карьера не принесла Джудит успокоения. Ей требовались все новые доказательства собственной значимости. Она хотела вести за собой массы! И искренне верила в свою непогрешимость. А все, что могло поколебать эту уверенность, просто отбрасывала.

Естественно, ей становилось не по себе, когда приходилось иметь дело с таким алогичным, подверженным перепадам настроения типом, как доктор Кристиан. Ее постоянно раздражало в нем то, что она считала всего лишь упрямством. Как он мог не понимать, что только с ее помощью сбудутся его мечты? Когда же, наконец, понял – а он понял, сомневаться не приходится, – как мог не оценить ее, не проникнуться благодарностью... не полюбить ее?

Женщина, привыкшая ломать чужие судьбы, час за часом, день за днем сидела перед экраном, наблюдая за доктором Кристианом в самые сокровенные моменты его жизни. И не испытывала ни угрызений совести, ни сомнений по поводу, что делает. Она узнала, что он ковыряет в носу, но не занимается онанизмом, видела, как он поет, хихикает и корчит рожи в

туалете, пока она фиксировала работу его желудка (склонности к запорам он не имел). Слышала, как он (иногда очень страстно) разговаривает сам с собой, когда остается один. Была свидетелем того, что ему бывает трудно заснуть вечером, но просыпается он радостно. Она знала теперь, как искренне любит он мать, братьев, их жен, сестру. Поняла даже, что жена его брата, которую он называл Мышкой, тайно и безнадежно в него влюблена, а вот сестра ненавидит его.

К концу шестой недели доктор Джудит Карриол (как всегда, при помощи Джона Уэйна) закончила составлять досье, включив в него и сочинения доктора философии Джошуа Кристиана «Божье проклятие: новый подход к неврозу тысячелетия».

Отдельно она упомянула Сэмюэля Абрахама и Миллисент Хемингуэй, добившись от каждого из них полного отчета о кандидатурах. В качестве вознаграждения они получили работу над специальными аспектами переселения – крохи со стола Моше Чейзена.

О том, что у нее все готово, Джудит уведомила Гарольда Магнуса, а тот – Президента Тибора Ричи.

Их встреча произошла в Белом доме, в присутствии личной охраны Президента. И все же Джудит чувствовала себя неуютно. Она не привыкла доверять людям, которых не знала, и поэтому не была уверена в президентских телохранителях. Кроме того, ей казалось, что Гарольд Магнус разделяет ее подозрения. Неизвестно, сколько микрофонов и видеокамер таится в этих стенах и электропроводке; неизвестно, с какими целями; неизвестно даже, кто их установил. Как знать, что за подозрительные типы часто появляются в коридорах Государственного департамента, суда и Министерства обороны.

Ясно же, что скучную встречу с представителями Департамента окружающей среды этот олух-президент предпочел бы спихнуть на кого-нибудь другого, если бы не был вынужден время от времени создавать видимость личного участия в делах. Именно поэтому эти цепные псы из госдепа, волкодавы из суда и бульдоги Министерства обороны сейчас мирно спали в своих логовах, будто и не чувствуя запаха жертвы. С каким удовольствием вцепились бы они в гостей из Департамента окружающей среды, который стал пугалом для всего общества. Джудит не испытывала страха. Даже не нервничала, поскольку прекрасно знала, с кем ей придется говорить.

– Я говорю о Джошуа Кристиане, частном психологе в Холломане,

штат Коннектикут.

На экране высокий, неуклюжий, и в то же время грациозный мужчина вышагивал по комнате, обставленной кадками с растениями. Сверхчувствительные стереофонические колонки усилили его бормотание:

– Мама, ты должна быть счастлива. Сегодня я нашел очень убедительные примеры для моей книги. Ко мне за помощью пришел человек. Но я не смог ему помочь. По крайней мере, как психолог. Потому, что он страдал оттого, в чем помочь невозможно. На прошлой недели у него умер ребенок. Да. Его единственный ребенок! Конечно, они могли бы получить разрешение от Бюро на рождение другого ребенка. Но у его жены удалена матка.

Доктор Кристиан остановился, лицо его задержалось (очевидно, низкое качество видеозаписи), затем включилась другая камера.

– У тебя-то четверо детей, Мама... Да, я понимаю, что потерю ребенка родителям ничем не возместить, но ее может смягчить присутствие других детей. Жизнь этого человека превратилась в кошмар. Смерть ребенка! Он стоял, по его лицу бежали слезы, и он просил помощи – не столько для себя, сколько для своей жены. Он говорил так, как будто я мог ему помочь! Никто не мог помочь! Но разве я смел его выпроводить? Я сказал ему, что он должен обратиться к Богу. Не для помощи – для того, чтобы понять... Но он не верит в Бога. Он считает, что Бог, если Бог существовал, он не дал бы ребенку умереть. Особенно его ребенку. Все сводится к этому, мама. Бога создаем мы сами, для себя самих.

На экране мелькнуло приятное лицо женщины среднего возраста, с глазами, полными слез.

– Это его мать, – вполголоса заметила Карриол.

Затем снова появился доктор Кристиан.

– Я спросил его, верил ли он когда-нибудь в Бога, и он ответил: «Нет». Его семья отвергла религию, когда началось накопление ядерного оружия. Но он кое-что читал. Он назвал мне бесчисленные войны, которые велись во имя Бога и под руководством церкви. Он перечислил даже все войны магометан с иеговистами! Он швырнул все это мне в лицо, ниспроверг все дошедшие до нас религии, которые учат, что только их приверженцы могут спастись. «Отчего спастись?» – спрашивал он. Он презирает Бога... Еще он рассказал, как пришел к священнику, духовному наставнику жены, которого раньше никогда не беспокоил, не желая оскорблять его своим безбожием. И святой отец с удовлетворением сообщил, что Бог отнял у него ребенка в наказание! Я спрашиваю тебя, как мог человек, к которому пришли за помощью в горестный миг, сказать такое? Старый, мстительный

Бог все еще живет среди нас... Далеко ли ушли мы от предков? Такие слова были простительны человеку три тысячи лет назад, когда имелись оправдания. Я просто в отчаянии! Я теряю надежду. Не на Бога – на человека.

Искаженное мукой лицо сменилось другим – таким же красивым и выразительным, как у матери доктора Кристиана, только мужским.

– Его брат, Эндрю, – сообщила Карриол.

– Забудь, Джош, – сказал Эндрю. – Ты что-то сделал для этого несчастного?

На экране снова появился доктор Кристиан:

– Просто говорил с ним. Говорил, говорил... Пытался помочь ему обрести истину в Богу.

Камера показала лицо человека, похожего на Эндрю, но не такое выразительное.

– Его брат Джеймс, – пояснила Карриол.

– Ты чего-нибудь добился? – спросил Джеймс.

– Едва ли. Ведь это – только слова... Завтра собираюсь навестить его жену. Но ведь я не могу оставаться рядом с ней день и ночь. Да они, собственно, и не нуждаются в помощи психолога. Они просто хотят, чтобы первое время рядом был человек, понимающий их боль. В таких случаях моя книга приносит пользы больше, чем я сам: она может всегда быть у них под рукой. Боль утраты и чувство одиночества особенно обостряются ночью... Не хочу сказать, что в моей книге найдутся ответы на все вопросы, но она написана специально для того, чтобы людям легче было пережить тяжкие испытания. Книга – как те евангельские хлебы: ею можно насытить многих...

Карриол остановила запись и вручила одну копию рукописи доктора Кристиана Президенту, другую – Магнусу.

– Ее издает «Аттикус Пресс», – заметила она. – И автор проводит большую рекламную кампанию: радио, телевидение, газеты, журналы, лекции... Конечно, еще рано говорить о реакции, но...

Магнус набылся:

– Доктор Карриол, вы хотите сказать, что этот доктор Кристиан – ваш кандидат?

– Да, – спокойно улыбнулась она.

– Но это нелепо! Его никто не знает!

– Да, – согласилась Джудит. – Как Христа и Мухаммеда. Чтобы их признали, потребовалось несколько тысячелетий. Но мы можем поторопить этот процесс. Сами знаете: теперь можно просто проснуться однажды

знаменитым.

Президент сидел, прикрыв глаза.

– Доктор Карриол, – сказал он, – пять лет назад я дал вам задание найти человека, который может излечить нацию. Человека, который ощущал бы пульс общества, был бы способен повести людей за собой. А вы – опять о религии!

– Да, господин Президент.

– Какого черта! – заорал Магнус, обращаясь к Джудит. – Никто ничего не говорил вам о религии!

– Сэр, есть только один способ излечить нацию – создать для нее религию. Лидер должен обладать уникальной способностью воздействия на массы. Размышляя о механизме такого воздействия, неизбежно приходишь к выводу о духовной, религиозной его природе. Значит, о Боге. Но нам потребуется свой, американский Бог, несущий людям американские ценности. Лишь такого Бога граждане США смогут назвать своим. Наш Бог должен взывать к настоящим американцам, а не к каким-нибудь немцам, ирландцам или евреям, живи они тут хоть сто лет.

Ричи понял: эта бабенка цепка, как терьер, а Магнус – просто дворняжка-пустобрех.

– Смотрите, – прервала спор Карриол и включила запись. На экране появился Кристиан, сидящий на столе. Лицо психолога было изображено страданием.

– Я знаю, Люси, что не следует этого говорить, но у меня всегда такое ощущение, что я должен куда-то бежать, что-то предпринимать, а не сидеть здесь и не смотреть на своих несчастных родичей. Пойми, я борюсь с силой, что внутри меня, но она действует сама по себе... Зачем бороться? Не лучше ли выполнить свое предназначение? Миллионы людей, которые даже не подозревают о моем существовании, я могу наставить на путь истинный. Пусть знают, что есть на свете тот, кто любит их и заботится о них. Неважно, кто. Пусть это буду я...

Карриол нажала на кнопку, и экран погас.

– Этот человек, – возмутился Магнус, указывая пальцем на темный экран, – он либо революционер, либо маньяк!

– Нет, – возразила Карриол. – Назвать его революционером нельзя. В душе он очень лоялен. Он скорее созидатель, чем разрушитель. Он не испытывает ненависти – он любит! Не воспламеняет – истекает кровью! Но он не маньяк. Он мыслит логично и трезво оценивает реальность. Согласна: он может впасть в депрессию. Но дайте ему дело, направьте его

твердой рукой – и он достигнет очень многого.

– Н-да, он выглядит внушительно, – задумчиво произнес Президент.

– В нем есть обаяние, господин Президент. Именно поэтому доктор Чейзен и его группа предпочли его сенатору Халлеру. В результате личных контактов с Кристианом я тоже убедилась, что он нам может подойти. Я смогла бы многое еще вам показать, но не стану этого делать. Два эпизода, которые вы просмотрели, говорят достаточно. Остальное – в книге доктора Кристиана. Она написана очень убедительно. Обязательно познакомьтесь с ней.

– Насколько я понимаю, у самой у вас – никаких сомнений, что нам нужен именно доктор Кристиан? – осведомился Президент, внимательно глядя на Карриол.

– Никаких. Лучше него не справится никто.

– Но Хиллер, Хиллер! – завопил Магнус.

– А как Хиллер? – поинтересовался Рич, обращаясь, впрочем, не к нему, а к Карриол.

Джудит положила пульт дистанционного управления плеером на столик и подалась вперед, опершись локтями на колени. Она пристально посмотрела на Тибора и ответила:

– Господин Президент, господин Секретарь, я буду с вами предельно откровенна. Могу привести убедительные доводы, подтверждающие мою правоту. Ведь я досконально изучила кандидатуры, оценить которые способен лишь человек с моим опытом и стажем. Вот мое твердое мнение: сенатор Хиллер не сможет занять это место, несмотря на все свое личное обаяние. Недавно я провела с ним вечер. Было достаточно легко, очень приятно. Но я убедилась, что сенатор любит власть ради самой власти. Невозможно отдать эту должность властолюбцу!

– Интересно, – заметил Президент. По его лицу нельзя было понять, о чем он думает.

– Кроме того, сенатор Хиллер не обладает тем, что по-моему, есть в характере доктора Кристиана. Вы слышали, что доктор Кристиан говорил о себе. Я думаю, это существенно повлияло на мой выбор. Мы понимаем, что нельзя задействовать религию. Во-первых, потому, что существуют религиозные предрассудки. Во-вторых, мы являемся свидетелями того, насколько неудачны попытки существующих ныне религиозных идеологий овладеть чувствами и умами людей. И человек, подходящий для этой работы, должен иметь вокруг себя некий ореол, религиозную ауру. В прошлом, когда еще не было ни машин, ни самолетов, ни компьютеров, да и образованных людей можно было по пальцам пересчитать, только

религиозный деятель мог вести за собой массы. Я не обязана, да и не в моих это правилах – разглагольствовать о положении религии в цивилизованном обществе, джентльмены. Я знаю, что вы ходите в церковь. И лучше меня знаете, как мало там бывает прихожан. С тех пор, как ядерная угроза миру ослабла, люди стали реже искать защиты у Господа. Статистические данные показывают, что только один из тысячи имеет религиозные убеждения и только один из пяти тысяч посещает церковь регулярно. Я не говорю, что тот, кого мы ищем, должен будет привести людей обратно к Богу. Но совсем без Бога нам не обойтись. Джошуа Кристиан способен говорить с людьми о Боге – это главное. Звезд с неба он не хватает; это вы поймете, прочитав его книгу. Помимо мистики чего там только нет! Как обставить комнату, чтобы жилось уютно; как жить с человеком, который к тебе равнодушен; как без нервотрепки переехать на новую квартиру; как вести себя в министерствах, бюро, комитетах и прочих учреждениях; как проводить свободное время; как правильно воспитывать единственного ребенка – все, что угодно! Из этой книги вы узнаете, как сильно любит людей доктор Кристиан. Особенно своих соотечественников. Он – первый, последний и вечный Американец.

– Впечатляюще, – заметил Магнус, обдумывая слова Карриол о Хиллере. Умная, очень умная женщина! У нее правильный расчет: представить Президенту его потенциального противника.

– Пять лет назад мы согласились с тем, что должны сделать для нашего народа больше, чем делали до сих пор.

Весь вопрос в том, чтобы сделать это подешевле. Тем более, что лишних денег в казне нет. Дешевле всего – предложить людям нечто, во что они еще могли бы верить. Не Бога, не особый политический строй, а просто хорошего, доброго, мудрого человека. Человека, который любит их! Они так много утратили из того, что могли любить раньше – от собственных детей, до уютного и вечного жилища, от длинного лета до короткой зимы. Утратили! За что они так наказаны? За грехи? Но большинство из них не знают, что безнравственны, да и не хотят об этом знать. Они живут, как научены и гордятся этим. И никак не хотят поверить, что именно им придется расплачиваться за многие поколения грешивших без оглядки, – расплачиваться только потому, что их угораздило родиться в новом тысячелетии. Как же им верить в Бога, если он – так говорят им в храмах – послал новый ледниковый период им в наказание! Официальные церкви – это дело рук человеческих, даром каждая считает свое учение единственно правильным, истинным. Скажите на милость, какое дело до их споров людям, лишенным многих утех, которыми пользовались предки?

– Я так понимаю, доктор Карриол, что вы сами церковь не посещаете, – сухо заметил Президент.

Она тут же остановилась. Не переборщила ли она? Сказала слишком мало? А может, вообще взяла неверный тон? Она сказала со вздохом:

– Вы правы. Я в церковь не хожу.

– Довольно откровенно.

Она поняла, что нужно менять тактику.

– Я пыталась объяснить вам, что никто не в праве говорить людям, что они любимы, даже церковь. Правительство может о них заботиться, но любить не может. Дайте им человека, живого, конкретного человека, живущего рядом! – она выпрямилась. – Пожалуй, у меня все.

Тибор Ричи кивнул:

– Спасибо, доктор Карриол. Я собираюсь обдумать все семь кандидатур, которые вы назвали, и хочу, чтобы вы коротко высказались о каждой. Признаюсь, я теперь яснее представляю себе, какую цель вы ставили, начиная Исследования, признаюсь. Но могу я вас кое о чем спросить?

Она благодарно улыбнулась:

– Конечно, сэр.

– А сами вы хорошо понимаете цель нашей затеи?

Она немного подумала, прежде чем ответить.

– Думаю, да, господин Президент. Вот почему мне кажется, что доктор Кристиан именно тот, кто нам нужен.

– Так, – Президент испытывающе посмотрел на Джудит и, надев очки, начал перелистывать бумаги. – Что вы скажете о маэстро Бенджамине Стайнфильде?

– Излишне самолюбив. Возможно оттого, что слишком долго ходил в любимчиках музыкальной элиты.

– А доктор Шнайдер?

– Говорят, работа в НАСА над последним проектом сильно измотала ее.

– Доктор Гастингс?

– Вряд ли мы сможем заставить его избавиться от своих футбольных страстей, сэр. Жаль, конечно: этот человек был бы способен на многое.

– Профессор Чарновски?

– В некотором смысле либерал. Но тем не менее, ревностный католик. Не думаю, что он нам подходит.

– Доктор Кристиан?

– По-моему, следует остановить выбор именно на нем.

– Сенатор Хиллер?
– Слишком любит власть и, вдобавок, подвержен капризам.
– А мэр Д'Эсте?
– Очень хороший, бескорыстный, но слишком ограниченный человек.
– Благодарю вас, доктор Карриол, – Президент повернулся к Магнусу. – Гарольд, ты хотел бы что-нибудь добавить? Не считая, конечно, что ты предпочитаешь сенатора Хиллера?

– Только одно, господин Президент. Мне не нравится, что сюда приплели религию. Это чревато последствиями и, возможно, более серьезными, чем мы можем себе представить.

– Спасибо, – Президент кивнул, давая понять, что аудиенция окончена. – Я сообщу свое решение на этой неделе.

Покидая Белый дом, Джудит представляла себе, как раздосадован сейчас Магнус. Он всегда знал, что ей не нравится сенатор Хиллер, но ему и в голову не могло придти, что она так однозначно отвергнет его кандидатуру, да еще в присутствии Президента. Фактически, Джудит поставила крест на всех его планах. И это несмотря на то, что всю дорогу в Белый дом, куда они прибыли на его шикарном «кадиллаке», Магнус детально инструктировал ее, как себя вести на аудиенции.

Теперь, усевшись в машину, Магнус демонстративно захлопнул дверцу перед самым носом Карриол. Джудит так и осталась стоять на тротуаре, провожая изумленным взглядом удаляющийся автомобиль. Ну и ладно! Доехала с ветерком, так уйду налегке. И она отправилась в Департамент пешком.

Через четыре дня Президент официально известил доктора Джудит Карриол и Секретаря Департамента окружающей среды Гарольда Магнуса о намерении встретиться с ними ровно в полдень, чтобы объявить о своем решении.

На этот раз Джудит не получила приглашения вновь прокатиться в Белый дом на «кадиллаке». Пришлось идти пешком. Но было тепло и солнечно – весна пришла как никогда рано. Цвели вишни, первая трава на лужайках была усыпана нарциссами. Магнус – сам того, поди, не желая – доставил ей сегодня истинное удовольствие. Возле Белого дома Джудит увидела Магнуса – он выбирался из своей машины. Джудит подарила ему ослепительную улыбку, получив в ответ крайне сердитый взгляд. Интересно: он, должно быть, понимал, что проиграл. А ведь Магнус знал Президента гораздо лучше. Она-то и встречалась с ним всего один раз, в феврале 2027-го года, когда тот, ерзая в кресле своего офиса, с нетерпением

ожидал, чем кончатся перевыборы.

Сделав в свое время мудрый выбор, его предшественник подготовил хорошую почву и для нынешнего Президента, и, возможно, даже для его преемника. Осторожный и тактичный, Тибор Рич не был, тем не менее, Аугустусом Роумом – всенародно обожаемым правителем. Но те, кто его поддерживал, обычно сравнивали нынешнего Президента с Линкольном. Конечно, никакого сходства и близко не было, но Президенту, несомненно, льстило такое сравнение. Более того, он считал его совершенно справедливым. К великому сожалению Президента, простой избиратель вообще никак не реагировал на подобного рода эпитеты: он просто не помнил ни одного Президента, кроме нынешнего, и сравнивать его было совершенно не с кем.

Их пригласили в кабинет Президента, когда тот еще разговаривал по телефону. Жестом приглашая садиться, он продолжал разговор. Сначала речь шла о русских. Затем стороны пришли к соглашению, что ничего особенного – никаких примечательных переворотов – с тех пор, как было подписано Делийское соглашение, в мире не происходит. Ну и слава богу: Президенту хватает и внутренних проблем. Постоянно приходится заниматься вопросами экономии электроэнергии, борьбой с ростом цен и другими бесполезными делами.

Затем речь шла о пшенице. К тому времени только три страны экспортировали значительное количество зерна: Соединенные Штаты, Аргентина и Австралия. Теплый сезон в Штатах сильно сократился, и здесь шла непрерывная работа по выведению новых, более морозоустойчивых сортов. К тому же в будущем ожидали значительного сокращения количества осадков. Сейчас влаги на полях было еще достаточно, но лишь за счет того, что в последние двадцать лет дождей выпало больше среднегодовой нормы. За предстоящие же годы никто поручиться не мог.

Наконец Президент положил трубку и повернулся к ним.

– Вам известно, Гарольд, какое огромное значение для страны имеет ваш Департамент. Не хочу сказать, что он призван решать все проблемы, но наиболее серьезные – да. Миграция, регулирование рождаемости, консервация истощающихся ресурсов... Вы получаете добрую половину Федерального бюджета, Президент об этом своевременно побеспокоился: он знал, что вы там у себя не ерундой занимаетесь.

Он усмехнулся:

– Вы – люди умные, знаете свои силы и заняты серьезным делом. У вас лучшая в мире компьютерная сеть, которая помогает вам рождать новые блестящие идеи. Я вам верю. Тем не менее долго обдумывал ваши

последние предложения. Главным образом, в части того, так ли уж необходимо проводить предлагаемое вами Исследование.

У Карриол упало сердце. Магнус, напротив, приободрился. Оба впились в Президента глазами.

– Власть предержащим в силу своего высокого положения всегда было свойственно отдаляться от реальных нужд и проблем своего народа. Вот почему так нелепо выглядят попытки человека, родившегося и выросшего в Манхеттене, понять психологию и образ жизни какого-нибудь аборигена, равно как и стремление богача осознать все ужасы нищеты. За что я, главным образом, всегда любил и уважал Аугустуса Роума, так это за то, что он никогда не терял из виду простых людей. Он не занимался демагогией и популизмом. Ему не было нужды это делать – он просто был одним из них.

Магнус кивком головы поддержал Президента. Карриол же лишь улыбнулась про себя: уж она-то хорошо знала истинное мнение Президента о старом Гусе Роуме. Старая жаба!

– Мне, конечно, в этом смысле далеко до своего выдающегося предшественника, – продолжал Президент. – Но вот несколько дней назад я вдруг поймал себя на том, что под каким-то несуразным предлогом верчусь на кухне, гуляю по комнатам во время уборки, болтаю с садовниками, секретарями и горничными. Кончилось тем, что моя встревожившаяся жена потребовала от меня объяснений.

Он выдохнул сквозь стиснутые зубы, и это означало глубочайшее презрение.

– Я не собирался перед ней оправдываться. Я спросил ее: интересно, что она делает, когда остается дома одна, и чем собирается заниматься после того, как мы покинем Белый дом.

В последнее время Тибор практически не общался с женой. Она вела скандальный образ жизни, но он не упрекал ее за это, только старался, чтобы подробности ее походов не попадали в прессу. Он просто не имел права на упреки: ведь это он лишил ее надежды на второго ребенка! Их редкие ссоры вспыхивали в основном из-за девочки: мать воспитала ее слишком дурно для президентской дочери. Тибор любил свою дочь, но мог уделить ей совсем немного времени, а жена ни в чем не хотела ему помогать, – даже в этом.

– Ну, не буду держать вас больше в неизвестности, – сказал, наконец, Президент. – Я решил, что вы должны продолжить Исследования. И согласился с тем, что говорила доктор Карриол о человеке, который, по ее мнению, должен занять вводимую нами должность. Доктор Кристиан –

лучший кандидат на этот пост.

Магнус не стал даже протестовать. Он шмыгнул носом и поджал губы, отчего лицо его приобрело выражение безжалостное и одновременно брезгливое.

– Естественно, – продолжал Президент, – материально-техническое обеспечение полностью ложится на Департамент окружающей среды. Я не собираюсь вмешиваться в вашу работу, но вы должны периодически представлять мне отчеты, из которых надеюсь извлечь для себя какую-то пользу. Финансовый план третьей стадии мной еще не утвержден, так что сейчас вы можете сообщить мне, какая сумма вам необходима. Вот все, что я хочу от вас сегодня услышать, – он посмотрел на Джудит.

– Господин Президент, если бы вы выбрали сенатора Хиллера, я бы назвала вам нужную сумму. Но доктор Кристиан именно и подходит больше всех, что не нуждается в финансовой поддержке. Это патриот, человек долга. Короче говоря, я твердо уверена: если доктор Кристиан возьмет на себя общее руководство Исследование...

– Я согласен с вами, – улыбнулся Тибор Рич.

– Господин Президент, – вмешался Магнус, – мы что, совсем не собираемся контролировать этого человека? У меня лично есть серьезные сомнения относительно доктора Кристиана. Я никогда не доверял тем, кого плохо знал, не собираюсь делать это и впредь. А мы намерены довериться именно такому человеку?!

– У нас нет выбора, – заметил Президент.

– Мистер Магнус, – спокойно сказала Карриол, – со временем вы узнаете доктора Кристиана получше. К тому же он будет находиться под постоянным наблюдением. Я познакомилась с ним достаточно близко и собираюсь продолжить знакомство. Мне-то вы можете верить? В свою очередь, я могу дать вам гарантию: если почувствую, что доктор Кристиан подвергает наш проект опасности, то остановлю его прежде, чем он сможет причинить какой-либо вред. Это я вам обещаю.

Президент улыбнулся, да и Магнус, наконец, расслабился. Оба представили, какого рода могло быть знакомство Джудит с доктором Кристианом. Для Магнуса это немного меняло дело. Все-таки, это стоит запомнить...

– Я согласен, – сказал Секретарь.

– Чем я мог бы вам помочь, доктор Карриол? – осведомился Президент.

– Не думаю, что третий этап исследований потребует больших затрат. Несколько тысяч долларов будет достаточно.

– Да, это немного, – засмеялся Президент.

Вежливо улыбнувшись, доктор Карриол продолжила:

– Что касается доктора Кристиана... Он очень экспансивный человек. Эллиот Маккензи из «Аттикус Пресс» предсказывает, что его книгу будут читать миллионы, а Эллиот, поверьте, свое дело знает. Так что, если доктор заподозрит, что предложение Департамента окружающей среды не принесет ему ничего, кроме напрасных хлопот, он не будет с нами сотрудничать: Кристиан и без нас сможет стать известным и богатым. Я не собираюсь просить для него денег, господин Президент. Ему понадобится лишь возможность свободно передвигаться по стране с оплатой проживания и проезда, будь то на автомобиле, пароходе или в самолете.

Она метнула взгляд на Магнуса и продолжала:

– Деньги потребуются только мне: я собираюсь сопровождать доктора Кристиана в его поездках.

– И сколько именно вам нужно? – спросил Президент.

– Я по-прежнему не могу согласиться с вашим выбором, господин Президент, – вмешался Магнус. – Но если доктор Карриол поедет вместе с доктором Кристианом – это отчасти меняет дело.

– Благодарю вас, сэр, – сказала Джудит. Только теперь Президент вдруг вспомнил, что Карриол – еще и женщина.

– Доктор Карриол, разрешите задать вам нескромный вопрос?

– Пожалуйста, сэр.

– Доктор Кристиан что-то значит для вас, как мужчина? Или как человек?

– Конечно.

– А если вам вдруг придется выбирать между ним и нашим проектом? Чью сторону вы примете? И что будете чувствовать при этом?

– Я буду чувствовать себя несчастной. Но сделаю все, чтобы проект не пострадал. Независимо от моего отношения к доктору Кристиану.

– Вижу, вам тяжело говорить об этом.

– Да, сэр. Но я потратила шесть лет на эту работу и не хотела бы погубить ее результаты из-за личных пристрастий. Наверное, это звучит жестоко, но такова правда.

– Понятно, – Президент положил большую холеную руку на пакет с бумагами и видеокассетами. – Теперь о названии. Думаю, оно невыразительно. Мы должны придумать другое...

– Я знаю, какое, господин Президент, – быстро отозвалась Джудит. Похоже, даже слишком быстро.

– О, вы нас опередили! Какое же?

- Операция «Мессия»!
- Несколько необычно, – заметил Президент, которому новое название не слишком понравилось.
- Зато верно отражает суть проекта, – парировала доктор Карриол.

Глава VI

Доктор Джошуа Кристиан почти не вспоминал о Джудит. Мысли о ней не доставляли ему никакого удовольствия. Кроме того, он был очень увлечен работой над своей книгой, и жизнь его текла строго по расписанию. Вдохновение не покидало его. Слова свободно ложились на бумагу, где соединялись в удивительно гармоничные фразы, хранившие убедительные интонации его голоса.

Мама, Джеймс, Эндрю, Мэри, Мириам и Марта делали для него все, что потребуется, не задавая лишних вопросов. Они терпеливо относились к периодическим приступам рассеянности доктора, перекладывая в доме все вещи таким образом, чтобы они всегда оказывались под рукой и доктора, и его неутомимого секретаря. Домашние готовили и обстирывали, вели длительные беседы с наиболее настойчивыми пациентами доктора. «Вы же знаете, – растолковывали они, – он пишет книгу! Подумайте же не только о себе, но и о тысячах других людей, которые благодаря ей смогут получить столь необходимые им консультации!» При этом они не ворчали на неудобства новых порядков в доме и даже не претендовали на похвалу. Более того, когда доктор Кристиан вдруг начинал рассыпаться в благодарностях за заботу, им становилось стыдно, что сделано так мало, и они с еще большим энтузиазмом искали, чтобы им такое сделать еще для Джоша, Который Пишет Книгу.

Поначалу долгие часы, которые Джошуа Кристиан проводил в беседах с Люси Греко, не давали ожидаемых результатов. Он никак не мог сосредоточиться на ее словах, начинал говорить сам. И все же время не было потрачено впустую: в конце концов, энтузиазм Люси и знания доктора Кристиана впадали в общее русло – в русло будущей книги. В перерывах, когда доктор принимал пациентов или просто погружался в размышления, Люси уходила в свою комнату, где и рождались те образцы красноречия, которыми впоследствии не уставал восхищаться Кристиан.

Работу Люси облегчал диктофон, которым доктор Кристиан не пользовался и – о чем весьма сожалела Люси – никогда не будет пользоваться. Как-то он зашел к ней в комнату и принялся рассматривать наклеенную на диктофон этикетку.

– Что-нибудь случилось? – спросила Люси в замешательстве.

– «Изготовлено в Скарлатти, штат Южная Каролина», – прочитал он грустно. – Знаешь, когда-то в Холломане была масса записывающих

устройств. Всяких, начиная от обыкновенной пишущей машинки. Здесь до сих пор сохранился завод, который их производил. Я иногда гуляю по его территории. Туда легко проникнуть: охраны нет, да и к чему она? Кому нужны все эти станки? На что они теперь годятся? Повсюду грязь и запустение, все покрыто пылью, ржавчиной и сосульками.

Немного помолчав, Люси сказала:

– Может, тебе все же стоит съездить в Скарлатти? Там находится половина всех фирм по производству звукозаписывающих устройств. Я уверена, в любой из них тебе окажут самый радушный прием.

– В этом-то я не сомневаюсь...

– Джош, милый, иногда ты делаешь мою жизнь просто невыносимой. – Она прикрыла глаза, чтобы не видеть его лица. Подумай, сколько времени ты теряешь! Как попусту растрачиваешь силы! В своей книге ты не можешь позволить себе тосковать по прошлому, ведь в ней ты призываешь людей не поддаваться ностальгии. А если они и без твоих советов ей не поддаются, ты тем более не должен делать этого, Джош. Не «делайте, как я говорю» нужно сказать людям, а «делайте, как я делаю». Именно так, иначе тебе никто не поверит.

– О, господи, – воскликнул Джошуа, – ты права, права!

Он как-то сразу обмяк, как тряпичная кукла, затем засмеялся, вскочил со стула и забегал по комнате, ероша жесткие черные волосы:

– Ты так права, так права! О, женщины! Как же необходимы мне и ты, и Джудит, ваши свежие мысли, ваши чистые души! Лучше прислушиваться даже к самой обыкновенной женской болтовне, чем к подобострастному бормотанию собственного внутреннего голоса. Как привести свои мысли в порядок, если те, кто рядом, постоянно смотрят тебе в рот и твердят: «Я так люблю Джошуа, он не может быть неправ». И никогда не критикуют! Спасибо тебе, спасибо, спасибо!

Наконец он остановился и стиснул пальцы:

– Я вот что хочу сказать... Прекрасны настоящие чувства, истинные переживания. Каким глубоким может быть горе, какой хороший лекарь – время. И ничего из того, что с нами происходит – ничего! – не происходит просто так. Иногда новое – это хорошо забытое старое. А слабость может быть так же прекрасна, как сила и смелость.

– Почему я не могу писать о самых обыденных вещах? – спросил он сердито. – Я могу говорить с людьми так, словно язык мой – из серебра, голос – из золота, а душа имеет крылья. Но стоит только мне опустить взгляд на лист бумаги или на одну из этих фантастических штучек, – Джошуа показал на диктофон, – как мысли вдруг разбегаются, и мне никак

не собрать их вместе снова.

– Это психологический барьер, его можно преодолеть, – заметила Люси, чтобы успокоить его.

– Это злокачественное образование в моем мозгу, – тотчас отозвался Джошуа. – Что-то вроде тромба. Опухоль, превращающаяся в гноящуюся рану в моем подсознании.

Люси рассмеялась:

– О, Джош, ты такой хороший, добрый! Вот уж не поверю, что твое подсознание может выглядеть столь отвратительно...

– Чтобы корабль хорошо держался на плаву, его нужно хорошенько загрузить. Но и самый чистый дом иногда нужно очищать от хлама. Почему бы и на человеческий разум не распространить эти правила?

– По-моему, это уже софистика, – заметила Люси.

Кристиан усмехнулся:

– Мышка испытала на мне полный набор своих тестов. У меня дисграфия. Будем утешаться хоть этим.

Эллиот Маккензи прочитал черновую рукопись книги, прежде чем передать ее Карриол. Увы, таковы были условия: рукопись не должна оставаться в издательстве. У Люси в Холломане тоже имелась копия рукописи, но она не могла предоставить ее Маккензи. Все это не нравилось издателю. Что, если с этой драгоценной книгой что-нибудь случится? Или Департамент окружающей среды сочтет, что это она подрывает его интересы и запретит ее публикацию? Права на книгу принадлежат доктору Кристиану, и Джудит Карриол прекрасно это знает.

Люси иногда находила время, чтобы связаться с ним. Она говорила об этой книге с таким воодушевлением, какого раньше он за ней не замечал. Она вела себя как молодая монашка, которой овладел дух фанатического богопочитания: впала в экстаз, исписывала от руки горы листов, не доверяясь диктофону.

Эллиот Маккензи, решив прозондировать почву, поинтересовался у Люси: если Кристиан способен излагать свои мысли перед камерами и микрофонами, почему он не может пользоваться звукозаписывающими устройствами?

– И камеры, и микрофоны придется расставлять между рядами в зрительных залах, – пояснила Люси. – Он убедителен, только когда видит перед собой человеческие лица и глаза, устремленные на него, он будет просто фантастичен.

Но его больше волновало другое: как быть, если Департамент запретит

издание книги?

Через две недели после того, как Маккензи отправил рукопись Карриол в Вашингтон, она позвонила ему:

– Это подходит, Эллиот, – сказала она. – Приложи максимум усилий. И чем скорее, тем лучше. Когда Люси сможет подготовить последний вариант?

– Она говорит, через месяц. Он работает очень производительно – даже слишком. С одной стороны, Люси должна добиться краткости, с другой, боится что-либо упустить. Вы же знаете, чего некоторые читатели ждут от подобных книг. Надо уложиться максимум в 256 печатных страниц. Ну, в следующем году можно выпустить второй том... Правда, это означает, что потребуются дополнительное время для его подготовки. Пока мы отберем то, что надо обязательно уместить в первый том и составим второй.

– Сколько еще потребуется времени?

– До конца сентября.

– И успеете отпечатать тираж до конца октября?

– Вполне.

– Нам нужен миллион экземпляров в твердой обложке и, по крайней мере, пять миллионов в мягкой.

Это было слишком, даже для Эллиота Маккензи.

– Подожди-подожди! Тираж в мягкой обложке принято выпускать не раньше, чем через год после того, как на рынок поступит издание в твердой обложке. У рынка свои законы, Джудит. Мне кажется, мягкую обложку нельзя выпускать сразу.

– Оба издания выйдут одновременно.

– Нет. Извини, нет.

– Извини, Эллиот, да. Ты не пожалеешь об этом.

– Дорогая моя, даже личный приказ Президента Соединенных Штатов не заставит меня изменить свое мнение...

– Посмотрим. Такой приказ ты получишь – и не далее, чем завтра. Пожалуйста, Эллиот, перестань. Тебе не удастся настоять на своем.

Конечно, согласиться он не мог. Но знал, что Джудит – не из тех, кто бросает слова на ветер. Какого только черта появился на его горизонте этот Джошуа Кристиан!

– Послушай, Эллиот, – продолжала Джудит, – речь идет о величайшей книге в истории, правда? Как же можно на ней прогореть? Я нашла тебе эту золотую жилу – я же могу и отобрать ее у тебя. У тебя ведь нет контракта с доктором Кристианом, правда? А вот у нашего Департамента – есть, – она

откровенно наслаждалась своей властью над Элиотом.

И Маккензи сдался.

– Ладно, – произнес он и, помолчав, добавил – Пропади ты пропадом!

– Вот и молодец. Можешь организовать утечку информации о том, что рукопись готова, но имей в виду: ни одна копия не должна попасть в чужие руки. Если нужна охрана, я ее тебе предоставляю – бесплатно. Это очень серьезно, Эллиот! Не выпускай книгу из рук! Ни рукопись, ни гранки. Можешь пригрозить своим людям расстрелом, но книга должна оставаться тайной для публики – до тех пор, пока я не разрешу ее рассекретить.

– О'кей.

– Прекрасно. Я хочу распродать тираж в мягкой обложке с аукциона, и чтобы пресса заранее оповестила всех об этом.

И где только она этим издательским штучкам научилась? Маккензи с трудом перевел дыхание:

– Я все сделаю, Джудит. Обещаю тебе такую рекламу в прессе, которая превзойдет все ожидания. Но – без аукциона. Это недопустимо, ведь я издатель! И моя интуиция говорит мне, что эта книга станет вечным бестселлером. Поэтому я хочу совместного права на продажу тиража в мягкой обложке. Только не аукцион! Пусть продает «Скролл».

– Я настаиваю на аукционе.

– Послушай, Джудит, я думал, ты не хочешь, чтобы всплыло, что здесь замешан Департамент. Я прав? Тогда послушай опытного издателя. Если я сделаю по-твоему, все издательства сразу смекнут, что здесь что-то неладно, не говоря уж о нью-йоркских газетчиках. Ты готовишься сделать большую глупость...

Она долго молчала.

– Ладно, твоя взяла. Ты получишь часть прав на тираж в мягкой обложке, если обеспечишь его одновременный выход с тиражом в твердой обложке.

– Договорились.

– Договорились. Образцы вашей рекламы вышли как можно быстрее. Не для этой книги. А вообще проекты рекламы подобных изданий этой. Телевизионные шоу, радио, журналы, воскресные приложения и тому подобное... Кстати, что ты думаешь о названии книги? Подходит? Или твои люди придумают что-нибудь получше?

– Нет, подойдет и это. Знаешь, я чувствую себя Богом, который играет миром. Этот мир страстно желает иметь над собой Бога, но не может принять его.

– Мистер Ричи хочет знать, откуда взялось название. Это он сам

придумал? Или Люси?

– Они с Люси наткнулись на него в одной книге. Эти строки написала Элизабет Баррет Браунинг. – «Бог, проклиная нас, приносит нам лучший дар, нежели человек, благословляющий нас». Я думаю, этим все сказано, – он помолчал и добавил. – Говоришь, мистер Ричи? Тибор Ричи? Президент?

– Да. Тибор Ричи лично заинтересован в докторе Кристиане и его книге. Я надеюсь, тебе не нужно объяснять, что это должно остаться между нами?

Это сообщение потрясло Маккензи:

– Он что, читал ее?

– Да. И она произвела на него сильнейшее впечатление.

– И что же будет дальше, Джудит?

– Веришь или нет, правительство нашей страны заботится о народе. И мы все – мистер Ричи, мистер Магнус и я – ничто не подействует на состояние нравственности нашего народа благоприятнее Джошуа Кристиана, его идей, его книги.

Изменившимся голосом она добавила:

– Ты ведь читал и мог оценить ее сам. И ты не согласен со мной?

– Всей душой согласен.

Вернувшись домой, Маккензи обо всем рассказал жене: он привык доверять ей, ее уму и осмотрительности. Салли никогда не сплетничала. Сколько он ее знал, она всегда разделяла его радости и тревоги, не посвящая в них посторонних. Их единственный ребенок находился в колледже в Дартмауте и также стремился к знаниям, как некогда его родители. Кроме того, в нем была отцовская деловая закваска, и это позволяло с уверенностью утверждать, что «Аттикус Пресс» останется и впредь владением их семьи. Маккензи стояли во главе издательства с тех пор, как знаменитый дедушка Эллиота основал это предприятие, которое затем год за годом крепло, поставляя огромное количество печатной продукции в магазины Америки и давая Маккензи возможность жить куда лучше, чем им жилось когда-то в Шотландии. Однако теперь их благосостоянию угрожало запрещение рожать более чем одного ребенка. О, если бы можно было иметь еще детей! Если что-нибудь случится с Аластайром.

Нет! Он боялся даже думать об этом, правда, иногда он все же пытался представить себе, что было бы, если бы сын не оправдал его надежд... если бы родился больным... Ужасно! Ах, если бы иметь еще сына... Утешал

себя Маккензи, вспоминая семьи знакомых, где детей дюжина, но достойного наследника, продолжателя дела отца нет. Все дело в генах!..

Итак, он вернулся домой и обо всем рассказал своей жене.

– Мне так не терпится! – воскликнула Салли. – Где эта книга? Я хочу прочитать ее!

– У меня нет копии, – признался Маккензи.

– Как странно, Эллиот! Понимаешь, что я имею в виду? Такая секретность... Уж не заинтересован ли в ней сам Президент?

– Я понял одно: это апофеоз. Гарантирую: «Аттикус» выпустит величайшую книгу в истории.

– Более великую, чем Библия? – сухо поинтересовалась Салли.

– Как знать?! – храбро ответил ей муж.

* * *

Дело продвигалось на удивление быстро. Джудит Карриол поздравила себя с получением небольшого вертолета, прикомандированного к ней. Из Вашингтона они домчались менее, чем за час. О, вот это была жизнь! В Холломане ее поджидал правительственный автомобиль. Он был припаркован на взлетной полосе заброшенного аэродрома, среди высоких сорняков и развалин каких-то зданий. Несколько человек в униформе, взяв под козырек, помогли ей забраться на заднее сиденье. Но – никаких иллюзий относительно собственной значимости. Она могла в полной мере наслаждаться жизнью, которой живут высокопоставленные персоны высшего калибра, но постоянно твердила себе, что не должна привыкать к этой роскоши. Иначе возвращение к будням окажется невыносимым. Прямо-таки завет из книги Джошуа Кристиана: «Наслаждайся, но когда все закончится, не оглядывайся назад. Вперед и вверх – в завтра».

Странно: у нее не было возможности видаться с ним вот уже два месяца, но в последний момент, стоя на тротуаре Оук-стрит между домами № № 1047 и 1045, она не смогла заставить себя вернуться к двери дома 1045, где, как ей было известно, он сейчас работал в своей клинике. Она позвонила в дверь соседнего дома.

Мама горячо обняла ее; так она могла бы встретить собственную дочь:

– О, Джудит! Наконец-то!

Мама вцепилась в Джудит обеими руками, вглядываясь в нее с неподдельной любовью.

– Машина? Вижу ты высоко вознеслась... Я развешивала белье на

заднем дворе. Не правда ли, белье лучше сушить прямо на солнце, чем в подвале?

Боль. О нет, я не хочу чувствовать боль! Я не должна ее чувствовать! Я не могу отвечать за то, что вам предстоит испытать. Мама, Мама, как же, все твои планы и надежды на него? Зачем ты меня встречаешь так, словно я его будущая жена – женщина, выбранная тобой в невестки? В будущем, которое я готовлю твоему сыну, у него не будет ни сил, ни времени на жену. В будущем, которое я уготовила себе, нет места мужу и детям...

– Я боялась помешать ему, появившись в клинике. И вот подумала: – лучше, если приду сюда, – Джудит проследовала за Мамой на кухню. – Как он?

Мама усадила Джудит на табурет и принялась варить кофе.

– Он в порядке, Джудит. У него все прекрасно. Но я думаю, он рад будет освободиться от Люси. Эта книга для него – прямо-таки каторга. Сидит в своем кабинете безвылазно. Не нравится мне это. Знаешь, она очень хорошая... Я Люси Греко имею в виду. Очень милая. Но он так нуждался в тебе! Я знала, что ты приедешь! Нельзя, чтобы он был один сейчас.

– Мама, это смешно! Вы ведь недавно со мной познакомились, ничего обо мне не знаете. И относиться ко мне так, будто я для Джошуа – свет в оконце... Как странно! Я не невеста Джошуа. Он меня не любит, и я его не люблю. И пожалуйста, не надо никаких планов насчет нашего брака: этого никогда не будет!

– Глупая девчонка, – ласково отозвалась Мама. Она поставила на стол свои лучшие чашки из любимого сервиза и склонилась над плитой, следя за кофе. – Будем считать, что не слышала я твоей болтовни. И никогда не зарекайся... Можешь взять свою чашку и дожидаться его в гостиной. Я ему позвоню и скажу, чтобы он пришел, как только освободится.

Притворяется сердитой, подумала Джудит. Как появляются в мире такие Мамы? Ведь она очень молода. Ей нет сорока восьми. Или даже сорока семи? Женщины, посвятившие себя материнству – они тратят на детей всю энергию, отпущенную им природой. И счастливы этим – как Мама. А кто не может? Или не хочет? Ладно, Джошуа Кристиан поможет тем, кто лишен такой возможности. А как же те, кто не хочет? Нет, вряд ли кто-нибудь облегчит их участь...

Солнечные лучи отражались от оконных стекол, и среди буйно разросшейся зелени вспыхивали мириады золотых огней. Цветы – розовые, желтые, синие. Белых среди них почти не было. У Кристианов хороший вкус: зачем в белых стенах белые букеты? Чудесное место, постоянно

напоминающее о красоте, настоящей красоте.

Они были прекрасными людьми. Только прекрасные люди украшают мир, пока другие предаются унынию.

Когда мать позвонила ему и сообщила, что в гостиной ждет Карриол, доктор Кристиан немного удивился. Так много всего произошло с тех пор, как он видел ее в последний раз... Он умудрился забыть об этой женщине. Джудит Карриол? Смутное воспоминание о чем-то фиолетовом и красном; вечный друг и постоянный враг.

Да, столько времени прошло... Он чувствовал себя так, будто успел засеять поле, собрать и обработать урожай и теперь ходил по жнивью, прикидывая, что посеять здесь на будущий год. Он уже не боялся мечтать о том, что, может быть, достоин лучшего, чем простая клиника в Холломане.

«Почему мне так невесело?» – спрашивал он себя, шагая по галерее, соединяющей клинику с домом. Он прошел не через Мамину кухню, а поднялся в гостиную по парадной лестнице. – «Ведь между нами ничего не было. Ничего! Взаимный интерес достойных собеседников. Помню только, что эта женщина имела на меня влияние, я боялся ее. А больше ничего. Почему же я так страшусь посмотреть ей в лицо? Почему не хочу вспоминать о ней?»

Однако все оказалось не так уж страшно. Она искренне улыбалась ему. И больше не посягала на его душу. Просто встретились старые добрые друзья.

– Я только на час, – снова усаживаясь, предупредила Карриол. – Хотела узнать, как у тебя дела. Я прочитала книгу... случайно.

Считаю, что она великолепна. Еще я хочу знать, что ты собираешься делать после того, как ее издадут. Если ты, конечно, об этом уже думал.

Он слушал ее с изумлением.

– Делать после?..

– Это самое главное. Твоя книга... Ты счастлив?

– Конечно; Я так благодарен тебе за то, что ты свела меня с «Аттикус Пресс», Джудит! Женщина, которую они мне дали, она... она... – Он пожал плечами. – Честно говоря, не знаю, как объяснить. Когда я с ней работаю, мне кажется, что она – та самая часть меня самого, которой мне всегда недоставало. И мы с ней написали книгу именно так, как мне хотелось – как будто меня подпитывали идеями. На самом-то деле – нет... Хотя, знаешь, трудно вспомнить как все получилось: столько всего произошло.

Он нахмурился:

– Но я помню, с чего все началось. Помню: ты, как сказочный джинн, возникла из ниоткуда, чтобы исполнить теснящиеся в моем подсознании

желания.

Что за человек! То прозорлив, то чересчур наивен. На первый взгляд – ну вылитый профессор из старой книги, дряхлый, выживший из ума старикашка, который носит с собой записную книжку с адресом и номером телефона и даже с собственным именем – чтобы не заблудиться. А всмотришься пристальней – полубог. Дорогой мой Джошуа, подумала Джудит, не знаешь ты, каким величественным можешь быть – и я Бога молю, чтобы ты никогда об этом и не узнал.

– Они сказали тебе, что ждут, когда ты опубликуешь окончательный вариант? – спросила она.

Он озадаченно взглянул на нее:

– Когда опубликую? Кажется, Люси что-то такое говорила. Но что они от меня хотят? Я ведь уже сделал все, что мог.

– Думаю, они рассчитывают на гораздо большее, чем просто книга, – горячо возразила Джудит. – Она сделает тебя знаменитым. Тебе будут предлагать рекламное турне, участие в теле– и радиопередачах, всякое такое. Боюсь, придется давать интервью для газет и журналов.

Он сделал нетерпеливый жест.

– Ну и чудесно! Хотя я уже написал книгу – ты не представляешь, как я рад этому! У меня есть еще о чем сказать людям.

– Согласна. Но лучше, если ты сам будешь разговаривать с народом. Поэтому потребуется рекламное турне. Там ты сможешь расширить свою аудиторию. Твоей клиникой станет вся Америка.

Она запнулась. Пациенты Джошуа обычно так замолкали, когда требовалось как можно убедительней солгать. Но Джудит пауза понадобилась, чтобы обдумать следующую фразу:

– Я всегда считала, что книга для тебя – не главное.

– Правда, А я думал, это – все, чего ты от меня ждешь.

– Нет. Не ты должен рекламировать книгу, а книга – тебя.

Джошуа никак не отреагировал на ее слова.

– По-моему, Люси упоминала о рекламном путешествии, но я не помню, когда. Извини, Джудит. Наверное, я здорово устал. Все вылетает из головы. Особенно ужасными были последние несколько недель. Сначала мы работали с Люси, потом я, как обычно, работал в клинике... Я не высыпался.

– Ты сможешь отдыхать целое лето, – с улыбкой заверила его Джудит. – «Аттикус» собирается издать книгу осенью, как раз перед тем, как начнутся массовые миграции и приступы депрессии. Твоя книга появится очень кстати. Люди будут готовы к ней. Созреют.

– Да? Гм... Спасибо за добрые слова, Джудит. Я так рад.

Джошуа был растроган. Предстоящие встречи с людьми, забота Джудит о поездке, ее отношение к его делам... Господи, как тяжело ему будет! Он ведь так далек от настоящей жизни! Не смотрит телевизор, не слушает радио, только читает «Нью-Йорк Тайм», «Вашингтон Пост», медицинскую литературу да классику. Хотя и знает о простых людях немного больше, чем можно почерпнуть из этих источников.

Джудит почувствовала в Джошуа нечто необычное, странное, и несколько заколебалась. Что это с ним? Усталость? Угрызения совести? Ерунда, решила она в конце концов. Показалось. Просто расслабилась чуть-чуть, а он – он слишком напряженно работает. Слишком восприимчив. Силы в нем достаточно, не хватает твердости и веры в себя. Зато он способен на поступки. Если понадобится, такие отдадут все, что могут. И даже сверх того.

В конце концов, Джудит осталась пообедать. Она знала, что молодые женщины в доме Кристианов уже не относятся к ней с такой подозрительностью, как при первом знакомстве. Это позабавило Джудит. Пусть Мэри, Марта и Мириам думают о ней и ее отношениях с их обожаемым Джошем что хотят – это их личное дело.

– Вот так Джудит представляет себе, что меня ожидает после публикации моей книги, – закончил Кристиан свой рассказ, когда вся семья собралась вечером в гостиной.

– Я тоже думаю, что без рекламных турне дело не обойдется, – заметил Эндрю. С тех пор, как его брат занялся литературным творчеством, Эндрю сам вел дела. Как человек деловой, он начал смотреть кое-какие телепередачи и включал в своей конторе радио. Конечно, когда не было слишком срочной работы.

– Наверное. В одних случаях поеду с удовольствием, в других, вероятно, по необходимости... Мне так перед вами неудобно. Вы столько уже сделали для меня, а я доставлю вам еще больше хлопот...

– Ну, что ты! – улыбнулся Эндрю. Мама была счастлива. Ее дорогой Джошуа вернулся в лоно семьи после затворничества. Как приятно видеть его спокойно сидящим и потягивающим кофе с коньяком, а не жующим на ходу по пути к письменному столу! Ей даже не хотелось язвить на его счет.

– Как ты думаешь, мне можно будет поехать с тобой? – с надеждой спросила Мэри. Так долго томиться в этом отживающем свой век Холломане, когда за его пределами столько интересного! За ее угрызениями, что она не так умна, как Джошуа, не так красива, как Мама,

не так надежна, как Джеймс, Эндрю, Мириам или Марта, скрывалась мятущаяся душа. Единственная из всех Кристианов, Мэри мечтала о путешествиях, о новых местах. Но не умея преодолеть робость, она не могла никуда выбраться, не смела даже признаться в своих желаниях. Жила спокойной, размеренной жизнью и втайне надеялась, что кто-нибудь в семье сам догадается, чего ей хочется. И не понимала, что ее внешнее равнодушие скрывает от близких ее внутренний мир. Что она так хорошо научилась скрывать свое беспокойство, что никто о нем и не подозревает.

Джошуа улыбнулся и покачал головой:

– Нет, что ты! Ты же знаешь – я не боюсь одиночества.

Мэри промолчала, ничем не выдав разочарования.

– И долго тебя не будет? – поинтересовалась Мышка, глядя на кончики своих туфель.

К ней, такой маленькой, милой и незаметной, Джошуа всегда испытывал особую нежность.

– Дорогая Мышка, не могу даже предположить. Может, неделю. А то и две.

Она молча подняла на него огромные, полные слез глаза.

Эндрю встал и громко зевнул:

– Я устал и иду спать. Надеюсь, вы меня извините.

Джеймс и Мириам, довольные, тоже поднялись. Они были неплохой парой – главным образом потому, что супружество разбудило в них новые чувства. Воспитанные в строгих правилах, они теперь открывали для себя все новые источники плотского наслаждения. Летом они целые дни проводили в постели. Может быть, как собеседника Мириам предпочла бы Джеймсу Джошуа. Но только как собеседника.

– Лентяй, – проворчал Джошуа, тоже вставая. – А я пойду прогуляюсь. Кто со мной?

Мама вскочила и помчалась переобуваться. Тем временем Мышка сделала робкую попытку объяснить, что ей, кажется, вообще-то, надо бы идти следом за Эндрю...

– Ерунда! – заявил Джошуа, – пойдешь с нами. А ты, Мэри?

– Нет, спасибо. Я приберусь на кухне. Марта испуганно и подозрительно смотрела то на Мэри, то на Джошуа:

– Я... я не хочу, Джошуа. Лучше помогу Мэри, а потом пойду спать.

Мэри бросила на Марту злобный взгляд, протянула руку и стащила ее со стула. Это было не очень вежливо, но, почувствовав на запястье сильную хватку Мэри, Марта ощутила, что ее опять спасают от каких-нибудь неприятностей.

– Спасибо, – сказала она Мэри, когда они оказались на кухне. – Не умею я выходить из трудных положений. Но, кажется, Мама тоже собралась идти с Джошуа.

– Ты абсолютно права, – Мэри снова подняла руку, на этот раз для того, чтобы поправить на голове невестки выбившуюся прядь пепельно-коричневых волос: совсем как мышинная шерсть.

– Бедная маленькая Мышка, – добавила она. – Ничего, не унывай. Не ты одна попала в мышеловку.

Ночь выдалась тихой и спокойной. Мама и Джошуа неторопливо шли по дорожке. Джошуа обнимал Маму за плечи, что, учитывая разницу в росте, было для него несколько затруднительно.

– Я рада, что Люси уехала, и ты, наконец, освободился, – кинула Мама пробный камень.

– Я тоже.

– Ты счастлив?

Обычно он избегал ответа на этот вопрос, но между ним и Мамой уже много лет установилось особое взаимопонимание.

– И да, и нет. Передо мной открывается столько новых возможностей... Конечно, я счастлив. Но не все так просто... Кажется, я немного побаиваюсь.

– Все образуется.

– Как сказать...

– Это то, что тебе нужно. Я имею в виду не книгу, не популярность. Теперь ты сможешь помочь многим. Знаешь, Джудит – удивительная. А книга... О твоей книге говорить я не могу – я же ничего в этом не понимаю.

– Как, впрочем, и я сам.

Они пересекли дорогу и вошли в парк. Огромные ночные бабочки кружили в свете фонарей, легкий ветер шелестел листвой, пахло цветами, повсюду прогуливались люди.

– Знаешь, Мама, что больше всего пугает меня? Сегодня я вдруг подумал, что Джудит – вроде доброго джинна из волшебной лампы. Ррраз – она выскакивает и отвечает на любые вопросы.

– Да, какая счастливая случайность, Джошуа... Представь, что было бы, если бы ты не поехал в Хартфорд на суд над Маркусом? Ты никогда бы с ней не встретился! Она очень важная персона, правда?

– Ну, еще бы!

– Ладно, не смейся над бедной старой матерью. Важная, я знаю. Она видит и знает куда больше нас, провинциалов. Ей, наверное, необходимо

все время встречаться с такими же важными персонами, как она сама...

– Этим она и занята.

– И гордится тем, что вращается в таких кругах?

– Наверное, этим можно гордиться. Но она не зазнается. Я почувствовал это на себе: стоит мне чего-то пожелать – не успею я сказать об этом в слух, как она мое желание исполняет.

– Джошуа, если увидишь ее раньше меня, попроси исполнить и мое желание.

– Твое? И чего ты от нее хочешь?

Мама засмеялась, и ее лицо сделалось еще красивее:

– Хочу, чтобы ты и Джудит...

– Не надо об этом, Мама. Я ее уважаю. Иногда она мне даже нравится. Но полюбить ее я не смогу. Да она и не нуждается в любви, сама знаешь.

– Вот уж не соглашусь! Некоторые люди очень умело скрывают свои чувства. Она – как раз из таких. Не знаю, зачем ей скрывать свои чувства. Знаю только, что Джудит – именно та женщина, что тебе нужна.

– Слышишь, Мама? Музыка! Это на озере...

И он быстро начал спускаться с холма к озеру, где ярко светили фонари, где четверо музыкантов на понтоне играли Моцарта.

И Маме пришлось отступить: с Моцартом она соперничать не могла.

Глава VII

Конечно же, люди не могли сорваться с места и уехать за один день. Переселение таких масс заняло несколько недель, хотя и делалось все по четко продуманному плану, благодаря чему экономилось горючее и предотвращались всякие неувязки. Ни одна страна в мире не управилась бы с этим делом в столь сжатые сроки – кроме Америки. Впрочем, нашлись и недовольные – вроде мэра д'Эсте. Ведь одновременное и окончательное переселение на юг перечеркнуло их надежды на то, что и впредь люди будут кочевать туда-сюда. Следовательно, тем самым был подписан смертный приговор городам Севера и Среднего Запада. Районы Западного побережья – Ванкувер, Сиэтл, Портланд – еще держались: климат там был мягче. Но со временем та же судьба постигнет и их. Северян, которые несмотря на все более жестокие зимы и на массовые отъезды соседей, упорно не желали покидать свои богом забытые города, конечно, не могли выселить насильно. Это ведь не женщины, противившиеся закону, ограничивающему деторождаемость, – тех, заставляли делать аборт или даже стерилизовали за бунтарство. Упрямые горожане просто оставались теперь без всякой поддержки государства, без льгот, к которым привыкли, без надежд на будущее.

– Я не хочу уезжать! – рыдала Мама, когда семья собралась в своем зимнем саду, чтобы обсудить новую правительственную акцию.

– Я тоже не хочу, Мама, – рассудительно ответил доктор Кристиан. – Но мы должны... Ничего не поделаешь. Университет собирается в дорогу: начнет свертываться нынче, закончит в 40-м... Сегодня мне звонила Маргарет Келли и рассказала, что решение принято. Кстати: она беременна.

– Если Чабб переедет – конец и Холломану. И куда же тогда? – спросил Эндрю.

– Да уж не на земли ж, что заселены недавними иммигрантами. Они оккупировали все районы вокруг Чарльстона и крепко держатся за них.

– Еще есть время, чтобы все обдумать, – заметил Джеймс. – Джош, человек всегда приспосабливается к новым условиям, и как только приспособится, обживется – глядишь, снова доволен судьбой. Я все это знаю. А все-таки – больно...

– Почему они вдруг решились на такую меру? – вступила в разговор Мириам.

– Может, мы добились таких успехов на ниве сокращения

рождаемости, что численность народонаселения падает быстрее, чем планировалось. А может, мой новый знакомый доктор Чейзен и его умные машины все подсчитали и пришли к выводу, что прежняя практика не принесла ничего, кроме убытков, и пора кончать разбрасывать деньги и средства. Что необычного видите вы во всеобщем переселении? Разве человечество не знает подобных примеров? Пусть хоть один, но знает: вот так же когда-то покинули свою землю жители Центральной Азии. Это было тысячи лет назад – но ведь было! Нет, я не думаю, что решение правительства не подкреплено серьезными выкладками. Мы тоже уедем.

– А наша клиника? – воскликнула Мириом.

Мама опять всхлипнула:

– Не хочу, не хочу! Джош, ну почему нам нельзя остаться? Мы же не бедные, мы сможем выжить!

Он достал из кармана носовой платок и протянул его Джеймсу, тот передал платок Эндрю, и младший склонился над Мамой, чтобы вытереть с ее щек слезы.

– Мама, – с болью в голосе начал Кристиан, – мы до сих пор оставались в Холломане, потому что понимали: мы нужны здесь тем, кто отказался навсегда переехать на юг и покидал город только на зиму. Но сейчас надо уезжать. Надо, потому что теперь так же плохо будет людям там, на новом месте. Во всяком случае, в первые годы. Быть там, где в нас особенно нуждаются – разве не это цель всей нашей работы? И нашей жизни?

Мама сдалась:

– Это будет какой-нибудь городишко в Техасе?

– Пока не знаю. Может, решу что-то после ноябрьской поездки. Мне ведь придется побывать в разных местностях – вот и осмотрюсь.

Эндрю нежно поцеловал Маму и обрадовался, увидев, как на ее лице появилось слабое подобие улыбки.

– Не печалься, Мама, не плачь – выше голову!

Все смотрели на нее не просто с участием – с любовью. И ее первенец, ее первенец – тоже. Так отец смотрит на младшенького, брат – на сестричку. Она придвинулась поближе к Мэри, сидевшей рядом, и, когда дочь протянула матери руку, беспомощно схватилась за ее пальцы и крепко их сжала.

– Да, а миссис Келли? – нашла она в себе силы продолжить прерванный разговор. – Переезд не повредит ребеночку?

– Все будет хорошо, – ответил Кристиан, поднимаясь. – У всех все будет хорошо.

Он открыл парадную, еще забитую досками, и вышел на крыльцо, хлопнув дверью. Ясно было, что он хочет побыть в одиночестве.

Было тихо и холодно, но без сырости. Слишком много перемен. Он отломил сосульку, покатал в ладонях и подышал на заглодевшие пальцы. В морозном воздухе повисло облачко – такие рисуют в комиксах над головами персонажей. Сегодня он был взволнован как никогда. Он привык думать о том, что он в ответе за все общество, за все человечество. И совсем забыл о близких. Предал их. Занимался человеком вообще, абстрактной единицей – а рядом страдали те, кто всего дороже. Что с ним сделалось? Почему он не остался таким, каким был? Почему человек обречен изменяться вместе с этим изменчивым миром? Его близкие – в страхе и печали. Им есть чего бояться и о чем страдать. А он не в силах помочь. Раньше он был к ним бережен, но теперь он утомлен, издерган заботами о целом человечестве.

Боль, как хищник, вонзила в него когти. Он рванул рубашку так, что посыпались пуговицы, но боль этим не остудил. Хотел заплакать, но слез не осталось.

«Божье проклятие: новый подход к неврозу тысячелетия» – значилось на обложке.

Посылку с авторскими экземплярами доктор Кристиан получил в сентябре, через день после того, как в типографии закончили печатать первую партию.

Странно было видеть на обложке этого великолепно оформленного издания свою фамилию. Он затруднялся разобраться в одолевших его чувствах. Удивление? Восторг? Вряд ли. Удивляются и восторгаются чем-то реально существующим. А книга представлялась ему не более, чем миражом.

Конечно, еще будет время примириться с мыслью, что его раздумья облечены теперь в бумажную и картонную плоть: настоящая премьера книги, предшествующая рекламному турне, назначена на конец октября. А пока издание разъедется по книжным складам «Аттикус Пресс», оттуда – с приложением аннотаций, рекламными плакатами – по книжным магазинам. Кроме того, сейчас оно побывает в руках тех, кто сделал чтение своей профессией и должен теперь высказаться о новинке с экранов телевидения, по радио, в газетах и журналах.

Посылка от «Аттикус Пресс» перевернула жизнь на Оук-стрит. Уже на следующий день Кристиану позвонила сестра. Она была взволнована:

– Джошуа, не знаю, что делать... Звонит какой-то сумасшедший. А

может, и на самом деле... Выясни все сам, а? Этот человек утверждает, будто он – Президент Соединенных Штатов!

Доктор Кристиан, слегка волнуясь, поднял трубку:

– Доктор Джошуа Кристиан слушает. Чем могу быть полезен?

– Рад вас слышать, – раздался в трубке удивительно знакомый голос. – Меня зовут Тибор Рич. Обычно в таких ситуациях я не представляюсь, но у меня есть веские причины, доктор Кристиан, обратиться к вам лично.

– Слушаю, господин Президент? – а что еще оставалось сказать?

– Я прочитал вашу книгу, доктор Кристиан, и она произвела на меня неизгладимое впечатление. Звоню вам именно для того, чтобы сказать это. Хотел бы задать вам несколько вопросов.

– Конечно, господин Президент.

– Могли бы вы на несколько дней приехать в Вашингтон?

– Да, господин Президент.

– Благодарю вас, доктор Кристиан. Прошу прощения, что вынужден отвлечь вас от работы. Да, и еще – тут есть одно маленькое «но»... Видите ли, дело, в котором мне понадобилась ваша помощь, оно... оно в некотором роде конфиденциальное, и я не могу организовать вашу поездку с помощью государственных служб или пригласить вас в Белый дом в качестве гостя... Но, если вы сможете приехать в Вашингтон сами, обязательно позабочусь, чтобы вам было где остановиться. Закажу на ваше имя номер в отеле «Хей-Адамс». Отель уютный, рядом с Белым домом. Простите, что причиняю неудобства, но это для меня единственный выход...

– Ничего, господин Президент.

На том конце провода облегченно вздохнули.

– Я свяжусь с вами в отеле... ну, например, в субботу?

– Согласен, господин Президент.

Интересно: следует ли его постоянно именовать «господин Президент» или иногда можно говорить «сэр»? Доктор Кристиан решил, что сможет позволить такую вольность при личной встрече. Иначе не миновать натянутости в беседе.

– Благодарю вас еще раз, доктор Кристиан. Буду обязан, если разговор останется между нами. Итак, до субботы?

– Да, господин Президент.

– Спасибо, до свидания.

Доктор Кристиан посидел, в замешательстве глядя на умолкнувшую телефонную трубку; потом набрал номер. Мэри тут же ответила:

– Ну, что, Джош? Все в порядке?

– Да.

- И кто это был?
- Ты одна, Мэри?
- Да.

– Это действительно Президент. Я должен съездить в Вашингтон, но он хочет, чтобы это обошлось без огласки, – Кристиан подавил вздох. – Сегодня четверг? Он хочет, чтобы мы встретились в субботу утром. Дело конфиденциальное, так что на этот раз никаких льгот не предвидится. Ты не могла бы мне достать билет на завтрашний поезд?

– Смогу. Мне ехать с тобой?

– Господи, нет конечно! Он же предупреждал: никто не должен об этом знать. Как ты думаешь, что мне сказать нашим?

– Нет ничего проще, – сухо заметила Мэри. – Скажи им, что хочешь повидаться с доктором Карриол.

– И как мне самому это не пришло в голову?! Какая же ты умница!

– Ну нет, это не я умница – это ты, Джошуа Кристиан, иногда бываешь на удивление глуп.

Ее голос сорвался на пронзительный фальцет – словно гвоздем по стеклу проскрипели.

– Что-то я сделал не так... Но что? – пробормотал Джошуа, положив трубку.

Конфиденциальность дела не позволила Президенту пригласить доктора Кристиана остановиться в Белом доме, но он действительно позаботился, чтобы в Вашингтоне тот устроился по высшему разряду.

Пешком добравшись от вокзала до отеля, к полудню Кристиан уже отдыхал в своем номере и ждал звонка от Тибора Ричи.

Звонок раздался около двух часов. Что-то в голосе Президента подсказывало, что звонит он уже не первый раз. Нет, ни укоризны, ни раздражения в его тоне не было – только радость, что доктор наконец-то здесь.

– Я пришлю за вами машину в четыре, – сообщил Президент и моментально повесил трубку. Кристиан не успел даже сказать, что мог бы пройтись до Белого дома и пешком.

Не успел он осмотреть и Белый дом: слуга быстро провел его лабиринтом коридоров к личным апартаментам главы государства. То, что Кристиан видел по пути, почти разочаровало: никакого сравнения с любым европейским дворцом и даже правительственным зданием, которые он видывал на экране, когда учился в школе. Только чисто и скучно. Возможно, краткий срок пребывания здешних обитателей у власти и

противоположные вкусы и прихоти сменяющих друг друга очередных первых леди лишали это место красоты и изящества, которые Кристиан ожидал встретить. Не то, что первый этаж 1047-го дома по Оук-стрит.

Президент Тибор Ричи и доктор Джошуа Кристиан были очень похожи друг на друга: то же спокойствие, доброжелательность и отстраненность во взгляде, и у обоих – широкие ладони, сильные пальцы, в которых угадывалась рабочая закваска.

– Мы могли бы быть братьями, – с порога заговорил Тибор Ричи, указывая Кристиану на кресло. – Садитесь, доктор.

Джошуа сел. Пусть Президент сам направляет беседу. Ричи предложил что-нибудь выпить. Они молча ждали, пока принесут кофе для доктора. Президент был скован, внутренне беспокоен, и его собеседник видел это. Но Рич хотел – и это ему удавалось – чтобы гость чувствовал себя свободнее.

– А ничего более существенного, чем кофе, вы не пьете, доктор?

– Немного коньяку после ужина, господин Президент. Не ради опьянения, конечно. Дома мы так согреваемся перед сном.

Президент улыбнулся:

– Вам не в чем оправдываться, доктор. Коньяк – напиток джентльменов.

За считанные минуты между ними установились уважительные отношения, продиктованные не особым церемониалом, а молчаливым взаимопониманием. Наконец, Президент отставил чашку:

– Скверные времена, доктор.

– Да, сэр.

Тибор Ричи помолчал, стиснув пальцы и посмотрев на них. Потом быстро поднял глаза на собеседника:

– Доктор Кристиан, у меня есть проблемы личного свойства. Надеюсь, вы сможете мне помочь. Прочитав вашу книгу, я понял: сможете.

Кристиан молча кивнул.

– Моя жена пребывает в ужасном состоянии. Познакомившись с вашими идеями, могу назвать это состояние классическим неврозом тысячелетия: виновато время, в котором мы живем.

– Если ей уж очень плохо, сэр, это может быть серьезнее, чем невроз... Говорю это только затем, чтобы вы не думали, что я способен творить чудеса. Я только человек...

– Согласен.

Президент продолжал свой рассказ, не раз еще напомнив при этом Кристиану о полной конфиденциальности своего обращения. Будто

подчеркивал, что, чем больше узнает его собеседник, тем большую опасность приобретает для него этот разговор. Как, впрочем, и для самого Президента, – если Президент напрасно положился на порядочность Кристиана. Хотя на самом деле Ричи знал, на что идет; доктор Карриол доказала ему, что Кристиан – именно тот, кто нужен: Кристиан не обманывает доверия своих пациентов.

Ричи был человек вероломный и неискренний. Благополучие семьи, гармония брака, забота о дочери – все это блеф, ложь, мираж. Он сам был виноват в том, что стряслось с его женой. Они продолжали жить вместе только из-за боязни скандала, который неминуемо прокатился бы по всем телеэкранам страны. Конечно, он хотел, чтобы ее вылечили – потому что эта чертова болезнь ставила под удар его карьеру.

– И чем же я могу вам помочь? – спросил доктор Кристиан, выслушав его.

– Даже не представляю себе. Но сегодня... Позвольте просто пригласить вас на ужин. По субботам и воскресеньям Джулия всегда дома, – Президент криво усмехнулся. – Вашингтон – город деловой. Только по выходным каждый имеет возможность побыть в одиночестве, и пользуется этим каждый – и ее друзья тоже.

– Спасибо за приглашение, сэр.

– Она будет немного кокетничать, доктор. Она всегда так с новым мужчиной. Хотя... Вы очень похожи на меня, – это был смех человека, которому редко доводится веселиться. – Так что она, не исключено, возненавидит вас с первого взгляда. Сомневаюсь, правда, чтобы так случилось – не в ее это обычаях. Устрою так, чтобы меня к концу ужина куда-нибудь вызвали, а вы на полчаса остались бы с ней наедине.

Президент взглянул на часы:

– Боже мой! Уже шестой час! В полшестого я каждый день встречаюсь с дочерью.

Не успел он закончить, как вошла девочка, которую сопровождала дама в традиционном наряде английской гувернантки. Гувернантка тут же вышла, не забыв поклониться Президенту, но громко хлопнув дверью. Осталась девочка – лет двенадцати-тринадцати, высокая, худенькая, похожая на отца. Пожалуй, ей не помешали бы уроки танцев или занятия гимнастикой. Нарекли ее в честь матери; отец звал ее Джули. Почти уже девушка, она вела себя совсем по-детски, шалила, как двухлетняя. Отец за руку подвел ее к своему креслу, усадил к себе на колени. Она тут же принялась забавляться его галстуком, тихонько мурлыкая что-то себе под нос. Казалось, ей совсем нет дела до гостя, который наблюдал за ней.

Девочка не произнесла ни слова. Но Кристиан заметил: Джули то и дело бросает на него хитрый и настороженный – оценивающий – взгляд. Смущенный, доктор прикрыл глаза рукой. Теперь он мог следить за девочкой, не смущая ее. Он заинтересовался: так-так, явная заикленность... скорее, психическое отклонение, нежели задержка в развитии... Много лет назад он сделал вывод: богатых, именитых, обеспеченных лечить труднее, чем их менее удачливых сограждан. Надо бы проверить эту девочку, протестировать, послать на пару дней к Моше. Лучше Моше с этим делом никто не справится.

– Господин Президент. Не показали бы вы мне – если можно, конечно, – свой дом? По сути я ничего не успел рассмотреть, а ведь это, пожалуй, единственный шанс увидеть, как живет Президент. Если бы меня кто-нибудь проводил...

Ричи благодарно взглянул на гостя. Он тут же взялся за телефон и через несколько минут все было улажено, хотя по субботам экскурсии по Белому дому не проводили.

– Давайте не торопиться, – попросил Кристиан сопровождающего его охранника. – Я хочу тщательно все осмотреть.

Так что к Президенту он вернулся уже почти в семь часов, закружив своего спутника по залам и галереям и замучив его вопросами.

Джули он уже не застал. Зато появилась Джулия.

Первая леди вела себя в точности как некоторые его пациенты. Едва он устроился на одном конце диванчика, на который она указала гостю, как Джулия тут же устроилась рядом, повернувшись к нему лицом и подогнув одну ногу под себя. Поза ее говорила даже не столько о желании понравиться новому мужчине, сколько уязвить мужа. Что бы Кристиан ни говорил, хозяйка дома отделялась томными репликами, но то и дело старалась подчеркнуть свое к нему расположение, касаясь рукой то его руки, то плеч, то щеки. Если гость был человеком курящим она затевала грандиозную игру под названием «закурить сигарету». Доктор Кристиан частенько думал про себя, что, избавившись от пагубной привычки к табаку, человечество утратит вместе с нею и самые красноречивые знаки языка жестов.

Она очень красива, эта Джулия Рич. Белокурая, белокожая, огромные светло-голубые глаза, восхитительная грудь, прикрытая ровно настолько, чтобы не слишком оскорблять общественную нравственность. Сложена, как Венера. Лет на пятнадцать моложе мужа. Одевается изящно и недешево.

Если Рич ожидал, что за ужином гость блеснет умом и красноречием,

то его ждало глубокое разочарование. Хотя Кристиан старался, как мог, поддерживать разговор за столом, вряд ли его реплики стоило назвать блестящими, остроумными, глубокими или даже оригинальными. Да Джулия и не давала ему развернуться. Приходилось все время быть начеку эта женщина имела дурную привычку своими фразочками то и дело взламывать логику мирно текущей беседы. Бедняга Ричи! Увлёкся в свое время не по годам развитой девицей? Попался на крючок? Наверняка Джулия умела, если надо, быть обаятельной.

Когда доедали третье блюдо, Президента вызвали по делу. Он встал, извинился и, пообещав к концу ужина вернуться, вышел.

Кристиан остался один на один с миссис Ричи. Беспокойство не оставляло его.

– Десерт хотите, Джошуа? – она стала называть его по имени с первой минуты знакомства, хотя Тибор Рич обращался к гостю официально, тем подчеркивая свое к нему уважение.

– Нет.

– Тогда и столовая нам больше не нужна. Не думаю что Тибор вернется. Он это редко делает. Оставим ему час – чтобы мог соблюсти приличия.

Последняя фраза прозвучала несколько загадочно.

– Ну если так...

Казалось она несколько колеблется. Но потом вздернула голову и торжественно последовала к дверям, держась от гостя на расстоянии позволявшем заметить, как соблазнительно подрагивает ее грудь в такт шагам.

– Я позвоню, чтобы принесли кофе, – она уже уселась на диванчик и жестом пригласила гостя сесть рядом.

Однако он выбрал одно из кресел. Только развернул его так, чтобы быть к нему лицом Кристиан сел, закинув ногу на ногу и глядя на Джулию поверх сплетенных пальцев рук.

– Боже мой! Да вы холодны, как рыба! – воскликнула она.

– Так же, как и вы.

Она дышала взволнованно.

– Что ж, вы абсолютно правы.

– Я так и думал.

– И что же вы на самом деле думаете обо мне, Джошуа?

– Миссис Ричи, мы не настолько близко знакомы, чтобы я мог говорить с вами откровенно.

Эти ее озадачило. Подумав, она решила сменить тактику. Лицо первой

дамы приняло выражение невинности, на глазах выступили слезы:

– Джошуа, мне так нужен настоящий друг! Не могли бы вы стать таким другом?

Он искренне расхохотался:

– Нет.

Она смутилась, но тут же предприняла еще одну попытку:

– Почему же?

– Вы мне не нравитесь, миссис Ричи.

Ему показалось что она вот-вот ударит его или разодрав не себе платье, кликнет охрану. Но что-то остановило ее. Она лишь резко повернулась и выбежала из комнаты, на ходу размазывая слезы.

Когда через двадцать минут вернулся Тибор доктор Кристиан был один.

– А где Джулия?

– Ушла.

Президент устало опустился в кресло.

– Она вам не поверила? Ах, черт...

Он огляделся в поисках подноса с кофе и коньяком.

– Как, вам еще ничего не подали?

– Я решил дождаться вас, сэр.

Стоило Тибору улыбнуться, как он становился лет на десять моложе. И гораздо привлекательнее.

– Благодарю вас, доктор Кристиан, – он вышел чтобы позвать слугу.

Коньяк оказался не самого лучшего сорта, но кофе – великолепен.

– Вы... вы не можете мне помочь, – в голосе Президента слышалась неподдельная печаль.

– Господин Президент, никто не сможет вам помочь кроме вас самого.

– Она так больна?

– Здорова, сэр. У вашей жены нет ни одного из пороков, в которых вы ее подозреваете. Она не нимфоманка и не невротичка. Она – всего лишь избалованный ребенок, который вдруг понял, что он – вовсе не пуп Земли, как ему представлялось в детстве. Да, вы позвали на помощь слишком поздно. Не знаю, как вам поправить свои семейные дела: она вас не уважает. И еще... – Кристиан решил быть откровенным до конца. – Вы сделали неправильный выбор. Ей нужно постоянное внимание, она мечтает, чтобы все увивались вокруг нее, угадывая ее желания. А чувство долга, ответственность – все это для нее пустые звуки. Ваша работа – для нее лишь помеха, и она наслаждается, мешая вам заниматься делами. Единственное, что могу посоветовать: попробуйте спасти хотя бы себя.

Спасение же – в том, чтобы расстаться. Благо поводы для этого есть. Сама она никогда не отважится на серьезный шаг. Да и зачем, если она находит удовольствие в том, чтобы изводить вас.

Выслушивать такие советы от малознакомого человека неприятно. Но Ричи сумел это переварить.

– Понятно. А как вы думаете, доктор, если она прочитает вашу книгу?..

Кристиан засмеялся:

Если вы предложите ей сделать это, сэр, боюсь, что она треснет вас моей книгой по голове. Могу объяснить, почему в ваше отсутствие мы немножко повздорили. Я сказал – без обиняков – что о ней думаю. И ей это не понравилось.

– Ну, что ж, – вздохнул Президент. – Легких путей не бывает.

– Нет, не бывает.

– Просто я так надеялся на вас...

– Этого я и опасался. Весьма сожалею, сэр.

– Причем тут вы, доктор Кристиан! Понимаю, что виноват только я сам. Но так жалко ее, так стыдно за себя... Не расстраивайтесь. Как говорится, перемелется... Еще бренди? Как он вам, неплох?

– Очень хорош, сэр.

Вдруг Президент заговорщицки склонился к гостю.

– Знаете, доктор Кристиан, в моей должности не так уж много хорошего, но одно бесценно: по крайней мере, я могу меньше других людей опасаться доносчиков. А посему имею право покурить. Конечно, если вы не против. Я ведь не знаю, курите ли вы. Ну как, присоединяетесь?

– Сэр, отвечу вам цитатой из Киплинга: «Женщина – это всего лишь женщина, а хорошая сигара – это Сигара».

– Прекрасно! Тогда – прошу!

Они налили себе по третьей рюмке коньяка и откинулись в креслах, утопая в облаках табачного дыма. Только тогда доктор Кристиан осмелился:

– Господин Президент, несколько слов о вашей дочери.

Ричи насторожился:

– А что такое?

– Мне кажется, с ней не все так просто. Умственная отсталость тут не при чем.

– Что вы хотите этим сказать?

– Она поразила меня своей сметливостью. Конечно, пока это поверхностное впечатление, но...

– То есть? – в голосе Президента послышалась боль. – Вы забираете одну надежду и хотите взамен подарить другую? Или?.. Господи, я действительно хотел, чтобы вы осмотрели Джулию, но моя дочь...

– Сэр, мне хотелось бы помочь вашей дочери. Кто ее осматривал? С чего вы взяли, что она – умственно отсталая? Скажите, это были трудные роды? Как у вас с наследственностью?

Президент надменно выпрямился:

– Беременность и роды протекали прекрасно. Сомневаюсь, чтобы в семье жены встречались какие-то отклонения от нормы. В моей – тоже. Доктора девочку смотрели: и Джулия с самого начала говорила, что с ней что-то не так. Поэтому Джулия так переживает свою неудачу в лотерее Бюро.

– Сэр, давайте забудем, что осмотр вашей жены кончился плачевно для меня. Окажите мне одну услугу...

– Какую?

– Разрешите протестировать Джуди.

– Ну, что ж... В конце концов, я от этого ничего не потеряю... А у вас есть какие-то предположения?

– Не стал бы торопиться с утешениями. Возможно, помочь девочке и не удастся. Но все-таки я надеюсь, что... Нет, не буду торопиться, не заставляйте меня. Вдруг я ошибусь? Давайте доверимся тестам.

– Я отправлю ее к вам в клинику, когда скажете.

– Нет, сэр. Лучше я пришлю сюда на несколько дней свою невестку, Марту. Конечно, если вы не возражаете. Это позволит сохранить в тайне и само тестирование, и его результаты. Я вовсе не желаю прославиться как врач, лечивший дочь Президента. Не хочу. Если результаты тестов оставят надежду на излечение, порекомендую вам вполне компетентных специалистов.

– А сами не решаетесь братья за курс лечения?

– Это не мой случай, сэр. Я, напомню, психолог. Специализируюсь на неврозах. У вашей же дочери я не замечаю душевного расстройства. Тут нужны специалисты другого профиля.

Президент лично проводил доктора Кристиана до машины и сердечно распрощался с ним.

– Благодарю, что откликнулись на мою просьбу.

– Сожалею, что не смог помочь вам по-настоящему.

– И все же – помогли. Не говоря уж о дочери... Знаете, знакомство с таким человеком, как вы, – с человеком, который не думает о себе одном, – выпадает не часто. Желаю удачи с вашей книгой.

Президент постоял в дверях, глядя вслед машине, увозившей доктора Кристиана, пока лимузин не пропал в бешено летящем потоке машин. Итак, вот тот, кого доктор Карриол выбрала и готовит на роль Мессии. Вот кто должен повести за собой смятенное человечество. Нельзя сказать, чтобы этот человек действовал зажигающе. Но что-то в нем есть. Тепло, добросердечие, искренний интерес к встречным... И очень сильный характер. Ричи усмехнулся, представив, что там было между Кристианом и президентской женой. Впрочем, развеселился он не надолго. Что же делать с Джулией? До выборов – всего два месяца, на перемены нет времени. Правда, история помнит и разведенных президентов. Один даже умудрился использовать развод как козырь в предвыборной борьбе – и остался на своем посту. Да, старый Гус Роум не позволил бы себе таких промашек на семейном фронте. Шестьдесят лет образцового брака – не шутка! Старый лис... – улыбка блуждала по лицу Ричи. – Говорят, когда Роуму было чуть больше двадцати и он впервые появился в Вашингтон, он приглядывался ко всем столичным дамам без исключения, пока не положил глаз на жену сенатора Блака, по достоинству оценив красоту, ум, организаторские способности Оливии... и ее место в высшем обществе. И просто увел ее у сенатора. А в результате получилась великолепная пара, хотя жена была старше Гуса на тринадцать лет. Такой выдающейся первой леди страна еще не знала. Но что при этом творилось за кулисами этого благополучия – просто жуть! Впрочем, старый Гус никогда не жаловался. На публике – лев, дома – белая мышь. Гус, сделай так! Гус, не делай этого! А когда она умерла, он бросил все дела, бросил столицу. Уехал в свой дом в Айове да там и умер месяца через два. Только вот Джулия – не Оливия Роум. Наверное, он слишком долго оставался холостяком. Долг государственного мужа, долг мужа своей жены – отстали бы все от него с разговорами о долге! Единственное, чего ему действительно хочется – вернуться в уютный домик среди продуваемых ветрами гор, дом, где он так редко теперь бывал, и спокойно жить там с дочкой. Немного рыбы. Прогулки по травянистым тропкам в густом лесу. Нимфы, прячущиеся за скалами, и дриады, играющие в кронах деревьев. Невозбранно курить сигары – даже если знаешь, что легкие почернеют от никотина. И никогда больше не видеть Джулию.

– Ах ты, черт! Черт побери! – доктор Джудит Карриол влетела в кабинет Моше Чейзена вне себя от ярости.

Он был поражен. Никогда еще доктор Чейзен не видел свою начальницу такой раздраженной. Фурия! И в глазах ее – буря, шторм,

водоворот вокруг смертельно опасных рифов.

Не иначе, тут замешан доктор Кристиан или операция «Мессия». Что же еще могло так вывести из себя Джудит Карриол!

– Идиот! Знаете, что он натворил?

– Нет, – отозвался Чейзен, полагая, что она имеет в виду Магнуса.

– Принял приглашение Тибора Ричи! Согласился осматривать эту продажную девку – президентскую женушку! И ничего мне не сказал! Да как он посмел?

– Кто – посмел, Джудит?

– А кто еще может так сделать? Кто может болтаться по Белому дому, даже не сказав об этом мне? Что он сделал... Я скажу, что: он наплевал на всех нас, наплевал!

– Ах, Джошуа?..

– Конечно, Джошуа! Кто же еще?

– Бог ты мой! – Чейзен тут же представил себе, как доктор Кристиан пал жертвой первой леди государства – первой соблазнительницы в Соединенных Штатах. Вобщем-то все в Вашингтоне подозревали, что она холодна, но каких только фантазий не внушает мужчине образ женщины, которая пока ему не доступна.

– Да что случилось-то? Не верю я, что и сам Президент сможет толкнуть нашего Джошуа в объятия первой леди.

Доктор Карриол уже взяла себя в руки и наконец заметила недоверчивый и насмешливый взгляд Чейзена.

– Моше, не глумитесь, я имела в виду вовсе не это... Рич попросил его приехать в Вашингтон и помочь Джулии. И Кристиан приехал! Не сказав ничего мне, сунулся в самое пекло. Тут бы ему и гореть синим пламенем, да ведь надо же такому случиться – Джулия вовсе не разделалась с ним. Но меня больше интересует, не изменилось ли теперь мнение Президента. Может, эта сучка вертит мужем, как хочет и способна нам здорово навредить?

– Ну, и что вы намерены предпринять?

– Несколько недель я завязала знакомство с Гарри Маннерингом, самым любимым чичисбеем Джудии. Слизняк, да и только. Как и все ее ухажеры – способен действовать только по указке. Абсолютные нули, но – безупречная родословная и масса денег.

– Ну зачем вам Маннеринг? Не проще ли выудить информацию из какого-нибудь офицера из охраны, раз уж интересует вас Президент, а не его жена.

– Этак меня заподозрят в шпионаже. Надежнее поддерживать

отношения с другом жены Президента. Гарри позвонил минут пять назад и рассказал об этой встрече в Белом доме – и о том, какое впечатление Кристиан произвел на Джулию.

– Может, он что-то преувеличил? В конце концов, он знает только часть правды...

Гнев ее уже иссяк:

– Скорей всего, так оно и есть. Во всяком случае, будем на это надеяться. Но как он посмел, Моше? Как он посмел действовать, не посоветовавшись со мной?

Чейзен лукаво улыбнулся:

– Джудит, не эгоизм ли это – так говорить?..

– Какой, к черту, эгоизм? Если только – его эгоизм. Ведет себя по-свински. Моше, что теперь делать? Так боюсь: вдруг Президент навредит операции «Мессия» в самом начале, когда все так хрупко... Подождите-ка! – она бросилась к телефону и набрала номер Джона Уэйна.

– Джон? Не пытались ли мистер Рич или мистер Магнус найти меня? Нет? Ладно. Если понадобится вам или позвонит кто-нибудь из них – я в кабинете доктора Чейзена.

Она повесила трубку.

– Важные дяденьки еще молчат.

– Когда это случилось?

– В субботу.

– Сейчас понедельник, вторая половина дня, Джудит. Прошло достаточно времени, чтобы Президент вызвал, кого надо, и приказал прикрыть нашу операцию. Если, конечно, собирался это сделать...

– В любом случае, у нас еще есть несколько дней.

– Значит, теперь вы можете открыться доктору Кристиану во всем?

Она ответила свирепым взглядом:

– Да как же я это сделаю, Моше? А вдруг правда убьет в нем того Кристиана, который и нужен нам? Он ведь то милый, чистый, прямо-таки неземной – а то вдруг нервный, крутой в решениях. И никогда не знаешь, каким будет в следующую секунду. Проклятье...

– Господи! – прошептал Чейзен, сделав неожиданное для себя открытие. – Вот уж не думал...

– Что еще?

– Да вы ведь влюблены в Джошуа! Она вскочила так, что Чейзен отпрянул.

– Я не влюблена в Джошуа Кристиана, – крикнула она, и Чейзен увидел перед собой звериный оскал. – Меня не интересует Джошуа

Кристиан. Меня интересует операция «Мессия».

И, развернувшись на каблуках, доктор Карриол вышла из кабинета.

Чейзен поднял трубку и набрал номер Уэйна.

– Джон? Будь ты поумней – уже подыскивал бы себе норку поукромней. На ее пути стоят большие люди, так что...

Он отодвинулся от стола и некоторое время смотрел в окно. Дерьмо! Набрать бы больше претендентов – вот была бы объективность! Он бы показал этой Джудит, что такое настоящая статистика...

Глава VIII

Книга «Божье проклятие: новый подход к неврозу тысячелетия» доктора философии Джошуа Кристиана вышла в пятницу, 29 октября 2032 года в издательстве «Аттикус Пресс», в жестком и мягком переплетах одновременно, причем издание в мягком переплете было отпечатано в «Скролл бук».

Слухи о ней достигли в Нью-Йорке точки кипения еще в конце июня, а через месяц они дошли до Лондона, Парижа, Милана и Франкфурта. Наконец, в середине августа были выпущены гранки, разосланные книготорговцам. Это было предварительно откорректированное издание, и тираж его достиг всего 2000, поскольку оно не предназначалось для продажи, а разошлось по коллекционерам, которые отныне могли везде носить эту книгу с собой, не расставаясь с нею даже в туалете.

По издательствам циркулировали слухи, связанные с именем доктора Джошуа Кристиана; в газетах начали появляться небольшие статьи о его книге, и только трудности путешествия удерживали журналистов от преждевременных набегов на Западный Холломан. Некоторые из них, конечно, туда пробрались, но достигли очень немного, ведь им пришлось беседовать с Мамой, которая могла дать отпор любому журналисту, и кроме того, выглядела слишком молодо, чтобы предстать на газетных снимках как мать выдающегося философа. Хотя ей, нужно заметить, очень нравилось быть знаменитой.

После бурных обсуждений в издательстве «Аттикус», выяснилось, наконец, что сам доктор Джошуа Кристиан был не слишком известен публике, пока не появился в шоу «Вечер с Бобом Смитом» на Эн-Би-Си в пятницу, 29 октября. Коммерческий директор «Аттикус Пресс» все еще не в состоянии был поверить, что поднялась такая шумиха, и доктор Кристиан оказался самым почетным гостем шоу с правом на личный монолог. За всю историю шоу еще ни один неизвестный писатель не делался гвоздем этой передачи до того, как о его книге заговорит, по крайней мере, большая часть страны. Но с того момента, как коммерческий директор набрала номер телефона, чтобы начать свое обычное «привет-как-дела-дружище-у-меня-есть-для-тебя-гость», колесо закружилось со сказочной скоростью. Одно шоу за другим соглашались мгновенно пригласить доктора Кристиана на передачу. «Конечно, конечно, может в любой день. Конечно, конечно, дайте нам знать, когда...» И даже такое шоу, как «Вечер с Бобом Смитом»,

где были особенно разборчивы в гостях, отказалось от своих правил ради доктора Джошуа Кристиана. Директора даже не пытались обмануть, как обычно, в финансовом вопросе. Невероятно! Что же это происходит?

Конечно, книга распространилась намного раньше, чем была опубликована, и в «Таймсе» уже стояла на первом месте во всех списках наиболее популярной литературы. Газеты были полны стандартных ахов и охов, даже более того: «Еженедельный издатель», «Церковное обозрение» и «Книжное обозрение Таймса» поместили целые статьи о книге «Божье проклятие» и ее авторе. Но особенно примечательна была реакция отдела сбыта издательства и книготорговцев по всей стране.

Несмотря на рекламу, созданную Эн-Би-Си, Боб Смит книгу доктора Кристиана не читал. Он вообще никогда из принципа не читал книг, авторы которых могли оказаться гостями его шоу. Он считал, что писатель, приглашенный в студию, раскроется лучше, если беседа с ним строится на вдохновении и импровизации. И пока его метод полностью себя оправдывал.

Главным центром средств массовой информации считалась Атланта, штат Джорджия. Газетчики из Нью-Йорка двинулись туда в конце прошлого столетия, а из Луизианы – с приходом третьего тысячелетия, гонимые непомерными налогами, ограничениями на перевозку грузов самолетами, стоимостью горючего и множеством других проблем. Куда бы они отправились из Атланты, если бы вдруг выяснилось, что и здесь от них решили избавиться, они не знали, но им казалось, что всегда найдется место, где их примут с распростертыми объятиями и, возможно, в этом они были правы.

* * *

Прежде чем появиться в телепередаче «Вечер с Бобом Смитом», доктор Джошуа Кристиан прошел через чистилище пресс конференции. Держался он прекрасно. Его не смутило ни щелканье фотовспышек, ни каверзные вопросы, задаваемые людьми, которых он с трудом мог различить в свете юпитеров. Его остроумие чрезвычайно понравилось коммерческому директору «Аттикус Пресс». Впрочем, она хотела, чтобы большую часть информации доктор Кристиан сохранил для шоу Боба Смита. Но предпочла помолчать о своих планах: она уже познакомилась с нелегким характером этого философа.

Кое-чего она не могла понять. Например, «Аттикус» обеспечивало

безопасность при путешествиях доктора Кристиана на вертолете, куда бы тот ни пожелал направиться. Даже Тошио Йокинори, получивший Нобелевскую премию по литературе и имевший вдобавок недюжинные способности в части торговых сделок, в свое время ничего подобного не заслужил. Впрочем, это было не ее ума дело. Ее дело – разъезжать с доктором Кристианом на принадлежащей «Аттикус» машине, заботиться о нем, как курица о яйце, и сдувать пылинки с его старого твидового пиджака, следя за его внешним видом. Сам же герой восседал в автомобиле совершенно невозмутимо.

Они полетели из Нью-Йорка в Атланту на маленьком вертолете, который, как было известно доктору Кристиану, принадлежал Президенту, но был выделен лично для него. Летал вертолет со сверхзвуковой скоростью и имел комфортабельный салон. Доктор Кристиан не настолько был оторван от жизни, чтобы не знать, сколько проблем возникает у сопровождающих, но все принимал как должное искренне полагая, что такие вертолеты выделяются всем писателям, сотрудничающим с «Аттикус». Коммерческий директор особенно не распространялся на этот счет, а доктор не мог предположить, что здесь замешано правительство.

Маленький вертолет сделал по дороге в Вашингтон единственную посадку: чтобы забрать Джудит Карриол.

Доктор Кристиан был ужасно рад видеть ее. Мама, конечно, тоже хотела приехать. И Джейм собирался ее сопровождать, но не был уверен, что сможет освободиться на все время рекламной поездки. Упрямая Мэри тоже предлагала свои услуги, но не поехала по тем же причинам. Джошуа еще надеялся, что, может быть, Люси Греко сможет отправиться с ним в Атланту или, если ее не будет, – Эллиот Маккензи, или коммерческий директор. Перелет в полном одиночестве немного пугал его.

Он никогда еще не летал. И уже вышел из того возраста, когда хочется чего-нибудь новенького. Самолеты практически не поднимались в воздух, кроме тех редких случаев, когда в этом возникала крайняя нужда. Да и билеты тогда покупали те, чье положение давало такое право. Остальные довольствовались переполненными поездами и автобусами.

– Джудит, это просто чудо! – воскликнул Кристиан, пожимая протянутую ему руку. Карриол разместились на заднем сиденье.

– Думаю, ты можешь быть благодарен судьбе, – сказала она. – У меня появилась возможность приехать: Эллиот любезно разрешил мне сопровождать тебя. И – друга. Надеюсь, ты не возражаешь?

– Я восхищен!

– «Вечер с Бобом Смитом», да?

– Да.

– Ты вообще видел это шоу?

– Нет, никогда. Я хотел посмотреть последний выпуск, но Эндрю отсоветовал. Он настроен против всех шоу из списка, который прислали мне из «Аттикуса», и против всех шоу вообще. Он говорит, что будет лучше, если я прямо сейчас откажусь от участия.

– Ты всегда следуешь его советам?

– Когда Дрю что-то говорит, а он делает это нечасто, к его совету стоит прислушаться.

– Волнуешься?

– Нет. А что, надо волноваться?

– Да нет.

– Волнует меня только то, что есть возможность поговорить с народом. Надеюсь, Боб Смит читал мою книгу.

– Думаю, нет, – отозвалась Джудит, прекрасно зная методу ведущего программы. – Ты будешь сам говорить Бобу Смицу о тысячелетнем неврозе. Вопросы – ответы, вопросы – ответы...

Она сжала его руку и улыбнулась.

– О, Джошуа, я так рада видеть тебя!

Он не ответил. Откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и полностью отдался новому ощущению.

Серьезные беседы в телевизионных шоу канули в прошлое. Как и серьезные спектакли – кроме музыкальных, классических или на историческую тему. В большой моде был Шекспир и Мольер. Даже в знаменитых шоу Бенджамина Стайнфильда и Доминика д'Эсте, хоть и обсуждали важные проблемы современности, делали это так, что не могли заставить зрителей сопереживать или задумываться. Принцип был один: минимум переживания для зрителя. Телевидение сверкало остротами и танцами да гремело смехом и песнями.

Телешоу «Вечер с Бобом Смитом» выходило в эфир в девять часов. Пятнадцать лет оно держало в плену подавляющее большинство жителей страны. Вначале на экране появлялась счастливое улыбающееся конопатое лицо, затем – копна ярко-рыжих волос, и на зрителей обрушивалась лавина скетчей, комических трюков, песен и танцев, изредка перемежающееся беседой с какими-нибудь зваными гостями.

Характер шоу такого вида сложился задолго до появления на свет Боба Смита – такого остроумного и находчивого друга каждой семьи. Вступительный монолог, гость номер один, песня или танец, гость номер

два, скетч, гость номер три, песня или танец, гость номер четыре и так далее, и тому подобное – до одиннадцати.

В шоу принимали участие от четырех до восьми гостей. Подбор их зависел исключительно от того, насколько – по мнению Боба Смита, – приглашенный найдет общий язык с ним лично и с публикой в студии.

Настоящее имя Боба Смита было Гай Пизано. Псевдоним был выбран не случайно: «Боб» – самое популярное мужское имя, Смит – наиболее распространенная фамилия. Таким образом, создавался неотразимый образ человека как все. Его партнер – Мэнинг Крофт, настоящее имя которого было Отис Гринн, привлекательный негр, остроумный и дерзкий, одетый всегда изысканно, знал свое место и никогда не претендовал на большее, хотя втайне и мечтал о собственном шоу.

Эндрю был прав, посоветовав Доктору Кристиану не смотреть шоу Боба Смита; иначе тот сразу бы отменил рекламное турне и вернулся в Холломан, к своей частной практике, и, доверившись писательскому таланту Люси Греко, попытался бы помогать людям лишь посредством своей книги. Эндрю, возможно, дал ему неважный совет. Как бы там ни было, Джошуа ехал по Атланте в огромном черном автомобиле вместе с Джудит Карриол, направляясь от аэропорта к студии Эн-Би-Си – к огромному, сверкающему стеклами, розовому небоскребу, который вместе с Си-Би-Эс, Эй-Би-Си, Пи-Би-Эс и Метромеда занимал несколько кварталов. Доктор Кристиан пребывал пока в счастливом неведении относительно того, что его ожидает.

Студия шоу Боба Смита занимала целых два этажа в северной части здания. В вестибюле первого этажа уже ожидала неброско одетая молодая женщина, которая почтительно объяснила, что является одной из пятнадцати младших сотрудников шоу, ассистентом продюсера. Пока они ехали в лифте до тринадцатого этажа, а затем шли лабиринтом темных коридоров, она без умолку болтала по радиотелефону; обрывки ее разговора долетали до следовавших за ней Джудит и Джошуа.

В конце концов, приблизительно за час до начала шоу, они были оставлены в Зеленой комнате. Когда Джошуа Кристиан будет впоследствии вспоминать шоу «Вечер с Бобом Смитом», Зеленая комната вспомнится ему как просторная и обставленная с большим вкусом – настоящий образец артистического фойе. Прекрасные кресла, кофейные столики, окруженные вазами со свежими цветами, и не меньше полудюжины гигантских видеомониторов, расположенных так, что каждый из них мог показать любое кресло и миниатюрную стойку с одетой продавщицей в униформе.

Отказавшись от кофе, доктор Кристиан опустил в первое

попавшееся кресло и принялся с интересом разглядывать интерьер.

– Почему мне кажется, что я слышу шепот? – спросил он у Джудит, натянуто улыбаясь.

– Это нервы, – улыбнулась она в ответ.

– Да, конечно, – он снова огляделся. – Здесь никого нет, кроме нас.

– Ты сегодня – гость номер один, гвоздь программы. Они всегда просят приходить сюда не позднее, чем за час до начала представления. Подожди немного, скоро подойдут остальные участники.

Они принялись ждать. Доктор Кристиан с неподдельным интересом наблюдал за прибывающими гостями. Каждый из них появлялся в сопровождении нескольких человек. Джошуа мог бы многое сказать о каждом. Настоящие звезды, все они знали себе цену, старались держаться в отдалении от сопровождающих, а уж друг с другом и вовсе не заговаривали. Но каждый внимательно осматривался, прислушивался, потирая руки, и тем выдавая нетерпение. От них исходило ощущение некоторой виноватости, смешанное с чувством страха. Джошуа пришел к выводу, что участие в шоу значило для любого из них очень много.

За полчаса до начала передачи за доктором Кристианом пришла другая ассистентка продюсера.

– Вниз, в примерную, – и доктор послушно последовал за ней, неловко оглядываясь назад, чем привел остальных гостей в состояние еще большего замешательства.

Когда в примерной его усадили в зубоврачебное кресло и над ним склонился пожилой мужчина, сразу заворчавший о смуглости лица и больших порах кожи, доктор Кристиан почувствовал себя бородавкой на подбородке красавицы.

– Показуха, – неожиданно произнес он.

Руки гримера остановились; он с недоумением посмотрел на доктора, словно увидел вдруг свое занятие в новом свете.

– Показуха, – повторил гример, словно эхо.

– Вы намерены сотворить из меня белую лилию, – пояснил доктор. – Но это же нелепо. Лилией я никогда не стану, потому что занят тяжелой работой. Ну разве не показуха?

Гример, сразу утратив интерес к гостю, пожал плечами и быстро закончил работу.

– Вот так, док, – шептал он, трудясь над Кристианом, как садовник.

Доктор Кристиан с иронией посмотрел на себя в зеркало. Казалось, Он помолодел лет на десять. Кожа разгладилась, мешки под глазами исчезли, даже глаза непостижимым образом увеличились.

– Тридцать вместо сорока. Благодарю вас, сэр, – сказал Кристиан, снова вышел в темный лабиринт коридоров в сопровождении ассистентки продюсера – уже третьей по счету.

– Никогда не был так доволен собой, – сообщил он Карриол, снова опустившись в кресло в Зеленой комнате. – И ты знаешь, это очень кстати.

Она изучала его внешность с явным одобрением.

– Они сделали тебя красавцем. Выглядишь моложе. Великолепно!

На этом разговоры закончились. На мониторах уже появилась публика, разогреваемая Мэнингом Крофтом. Обстановка в студии становилась все более непринужденной.

Но Кристиан не увидел Боба Смита на мониторе, потому что фанфары известили о начале записи и очередная ассистентка продюсера явилась за ним.

Тихо переговариваясь, ассистентки усадили его около стены орехового цвета и задержали тяжелую шелковую портьеру, создав таинственную и убаюкивающую атмосферу.

– Пока посидите здесь. Когда мы подадим знак, выйдете на сцену, остановитесь, повернетесь лицом к публике и улыбнетесь – хорошенько, от души. А затем пройдете к подиуму. Бобо поднимется пожать вам руку, и вы сядете справа от него. Когда же объявят другого гостя, вы освободите это кресло, и пересядете на длинный диван, с краю. И всякий раз, когда будет приходить новый гость, будете передвигаться по этому дивану на одно место. Понятно?

– Понятно, – весело ответил он.

– Тссс.

– Извините.

Предварительный шуточный диалог между Крофтом и Смитом, и последний вышел на середину залитой ослепительным светом сцену, остановившись между шелковой портьерой, скрывавшей доктора Кристиана, и пустым подиумом, на фоне сверкающих декораций, изображающих закат солнца в Атланте.

Кристиан не слышал, что говорил Смит, потому что к нему за занавеску пробрался мужчина, который доверительно обнял его за плечи и представился продюсером.

– Большая честь для нас, доктор Кристиан, – зашептал он. – Вы уже бывали когда-нибудь на телевидении?

Ответив отрицательно, доктор Кристиан сосредоточил свое внимание на Бобе Смите.

Тот привел аудиторию в восторг своим монологом. Продюсер, все еще

сжимающий руку доктора Кристиана, напрягся.

– Будьте веселым, сообразительным, остроумным, и пусть Боб удачно проведет это шоу, – проговорил продюсер и, разжав свои тиски, вытолкнул доктора Кристиана на сцену.

Он вспомнил, что нужно остановиться и улыбнуться публике, прежде чем пойти дальше. Сидевший за своим столиком Боб Смит приподнялся и, пожав гостю руку, приветствовал его широкой улыбкой.

Кристиан уселся и пристально посмотрел в энергичное, жизнерадостное лицо ведущего. Спрашивается, неужели нельзя сидеть друг напротив друга, как следует? Сидеть в такой напряженной, искусственной позе было очень неудобно.

Боб Смит уже держал в руках «Божье проклятие». Издательство «Аттикус» выпустило ее в эффектной обложке: белый фон, ярко красные надписи и серебристая молния сверху вниз, наискосок. Она возникла на экранах мониторов: волнующая, разящая.

Смиту сейчас хотелось одного: чтобы ни гости, ни зрители не догадались, как он взволнован. «Гвоздем программы» ему подсунули слишком серьезного человека, занимающегося слишком значительной проблемой. Начальство было беспощадно. Напрасно он пытался протестовать против участия доктора Кристиана в шоу, убеждая, что тот просто не вписывается в передачу, что телезрители переключатся на другие каналы через пять минут после его появления на экране, что за все время своего существования шоу никогда еще не было так близко к провалу. Все его доводы были внимательно выслушаны, продюсер и прочее начальство покивали головами, а затем объявили, что несмотря ни на что, доктор Кристиан участвовать в программе будет, а как его раскрутить – это проблемы Боба Смита.

Поэтому ему пришлось объяснить телезрителям, что сейчас представит одну книгу и ее автора, что дело это для шоу непривычное, что сам он чувствует, настолько большое значение они имеют и, значит, это его долг – привлечь к ней внимание всей страны. Закончив свой монолог, он некоторое время очень серьезно глядел в камеру, будто заклиная публику оставаться у экранов телевизоров.

Без своей обычной заразительной улыбки Боб Смит ждал, пока доктор Кристиан удобнее усядется в гостевое кресло, после чего убрал книгу из кадра, повернулся к доктору и спросил, чувствуя себя при этом полным идиотом:

– Доктор Кристиан, что такое невроз тысячелетия?

Доктор Кристиан не улыбался, не подыгрывал ведущему, не ловил

жадно каждое его слово, как другие гости телешоу. Казалось, его здесь и не заинтересовало ничего – кроме монтажной конструкции над сценой. Устремив на нее взгляд, он заговорил.

– Я родился буквально в самом начале третьего тысячелетия, – произнес он отрывисто, – за день до того, как закончился 2000 год. У моих родителей четверо детей. Я – самый старший. Мы все погодки. Самый младший из нас, Эндрю, был еще младенцем, когда наш отец замерз где-то на скоростной трассе в северной части Нью-Йорка. Он направлялся к своему пациенту. Мой отец был психиатром, немного ортодоксальным, тем не менее пользовался большим уважением. Он погиб в январе 2004 года, а нашли его тело только в апреле. Многие погибли в ту метель... Тогда это была самая страшная зима в истории нашей страны. Исчерпались все запасы нефти, моря покрылись льдом, не хватало ледоколов, чтобы очистить гавани и морские пути. Автострады и железные дороги заносило снегом. Метели с января по апрель были такими сильными, что самолеты не могли подняться в воздух, и люди умирали вдоль всей 14-й параллели. Зима 2004 года стала одним из первых тяжелейших ударов, которые обрушились на нас.

Он опустил голову и взглянул в объектив так естественно, словно был профессиональным актером. Это произвело на зрителей должное впечатление. Он словно притягивал к себе.

– Третье тысячелетие – не Армагеддон, – продолжал доктор Кристиан. – Ни одно из великих бедствий, что были предсказаны на наше столетие, не стряслось. Не разразилась война, которая стала бы последней для человечества. Мы не погибли в пламени пожаров. Напротив, надвигались ледники. Вместе с ними пришлось двигаться людям. Из северного полушария они начали переселяться на юг. Туда, где было солнце. Где все еще тепло. Где можно пережить зиму. И эта миграция крупнее любой другой на нашей планете.

Понадобились строгие ограничения. Нельзя было позволить мужчинам и женщинам неплановмерно производить на свет столько детей, сколько заблагорассудится. Пришлось законсервировать природные источники горючего. И не просто остановить дальнейший рост популяций всех видов живых существ, но и повернуть этот процесс вспять.

Альтернативным вариантом явилось уничтожение всего живого путем ядерной войны. Тогда оставшиеся в живых могли бы вернуться к естественному равновесию с окружающей средой. Если, конечно, после ядерного взрыва осталось бы то, что можно назвать окружающей средой.

Да, мы были достаточно умны, чтобы тысячу лет назад принять

послание Бога, но теперь изгнаны с земли обетованной в дикие места и пребываем в невежестве и страхе. Нужно было многое сделать, но для этого людям не хватало рассудительности. Как часто они сначала призывали закон, а потом объясняли его! Как часто объяснения эти давались в недоступной многим форме. И как часто информация доходила до людей искаженной, преувеличенно драматизированной: желтая пресса сделала ее своим товаром. И – это трагедия людей третьего тысячелетия – как часто наши эмоции заставляли нас делать то, чему противились инстинкты.

В студии было очень тихо. Присутствовавшие боялись даже кашлянуть. Доктор Кристиан не сообщил ничего нового, но говорил столь искренне и убедительно, что аудитория слушала его, как кельтские племена когда-то слушали своих певцов. Манера говорить, тембр голоса, подбор слов, неуловимое обаяние заставляли вслушиваться в его речь.

– Больше всего страдают дети, из-за этого и мы страдаем. И тут американцы не одиноки. Та же участь постигла всех землян, все они терпят подобные муки. Человек хочет сына, а у него рождается дочь, хотя все его предки имели сыновей... Или муж и жена имеют сына, но хотят дочь. Женщина переполняется материнским чувством и хочет рожать и рожать детей. Даже те, кто занимаются сексом исключительно ради удовольствия, движимы одним инстинктом – воспроизводить. Совсем недавно человеческое существование не мыслилось иначе: размножаться – или умереть. Совсем недавно многие религиозные догмы гласили, что попытка избавиться от потомства противоречит заповеди Божией и несомненно повлечет за собой проклятие.

Доктор Кристиан не мог больше сидеть в неудобном кресле, в дурацкой позе. Он поднялся и вышел на середину сцены. Юпитеры остались за его спиной, и он, наконец, увидел своих слушателей.

Оказавшийся за кадром Боб Смит отчаянно жестикулировал, призывая изумленного декоратора принести стул. Когда стул появился, Боб переместился с ним в центральный проход между рядами слушателей. Через три часа, когда запись этого шоу появится на экранах телевизоров, зрители всей страны смогут увидеть Боба Смита, невозмутимо несущего стул и усаживающегося на него как первокурсник на своей первой в жизни лекции у знаменитого профессора. Мэннинг Крофт решил не соблюдать формальности, и чтобы составить выгодный контракт с Бобом, вовсе спокойно уселся на пол, у ног зрителей первого ряда.

– Внутри каждого из нас живет сильная любовь к дому, домашнему очагу и детям, – тихо продолжал доктор Кристиан. – Эти три вида любви

составляют единое целое. Домашний очаг является источником тепла, местом сосредоточения семьи. Дом – пристанище, крыша для семьи, Дети – причина и цель ее существования. Мужчина – консерватор, он не любит переселяться, если только новое место не столь же соблазнительно, как старое. Нашу страну ведь основали эмигранты которые искали здесь свободу религиозных убеждений, богатство и уют, смену традиций и обычаев. Но когда они поселились на этой земле, к ним вернулась любовь к домашнему очагу, к дому. Взять хотя бы меня Мои предки пришли с полуострова Камберленд в Британии, с норвежских фиордов с гор Армении и равнин России. В Соединенных Штатах Америки их потомки преуспели. И США стали для них родиной. Где еще могут так смешаться представители разных рас и народностей? Разве не заинтересованы они в спасении своей общей родины?

Он остановился, разглядывая аудиторию, словно подсчитывая, представители скольких народностей сидят в студии, кивнул, соглашаясь сам с собой и вдруг – впервые за все время – улыбнулся. Это была улыбка человека, который готов любить, утешить и обнять весь мир.

– Я до сих пор живу в Холломане, штат Коннектикут, в доме, где вырос, рядом со школой, в которую ходил, и университетом, который закончил. После того, как стало холодно, я взвесил все возможные варианты и сознательно выбрал зимний мороз. Если не считать некоторую нехватку тепла, электричества и газа, то я до сих пор могу жить в своем доме с относительным комфортом, что вряд ли было возможно, если бы я переселился на юг. Поскольку я много работал, у меня есть деньги, а мои личные потребности минимальны. Я могу, например, исправно платить все налоги, несмотря на то, что они постоянно растут.

Я решил не использовать свое право на рождение ребенка, пройдя стерилизацию. И вот теперь, через пятнадцать лет после того как наша семья приняла решение остаться в Холломане, нам все же придется покинуть его. И все же я могу сказать, что счастлив.

В Зеленой комнате тоже стояла тишина Карриол незаметно наблюдала за остальными гостями шоу. Никто из них не проявлял признаков беспокойства, недовольства или злорадства. Ни один даже не заметил, что запись не прерывалась рекламными вставками Они впились глазами в мониторы.

– Многие мои сверстники несчастливы Глубина и сила их страдания – вот то, что я называю неврозом тысячелетия. Знаете ли вы, что такое невроз? Я определяю его так: обратимое негативное психическое состояние. Его причина может быть незначительна или даже воображаема,

это зависит от личности человека. Но причина, вызвавшая невроз может быть реальной Серьезной. Неизбежной Физические особенности, болезнь, многое другое способно покалечить душу. Невроз тысячелетия обусловлен действительностью Мы убеждаем себя, что мы взрослые, зрелые ответственные люди. Но внутри каждого из нас живет маленький ребенок. Он начинает плакать, когда понимает, почему нельзя иметь то, чего хочется. Этот ребенок внутри нас способен опустошить нашу душу своими рыданиями Часто так и случается. А мы и не догадываемся, что происходит.

Он заговорил громче и одновременно ласковей и слушатели почувствовали внутреннюю перемену в самом Кристиане.

– Почему вы плачете? – спросил он слушателей – Я, который никогда не плакал из-за своих проблем, могу сказать, что вы – единственная причина тех слез, которые я проливаю сейчас Вы плачете о детях, которых не можете иметь Вы плачете от того, что у вас нет постоянного жилища. Плачете, потому что вольны поступать, как вам хочется, жить как считаете нужным. Вы тоскуете по детям по теплой земле. Плачете потому, что, приняв Бога, должны с детства принять то, чего не можете принимать сейчас, чего не понимаете а в результате не можете избавиться от ощущения дискомфорта.

Ни один человек в стране не видел еще записи этой телепередачи. Только в овальной комнате Белого дома, принимая студию через специальную постоянную линию связи между Атлантой и Вашингтоном, еще более надежную, чем спутниковая, сидели в креслах перед экраном Президент Тибор Рич и секретарь Департамента Окружающей среды Гарольд Магнус. Они смотрели передачу очень внимательно, анализируя интонацию и каждое слово, произнесенное доктором Кристианом, и ожидая любого промаха, который вызвал бы разочарование или даже подозрение в его благонадежности. Пока что все хорошо, но тем не менее..

– Именно это сейчас приносит настоящее горе, – говорил доктор Кристиан. – Потеря чего-то невозможного! Смерть. Невинность. Здоровье. Молодость. Способность к деторождению. Непосредственность. Когда жизнь человека протекает в нормальных условиях, не кажется ему бездонным мраком Время – лучший лекарь, оно заживляет всякие раны. Но поскольку мы охвачены неврозом тысячелетия, наши горести безмерно вырастают. И время не в силах их залечить. Многие мои ровесники и люди старшего поколения имеют братьев и сестер, им знакомы радости жизни в большой семье. А еще у них есть двоюродные братья и сестры, дяди и тети...

Наши же дети растут без сестер и братьев, их дети не будут иметь ни тетю, ни дядю, ни двоюродных братьев и сестер. Многие из нас собираются переезжать на новое место или уже покинули старый дом. И делают это постоянно. А новые жилища уже построены.

Они малы и тесны. Хотя кое-кто, вероятно, из трущобы на севере попал в такие же трущобы на юге. И многие с переездом потеряли работу, так что им не осталось даже этого слабого утешения. Но ни один из нас не страдает от голода. Никто из нас сейчас не живет так плохо как жители Северной Европы или Центральной Азии. Мы не страдаем от равнодушия правительства. Законы страны безжалостно справедливы и беспристрастны: ни один гражданин не может избежать судьбы всего народа. Да, мы страдаем, но это всего лишь эмоции. Это и есть невроз тысячелетия.

Он остановился, но не потому, что закончил или не знал, что сказать. Чутье природного оратора подсказало ему, что именно здесь следует сделать паузу. Никто не шевелился.

– Я оптимист, – продолжал он. – Я верю в будущее Человека. И я верю, что все, что происходило, происходит и еще произойдет – обязательные этапы эволюции Человека, предначертанной Богом. Потерять надежду на будущее человечества – значит оскорбить Бога.

Он глубоко вздохнул, и следующие его слова прозвучали так громко, что индикатор уровня записи на приборах подскочил почти до верхней отметки.

– Бог есть! Сначала примите это, а уж затем спрашивайте, кто и что Он есть? Говорят, что человек лишь в старости, перед самой кончиной, приходит к вере в Бога, потому что боится умереть. Я не согласен. Скептицизм сменяется в старости верой потому, что человек – мужчина или женщина – к концу жизни понимает, что такое идеал. Не идеал для всего общества, а идеал его собственного мира. Случаи, обстоятельства, удивительные совпадения... Пока человек молод, он не в состоянии увидеть этот идеал: не хватает опыта.

Бог есть! Я не могу осуждать какие-либо обряды и религии, но лично, для себя, ни одну из них не могу принять полностью. Я должен вам это сказать для того, чтобы вы меня правильно поняли. Я стою здесь сейчас перед вами, потому что понял невозможность помочь всем, кто страдает от невроза тысячелетия. Я помог тем, кто обращался ко мне там, в Холломане. Но я всего лишь человек – мои возможности не безграничны. Чтобы помочь всем, я должен был написать книгу. Книгу, в которой есть все, что я говорил своим пациентам. Я не религиозен, если говорить об исполнении

всех религиозных канонов. И все же я верю в Бога! В своего Бога. И только в своего. Бог – это суть моей жизни, моего способа лечения, моей книги. И вот я стою здесь, рассуждая о Боге. Здесь, – его дрожащая рука описала широкий полукруг, – в таком необычном месте, я рассуждаю о Боге! Перед людьми, которых не могу видеть, которых никогда не узнаю. Каждый из нас нуждается в защите от одиночества. Одиночество бывает необходимо. Но иногда оно невыносимо. В каждом из нас есть душа, она одинока, она индивидуальна, она зависит от любых совершенств своей телесной оболочки. Эта душа – только часть мужчины или женщины, созданная Богом по своему подобию. Разницы между мужчиной и женщиной для Бога нет. Ведь он так далек от нас... Наверное, Он даже отсутствует в крохотном участке Вселенной, который доступен нашему взору. Не думаю, что Он нуждается в том, чтобы мы Его любили или искали Его милости. Или даже как-то персонифицировали Его. Времена изменились. Возможно, человеческая природа тоже изменилась – я думаю, так и произошло – и это к лучшему. Мы не можем безнаказанно вредить друг другу, мы кое-что знаем друг о друге. И все же многие отказались от Бога, думая, что Бог не изменился за минувшие тысячелетия и, значит, не стоит в Него веровать. Вот где ошибка. Что действительно не переменялось, так это человеческие представления о Боге. Богу ни к чему перемены – он вне наших представлений о постоянстве и изменчивости. Третье тысячелетие показало нам, особенно американцам, сколь опасна наивность и сколь полезен скептицизм. Но никогда, никогда не будьте скептичны в отношении Бога! Будьте скептичны в отношении людей, которые позволяют себе Бога определять и описывать. Это разноречивых свидетельств привел к угасанию веры. Люди приводили мне разные причины, по которым они отвергают Бога, и каждая из них коренилась в их собственных правилах, принципах и тому подобном. Не отвергайте Бога! Повернитесь к Нему! В Нем – спасение от одиночества! Вы поймете и прочувствуете смысл жизни, ее идеал. Чтобы двигаться вперед, минуя роковые случайности и хаос, со ступени на ступень развития расы, нужно постоянно искать истину и проявлять великодушие. Истина и великодушие – это и есть Бог.

Доктор Кристиан начал рассказывать по сцене, что вызвало переполох среди операторов, которые не могли угадать, куда в следующий момент повернуть камеру. Но его это не волновало.

– Нет, мы не Божьи дети. Во всем – кроме разве что физиологии – мы принадлежим самим себе. Бог дал нам не законы, а возможность создавать себя самим. Все, что ему надо от нас, – чтобы мы пришли к нему. Он терпеливо ждет. Ждет, когда мы преодолеем все препятствия, которые

создает не Он, а мы сами. Наш мир – это наш мир. Бог вручил его нам! Неужели вы верите, что Бог претендует на какую-то собственность? Не обвиняйте Его в своих несчастьях и не воспевайте Его. Мне нравится думать, что после нашей смерти лучшая частица из нас возвращается к Богу. Не та, которую мы называем «Я», а та, частица божественного, которая постоянно с нами: наша одинокая душа. Трудно объяснить, но верю, что эта-то крохотная частица поддерживает меня на моем пути. Я принимал участие в сотворении этого мира. И несу ответственность за то, каков он, и все люди – тоже в ответе за его совершенства и несовершенства.

– А книга? – прокричал со своего стула Боб Смит, еще не вполне пришедший в себя после того, как его шоу свернуло с наезженной колеи.

Доктор Кристиан остановился и, повернувшись к Бобу Смит, посмотрел на него сверху вниз. Ноздри его раздулись, и грим на лице стал заметен, словно на человека напялили маску, и теперь в прорезях ее яростно сверкали глаза.

Окрик вернул Кристиана на землю.

– Книга, – повторил он. – Какая книга? Ах, книга! Я назвал ее «Божье проклятие». Это ключевая фраза стихотворения Элизабет Браунинг. Волнующие слова. Слова Библии. Там говорится о разрыве между Богом и Человеком, когда последний был изгнан из Эдемского сада. Человек ушел оттуда, и в ушах его звучало Божье проклятие. Бог обрек человека метаться между злом и добром, между жизнью и смертью, в муках рожать детей своих, жить трудом. Само стихотворение написано как гимн труду. «Трудись... для Бога. Его проклятие – дар лучший, нежели благословение».

– Это мое личное мнение, но мне кажется, что все эти мифы, легенды, старейшие части писания, включая Книгу Бытие, иносказательны, сложены специально для того, чтобы истолковать их как аллегории. По-моему, Бог, прокляв нас, подарил нам самих себя, полную ответственность за свою общую судьбу и наши личные судьбы. Как хорошие родители отделяют своего выросшего сына и дают ему надел, так и Он нас отделил от себя, чтобы мы следовали своим собственным путем под своим собственным небом.

Человек появился очень давно, гораздо раньше, чем история, которая описывает, как пришли и прошли ледниковые периоды. Тысячелетия разворачивались перед человечеством, как свитки, испещренные письменами, а мы, нынешние, едва знаем, что говорилось в пяти из них. Теперь мы стоим на пороге нового тысячелетия. Лицом к лицу со старыми проблемами. И с новыми тоже. Существуют, как прежде, добро и зло. Зато наши предки и представить себе не могли, что когда-нибудь рабочих мест

будет мало и труд сделается привилегией немногих. Люди сейчас готовы платить за то, чтобы не получить работу. Предки не ведали, что нам придется страдать не из-за непослушания или болезней, а из-за того, что дети стали редкостью. Все наше стремление к бессмертию сосредоточивается в одном-единственном ребенке. Даже победителям лотереи, которая проводится Бюро по Рождению Второго Ребенка, лишь немногим легче.

Кое-кто из слушателей придвинулся поближе к сцене, чтобы слышать, как доктор Кристиан выражает сочувствие семьям, которым повезло завести второго ребенка. Боб Смит, тоже имевший двоих детей, но, не задумываясь о последствиях, с радостью пополнил бы семью еще одним наследником, вдруг почувствовал, что готов полюбить этого странного, запоминающегося человека. И даже простить то, что тот сотворил с его шоу.

– Невроз тысячелетия – это потеря уверенности в настоящем и надежды на будущее. Это постоянное ощущение собственной бесполезности, отсутствие цели в жизни. Это беспричинная и бесплодная ярость, направленная на самих себя. Это депрессия, часто ведущая к самоубийству. Это апатия. Это отсутствие веры в Бога, в страну, в самих себя. Большинство из нас – а средний возраст американца сейчас превышает сорок лет – оглянувшись назад, увидит ту пору, когда нас раздражали даже незначительные ограничения свободы. Оглянуться и понять, что счастлив многим пожертвовать, лишь бы вернуться в те времена. Увы, невроз тысячелетия – не только потеря надежды на будущее и уверенности в настоящем, но и еще любовь к прошлому. Ибо кому по сердцу жить в нашем сегодня?

– А с каких пор, док, у нас нет выбора, мы обречены жить одним днем? – закричал Мэннинг Крофт. – Вы можете ответить?

Доктор Кристиан серьезно и с признательностью посмотрел на этого чернокожего, который помог ему снова опуститься с небес на землю.

– Прежде всего, повернитесь к Богу. Тогда вам будет легче противостоять ударам судьбы, ваша жизнь станет богаче, вы ощутите себя более счастливым, ваша душа – частица Бога – расширится, вы без страха сможете смотреть в лицо смерти. Научитесь владеть своим разумом и своей душой, чтобы горе не было так невыносимо. Сумейте увидеть красоту в мире, который вас окружает, в книгах, которые читаете, в картинах, которые пишут художники, и в домах, в которых живете, и в улицах, на которых стоят эти дома, и в городах, в которых проложены эти улицы. Помогайте расти всему живому, и своим детям тоже. Будьте всегда готовы

воспринимать жизнь во всем ее многообразии. И примите этот мир, чтобы сделать его гораздо лучше, чем он есть. Это в ваших силах. Не бойтесь холода! Люди сильнее холода. Люди будут жить здесь, когда солнце снова станет горячим.

– Доктор Кристиан, считаете ли вы неизбежным то, через что мы сейчас проходим? – спросил Боб Смит.

Два человека в Белом доме застыли в нетерпении, а Джудит Карриол в Зеленой комнате Эн-Би-Си, закрыв глаза, пожалела, что ей некому помолиться. Или теперь и она может молиться Богу, о котором возвещает Джошуа Кристиан?

– Да, конечно, это неизбежно, – ответил доктор Кристиан. – Что лучше: иметь одного здорового ребенка или же постоянно рожать неполноценных детей, пребывая в вечном страхе, ибо тогда не избежать ядерной войны? Что лучше: бежать от ядовитых газов в блестящем автомобиле на север Нью-Йорка или трястись в тесном и душном вагоне по дорогам Буффало? Что лучше: слепо следовать путем предков, строить города и заводы, – или ограничить рождаемость, сократить число городов и свернуть производство ради того, чтобы выжить и пережить новый ледник?

Он устало огляделся. И хотя аудитория тоже была утомлена, все же он больше устал от людей, чем те от него.

– Вспомните, что нам приходится страдать больше всех, потому что мы – единственные, кто помнит иные времена. Чуждое нам делается нормой для наших детей. Не делайте их несчастными, внушая им тоску по миру, которого они никогда не видели и не увидят. Не заражайте их неврозом тысячелетия, болезнью нашего поколения. И исчезнет она только вместе с нами.

– Доктор Кристиан, вы хотите сказать, что единственное лекарство от невроза – исчезновение нашего поколения?

Вопрос прозвучал откуда-то из задних рядов. Камеры не показали лицо женщины, чтобы не отвлекать внимание от доктора.

– Нет. Я даже не имею в виду, что с исчезновением нашего поколения невроз исчезнет сам по себе. Но я знаю: наш долг перед детьми сделать так, чтобы невроз умер вместе с нами. Что для этого нужно, я уже в общих чертах сказал, отвечая мистеру Крофту, и не хочу повторяться. Обо всем этом сказано в моей книге, сказано обстоятельней, чем я смогу это сделать сейчас.

Он послал ослепительную улыбку туда, откуда прозвучал вопрос.

– Вы знаете, я увлекся, а потому был не особо логичен. Я всего лишь человек, и, не лучший экземпляр.

– Док, вы говорите, что мы должны владеть собой. – Но в наше время это стоит денег.

– Ну, почему же, – отозвался доктор Кристиан. – Есть множество занятий, которые не требуют больших расходов. А некоторые могут даже принести вам маленький доход, если, конечно, делать все на совесть. Например, общественные проекты, которые разрешены как местными правительственными органами, так и федеральными властями или правительством штата. Осмелюсь также заметить, что во всей стране вы не найдете города, который не снабжался бы постоянно книгами. Я имею в виду книги для библиотек. Читать – это совсем не пустая трата времени, надо только, чтобы это вошло у вас в привычку. Привычка же вырабатывается годами. Например, любой из членов нашей семьи с уверенностью может сказать, что Мама чем-то расстроена или озабочена, если видит что пол она моет руками, ползая по нему на коленях. Это – тоже привычка. Трудотерапия помогает преодолеть стрессовое состояние. Удивительные результаты дают занятия спортом. Вы должны быть заняты! И тому же учить своих детей! Самое опасное для человека – лежать на боку, предаваясь пустым, неконкретным мечтаниям. Другими словами, – самоанализ есть саморазрушение.

Он на мгновение остановился и спросил:

– Как вы относитесь к бизнесу, требующему крупных капиталовложений?

– Я люблю считать денежки, док! Я работал в банке счетчиком до того, как появились автоматы для подсчета купюр, и всех нас постепенно уволили.

Доктор Кристиан расплылся в улыбке:

– В таком случае, рекомендую вам научиться играть в «Монополию», – сказал он и, поскольку снова пришел в себя, уже открыл рот для того, чтобы заговорить о проблемах лишних рабочих рук, как вдруг увидел прямо перед собой Боба Смита.

– Как насчет того, чтобы мы снова вернулись к столу, доктор Кристиан? – поинтересовался он, кладя свою руку на плечи Кристиану и разворачивая его к пустому подиуму. – Полагаю, многие здесь, включая и меня, хотят задать вам вопросы...

Они сели на свои места, а Мэннинг Крофт устроился рядом с ними на длинном диване. Доктор Кристиан изнемогал. Он весь вспотел и немного дрожал от напряжения, вызванного длинной и пылкой речью.

– Вы хотите основать новую религию? – спросил Боб Смит очень серьезно.

Доктор Кристиан энергично затряс головой.

– Нет-нет, что вы! Просто пытаюсь предложить разочарованным людям более приемлемое представление о Боге. Я же подчеркнул: это – всего лишь мое личное представление о Нем, я даже не могу судить, верно ли оно. Я не теолог – ни по призванию, ни по профессии. Рассуждая о Боге, я не вдаюсь в детали. Меня интересуют люди. Их возвращение к вере. Потому что без Бога человек – всего лишь неразумная частица протоплазмы, приходящая ниоткуда и направляющаяся в никуда, не несущая ответственности ни за себя, ни за весь свой мир. Прыщик на коже Вселенной – и только. Поэтому я считаю, если человека не устраивает ни одна из концепций, которые предлагают ему различные религии, он обязан сам найти для себя Бога.

– Но не может быть Бога без Церкви! – пробасил кто-то из слушателей. Доктор Кристиан поднял голову.

– Почему? Что важнее: Бог или Церковь? Не заставляйте человека ходить в храм! Потому что «церковь» – не обязательно здание, где проводят богослужения. «Церковь» – не обязательно целая структура, которая устанавливает правила поклонения определенному Богу, а заодно обзаводится землей, имуществом и целым штатом персонала. Лично я отношусь и к той, и к другой Церквям одинаково, но непростительной ошибкой было бы отвергать Бога лишь потому, что не являешься приверженцем какой-либо из церквей. Попы, как и все люди, могут заблуждаться, лгать, обманывать – но неведомы ложь и обман Богу. Так что важнее, Бог или Церковь?

– Вы настаиваете, чтобы мы отказались от Церкви? – спросил Мэннинг Крофт.

– О нет! Нет! Если человек нашел своего Бога в Церкви – прекрасно. Ни к чему копировать мой собственный отказ от церкви или, наоборот, заискивать перед людьми церковными. Искренне говорю: я завидую им, их вере. Но не могу жертвовать деньги на то, во что не верю, – на церковь и на безбожие. Просто иначе впадаешь в один из отвратительнейших – и для Бога тоже – грехов: в ханжество. Отказываясь от храмов и алтарей, я не могу отказаться от частицы себя – от Бога! И не позволю сделать это своим пациентам. Потому что перед глазами моими ежедневно Его подобие – мир, другие люди, я сам.

В Зеленой комнате Джудит Карриол откинулась на спинку кресла. Он с честью выдержал испытание! О, блаженство! Волшебный миг! Она, конечно, никогда не сомневалась в нем. Но все-таки скептически относилась ко всему на свете, не исключая и Бога. Извини, Джошуа! Но

«Вечер с Бобом Смитом» – это еще не все. Джошуа Кристиану предстоит пройти еще через целую череду испытаний – через все эти «Шоу Дэна Коннора», «Час Марлен Фельдман», «Северный город»... Пройти весь этот путь, да. И не просто повторить свой первый успех. Теперь от него будут ждать большего.

– Да, вы, конечно, нашли на это место подходящего человека, господин Президент, – вежливо произнес Гарольд Магнус.

– Я нашел? Ах, Гарольд, от меня зависело не так уж много. Ты обратил мое внимание на нее и на ее исследования, ты дал ей денег, людей и оборудование для операции «Мессия», так что большая часть заслуг зачтется тебе с Джудит Карриол пополам.

Шеф Департамента окружающей среды был настроен великодушно:

– Она далеко не глупа, эта Джудит Карриол, надо отдать ей должное. Но, господа, она меня пугает!

– Пугает? – повернулся к нему Президент.

– До смерти. Самая хладнокровная женщина на свете.

– Интересно. Мне она кажется не только привлекательной, но еще обладающей особым шармом. Кроме того, она обеспокоена судьбой человечества.

Президент выключил телевизор и поднялся.

– Я иду обедать. Составишь мне компанию?

Пицца в Белом доме готовилась в соответствии с непритязательными вкусами Тибора и Джулии Ричи, и Гарольд Магнус, будучи гурманом, предпочел бы обедать в «Chey Roger» – лучшем французском ресторане Вашингтона. Но честолюбие заставило его отказаться от лангустов и уток ради заурядного жаркого в компании боса.

– Джулия не собирается к нам присоединиться?

Президент среагировал не сразу, как робот, заржавевший под дождем. Молча покачал головой и двинулся дальше по коридору.

– Нет, кажется, она собирается в «Chey Roger» сегодня вечером. Везет же Джулии!

– Как маленькая Джули?

– Прекрасно, – с удовольствием ответил Президент. – Ей изменили диагноз и направили в специальную школу. Скучновато без нее, но я часто навещаю девочку. И замечаю кое-какие перемены к лучшему.

Обедали в кабинете Тибора за столиком на двоих. Пицца была так себе, но Магнус сделал вид, что восхищен. Когда перед ними поставили слоеный земляничный торт, он одновременно решил на два подвига сразу: съесть

эту отраву и задать Президенту вопрос.

– Господин Президент, не кажется ли вам, что доктор Кристиан пытается занять место Бога?

Рич вытер губы салфеткой, положил ее на край тарелки, отодвинулся от стола и задумался.

– Он рассуждает о Боге смело, хотя и не теолог. Карриол права: если этот человек может дать людям надежду в форме такой религии, которую они смогут принять, в этом нет ничего плохого. Человек я богобоязненный. Семья моя принадлежит к англиканской церкви, сам я получаю удовольствие, посещая церковь. Бог так часто помогал мне сохранять рассудок, что передо мной не стоит вопрос, принимать ли Его. Вот все, что я могу сказать! Да, я считаю, что доктор Кристиан и его «Божье проклятие» полезны для нашей страны.

– Хотел бы и я быть также уверенным в этом, сэр. Я думаю о той вражде, которая теперь начнется, с его легкой руки, между официальными церквями.

– Это верно. Но насколько они сегодня сильны, Гарольд? Черт возьми, они не могут даже влиять на членов парламента!

– Тут в вас говорит политик, – улыбнулся Магнус. Он напрягся, чтобы земляничный торт пролез в желудок.

– И еще: у Кристиана есть и преимущество. Он – патриот.

– За меня можете не беспокоиться, сэр: я согласен, – мрачное лицо Магнуса неожиданно озарилось ослепительной улыбкой.

– О, Гарольд, ты ли это? Я верил, что ты поддержишь... Да, наверное, Бог – американец и помогает нам...

«Вечер с Бобом Смитом» уже начался, когда в квартире Милли Хемингуэй зазвонил телефон. Ворча, она вышла из ванной, натягивая на себя одежду.

– Милли, – послышался голос доктора Сэмюэля Абрахама, – включи Эн-Би-Си. Посмотри Боба Смита.

Она включила телевизор, и на экране крупным планом возникло сосредоточенное лицо доктора Джошуа Кристиана.

– Боже мой! – воскликнула Милли и опустилась в кресло. И когда минутой позже бегущая по экрану строка возвестила о том, что сегодняшнее шоу будет идти без рекламных вставок, ошеломленно добавила: – Не могу поверить!

До сих пор подробная информация о докторе Джошуа Кристиане тщательно скрывалась от сотрудников Департамента, да и они были

настолько заняты собственными делами, что не удосуживались заглянуть в газеты.

Человек, которому отводилась такая важная роль в Исследовании, делал пока только первые шаги. Но какие!

Милли Хемингуэй досмотрела шоу до конца. Она была потрясена и очарована. Как только она выключила телевизор, телефон зазвонил снова.

– Милли?

– Да, Сэм, это я.

– Что происходит?

– Не знаю, Сэм.

– Это что, пробный шар?

– Да.

– Не может быть!

– Сэм, не спеши делать выводы. Наверно, это всего лишь эксперимент. Но и это означает, что мы добились куда лучших результатов, чем мечтали. Мы не знаем, как влиять на нацию. А Моше нашел этого парня. Мы смеялись, потому что он, казалось, не заслуживал внимания. Но, очевидно, Моше был прав, а мы нет. Вот и все.

– Не знаю, Милли... Я пытался дозвониться до Моше, но никто не берет трубку. И не брал всю ночь.

– О, Сэм! Иди спать и перестань об этом думать.

Милли повесила трубку.

Случайное совпадение? Еще одно доказательство проницательности доктора Чейзена? Господи, а ведь Кристиан и впрямь обладает огромной силой! Моше был прав: у этого провинциала есть «божия искра». Его слова заставляют задуматься. Примеры, которые он приводит... и даже не подозревает, что сам по себе – прекрасный пример, аргумент в пользу своего учения.

Доктор Моше Чейзен, сидя в кабинете с отключенным телефоном, внимательно просмотрел все шоу от начала до конца.

– Вот он, мой мальчик! – только и смог он сказать.

ГЛАВА IX

Ночью, в пятницу, 29 октября 2032 г. доктор Джошуа Кристиан стал знаменит. Первое издание книги «Божье проклятие: новый взгляд на невроз тысячелетия» было распродано за месяц, а она продолжала расходиться со скоростью 100 тысяч экземпляров в день. Повсюду не только расхватывали белые томики с красными буквами и серебряной молнией на обложке, но и действительно читали их.

По настойчивому требованию общественности шоу Боба Смита, на котором доктор Кристиан появился впервые, было показано вновь неделю спустя, после мощной рекламной кампании передачу увидела вся нация. В этот раз постоянным спонсорам шоу были предоставлены три рекламные паузы: одна в самом начале, одна между выступлением Кристиана и ответами на вопросы и одна в конце. Хотя не понесла убытков и первая трансляция, с тех пор усталое лицо с пронзительными темно-синими глазами стало кочевать по обложкам журналов и первыми полосами газет и появилось даже на футболках. Первое издание плаката – портрет и единственное слово «Вердеп» распродали за один день.

Доктор Моше Чейзен укрылся от своих коллег в ночь, когда доктор Кристиан гостил у Боба Смита, но он знал, что лишь отложил неизбежное столкновение. Так что, придя в следующий понедельник на работу и обнаружив две записки на столе секретарши, лишь вздохнул, почесал затылок и пригласил доктора Абрахама и доктора Хемингуэй на утренний кофе.

– Моше, вы смотрели «Сегодня вечером» в прошлую пятницу? – спросила Хемингуэй, прежде чем присесть.

– Само собой. Джудит предупредила меня, и я заинтересовался...

– Ого! Так Джудит знала?.. Доктор Чейзен вздернул брови:

– Дорогая Милли, а тебе когда-нибудь самой доводилось застать врасплох нашу уважаемую начальницу? – он делал вид, что очень сочувствует своим собеседникам. – Она же с владельцем «Аттикус Пресс» в приятельских отношениях, а у издательства – контракт с Кристианом... Думаю, «Аттикус» использовало Джудит в качестве одной из первых читательниц его рукописи.

– Так что же, шоу не стало для вас сюрпризом? – недоверчиво спросил доктор Абрахам.

– Ни в коем случае.

– А почему же вы нас не предупредили? – поинтересовался Хемингуэй.

Чейзен лукаво улыбнулся:

– Откуда же я знал, что вас это интересует? Вы ведь не заинтересовались им во время Исследований, правда? И когда он побывал здесь у нас, в Департаменте...

– Здесь?

– Ну да. После того, как Джудит прочла его рукопись, она пригласила его поговорить со мной о миграции населения.

Совершенно обескураженные, они уставились на Чейзена, как детишки, с опозданием узнавшие, что прозевали веселый семейный пикник.

– Вот уж не знал, что вы такие неразговорчивые, – сказал Чейзен.

– Значит, это... пробный шар? – спросила Хемингуэй.

– Да, Милли. Разминочка, – Чейзен был ласков.

– И все-таки – сомнительно все это, – упрямо сказал Абрахам.

В Атланте Джошуа Кристиан провел неделю, в основном кочуя по зданиям на Медиа-Плейс с розовыми, голубыми, серыми, золотыми и черными зеркальными стенами. Он беседовал с Дэном Коннорсом и Марлен Фельдман, снова с Бобом Смитом; с Домиником д'Эсте, с Бенджамином Стайнфильдом, и с Реджинальдом Паркером, и с Мишей Бронским... Он давал обширные интервью всем крупным газетам и журналам, раздавал автографы в книжных магазинах. Атланта была самым читающим городом Америки, Нью-Йорк потихоньку уступал ей свое место культурного центра страны. Отчасти это было вызвано быстрым ростом города, население которого перевалило за пять миллионов.

Его влияние на людей становилось все более значительным. Даже Джудит Карриол была потрясена, как легко страна принимала идеи того, кого она назвала Мессией. Он заставлял людей верить, играя на тонких струнах чувств и инстинктов, боли и одиночества.

А ведь Атланта была всего лишь отправным пунктом рекламного турне доктора Кристиана. «Аттикус Пресс» стремилось, чтобы как можно большее число потенциальных покупателей книги могло увидеть знаменитого Кристиана живьем. Интервью и восторженные отклики в газетах были отнюдь не главной частью компании. Ставка делалась на появление перед публикой – в местах, где скопились недавние переселенцы, и в городах, которые медленно, но верно угасали: там, где люди особенно нуждаются в слове утешения. Правда, дважды с ним

случались неприятности. Надписывая свои книги в книжных магазинах, он едва не был смят толпой поклонников и еле вырвался из давки. С тех пор он предпочитал выступать с лекциями, куда пускали по билетам, и давка исключалась. Впрочем, билеты раздавались бесплатно – только попроси.

Карриол знала, что ждет Кристиана в ходе рекламного турне. Она порасспросила нескольких популярных писателей, пару кинозвезд, и выяснила, что эти турне – занудная, скучная работенка; знаменитости настолько уставали от бесконечных встреч с людьми, задающими одни и те же вопросы, что к концу пути любое общение начинало их раздражать, и порой кумир мог собрать чемодан и покинуть очередной пункт тайком и без извинений.

Однако Джошуа Кристиан не выказывал ни малейших признаков скуки, разочарования или усталости. Он был неизменно доброжелателен ко всем, охотно ставил автографы на своих книгах всякий раз, когда требовалось, и ловко парировал выпады оппонентов, оставаясь вежливым и доброжелательным, а уж для журналистов всех мастей и вовсе был душкой. Плохо только, что турне затягивалось. Чем больше читателей обретала книга, чем больше входило имя ее автора в жизнь людей, тем длиннее становился список городов, которые заваливали «Аттикус» просьбами организовать выступления Кристиана и у них. Понимая, что нельзя переутомлять Кристиана, Эллиот Маккензи клал заявки под сукно. Но тут из Вашингтона сдержанно намекнули: Кристиану нужно бы побывать всюду, где жаждут его видеть. И дважды в неделю Карриол узнавала, что в расписании турне появились еще два-три новых пункта назначения.

Неделя, вторая, третья... Месяц в пути... А доктор Кристиан все еще оставался в великолепной форме. Карриол с ужасом думала, когда же это закончится. Каждую ночь вертолет перебрасывал их в какой-нибудь новый город. Спали они мало и без особых удобств. Новый рабочий день начинался в восемь часов утра и кончался с прибытием вертолета. В крупных городах их ждали торжественно обстроенные лекции. Кристиан говорил пятнадцатиминутную речь – всякий раз по-новому. Потом – ответы на вопросы. Его ненасытная жажда общения внушала Карриол почти благоговение: таким даже она не знала его. Однажды он даже упрекнул местные власти, пытавшиеся несколько задержать начало лекции, чтобы взбудораженная публика немного успокоилась. Он не боялся никакой публики. Знал ли он, что такое пресыщение? Похоже, нет – если речь шла о встречах с согражданами.

Конечно, не всегда лекции проходили гладко. Ведь Кристиан отказывался заранее готовить выступления, предпочитая импровизацию.

Иногда это позволяло добиться великолепного эффекта, но порой он просто терял контакт с публикой, бывал нелогичен, не умел справиться с неожиданным наплывом эмоций. Как-то раз он сделался просто агрессивен; к счастью вид телекамеры и радиомикрофонов отрезвил его, он взял себя в руки и перешел к ответам на вопросы. «Все преодолимо – хватило бы только сил следовать за ним через всю страну», – думала Карриол.

Пока Кристиан продолжал свое бесконечное и триумфальное турне по Соединенным Штатам, его издатель прикидывал, когда кумир освободится, чтобы посетить Южную Америку и Европу. На обоих континентах «Божие проклятие» расходилось великолепно, невзирая на то, что здесь не видели американских теле – и радиопередач, и даже на разницу идеологий.

Русские сперва немного повозмущались, затем предусмотрительно сбавили тон, предчувствуя, что успех книги неминуемо докатится и до них. Ни одна из крупных мировых держав не страдала от ледника больше, чем Россия, и концепцию Бога, которая может мирно сосуществовать бок о бок даже с марксизмом, здесь решили не отвергать. Семья Кристианов, конечно, продолжала следить за успехами Джошуа с неослабевающим волнением. Его братья поначалу пытались сохранить невозмутимость, но неделю спустя поддались эйфории, которая охватила женскую половину.

– Он – чудо! – вскричала Мышка после слов Боба Смита.

– А как же? – благодушно ответила Мама.

– Он – чудо! – вскричала Мышка после «Воскресного форума» Бенджамена Стайнфильда.

Только Мэри держалась особняком. Ей было больно. Нет, не от зависти. Она говорила себе что именно Джошуа отнял у нее последнюю надежду на счастье. И когда, сидя в клинике и вскрывая свежую почту, она открыла посылку от «Аттикуса»: плакат в честь Джошуа и футболка с его портретом, – чаша ее терпения переполнилась. Вечером она как ни в чем не бывало бросила плакат и футболку на стол, когда Кристианы после ужина усаживались смотреть очередные известия о своем Джошуа.

Никто этому не обрадовался, даже Мама. Эндрю скорчил гримасу отвращения, Джеймс был растерян.

– Думаю, этого было не избежать, – сказал Эндрю после продолжительной паузы. Он пожал плечами – Интересно, нравится ли это самому Джошу?

– Как будто ты его не знаешь, – заметила Мириам – Да он даже не замечает, что творится. Все вокруг могут щеголять в этих футболках, а он не заметит. У него весьма избирательное зрение. Да по-моему, он просто и

не узнает себя на этом портрете, он же так редко смотрелся в зеркало.

– Ты права, – сказал Джеймс. – Бедный Джош!

И только Марта так и ерзала на месте, ей хотелось взять плакат себе, но она не осмеливалась.

– Омерзительно! – прошипела Мэри. – Вы – идиоты! Они же используют Джоша. До него им и дела нет, только и стремятся нажиться на нем. Ты права, Мири: он слепой. Просто слепой. Осел тащит тележку, пока его приманивают морковкой... А вы? Вы что, не видите, как они используют его? А когда он выдохнется, – на глазах ее выступили слезы, – они его вышвырнут за ненадобностью. Омерзительно! – она повернулась к испуганно съежившейся Марте. – Встань, черт тебя побери! Встань! Думаешь, он тебя любит? Думаете, он хоть кого-нибудь любит – кроме Мама? Нет! Почему же вы не любите того, кто действительно любит вас? Ну почему?! – она хотела схватить плакат и разорвать его, но Марта оказалась проворней; плакат был бережно свернут и почтительно передан Мама.

– Ступай спать, Мэри, – устало сказал Эндрю.

Она постояла, глядя на них, а потом повернулась и вышла, ничего не говоря.

– Ох и трудно же с ней, – пожаловалась Мама, не понимая, что случилось с дочерью и как теперь быть.

– Она просто завидует Джошу, – предположил Джеймс.

– Ну, вот что, – сказала Мама, заворачивая футболку в плакат. – Думаю, лучшее, что мы сможем сделать – это сжечь их.

– Дайте их мне, я спущу их в мусоропровод, – вскочила Марта.

Но Эндрю протянул руку за свертком:

– Нет, уж лучше я. А ты, Мышка, сварика мне лучше горячего шоколаду...

А вскоре к ним в дом нагрянул Эллиот Маккензи. Чувствовалось, что он прибыл с грандиозной вестью. Но терпеливо ждал, пока Мама приготовит обед. Сидел себе да разглядывал лица Кристианов, сравнивая этих людей с их знаменитым родственником.

– Джошуа собирается в многомесячное турне по Соединенным Штатам, – сказал гость за кофе. – Поступило также множество заявок из-за рубежа. Англия, Франция, Германия, Италия хотят его видеть у себя. И латиноамериканские страны тоже.

Они внимательно слушали, гордые и слегка озадаченные.

– Во всяком случае, у меня есть идея, которой я хочу поделиться с вами, – продолжал он – Учтите, немедленного ответа не требую. Вы всегда

помогали Джошуа в клинике, кому как не вам знать его, – он повернулся к Джеймсу: – Не подумать ли вам, Джеймс, – вам и Мириам – о поездке в Европу? Ради Джошуа? Я ведь знаю, что Мириам хорошо знает языки, в отличие от Джошуа. Ваша помощь была бы бесценна. И для вас, Эндрю, у меня тоже есть работа – если заинтересуетесь. Южная Америка, а? Вы, Марта и Джошуа... Вы же бегло говорите по-испански, а если еще пройти ускоренный курс португальского...

– Откуда вы знаете, какими языками мы владеем? – спросила Мэри, глядя на Маккензи так пристально, что он смутился.

– Джошуа сказал мне... как-то за обедом. Знаете, он страшно гордится вами. Думаю, он будет очень, очень рад, если вы поможете ему в заграничных турне.

– Трудно решиться, – задумчиво сказал Джеймс. – Обычно такие важные решения принимает у нас Джошуа. Нельзя ли нам связаться с ним по телефону или еще как-нибудь, чтобы он... чтобы он посоветовал, как нам быть.

– Я старался Джошуа не тревожить, да он так загружен, что, честное слово, лучше бы и вам, Эндрю, его не беспокоить, – сказал Маккензи.

– Я поеду, – неожиданно сказала Мэри. Братья изумленно посмотрели на нее.

– Ты? – спросил Джеймс.

– Да. А почему бы и нет?

– Все-таки нам с Эндрю могут помочь жены, да и языки мы знаем...

– Пожалуйста, пустите меня! – прошептала она.

Эндрю рассмеялся:

– Да мы вообще еще не решили, поедет ли вообще кто-нибудь из нас... Но Джимми прав если ехать – то нам. А вы с Мамой присмотрите за домом. Действительно, соблазнительное предложение, Эллиот. Да и моей жене пойдет на пользу пара месяцев в Южной Америке.

Мать доктора Кристиана встретила его в городе Мобил, штат Алабама. Свое неожиданное появление она объяснила тем, что нет смысла присматривать за бездействующей клиникой.

– Ты не представляешь себе, что творится в Холломане, – весело рассказывала она сыну – Повсюду толпы! Они приходят не лечиться а чтобы взглянуть на наш дом, выпить чашечку кофе, побеседовать с нами – ведь мы твоя родня. Копоятся под ногами, ничем не дают заниматься... А может это и к лучшему дорогой мой. Всем нам нашлась другая работа. Мистер Маккензи отправляет Джеймса и Мириам в Европу: там распродали книгу и все толки – вокруг тебя. А ты ведь занят здесь, да и

языками не владеешь. А Эндрю поскольку тот прекрасно говорит на испанском, мистер Маккензи посылает вместе с Мартой в Южную Америку. Там книга тоже разошлась. Осталась одна я без работы. О ком теперь заботиться, если твои братья с женами уже уехали в Нью-Йорк – там их проинструктируют, что к чему, и домой они уже не вернуться. А Мэри я оставила присмотреть за домом и, главное, за садом, пока сама я буду ездить с тобой.

– А клиника? – вспыхнул Джошуа.

– Но ведь теперь у тебя другая работа, правда? Теперь клиника Кристиана – вся страна. И даже другие страны. Будь спокоен, Джеймс на славу потрудится вместо тебя за рубежом. Когда Маккензи уехал, мы устроили семейный совет и решили: если мы чем и можем помочь в твоём нелегком труде – так это тем, что возьмемся рекламировать твою книгу.

– Что я наделал...

Раз уж не удалось оградить Кристиана от этого бурного потока информации, Карриол решила вмешаться, как только Мама выдохнется. И вмешалась, надеясь ликвидировать последствия этого стихийного бедствия:

– Джошуа, вы делаете, что можете: помогаете миллионам. В стране уже совсем другая атмосфера, чем раньше. Благодаря вам!

– Это правда? Неужели правда, Джудит?

– Дорогой мой, – сказала она, взяв его за руки. – Разве я посмела бы лгать? Вы творите настоящее чудо...

– Я не умею творить чудес... Я только пытаюсь сделать человека лучше.

– Да, конечно. Я употребила это слово... ну, в переносном смысле.

– Но что я наделал со своей семьей!..

– За какой-то месяц вы проделали путь от полной безвестности к настоящей славе. Разве мы знали, что так будет? Никто не знал, я тоже. Откуда же было знать об этих толпах паломников в Холломане... Но Мама права: клиника доктора Кристиана не закрыта, она просто сменила адрес.

– По-вашему выходит, будто смысл моей жизни – в том, чтобы закрылась моя клиника.

– Ну, хорошо, Джошуа, если именно клиника вам дороже всего на свете – откройте ее заново. И только-то. Джеймс и Эндрю вернуться, вы все снова соберетесь вместе, откроете клинику и все в вашей жизни будет как прежде. Конечно, вы не перестанете быть автором знаменитой книги. Но ведь вы, уверена, и не хотите, чтобы люди забыли о ней. А в остальном все пойдет своим чередом. Мамины новости подействовали на вас так сокрушительно, потому что вы были далеко от дома и вам кажется, будто

вы предали семью, клинику... А как вы думали – попытка вылечить столько людей не потребует самоотдачи, жертв? Такая работа требует от человека перемен в жизни. Ведь в вашей же собственной книге сказано, что перемены требуют времени, терпения, работы над собой. Разве не так, Джошуа?

– Ну вот видите, – попытался он засмеяться. – Значит, я не достоин собственных поучений... Только и способен смущать людей.

– Джошуа, уже поздно. Завтра придется встать в шесть: встреча назначена на утро. Шли бы вы спать.

Он послушался. Но Карриол долго не могла успокоиться: впервые за время турне она видела Кристиана таким подавленным. А все – Мама! Что за слепая, животная, неразумная любовь! И пока Карриол в лепешку расшибалась, чтобы загладить оплошность Мама, сама виновница сидела, как ни в чем не бывало, и только глазела то на Джошуа, то на Джудит, будто и впрямь не могла взять в толк, что наделала. Она что, и впрямь ничего не соображает? Иначе почему, когда Джошуа наконец-то отправился спать, пыталась броситься за ним следом? Карриол довольно бесцеремонно преградила ей путь.

– Ну, нет, подождите-ка. Хочу вам сказать пару слов, – сказала мрачно, оттесняя Маму от комнаты Джошуа и подталкивая к спальне, которую Джудит уже мысленно отвела ей. А что, Мама рассчитывала на что-нибудь другое? Думала поселиться вместе с Джудит, в которой души не чает? И как она вообще попала в Мобил? Уж конечно, не с помощью «Аттикус». И ведь наверняка знала, что поступает неправильно, но не остановилась... Карриол угрюмо смотрела на нарушительницу покоя.

– А в чем дело, Джудит? – дрожащим голосом спросила Мама. – Что такое-то? В чем я виновата?

– А зачем нужно было городить всю эту чепуху – что клиника закрылась, что братья разъехались?

– Но это же правда? Почему он не должен об этом знать? Я хотела его порадовать, – захныкала Мама.

– Да? Я ведь тоже обо всем этом знаю, но молчу! Его надо беречь: он очень устает, мало спит, тратит столько энергии на своих читателей... Мама, зачем вы приехали? Неужели не понимаете, что ваше присутствие потребует от него дополнительных сил?

– Я его мать! Ему было четыре годика, когда... Да вы и так знаете. Я потому и примчалась сюда, что знаю: ему трудно. Поверьте, доктор Карриол: я не обузой хочу быть, а помощницей.

– Ради всего святого, бросьте вы пустую болтовню, – устало сказала

Карриол. – Если бы вы на самом деле так тревожились о сыне, вы бы сидели сейчас в Холломане и присматривали за домом, чтобы обеспечить, так сказать, прочный тыл. А сюда прислали бы Мэри. Бедняжка, осталась там одна, взаперти... Не надо обманывать ни меня, ни себя: вас погнало сюда любопытство да тщеславие. Конечно, вы все еще эффектная дама, в расцвете сил, люди непременно захотят поглазеть и на вас, и вам есть что им продемонстрировать. То-то все восхитятся! Станут на все лады расхваливать вас, поздравлять с успехами вашего первенца...

– Джудит!

– Слушайте, Мама: ему вовсе не нужна забота. Тот, кто устал, не будет носиться по всей стране, из конца в конец, и выступать, выступать, выступать... Он и думать не думает о вас. К тому же вы только испортите всю музыку своими разглагольствованиями о том, как хорошо иметь четырех детишек: он-то внушает своим слушателям, что в идеале надо иметь одного-единственного. Просто вам обидно: как это о вас забудут газеты, радио и телевидение! Что, не правда?

На эту тираду Мама могла ответить только потоком слез. И уж выплакалась она вволю. То, каким ее сын видится женщине, которая очаровала ее и потому в глазах Мамы заслуживала всяческого доверия, застало миссис Кристиан врасплох. Смутило ее и упоминание о Мэри. А ведь и правда: Мама совсем забыла, что для посторонних ее дочь – старая дева, непривлекательная, обойденная вниманием.

– Утром уеду домой и пришлю ее сюда, – пробормотала Мама.

– Нет уж, теперь поздно. Оставайтесь, раз приехали, – махнула рукой Карриол. – Но предупреждаю: не высовывайтесь. Без нужды не раскрывайте рта. Но и не отмалчивайтесь с мученическим выражением лица. Попробуйте только еще раз расстроить его!

– Не буду, Джудит, обещаю, не буду, – снова и снова шептала Мама. – Я еще пригожусь, честное слово. Я... я все его вещи перестираю! И ваши тоже!

Никогда еще она не слышала, чтобы Карриол смеялась...

– Ах, Мама, были бы для этого время и возможность... Мы меняем гостиницу за гостиницей, да и холодно в номерах, чтобы сушить белье... Каждый день, пока Джошуа на встрече с публикой, наш шофер едет в магазин и покупает все новое. Так куда проще... Когда разместитесь, скажите Биллу размер и вашего белья – а то ходить вам все время в грязном...

Мама покраснела: ей было не на шутку стыдно.

– А лучше живите в моей комнате, – сказала Карриол, берясь за свой

единственный чемодан, так и оставшийся нераспакованным. – А я спущусь к портье и найду себе другую. Где ваши вещи?

– Внизу, – пролепетала Мама с убитым видом.

– Я их вам пришлю. Спокойной ночи. Когда вещи принесли, Мама бросилась на кровать и безутешно рыдала, пока ее не сморил сон.

Доктор Кристиан тоже был в постели. Но ни слезы, ни сон не приходили к нему. Все рухнуло – все рухнуло в одночасье. Прошедший месяц доставил ему истинное удовольствие. Ему нравилось смотреть в лица слушателей и знать, что, замороженные его словами, они исцеляются. Его не отвергали люди; река времени несла его корабль; это было счастье. Но он постоянно помнил, что где-то там есть Холломан, есть любимый дом, куда он может в любой момент вернуться. А выходит, возвращаться некуда... Впрочем... Что это с тобой, Джошуа Кристиан? Разве ты не учишь людей забывать о ностальгии, не оборачиваться назад, не бороться с переменами в своей жизни? Вот они – перемены, большие перемены. Ты тоже должен с этим справиться. А ну-ка, веселей! Держи хвост морковкой, Джошуа. Это же прекрасно, что Джеймс и Мириам, Эндрю и Марта заняты вашим общим делом. Они ведь всегда были плечом к плечу с тобой. Все, что ни делается, – к лучшему. Конечно, бывают перемены ползучие, постепенные – а бывают и яркие, как вспышка. Вот как с тобой сейчас. И ты сможешь с этим справиться. Сможешь.

Он постарался заснуть. О, он, закрой мои глаза. О, сон, прогони боль. Но сон был далеко: утешал тех, кого Джошуа уже исцелил...

Из Мобила негаданно выросшая команда Джошуа перекочевала в Сент-Луис. Мама вела, себя примерно. Она познакомилась с вертолетчиком Билли и даже вручила ему в конвертике свои интимные параметры.

– А какой цвет вам нравится? – шепнул Билли.

Она чарующе улыбнулась:

– Белый.

В Сент-Луисе все прошло отлично. Кристиан был в ударе. Телепередача шла не в прямом эфире, а записывалась на пленку. Ведущая, молодая блондинка, была напориста и сообразительна. Она догадалась, что такую персону, как доктор Кристиан, не стоит проверять на интеллектуальный уровень. Важнее показать зрителям его мужество. И его непосредственность.

– Интересно, доктор, а чем вы предлагаете утешиться тем, кто все же хотел бы завести второго ребенка? – так она начала беседу. – Вам легко быть великодушным; вы неженаты, детей у вас нет, и уж тем более вам

неведомы материнские чувства. Неужели вы искренне полагаете, что вправе осуждать тех несчастных женщин, которые вытянули пустой билетик в лотерее Бюро и озлоблены этим?

– Худшая черта лотереи, – ответил он, – это тест, который они предлагают претенденткам. Кто знает, какие слои населения больше нуждаются в двух детях и могут стать им хорошими родителями? Уровень образования и даже профессии часто передаются по наследству. Дети образованных больше стремятся попасть в университет. Но не можем же мы до бесконечности выпускать учителей и компьютерщиков. Нужно, чтобы молодежь шла и в водопроводчики, электрики, плотники – а не только в социологи и хирурги. Увы, тест часто лишает надежды тех, кого принято называть «простыми людьми». А поскольку «простые люди» беднее образованных, они начинают подозревать, что в их неудаче виновны сговор, взяточничество... что угодно.

Ведущая была разочарована ответом.

– Но ведь вы не об этом хотели спросить, не так ли? – продолжал он сердито. – Вы хотели услышать, чем я могу утешить проигравших в лотерее. Оставим в стороне ошибочное тестирование. Тем более, что вы явно на стороне тех, кто озлоблен и, к сожалению, помышляет только о мести... Конечно, я никогда не был матерью. Я и отцом-то не был. Но у меня есть две кошки. Да-да. Две – потому что больше не разрешает закон. Они никогда не имели котят – я не стал спрашивать на это разрешения, как полагается. Так что можете меня считать родителем кота Ганнибала и кошки Дидо. Они меня очень любят. Я их тоже. Но знаете ли, чем они все время заняты? Они не вылизывают шерстку, не ловят мышей, даже не дремлют, свернувшись клубочком. Мои кошки ведут дневники. Или приходно-расходные книги, я уж не знаю. И пишут, пишут, пишут... Все записывают! Подбивают бабки! Типичное сальдо очередного прожитого дня из grossбуха кота Ганнибала можно прочесть примерно так: «Папочка ей первой поставил сегодня миску с едой. Когда Папочка ушел, она меня ударила четыре раза, а я ее – только три. А когда Папочка сел обедать, ее он взял на колени, а меня проигнорировал. И еще она спала на его постели, а меня заставили довольствоваться стулом». Дидо в тот же день записала вот что:

«Папочка положил сегодня утром в его миску еды больше, чем в мою. Когда он забрался в клинику, Папочка отвесил ему шесть шлепков, а мне – ни одного. Папочка полчаса держал его после ужина на коленях. А когда Папочка отправился спать, то усадил его на особый стул, а мне досталась только кровать». Вот так они и живут, мои кошки. Дни напролет проводят

за подсчетами: кому больше досталось внимания. И все подсчитывают. И записывают своими каракулями, – он поднял голову и посмотрел прямо в объектив камеры. – В общем-то все в порядке. Я не протестую. Они же кошки! Они не такие, как я. Их манеры, их этика строятся на инстинкте самосохранения. Все вокруг они воспринимают только через призму собственного благополучия. Вот почему, если кошкам случается полюбить, они тут же заводят бухгалтерскую книгу.

Он одарил собеседницу ледяным взглядом.

– Но люди – не кошки! – едва ли не прорычал он, – Они куда более тонко организованы. Мы можем воспитывать собственные чувства, обуздывать собственные эмоции, повиноваться обстоятельствам. Иначе придется согласиться, что мы – все лишь кошки. Тогда давайте заводить бухгалтерские книги любви. Муж и жена, родители и дитя, друзья, соседи, соотечественники, люди – все, кто дотошно подсчитывает, чего и сколько потратил на любовь и чего и сколько на это получил – обречены! Они – животные! Звери! По-моему, это ниже нашего достоинства. Взвешивать, чья скорбь весомее, чья радость обильнее? Проклятье! Слышите? Будь проклят тот, кто это делает. Не смейте этого делать – это я говорю и себе, и каждому из вас!

Эй-Би-Си вечером показало эпизод из передачи провинциального телевидения в своем выпуске новостей. Результаты были неожиданными. Во-первых, Конгресс и Президент распорядились, чтобы Бюро упразднило тестирование. Во-вторых, на Кристиана обрушился целый поток писем о горячо любимых кошках, которые, оказывается, умеют любить куда сильнее, чем люди, и вообще человечней любого из людей – не исключая самого Кристиана.

– Вот уж не знала, что у тебя есть кошки, Джошуа, – сказала Карриол в вертолете, переносившем их из Сент-Луиса в Канзас-Сити.

– Я тоже, – ухмыльнулся он. Помолчав, Карриол заметила:

– Ну, теперь ясно, почему так удивилась Мама... Впрочем, должна доложить, она тут же нашла выход из положения... Мама – ну и актриса же вы! Джошуа, видели бы вы, как она причитала: мол, бедные наши детки, Ганнибал и Дидо, рыженькая и полосатенький... Да еще и рыдала при этом!

– А что? Не хотелось бы, чтобы они оказались сиамскими – не люблю сиамцев, – задорно откликнулась Мама. – Если Джош когда-нибудь и впрямь заведет кошек – пусть будут рыженькая и полосатенький.

– Теперь отбою не будет от расспросов о Дидо и Ганнибале. И что вы будете делать?

– Все вопросы по кошачьей части – только к Маме, – сказал Джошуа. – Я назначаю ее экспертом по Дидо и Ганнибалу.

– Кошки, ведущие бухгалтерские книги! Надо же придумать такое! Как вам это в голову пришло? – продолжала сокрушаться Джужит.

– Вдохновение нашло, – только и сказал Кристиан.

После Мобила и Сент-Луиса Карриол узнала Кристиана № 3. Это она их так нумеровала – обличья, в которых представал перед нею Джошуа № 1 был тот, каким она видела его в Хартфорде и в Холломане. Кристиан № 2 – счастливый, деятельный, жадный до общения Джошуа первых дней после появления «Божьего проклятия». Новый Кристиан оказался слегка сбитым с толку, приуставшим, хотя все еще несшим в себе лучшие черты Кристиана № 2; он стал целеустремленней и настойчивей, как полагается Мессии. Каким же будет очередной Кристиан?

Уже сейчас он сделался настоящим гуру, потому что избавился от всяческих попыток самоанализа. Для гуру ведь главное – непосредственность реакции, не правда ли? Как губка, впитывай эмоции, захлестывающие аудиторию, улавливай чаяния, потакай стремлениям (люди всегда стремятся к лучшему, к вере, к незыблемым истинам) – и прослывешь гуру.

Некрасивый, покажешься сказочно красивым. Невежественный, наречешься мудрым. Отблеск твоих идей будет озарять каждый твой шаг – без твоего участия. Гуру – это пловец, рискнувший выбраться на стремнину. Там не гребут. На стремнине реки главное – удержаться на плаву, и течение вынесет... Вот только куда?

Вторым и третьим пунктом в расписании их рабочего дня в Канзас-Сити значились выступления на местных радиостанциях, расположенных в нескольких кварталах друг от друга.

Когда с записью на первой из них, Дабл-ю-Кей-Си-Эм было покончено, к выходу подали машину. Кристиану всегда подавали такие: не допотопный лимузин, в каких важные шишки разъезжали в прежние годы, но просторный и комфортабельный правительственный автомобиль, только без опознавательных знаков, приличествующих члену правительства. Следующей всегда выходила Мама – минуты через две-три. Эту тактику разработала Карриол, чтобы легче было пробиваться через толпы, поджидавшие своего кумира у выхода. Кристиан успевал попозировать перед камерами да поприветствовать своих приверженцев, как тут появлялась мама, толпа несколько отвлекалась, натиск ослабевал, и телохранители заталкивали доктора Кристиана в машину, тут же трогавшуюся с места.

Но в это утро он замешкался. У выхода собралась изрядная толпа: местная газета поместила на первой полосе статью о пребывании доктора Кристиана в Канзас-Сити и подробный маршрут его поездки. Полдюжины полицейских старательно прокладывали коридор в толпе из трехсот-четырехсот человек, стеной вставших на пути к машине. Было холодно, дул сильный ветер, но толпа терпеливо ждала. Оценив обстановку через стекло в фойе, Карриол крепко взяла Кристиана под локоть:

– Идемте, нам стоит поторопиться. Она распахнула дверь. Толпа охнула, некоторые, выкрикивая его имя, стали рваться ему навстречу. Нет, они вовсе не собирались срывать с него галстук, хватать его за руки или пачкать ему щеки губной помадой, как поступают с кинозвездами. Никто бы и не посмел отнестись к нему, как к забавной игрушке. Люди знали ему цену.

Он сердито стряхнул руку:

– Я должен им сказать...

Их окружали все плотнее. Карриол снова схватила его за локоть. Я поговорю с ними.

– Нет, Джошуа! – воскликнула она. – Через пять минут ты должен быть в Дабл-ю-Кей-Си-Кей!

Он засмеялся и подергал полисмена за полу нейлоновой куртки:

– Офицер, вы мне разрешите поговорить с этими добропорядочными гражданами? – и обратился к толпе: Ну, и где у вас тут эта самая Дабл-ю-Кей-Си-Кей?

Сразу десятки голосов ответили ему. Офицер посторонился. Кристиан, смеясь, раскинул руки:

– Ну так ведите меня туда!

Толпа сомкнулась вокруг него, но почтительно и бережно. На всякий случай полицейские пробились к нему поближе, и толпа двинулась, увлекая за собой Джошуа. Джудит осталась одна. Мама опустила стекло машины и высунулась:

– Джудит, что там стряслось?

Карриол кивком велела водителю заводить мотор и плюхнулась на заднее сидение.

– На радиостанцию, – бросила она и пояснила Маме: – Видите ли, он решил пройтись пешком. В такую погоду! Хочет поговорить с людьми. И опоздает. Обязательно опоздает. Вот ведь свинство!

Конечно, он опоздал – на полчаса. Но ради такого гостя радиостанция тут же послушно внесла изменения в программу. И газета, в редакцию которой он уже не успевал, все же умудрилась выйти с интервью на первой

полосе, потому что ее репортер сопровождал Кристиана вместе с толпой из второй радиостанции в городскую управу, где ему предстояло сказать речь за ланчем. Дабл-ю-Кей-Си-Кей не только не обиделась на опоздание Кристиана, но и мгновенно испекла из этой осечки сенсацию. В эфир немедленно полетело сообщение: доктор Кристиан запросто разгуливает с горожанами по улице! Так что горожане бросали все дела и стекались к подъезду Си-Кей.

Весь путь до Литтл-Рок Джудит зловеще молчала. И только там разразилась гневной тирадой по поводу скверного, как ей показалось, отеля. А потом бросилась звонить Гарольду Магнусу и ему тоже устроила грандиозный разнос. Что за маршрут! – кричала она. – Почему они вынуждены мотаться туда-сюда? Сегодня – на юг, завтра – на запад, послезавтра – на восток, а оттуда снова на юг. Турне организовано безобразно, это издевательство... Она настаивала на исправлении маршрутных кривых. И вообще надо держать курс на юг – подальше от суровой зимы: следует доктора Кристиана беречь!

Впрочем, добраться до самого Кристиана ей хотелось еще больше. И час ее пробил, как только команда разместилась по номерам отеля.

– Ну, вы довольны своими сегодняшними подвигами, Джошуа? – спросила она сердито.

Он остановился на полпути в ванную:

– Какими подвигами?

– Вы вели себя, как ярмарочный зазывала. Бородатая женщина, живая русалка и всякое такое. Господи, какой ужас – демонстрировать себя толпе! Да вас могли просто убить!

Его лицо прояснилось:

– Странно, не правда ли – и как я раньше не догадался?

– Не догадались – о чем?

– Ходить среди людей. Вот так, запросто. Они могли меня убить? Что вы, Джудит – это я чуть не погубил себя этими интервью и шоу. С живыми людьми рядом я чувствую себя лучше всего. Можно было бы ограничиться и выступлением на крупных телестанциях, транслирующих свои передачи на всю страну. А на местах встречаться с людьми прямо на улице. За один день я пообщался с большим количеством людей, чем на сотне провинциальных шоу.

Она была так поражена, что не нашла, что ответить. Выражение ее лица развеселило его.

– Джудит, пожалуйста, не надо сцен. Знаю, знаю, вы – сама пунктуальность. И все же, если хотите, чтобы турне продолжалось, давайте

кое-что изменим. Вот я вышел из дверей и увидел, как они ждут меня – на таком холоде!.. Ведь я не книгу поехал рекламировать, поймите, – поехал помогать людям. А людей-то и не вижу. Меня все время заставляют пялиться в объектив и говорить в дырку с проволоочной сеткой. И езжу я в машине – а они все больше пешком ходят... Понимаете, Джудит? Они ждали меня на холоде, на ветру! Надеюсь, то, что сегодня случилось, скажет им больше, чем все эти развеселые шоу. Я шел с ними – и они расцветали, как подснежники в оттепель. И я чувствовал себя по-настоящему нужным. Знаете, как стыдно садиться в машину, когда другие не могут этого сделать? Я шел с ними, я был одним из них. Это мне нравится, Джудит.

Ее ярость выдохлась. Ну как можно злиться на человека, лицо которого так светло!

– Да, – промолвила она грустно. – Я понимаю, Джошуа. Я верю, что вы правы.

Этим она и сразила Кристиана. Ведь он приготовился к ссоре, перепоясал чресла свои для битвы, и теперь не знал, что сказать. Восхищенный, он подхватил ее и завальсировал по комнате, держа ее на руках, и хрипло смеясь в ответ на ее визги и попытки освободиться. И тут явилась Мама. То-то радости было Маме: как же, они снова вместе и снова нет между ними вражды!

Появление матери отрезвило Кристиана и он тут же поставил Джудит на ноги.

– Я праздную победу, – объяснил он смущенно. – Я победил, Мама. И собираюсь прямо сейчас прогуляться по городу.

– О, Боже! – Мама как стояла, так и села.

– Но я не настаиваю, чтобы вы с Джудит меня сопровождали, – успокоил он.

Карриол попыталась перейти в контрнаступление:

– Ладно, Джошуа, ладно. Но без радио и телевидения не обойтись. Согласитесь хотя бы до телестудии доезжать на машине – путь ведь, как правило, неблизкий.

– Нет-нет, только пешком. Машина – это не для меня.

– Ну, будьте же реалистом. Мы разъезжаем уже пять недель, а впереди еще по меньшей мере десять. И здесь, и там, и у черта на куличках – всюду вас ждут люди. Нужно выдерживать высокий темп и побыстрее завершить поездку – иначе мы просто не выдержим, сил не хватит. Если бы вы знали, какого труда стоит мне влиять на Вашингтон... – она не закончила, пораженная собственной нескромностью.

Но он этого даже не заметил.

– Еще раз говорю – я не считаю эту поездку рекламным турне. Это – дело всей моей жизни. То, ради чего я родился. Раз уж меня выманили из Холломана и лишили дома – вся моя жизнь теперь в этом! Я-то думал, вы поняли.

– Конечно, понимаю, – сказала она, лишь бы он успокоился, и даже не заметила, как переменялся он с того дня, когда Мама преподнесла ему сногсшибательные новости из Холломана. – Вы правы, Джошуа. Правы – вы. Так, – она сжала виски, – подождите, ни слова больше. Дайте мне подумать. Мне надо подумать...

Она уселась, все еще сжимая виски.

– Значит, так. Мы в Литтл-Рок. На север ехать нельзя – зима слишком сурова. Поедем на юг. Несколько городков в Арканзасе, затем Техас, Нью-Мексико, Аризона и Калифорния. Скажем, недель двенадцать, не больше. Будем проводить в каждом городе не день, а два: можете гулять, сколь угодно, по улицам. Без особой спешки. А потом потеплеет, и двинемся на север. Это ему не понравилось:

– Нет, Джудит, не выйдет. На север надо ехать зимой. Тем, кто остался на севере, мы нужны больше, чем южанам – хоть коренным, хоть недавним переселенцам. Джудит, северные города еще не вымерли. Но теперь, когда правительство приняло решение, что люди будут переезжать на юг не на четыре месяца, а на шесть, эти города непременно вымрут. Люди там понимают, к чему идет дело. Они заждались правдивых слов. Они охвачены страхом, чувствуют, что земля уходит из-под ног... Им понадобится изрядное мужество. А вы говорите – юг. Либо север – либо турне конец. Рождество встретим в Чикаго. Новый год... ну, в Миннеаполисе. Или в Омахе.

– Джошуа Кристиан, вы сошли с ума, – торжественно возвестила Карриол. – На север вам нельзя. Вы там просто умрете. Простудитесь и умрете.

Мама поддержала ее, как могла: слезами и причитаниями. Но он был глух и к логическим доводам, которыми пыталась воспользоваться Джудит, и к слезам матери: либо север – либо турне конец.

И им пришлось отправляться из Литтл-Рок на Север. Такой зимы никто из них еще не видел. Снег лежал даже на побережье; города замело: по снежной буре в неделю. Бураны не останавливали его. Цинциннати, Индианополис, Форт-Уэйн. Он был прав: люди выходили встречать его и шли вместе с ним по замеченным улицам. Карриол и Мама поначалу отважно пытались не отставать. Но им это оказалось не по силам. И пока

он в окружении восторженных северян мерил шагами улицу за улицей, они ехали следом в машине – если удавалось проехать через сугробы. Если же нет, ждали его в отеле. Вязали, болтали, читали и ждали.

В новом графике поездки пришлось отвести на каждый город не два дня, а три. Если бы не беспокойство за Джошуа, Карриол и Мама могли бы быть довольны: и засыпать не приходилось каждый раз на новом месте, и поспать удавалось подольше. Доволен был и пилот Билли: у него оставалось больше времени, чтобы подготовить свою «птичку» к очередному перелету.

Кристиан подбирался все ближе к берегам озера Мичиган. Внешне он изменился: выцветший твидовый пиджак получил отставку, теперь Джошуа одевался, как полярник. По улицам он ходил очень быстро. Сопровождать себя разрешал партии из двадцати человек не более. Пройдя вместе с ним ярдов двести, первая партия сворачивала в сторону, ей на смену заступала другая. Местные власти заботливо готовили для доктора трассу, расчищая снежные заносы. Да тут еще метели утихли. В результате он вообразил, что условия тут просто райские. И объявил, что отныне намерен обходиться вовсе без вертолета.

– Буду ходить из города в город пешком, – сказал он.

– Господи, нет! – закричала Карриол. – Ты просто замерзнешь! А если попадешь в метель? Пожалуйста, Джошуа, прошу: капельку благоразумия...

– Я пойду.

– Нет.

Крик Карриол донесся до Мама. Она робко заглянула к ним – так, чтобы в случае чего быстренько отступить к себе.

– Знаете, что надумал этот идиот? – бросилась к ней Джудит. – Хочет пешком идти в Гэри. А если метель? Мама, неужели у вашего сына не осталось ни капли здравого смысла? Поговорите с ним вы, я сдаюсь.

Но Мама говорить не смогла.

Перед ее глазами тут же возникло видение: заочневшее тело ее мужа. Будто не много лет назад, а только вчера ее вызвали в Буффало, чтобы среди множества тел в городских моргах опознать того, кто был ее супругом, ее Джо. Только теперь она ищет уже не Джо, а Джошуа. Ходить от трупа к трупу, ужасаться, надеяться, отчаиваться... Она зашла в истерику, подвывая, мечась по комнате, натываясь на стулья и расшвыривая их, колотя кулаками по стенам. Карриол и Джошуа стояли, растерянные, не в силах ее усмирить.

– Из города в город – на вертолете, – резко сказал Кристиан и заперся в

ванной.

«И на этом спасибо» – подумала Карриол. И еще: «Все, что ни делается, к лучшему, как учит доктор Кристиан. Спасибо. Мама.»

Между тем, дело приняло серьезный оборот: Маму они погрузили в вертолет в почти бессознательном состоянии. В чужом городе да еще в такую погоду найти врача было непросто. Оставалось надеяться, что все само образуется. Когда Билли доставил Маму в Гэри, она уже могла говорить, только поминутно всхлипывала и то и дело разражалась рыданиями.

– Джошуа, дорогой, не надрывайся так, – попросила она. – Я не прошу тебя бросить любимое дело, но пожалуйста, – побереги себя, сынок.

– Но ведь фермеры остаются без моего внимания! – взмолился он.

– Не все, не все. Ведь некоторые из них приезжают в город, чтобы повидаться с тобой. И потом, далеко не все фермеры вообще знают о твоей книге, сидя у себя в глуши. И еще: ты же все равно не сможешь пообщаться с каждым-прекаждым, даже если будешь жить двести лет и ходить, ходить, ходить без роздыху.

Билли и Карриол шли чуть поодаль от Кристиана и его матери. Пилот бережно поддерживал Джудит под локоток, помогая ей преодолеть наледи на тротуаре.

Билли служил в Воздушных Силах, носил нашивки старшего сержанта. В президентскую вертолетную эскадрилью он был откомандирован три года назад. Когда одну из винтокрылых машин выделили Кристиану и встал вопрос о пилоте, выбор пал на Билли, поскольку, он имел еще и диплом инженера, а при такой нагрузке ремонтам конца не будет. Со временем Билли с удивлением обнаружил, что ему нравится работать с этими сумасшедшими. Конечно, в президентском отряде жилось куда спокойней, но и скучней: борозди себе небо над Вашингтоном или вози на отдых к теплому морю. А тут он парил над Америкой, как птица. Ему приходилось быть механиком и рассыльным, снабжать своих спутников одеждой и бельем – зато это была увлекательная жизнь. Да и интересно ведь кружить по стране рядом с такой знаменитостью! А доктор Кристиан действительно был в полете с ним рядом – когда к их команде присоединилась миссис Кристиан, доктор пересел вперед к пилоту, на свободное кресло, предоставив женщинам возможность расположиться рядышком на задних: несмотря на разницу в возрасте и во взглядах, женщины успели сдружиться.

Но на земле Билли держался особняком. Он не обедал со своими спутниками, не ездил вместе с ними на машине и даже не останавливался в

одном с ними отеле. Все свободное время он проводил возле своей «птички». Хоть он и понимал, что поступает вроде бы и не слишком красиво, но иначе просто не мог.

Доктор Карриол была в его глазах большим начальством, поэтому ему пришлось собраться с духом, чтобы спросить:

– А что, мэм, что-нибудь стряслось?

Она попыталась сделать вид, будто ничего особенного не случилось:

– Да вот... У доктора Кристиана небольшие проблемы... Хочет пройтись пешком от Декатура до Гэри.

– Ну да? Шутите?

– Если бы так... Вы, наверное, знаете из газет, что отец доктора Кристиана попал в метель и замерз. Так вот, когда доктор сказал матери о своем намерении, у нее сдали нервы. Я даже рада, что так получилось. Надеюсь, хоть это привело его в чувство.

– Ясно, мэм, – кивнул Билли.

Они приземлились возле небольшой развалюхи на краю вертолетной площадки.

– Вот мы и на месте! – безрадостно заметил Билли. И добавил про себя: «В Гэри, пешком, да еще в Сочельник! Нет, братцы, этак я тоже скоро свихнусь!»

Глава X

Покуда доктор Джошуа Кристиан пробирался по Висконсину и Тиннесоте сквозь сорокоградусную стужу января 2033-го, Карриол рискнула оставить его одного и улетела обратно в Вашингтон. Было самое время лично разведать, какие настроения царят в коридорах власти. И вообще ей нужна была передышка, чтобы не выйти из строя. Билли доставил ее в Чикаго, где она поспела к самолету на Вашингтон.

Моше Чейзен встретил ее в аэропорту. Здесь тоже лежал снег, но по сравнению с теми краями, откуда она прибыла, эти заносы казались просто порошой. Разве тут холода? Просто лето! А при виде морщинистого лица старого доброго Моше она и вовсе прослезилась. Боже мой! Что же это со мной такое?

Неужели я так устала? Совсем потеряла голову...

Чейзен с затаенным дыханием следил за восходящей звездой Кристиана еще с тех пор, как Карриол рассказала ему про операцию «Мессия». Он гордился этим человеком, словно собственным сыном (собственный его сын был биологом и жил на Гаити), и вдвойне упивался сознанием собственной значимости своего любимца. Каков, а? Была ли в нем и вправду эта искра божия? Или он только сейчас созрел для славы?

Однако, когда за первым месяцем успешного продвижения доктора Кристиана последовал второй, и доктор Чейзен заподозрил, что поездка, видимо, затянется, и, более того, маршрут все больше двигался к северу, в эти ужасные края, его стали одолевать приступы сомнений. Он забеспокоился. А Джошуа явно пытался сделать то, что сделать человеку не по силам. Как могла Джудит позволить ему это?

– Шалом, шалом, – закричал он, чмокнув Карриол куда-то возле уха и стискивая ее руку.

– Не ждала, что меня встретят, – сказала она растроганно.

– Как, чтоб я не встретил мою Джудит? Мешугге! Да у вас, дорогая, похоже, мозги повымерзли на тамошних холодах!

– Наверно, так оно и есть.

Он был с машиной, значит ее акции в правительстве растут.

Они молчали до самого ее дома в Джордтаче Чейзен довольствовался тем, что временами сжимал ее руку. Он видел, что Карриол подавлена, и был смущен этим столь несвойственным ей настроением. Джудит Карриол – и такая подавленность? Он и не предполагал, что такое возможно.

Какое удовольствие – войти в собственный милый сердцу дом, плюхнуться на собственный – такой родной стул, взглянуть на фотографии на стенах.

– Ну ладно, Джудит, так что же случилось? – спросил Чейзен, когда Карриол приготовила по стакану горячего пунша.

– Как я могу ответить, если сама уже стала задавать себе этот же самый вопрос?!

– А кто придумал – пробираться пешком через все эти сугробы?

– Он, конечно. Я достаточно жесткий человек, Моше, но даже я не смогла бы обречь человека на такие пытки! – с горечью сказала она.

– Извините, извините! Я, конечно, и не думал, что вы на это способны, но, с другой стороны, и от него я такого не ожидал. Он казался мне более благоразумным.

Она невесело рассмеялась:

– Благоразумным? Моше, он даже не знает значения этого слова! Может, когда-то и знал, но уж очень давно. Еще до нашей эры.

Зазвонил телефон. Раздраженный Гарольд Магнус был нетерпелив.

– Президент хочет видеть нас обоих сегодня вечером, – сказал он.

– Понятно, – поколебавшись она решила спросить: – Он недоволен, мистер Магнус?

– Да нет же, черт возьми! С какой стати? Чем ему быть недовольным?

– Нет, так просто. Я сейчас немного не в себе: столько недель в пути... Особенно, если сам не чувствуешь охоты к таким развлечениям, и только мешаешься у любителя под ногами.

– Висконсин и Миннесота в январе? Неудивительно. Вам бы отогреться хорошенько, Джудит.

Впервые этот человек проявил к ней неподдельное внимание! И впервые назвал ее по имени. Вполне достаточно, чтобы сделать вывод: о недовольстве не может быть и речи.

– Верите ли, но я привыкла к холоду, – сказала она и снова рассмеялась. – Спасибо за предложение. Мы можем вернуться к нему, когда я оттаю настолько, чтобы ощутить тепло.

– Встретимся здесь, в пять тридцать, – распорядился Магнус.

Она положила трубку и повернулась к Моше Чейзену:

– Высочайше приглашена в Белый дом. К шести часам, надо полагать.

Чейзен осушил второй стакан и поднялся:

– Пожалуй, мне лучше смыться. Вы, наверное, хотите принять ванну и переодеться.

– Увидимся завтра, Моше. Тогда и поговорим спокойно. Машина у

дома, пусть водитель подбросит вас. Пока он вернется сюда, я буду уже готова.

– Считаете, мне будет удобно воспользоваться вашей машиной, Джудит?

– Безусловно! Ну идите же, идите!

Тибор Ричи улыбался во весь рот:

– Итак, дорогая доктор Карриол, ваш Мессия, несомненно, произвел сенсацию в нашей стране! Я восхищен!

– Я тоже, господин Президент.

– Кто же подал ему мысль отправиться в это путешествие? Блестящая идея!

– Он сам задумал все это. Я человек, весьма преданный своему делу, но отправиться туда, где он сейчас находится... Такого я, признаюсь, даже представить не могла.

Гарольд Магнус поджал губы и с шумом пропустил сквозь них воздух. Привычка невыносимая, но указать ему на это отваживалась только его жена. Впрочем, он и на саму-то жену никогда не обращал внимания, не говоря уж о том, чтобы считаться с тем, что она говорила.

– А вы вообще-то отдаете себе отчет в своих словах, доктор Карриол? – спросил он – Отправиться туда, пешком – что за безумие! Хотите сказать – он это всерьез не думал?

У Тибора Ричи был один серьезный недостаток; он всегда мерил других людей по себе. Поскольку он обладал блестящим политическим чутьем, обмануться ему случалось редко. Но вне политики случалось и маху давать.

– Вздор! – заявил Президент, не дав Карриол ответить. – Именно так и следовало поступить. Я бы и сам так поступил.

Он надел очки и повернулся к стопке бумаг, лежавших на его столе.

– Не буду больше задерживать, хочу только поблагодарить вас за операцию «Мессия». Считаю, что все идет великолепно. Поздравляю вас обоих.

Рядом с ее машиной стоял автомобиль Магнуса.

– Мне пора бы поговорить с вами. Давайте сейчас заедем ко мне, – сказал глава Департамента, когда машины стали разворачиваться на стоянке.

– Хорошо. Мне тоже надо поговорить с вами, сэр.

Конечно же, миссис Тавернер была на месте, когда Карриол проходила в кабинет Секретаря Департамента. Карриол улыбнулась ей и выразительно

посмотрела на часы.

– А дома-то вы когда-нибудь бываете? Хелена Тавернер рассмеялась и покраснела.

– Он слишком загружает себя работой, доктор Карриол, в этом-то и беда. А я живу довольно далеко отсюда. Если меня нет на месте а ему надо что-то найти, он все на моем столе перевернет вверх дном. Поэтому у меня есть комната с кушеткой... Приходится пользоваться ею.

– Пока вас это устраивает, – заметила доктор Карриол, обернувшись. Гарольд Магнус ждал ее за столом.

– Ну вот что. Теперь прошу вас, доктор Карриол.

– Можете рассчитывать на мою откровенность, господин Секретарь.

– Вы совсем не в восторге от того, как идут дела, не так ли?

– Да.

– Почему? Есть веские основания? Или просто усталость?

– Трудно сказать. В конце концов, я сама назвала эту операцию – «Мессия». Стоит ли теперь удивляться, что в нем и вправду прорезались мессианские черты?

– Все трудности в этом?

Она задумалась. Пока она думала, Гарольд Магнус пристально смотрел на нее, подмечая неуловимые перемены, произошедшие в ней. Не так уж раздражена, не так уж измучена... Но что-то там в пути, в самом сердце Америки произошло, что совершенно опустошило ее.

– Я опытный психолог, – сказала она. – И социолог опытный, но я не психиатр. И никогда не занималась изучением состояний головного мозга – вот так вот, одна на один. Я только эксперт, мое дело – предсказывать поведение группы в любой заданной ситуации, и вряд ли кто-нибудь сможет сделать это лучше меня. Но когда я с подопытным сталкиваюсь один на один, – это выбивает меня из колеи. Так что признаюсь: я могла неверно истолковать процессы, которые происходят в голове доктора Кристиана. Отнеситесь к этому с пониманием. Не сомневаюсь: вы поймете и то, почему я не хочу обратиться к психиатру, чтобы он посмотрел, все ли в порядке с доктором Кристианом.

– Конечно, понимаю, – сказал он взволнованно.

– Я могу говорить только о своих впечатлениях. Так вот: создается впечатление, что он – уже не тот. Мания величия? Ну... Если и так, то не ярко выраженная. Потеря чувства реальности? М-м-м... Пожалуй, нет. И все же... Все же он в чем-то переменялся. В худшую сторону.

Он встревожился не на шутку:

– Боже мой, Джудит, не сядем ли мы в лужу с этим Мессией?

Снова по имени! Что же, ладно.

– Нет, – сказала она, придав своему голосу уверенность. – Я не допущу, чтобы до этого дошло. Тем не менее, – вам и мне, – стоит предусмотреть любые варианты. На всякий случай. Если возникнет необходимость, придется вмешаться.

– Абсолютно с вами согласен. И что вы предлагаете? Можно ли предположить, в какую крайность он бросится, если... если сойдет с круга.

– Нет.

– И как быть?

– Мне бы не помешало иметь под рукой с полдюжины... даже не знаю как их назвать... Как их называют в фильмах? Амбалы. Пожалуй, так! С полдюжины амбалов, которые выполнили бы любой приказ за считанные минуты. Любые, – повторила она с нажимом.

– Черт! Уж не вздумали ли вы убить его?

– Нет, конечно! Что угодно, только не это! Делать из него мученика, гиблое дело. Нет, я просто хочу иметь возможность в любое время незамедлительно спровадить доктора Кристиана в соответствующее заведение, вот и все. Люди, которых вы подберете, должны быть опытными санитарами-психиатрами, привыкшими иметь дело с буйными. Нужны ребята надежные, и ни в коем случае не ревностные христиане. И последнее: надо, чтобы их принимали за общественных деятелей, тогда они будут всегда рядом, всегда начеку, готовые по первому моему знаку сцапать Кристиана, где бы он ни находился, до того, как окружающие поймут, что происходит, и, главное, до того, как он поднимет тревогу.

– Эти люди полетят с вами до Чикаго, а там пересядут на собственный вертолет. Хорошо бы, также, вам самой встретиться с ними здесь, в Вашингтоне, и тщательно их проинструктировать. Не беспокойтесь, я подберу самых что ни на есть подходящих.

– Ну вот и хорошо.

– Это ближайшие задачи. А потом?

– Сомневаюсь, чтобы было какое-то «потом». Уверена: ему не выдержать того пути, который он наметил. История затягивается, и вовсе не благодаря нашему доброму мистеру Ричу, могла бы я добавить. Между прочим, желала бы я знать, что произошло бы с Мессией, если бы Ричи в ноябре проиграл выборы? Сама я закрутилась, что даже проголосовать забыла... Так или иначе, Белый дом продолжает пополнять список городов, где Кристиан должен побывать, но после Чикаго, доктор тоже начал разглядывать карты. И он теперь сам выбирает, куда лететь!

– Вот, черт!..

– Да, господин Секретарь. При скорости, с которой мы продвигаемся да с учетом метелей, которые до конца марта не утихнут... Доктору Кристиану может потребоваться еще год, чтобы завершить свое путешествие.

– Вот, черт...

– Вы-то тут сидите себе в Вашингтоне, в тепле... А я там одна с Кристианом, в снегах... Откровенно говоря, не думаю, что выдержу еще год в пути. Хорошо еще, что такого подвига от меня не потребуется, потому что он и сам не выдержит, сэр. Я в этом совершенно уверена. Он скоро свалится. Так пусть это случится где-нибудь у черта на куличках в Вайоминге, чем посреди Мэдисон Сквер, – она осеклась, пораженная неожиданно пришедшей мыслью.

– Мы чем-нибудь можем помочь?

– По-моему, после Рождества у него открылось второе дыхание. Ему понравилось подыскивать себе новые города. А по дороге в Гэри он заявил, что считает неправильным перелетать из города в город на вертолете, надо не перелетать, а идти пешком.

– Это зимой?

– Вот именно! Я пыталась его образумить. Вернее, его мать пыталась. В тот вечер она окупила все правительственные расходы на свое содержание в команде. Хорошо, что мы взяли ее с собой. Вы помните что отец Кристиана погиб в пургу? Так вот, когда Мамочка обнаружила, что сыночек собирается идти пешком в Гэри, она прямо-таки спятила. Совсем потеряла голову. Такая встряска и была нужна, чтобы привести его в чувство. С этого момента он определенно стал более восприимчив к голосу рассудка. Слава Богу!

Гарольд Магнус жестом остановил ее и нажал кнопку внутренней связи.

– Хелена? Принесите нам, пожалуйста, кофе и бутерброды. И захватите с собой ваш блокнот, я хочу, чтобы вы нашли для меня кое-кого.

Перерыв был весьма кстати, перекусить тоже не мешало, лучше довольствоваться не уткой, а сэндвичами, чем заниматься делами натошак. Поэтому Хелене Тавернер приходилось держать для шефа продукты в маленькой кухоньке, рядом со своей личной комнатой.

Однако, вовсе не передышка, не кофе и не закуска были причиной того ощущения блаженства, которое охватило Карриол. Снова Вашингтон, привычная обстановка. К ней вернулись силы. Она снова была прежней Карриол. И поняла, каким коварным было влияние доктора Кристиана на душу доктора Джудит Карриол. Недели, проведенные бок о бок с ним,

сместили центр ее существования. Казалось, даже звезды на небесной тверди зажигаются только по мановению этого человека, только теперь она осознала, как нестерпимо для нее это воздействие, насколько подавленной и несчастной она себя чувствовала в этой опасной зоне его влияния. Вашингтон, пригороды – вот где ее жизнь, вот где она чувствует себя, как рыба в воде. Кажется, она успела возненавидеть Джошуа Кристиана, и эта ненависть растет с каждым днем, проведенным в его обществе. Быть рядом с ним – вот ведь каторга!

Гарольд Магнус передал миссис Тавернер ее просьбу связаться с психиатрическими клиниками в поисках «амбалов» для доктора Карриол; теперь он был готов закончить свою беседу с главой секции № 4.

– Вы говорили, что у него нет шансов выдержать весь путь, – сказал Секретарь, глядя на Джудит поверх очков; он запивал свой нехитрый ужин стаканом превосходного старого солодового виски.

– Считаю, что до тех пор, пока он на севере, с ним все будет в порядке. Меня беспокоит, что будет, когда он снова двинется к югу. При нынешней скорости продвижения он достигнет тридцать пятой параллели в первых числах мая. Если в мае он отправится дальше на юг, то всюду, куда бы он ни пошел, его встретят огромные толпы народа. Трудно с уверенностью сказать, как он себя поведет, когда его окружают иступленные орды. Но можно предположить, что это придаст чрезмерный импульс его мессианскому рвению. Будь он циником, или делай это ради денег, удовольствуйся он ростом своей популярности – пусть себе. Но, господин Секретарь, он ведь совершенно искренне верит в свое предназначение. Думает, что приносит пользу. Он приносит, конечно, пользу и неоценимую. Но вы только представьте себе, чем это может кончиться, когда он доберется до Лос-Анджелеса? Он настаивает на пеших переходах, а за ним в путь потянутся миллионы людей, – ее голос пресекся, она шумно перевела дух. – Боже, боже! А если...

– Что? Что такое вы хотите сказать?

– Есть одна идея. Завязь, зародыш... Подождем, идея должна созреть. А пока – о чем я говорила? Ах, да: май, Май – это критическая точка. В мае мы должны положить конец публичным выступлениям доктора Кристиана. Может быть, после курса лечения в хорошей клинике он снова придет в порядок и сможет возобновить свое турне с того места, где он прервался.

– А как все это будет выглядеть? Быстро упрячем его с глаз подальше и выступим с заявлением, что он болен?

– Этот вариант я просчитывала. Увы, это может обесценить и то, что он сделал, мистер Магнус, – а что если мы, вместо слезливой историй о

занемогшем проповеднике завершим операцию настоящим триумфом народного любимца? С тех пор, как он участвовал в шоу Боба Смита, мне не давала покоя одна смутная мысль. Теперь она вполне оформилась: космический полет! Не бесконечное турне по стране, а встречи с согражданами перед стартом в космос. Вы только подумайте, господин Секретарь! Самое-самое последнее публичное выступление...

Магнус ухмыльнулся:

– Дорогая моя Джудит, вам свойствен настоящий размах. Представляю, что было бы займись вы бизнесом. Да, вы правы. Он должен выйти из игры под барабанный бой. Космическое публичное выступление!

– Вашингтон, – сказала она.

– Нет. Нью Йорк Сити!

– Нет-нет! Пеший переход, господин Секретарь! Пеший переход! Именно такой, какого ему до смерти хочется. Марш из одного города в другой, – пешком, пешком весь этот крестный путь. Из Нью-Йорк Сити – в Вашингтон. Это потребует кое-какой подготовки, но пусть он получит то, что ему хочется. Пусть он идет пешком! Весна, на деревьях распускаются листья, а те, кто вернулся с зимовья на юге, просто сами собой вливаются в новую жизнь... Черт возьми, вот дивная будет прогулочка! Заодно мы поможем ему немного прийти в себя. Всю дорогу люди будут следовать за ним, он может вести их от конца туннеля Бэттери на Манхэттене до берегов Потомака. Марш тысячелетия. Она замерла: глаза горят, шея вытянута – ни дать ни взять змея, приготовившаяся к атаке. О! Ну конечно! Вот как мы назовем это! Марш Тысячелетия! А в конце он может обратиться к народу с речью, скажем, с подножия Мемориала Линкольна. Или еще где-нибудь, лишь бы рядом с каким-нибудь памятником, да хватило бы мест для толпы слушателей. А когда все это будет закончено, отправим его на непродолжительный отдых. Какой-нибудь милый тихий санаторий.

– Боже! Боже мой! – Секретарь Департамента был восхищен и немного напуган. – Марш таких масштабов, Президент? А он не выльется в целое восстание?

– Зачем же? Если хорошо подготовимся – никакого риска. Правда, потребуется помощь военных, – это несомненно. Чтобы организовать по всему пути места для ночлега, станции первой помощи, столовые, комнаты отдыха и всякое такое. И чтобы поддерживать порядок. Народ обожает парады, мистер Магнус! Особенно такие, где сам может промаршировать. С какой стати им устраивать беспорядки? Это же будет большой карнавал, а не всеобщая забастовка. Доводилось ли вам видеть, как происходят состязания скороходов, или велогонки в прохладный солнечный выходной

день в Нью-Йорке? Тысячи и тысячи людей, и никакого намека на волнения. Они счастливы, они свободны, они гуляют на свежем воздухе, они оставили свои горести и проблемы дома – вместе с бумажниками. Специалисты уже давно утверждают, что вопросы похолодания, одиоветной семьи, запрета на транспорт – мало волнуют жителей Нью-Йорка именно потому, что руководство города предоставило им возможность развлекаться вовсю. Марш Тысячелетия тоже поможет людям развлечься и отвлечься. Взгляните: Кристиан помогает людям забыть о страданиях и житейской суете. Он заставляет их поверить целесообразности мироустройства. Так пусть же он самолично поведет их! А пока он идет из Нью-Йорка в Вашингтон, мы сможем организовать еще дюжину массовых шествий в других крупных центрах по всей стране. Из Далласа в Форт Уорс, к примеру. Из Гэри в Чикаго. Из Форта Лодердам в Майами. Дело пойдет, мистер Магнус! Марш Тысячелетия – вот что нам нужно.

Она добилаь невозможного – она заставила Гарольда Магнуса зажечься.

– А он не откажется? – спросил Магнус на всякий случай.

– Хотела бы я знать, что может его остановить...

– Ваши люди – из сектора № 4 – пробивные, как танк. Пожалуй, подключим их, пусть незамедлительно займутся обеспечением марша. Я лично встречусь с Президентом и все ему расскажу. Если он скажет «да», дело пойдет. Хотя, не представляю себе, чтобы он отверг такую идею. Переизбрание на третий срок подряд, похоже, вдохнуло в него новые силы; он упивается успехом и уже начинает почитать книги нынешних историков, в которых его именуют Президентом, более великим, нежели сам Гус Роум. Может быть сыграл здесь роль и его развод с Джулией. Никогда не думал, что он на это решится... Ну, так или иначе... Марш Тысячелетия... Вся страна в буквальном и переносном смысле поднимется, чтобы сказать остальному миру: мы покончили с депрессией! Черт возьми, как прекрасно!

Она резко встала:

– Я рассчитывала провести в Вашингтоне пару дней, но, по зрелым размышлениям, полагаю, что нужно вернуться к нему уже завтра. Все наши планы строятся вокруг него одного, и следует присмотреть за ним, чтобы он не надорвался до мая. По выходным я постараюсь наведываться в Вашингтон. Если вы не против...

– Отлично. В секторе № 4 дела идут лучше, если мы поблизости. Хотя, должен заметить, Джон Уэйн неплохо вас замещает.

Ему бы еще ваши познания в теории, он просто идеально подошел бы на это место...

– Очень хорошо, что он не обладает моими познаниями.

Он взглянул удивленно, затем рассмеялся:

– Да, конечно! Я надеюсь, Хелена подберет вам команду уже сегодня вечером.

– Во всяком случае, я выберу время, чтобы лично проинструктировать их.

– Джудит...

– Да, мистер Магнус?

– А что, если он не протянет до мая?

– И тогда Марш Тысячелетия пройдет ничуть не хуже. Понимаете?

При таком стечении обстоятельств мы призовем народ продолжить дело своего кумира. Марш – не просто козырь, а козырный туз. Непобиваемая карта...

Он захихикал:

– Высшая проба, разрази вас гром! – Но тут же, как это свойственно мужчинам, посчитал своим долгом снизить пафос:

– Знаете, Джудит, – вы самая хладнокровная сука, какую я когда-либо видел.

За-ме-ча-тель-но, Джудит Карриол! Ты только что обеспечила себе всю будущую карьеру в Департаменте. Никто не сможет теперь столкнуть тебя с пьедестала! Твои ставки в этом году вырастут, по меньшей мере, на два пункта. Впервые за восемь лет этот грубый, самодовольный, безжалостный, старый хапуга Магнус назвал тебя – Джудит! Мяч в воротах! Ты сделала карьеру. Он сейчас в таком положении, что зависит от тебя больше, чем от себя самого. Ты наконец станешь своим человеком в верхах. Твой предшественник добился этого только потому, что был мужчиной. Удивительно: даже в наше время все еще умудряются дискриминировать женщин. Но с Джудит Карриол это не пройдет! Нет, и еще раз нет: эта женщина стоит целого полчища мужчин, и умеет подать себя. Через какой-нибудь год ты обзаведешься своей постоянной машиной, которая будет отвозить тебя на службу и домой, ты получишь и прочие привилегии, ты сможешь съездить на очередной художественный аукцион Сотбис, и...

Она резко остановилась на тротуаре, где водитель припарковал ее машину после возвращения из Белого дома. Машина должна была ждать ее. Ждать и отвезти домой. Она же распорядилась! Было уже около девяти.

Похолодало, подул ветер, пошел снег. Она была слишком легко одета, чтобы стоять на автобусной остановке. А этот старый ублюдок Магнус отослал ее машину! Отослал! Зачем? Ясно же: чтобы поставить ее на место. Ну, вы поплатитесь за это, Гарольд Магнус!

На полпути к автобусной остановке ей вдруг стала ясна вся нелепость ситуации, и она прыснула со смеху.

Доктор Карриол застала Кристиана уже в Сайокс-Сити, штат Айова. Ей пришлось задержаться в Вашингтоне больше, чем она хотела: потребовалось время, чтобы сколотить крепких санитаров, а уехать, как следует не проинструктировав их, она не могла. В Чикаго ее задержал буран, по силе небывалый даже для этих мест. К счастью, шесть ее «амбалов» – тоже, слава Богу, ребята не промах, – успели на своей летающей мясорубке покинуть Чикаго минутой раньше, чем начало мети. Ей же пришлось тридцать шесть часов дожидаться Билли.

С делами в Сайокс-Сити Кристиан уже почти покончил, и они с Карриол планировали встретиться в аэропорту, где Билли должен был принять на борт доктора и Маму, чтобы лететь вместе дальше – к водопаду Сайокс в Южной Дакоте.

Всю дорогу от Чикаго до Сайокс-Сити доктор Карриол пыталась побороть в себе страх и отвращение к тому образу жизни, который навязал ей Кристиан. Как славно в Вашингтоне, как мил и уютен ее дом, как рады были видеть ее все – от Джона Уэйна до Моше Чейзена. От «Вечера с Бобом Смитом» в Атланте до этого слишком короткого заезда в Вашингтон прошло уже десять недель. Десять невероятных, сумасшедших, тошнотворных недель. Десять недель в обществе Джошуа Кристиана.

Почему же она так стремилась снова увидеться с ним? Почему ее так волновало, что же он скажет ей при встрече?

Когда они с Билли приземлились, Кристианы в аэропорт еще не прибыли. Поэтому она велела Билли завести вертолет в ангар. Джошуа вполне мог опоздать еще на несколько часов: шел слабый снег, чтобы не ждать на морозе они зашли в тесное и мрачное здание аэропорта. Городу хватало теперь и такой хиберии: в Сайокс-Сити больше не прибывали самолеты; посадочная полоса содержалась в порядке только потому, что входила в систему защиты населения от стихийных бедствий.

Кристиан приехал спустя примерно полчаса, весь в снегу, в сопровождении пятидесяти-шестидесяти энтузиастов, отправившихся вместе с ним пешком, несмотря на погоду. Ну что ж, все то же самое! Куда бы он ни приезжал, люди шли за ним в любую погоду, даже в такую метель, как сегодня.

Хотя Карриол встала и замахала рукой, Кристиан не заметил их с Билли. Его обступили спутники и отряхивали с его одежды хлопья снега. Даже окружая его, как не раз замечала Джудит, они оставляли вокруг него достаточное свободное пространство. Маленький знак их благоговения. Никто не смел притиснуться к нему, хватать его руками, тянуть за одежду, как если бы он был актером или попзвездой. Они довольствовались уже тем, что находятся рядом с ним. Едва осмеливались прикоснуться.

Он снял капюшон и шарф, закрывавший его лицо, стянул огромные рукавицы и сунул их в карман куртки. И встал: высоко поднятая голова, царственный вид.

И тут на колени перед ним бросилась женщина, глядя на него с болезненным, но искренним обожанием. Завороженная этим зрелищем, Карриол наблюдала, как Кристиан протянул руку и мягко, легко возложил ее на голову коленопреклоненной, рука скользнула к щеке женщины, пальцы нежно тронули покрасневшую от холода кожу; и в следующий момент он взмахом руки благословил ее. Дрожь восторга охватила его спутников. Его последователей. Его народ.

– Теперь идите, – сказал он. – Но помните: я всегда с вами. Всегда, дети мои.

И они пошли, как ягнята, обратно в бешеную снежную круговерть.

Во время короткого перелета к водопаду Сайокс Карриол вжалась поглубже в свое сидение и упорно старалась не смотреть на Маму. В здании аэропорта Мама бросилась было к ней с восторженными приветствиями, но испугалась, увидев что-то в ее лице.

Необычная тишина воцарилась в переполненном салоне, пока он летел над сплошной пеленой снега, держа курс на сигнальный огонь у водопада Сайокс.

Билли не был расположен поддерживать беседу, поскольку терпеть не мог ночные перелеты, хотя погодные условия и воздушные потоки были вполне сносными, да и приборами он располагал надежными, и мог следить за высотой и очертаниями гор и холмов на большом светящемся экране; высотомер и прочие приборы были точно выверены; словом, он знал, что полет их – не опаснее поездки в телеге. И все-таки он не поддерживал разговор.

Кристиан был счастлив, и ему просто не хотелось ни о чем говорить. Как счастливы были эти люди, увидев его! Как в метель прибавляешь шаг, едва завидишь темные очертания родного дома, так и он теперь волновался, различая сквозь пелену контуры своей судьбы, все ближе, все яснее...

Долго же они ждали его! А как долго пришлось ждать ему? Хотя в сравнении с их ожиданием это был лишь миг перед лицом века...

Мама тоже не была расположена к разговорам. Что случилось с Джудит? Почему у Джудит такой взгляд? Не надвигается ли беда? Хорошо бы знать, что за беда и как бы от нее укрыться? Они с Джошуа заподозрили недоброе в ее отсутствии; ох, этот блестящий и холодный ум...

Обладательнице холодного и блестящего ума, конечно же тоже не хотелось разговаривать. И блеск, и холод ума оставили ее. Она была разгневана и молча доходила до белого каления. Ей нужно было сосредоточиться – но не получалось. Поэтому она отвернулась от остальных пассажиров маленькой кабины, и сердце ее тоже отвратилось от них.

В мотеле, сулившем райские условия немногочисленным посетителям, которых можно было заманить на водопад Сайокс в это время года, доктор Карриол затолкала Маму в ее комнату, как фермер запирает на ночь скотину, и решительно взялась за доктора Кристиана.

– Джошуа, зайдите, пожалуйста, ко мне, – сказала она отрывисто. – Мне нужно с вами поговорить.

Его усталые шаги прошаркали за ее резкими по вестибюлю. Когда они оказались вдвоем за закрытой дверью, он вздохнул и улыбнулся самой приятной из своих улыбок – специально предназначенной для нее:

– Я так рад вас видеть! Мне так не хватало вас, Джудит!

Она почти не слушала его:

– Что означало это маленькое представление в аэропорту сегодня вечером? – процедила она сквозь зубы.

– Представление? – Он уставился на нее так, словно она со скоростью света удалилась от него. – Какое представление?

– Вы позволяете этим людям преклонять перед вами колени! Позволяете этим людям обожать вас! Вы коснулись этой дуры так, словно имели право – и силу! – благословить ее! Но за кого вы себя принимаете? За Иисуса Христа? – Она ломала руки, без толку сцепляя и переплетая между собой пальцы, потом вцепилась в край стола, чтобы держаться прямо. Стол зашатался и задребезжал. – Я никогда в жизни еще не видела, чтобы так демонстрировали собственную самовлюбленность! Как вы посмели? Как вы посмели? Его лицо посерело.

– Она – она не... Она не поэтому! Она встала на колени, прося о помощи! Она – она нуждалась в моем участии... И я коснулся ее, потому что не знал, что еще сделать!

– Дерьмо! Сукин сын! Джошуа Иисус Кристиан Христос! Вы

возомнили себя богом! Пора с этим кончать! Пора с этим кончать сию же минуту! Вы слышите меня? Не смейте позволять опускаться перед вами на колени! Не смейте позволять людям поклоняться вам! Вы ничем не отличаетесь от любого другого человека, и не забывайте об этом! Если и существует причина того, что вы стали тем, кто вы сейчас, то это причина – я! Я поставила вас на этот пьедестал, я создала вас! И вовсе не для того, чтобы вы разыгрывали второе пришествие, чтобы наживались на выигрышном сочетании вашего имени и фамилии, позволяя людям думать о вас, как о богочеловеке, вышедшем из их гущи. Новое воплощение Иисуса Христа в человеке третьего тысячелетия в Джошуа Кристиане! Как можно так подло, грубо, низко шутить над этими несчастными людьми! Спекулируя на их нуждах и их доверчивости! Это пора прекратить! Вы слышите? Прекратите!

Она говорила с пеной у рта, теперь уже с пеной у рта; она чувствовала, как по краям ее губ лопаются пузыри и пыталась осушить их, со свистом втягивая воздух.

Он стоял и смотрел на нее так, словно она переехала ему гортань, перехватила артерию, перекрыла ток жизненных сил, которые вели его из города в город, не взирая на холод, изнеможение, безысходность.

– Вы... Вы правда так думаете? – спросил он шепотом?

– Да!

Он покачал головой:

– Это неправда! – он снова и снова качал головой:

– Это неправда! неправда!

– Я слишком рассержена, чтобы продолжать спор! Сделайте милость, идите спать! Идите спать, Джошуа! Ложитесь спать и спите: как любой-другой живой и смертный человек!

Обычно такие реплики помогают снять напряжение, особенно если пребываешь в неподдельной ярости. Но не сегодня. Не на водопаде Сайокс. И не перед Джошуа Кристианом. Когда он, ковыляя, вышел из ее номера, она почувствовало себя еще хуже. Она сердилась еще больше. Лечь спать она не могла. Не могла даже ни сесть, ни прилечь, так и стояла, прижавшись пылающим лбом к прохладной стене спальни своего номера и мечтая умереть.

В номере Кристиана было довольно тепло; эти добрые люди всегда старались дать ему все, в чем, по их мнению, он более всего нуждался. Например, тепло. Они на совесть протопили его номер, но его бил озноб. Неужели это правда – то, что сказала она? Ужасно выслушивать такое? Это неправда! Это не может быть правдой!

Ноги, закаленные этими переходами, привыкшие нести его вперед и вперед, вдруг отказали. Он рухнул на пол и лежал там, не чувствуя ничего – кроме боли. Не тело его болело, но душа. Душа его птицей грянулась оземь и билась теперь от боли.

Им не нужен был Бог! Им нужен человек! В тот момент, когда человека объяла божественность, он перестал быть человеком. Неважно, что сказано в книгах, и насколько священными они считаются; он, Джошуа Кристиан, понял теперь: Бог не мог страдать, Бог не мог испытывать боли, Бог не мог быть заодно с тем народом, для которого он был Богом. Человеку может помочь только человек.

Он сделал слабую попытку пробиться сквозь туманную пелену к своей памяти, старался создать в воображении картину коленопреклоненной женщины, и после того, что сказала Джудит Карриол, ему задним числом стало казаться, что она, наверное, действительно пала перед ним на колени в экстазе преклонения. И показалась ему, что он действительно был в ответе за ее экстаз – так был бы в ответе Бог, принимающий преклонение как должное, как часть своих прав. Человек отверг бы его: с ужасом и укоризной. Нет, нет! Ничего этого не было. Он просто видел женщину, склонившуюся под тяжестью своего страдания, которого она не могла больше вынести на своих плечах – страдание заставило ее пасть на колени, а вовсе не слепой восторг. Помогите мне! – кричала она молча, – помогите мне, брат! И он протянул руку, чтобы коснуться ее, надеясь, что это поможет ей.

А если она и вправду упала перед ним на колени в знак преклонения? Значит, все, что он делал до сих пор, делалось напрасно. Все, что он делал до сих пор, оборачивалось богохульством. Если он не был одним из них, если он не был таким же человеком, как все они, то все, что он сделал и мог еще сделать, не имело смысла. А если он не был одним из них, а значит – вместе с ними, то все, что он давал им, разлеталось в прах. Если он не был одним из них, но возвышался над ними, тогда они искали в нем некую высшую жизненную силу, которую ты учил их искать в самих себе. Они – не лучше вампиров, а он – их добровольной жертвой.

Тело его корчилось и вздрагивало. Он безутешно зарыдал. Он чувствовал себя разбитым. Разбитый человек или разбитый идол? Какое это имело значение? Разбит вдребезги, и некому собрать осколки, некому снова слепить. Потому что Джудит Карриол покинула его.

Утром он выглядел совершенно больным. Карриол устыдясь своей вчерашней вспышки, внезапно поняла, что хотя он часто казался уставшим до смерти, так плох он никогда еще не был. Когда к середине ночи ее

ярость наконец улеглась, она обнаружила, что самым постыдным образом поддалась чувствам, которых никогда не знала за собой и даже не подозревала об их существовании. Знала бы – постаралась бы обуздать. До такого бешенства могло довести ее только сознание того, что Кристиан, эта марионетка, ею же созданная, претендовал теперь на права, каких она ему никогда не давала, да и не согласилась бы дать.

Когда холод в номере пробрал ее до костей и охладил ее ярость, она осознала свою ошибку. Дело вовсе не в том, что он посягнул на большее, чем она предполагала. По-настоящему беспокоило ее то, что сама она возомнила, будто обладает неограниченной властью, а он взял да и показал: есть в нем нечто, неподвластное ей. Тот, кто возвел короля на престол, королем уничтожен, и рушатся башни, и в крепости враг...

Как поправить то, что разрушено? Если бы знать, как серьезные разрушения... Спросить у него? Спокойно обсудить все? Невозможно. Извиниться? Да ведь он даже не поймет, за что она просит прощения.

Доктор Джудит Карриол должна была признать, что впервые в жизни она сама не может исправить того, что наделала.

Мама торопливо, бочком, пробиралась к столу, накрытому для завтрака – как испуганный краб на сыпучем песке. Бросила взгляд на лицо Карриол, вздохнула, посмотрела на сына, запричитала. Карриол взглядом оборвала ее словоизлияния. Мама молча села и опустила глаза в тарелку.

– Джошуа, выглядите вы неважно, – сказала Карриол бодро и невозмутимо. – Может быть, вам лучше не выходить сегодня пешком? Возьмите машину.

– Я пойду пешком, – сказал он, с трудом разлепив губы. – Я пойду пешком. Мне нужно идти пешком.

И он пошел. Он выглядел таким несчастным, что Мама в машине съежилась и сидела, не обращая внимания на слезы, неудержимо стекавшие по ее лицу. Он говорил, он давал советы, он слушал, он утешал, и снова шел. Он с большим чувством произнес речь в городском собрании, но не о Боге. Когда его спрашивали о Боге, он, по возможности, отвечал уклончиво, а если не мог уйти от ответа, – то был по возможности краток, ссылаясь на некую новую дилемму, с которой следует еще разобраться. Слыша это, Карриол все напрягалась. Всем существом своим она сожалела, что не может повернуть время вспять. Она проклинала себя за глупость, за потерю самообладания, за то, что поддавалась эмоциям, каких прежде за собой не знала. Не то, чтобы кто-то из местных заметил в нем перемену, – они-то его раньше не видели, да и вид он имел, даже пребывая в угнетенном состоянии, величественный. Немногочисленные обитатели Сайокса,

оставшиеся здесь на зиму 2032-33 годов, не заметили пропасти, которая пролегла между его былым великолепным стихийным порывом и тем, что сейчас стало просто железной решимостью.

Он посетил Северную Дакоту, Небраску, Колорадо, Вьюминг, Монтану, Айдахо, Юту. Все дальше и дальше по этому ужасному холоду. Все пешком и пешком. Словно в поисках спасения – по пустыне в надежде на оазис.

Но духовная энергия, питавшая его доселе, иссякла, ушла. Словно Карриол выбила из бочки затычку. Льдом сковывала его душу, и тело почуяло холод и отозвалось болью. Тело его кровоточило, и гноились незаживающие раны. С каждой новой неделей проявлялись все новые свидетельства внутреннего распада. Нарывы, фурункулы. Сыпь. Ссадины. Трещины на суставах. Мозоли. Он никому не жаловался, он скрывал свои раны, не обращался к врачам. По вечерам он ел так же мало, как и в течение дня, затем валился на кровать, закрывал глаза и говорил себе, что спит.

В Чиенне он упал в обморок, и нескоро пришел в себя. Нет, нет, ничего серьезного! Просто внезапная слабость – наступила и уже прошла, вот и все. Но какая мука! Какая скорбь!

Никому – ни Билли, ни Карриол, ни Маме не удавалось упротить, отговорить, даже удержать его силой. Он просто мысленно отстранился от них. Казалось, вещи, события, явления природы перестали его интересовать. Он замечал лишь тех, кто шел с ним рядом. Насколько могла судить Карриол, он даже ничего не знал о предстоящем Марше Тысячелетия. Если кто-нибудь и упоминал при нем об этом, выражение его лица не менялось. Шагающий автомат, говорящий робот.

Он принялся подолгу распинаться о своих принципах, все более настаивая на том, что он – всего-навсего человек, не самый лучший из рода человеческого, простой смертный.

– Я человек! – был он готов крикнуть первому встречному. И лихорадочно заглядывал в глаза людей, желая убедиться, что ему поверили; а если вдруг воображал, что на него смотрят, как на Бога, начинал увещевать их странными проповедями, которые, постепенно сужая круг, сводил к одному: я – всего лишь человек, такой же, как и вы. Но и те, кто слушал его, конечно, не слушали его; большинству же достаточно было просто видеть его.

Он продолжал идти пешком, и люди шли вместе с ним, не понимая его боли. Не понимая, как нестерпимо для него бремя ответственности,

которую они возложили на него. О, как же втолковать этим слабоумным, что он всего-то человек, и он не может творить чудеса, не может излечить рак, воскресить умершего – и не может, не может, не может. Ничего не может!

Так иди же, иди, Джошуа Кристиан. Сдерживай слезы. Не позволяй никому узнать о твоих страданиях. Как ты думаешь: это и впрямь предел страданию, или до него еще предстоит дойти? Иди, иди. Им нужно нечто! А ты – жалкий смертный, ты – ничто, ты – все, что им дано обрести. Ничтожество... О, почему им не понять, что обрели они всего-навсего Человека, собрата, который из праха вышел и в прах же обратится. Прах, грязь, пыль на ветру, песчинка, атом... ничто. Не понимают? А скоро ли поймут? Сколько еще надо пройти с ними рядом, чтобы поняли? Еще немножко? Хорошо. Пусть. Еще много? ладно, пусть.

Он шел, потому что не мог не идти. Переходы не исцеляли, но облегчали боль. Боль перемещалась из души в тело. Так она делалась терпимей. О, так гораздо легче, чем сдерживать боль в темном уголке души.

Но самая великая трагедия Джошуа Кристиана состояла в том, что никто не видел, как безмерно возросла его любовь к людям, как разрослась в его душе, оттесняя нарождающуюся душевную болезнь.

Глава XI

В Таксоне, в один из первых майских дней, когда горы ослепительно блестят под солнцем, а воздух чист и прохладен, Джудит Карриол попыталась заговорить с Джошуа Кристианом о Марше Тысячелетия.

Его настроение, казалось, улучшилось с приходом в Аризону. Май здесь выдался холоднее обычного, но все же был прекрасен. И красота его задела даже наглухо замурованную душу Кристиана. Поэтому Карриол смогла соблазнить его на прогулку взглянуть на парк на границе между Таксоном и Кварталом А городка для переселенцев под названием Гегель.

В парке было довольно беспорядочно, но живописно насажены серебристые березовые рощицы, купы цветущего миндаля, магнолий и азалий. Пенилась березовая белизна, азалии расцветили склоны в японской гамме, магнолии были розовы, белы и нежно-лиловые, миндаль вскипел шапками белых соцветий, а нарциссы упоенно заполонили поляны.

– Сядем здесь, Джошуа, – сказала она, похлопывая ладонью по нагретой солнцем скамье красного дерева.

Но он слишком увлекся, блуждая между стволами нежа в ладонях цветов магнолии, дивясь засохшему буку, давшему пристанище виноградной лозе, с которой свисали, сдуваемые ветерком, пучки лиловых цветов.

Но спустя минуту он почувствовал необходимость поделиться своим восторгом с тем, кто способен понять. Поэтому подошел к скамье и уселся, улыбаясь.

– Восхитительно! – вскричал он и раскинул руки, словно желая обнять весь ландшафт. – Джудит, как я скучал по Коннектикуту! Все время, особенно весной. Весенний Коннектикут – неповторим. Кизилловые деревья на холме Гринфилд, за исполинскими буками цвета меди, и плакучие вишни, сливовые деревья, яблоневый цвет – да, он неповторим! Гимн вернувшемуся солнцу, великолепная увертюра лета... Я так часто вижу во сне!

– Да, но вы можете поспеть в Коннектикут как раз, чтобы все это увидеть.

Лицо его посуровело:

– Я должен идти дальше.

– Президент хотел бы, чтобы вы отдохнули до осени, Джошуа. Это время отпусков время, не подходящее для вашей работы. Вы постоянно

твердите: «Я всего лишь человек» А человек должен отдыхать, не так ли? Вы уже почти восемь месяцев не отдыхали.

– Так долго?

– Да, так долго.

– Отдыхать? Но ведь так много еще предстоит сделать!

Теперь осторожно, Джудит. Потихоньку полегоньку, выбирая слова. Только самые проверенные и верные. Нужные и надежные. Да остались ли такие?

– У Президента есть для вас особое задание, Джошуа. Он хочет, чтобы летом вы отдохнули. Но понимает чаяния людей, которые ожидают, что вы завершите свое долгое путешествие как-то по-особому.

Он рассеянно кивнул. Слышал ли он ее слова?

– Джошуа, не возьметесь ли вы повести людей в пеший поход от Нью-Йорка до Вашингтона?

Поддействовало! Он повернул голову и уставился на нее.

– Зима, наконец, закончилась, весна в разгаре. Во всяком случае, в тех районах, где еще знают, что такое настоящая весна. И Президент считает, что с тех пор, как зима стала более суровой, лето – коротким, и даже несмотря на вашу незаменимую помощь в массах преобладают еще довольно безрадостные настроения. Так вот, он полагает, что вы могли бы действительно заставить их встряхнуться и вернуть им, так сказать, солнце. Могли бы если бы взялись повести всех, кто захочет в паломничество к самому центру государственной власти. Началом похода должен быть Нью-Йорк. Путь долгий, займет ни один день. Зато, завершив его, вы можете целое лето отдыхать с сознанием того что...

– Я готов, – перебил он, – Президент прав. Люди уже ждут от меня чего-то большего. Да, я готов.

– Вот и отлично!

– Когда? – спросил он.

– Через неделю.

– Так скоро?

– Чем скорее, тем лучше.

– Хорошо, – он провел рукой по волосам, которые стриг теперь под ежик, чтобы утром они быстрее высыхали; там, где он побывал, вряд ли кто рискнул бы выйти на улицу с мокрыми волосами. Но доктор Карриол подозревала, что руководствовался он совсем другими соображениями. Скорее это было еще одним проявлением самоограничения, стремления к полному опрощению. Стрижка совершенно не шла Кристиану: бледный, как узник исхудалый, как после концлагеря, и голова казалась

несоразмерно большой, и волосы – редкими и тусклыми.

– Отправимся в Нью-Йорк сразу же, как только закончим здесь, в Таксоне, – сказала она.

– Как скажете. – Он поднялся и отошел к заросли миндальных деревьев, атакуемых пчелами.

Карриол осталась сидеть, с трудом веря, что все сошло так гладко.

И вообще все шло гладко. Если только не принимать в расчет все более заметные странности доктора Кристиана. А в остальном – на удивление гладко. Все-таки, его книга разошлась в сотнях тысяч экземпляров, и те, кто ее купил, не просто читал ее, но и высоко ценил. Никто даже не пытался ее критиковать. Даже из чувства противоречия, свойственного людям, не задел Кристиана. И волны общественного безумия, то и дело накатывавшие на страну, обходили этого человека стороной. Насколько велик был успех, как много американцев обратились к Богу, каким проповедовал его доктор Кристиан, можно было судить уже по тому, что весьма важные персоны перешли на его сторону – от телеворотил, таких, как Боб Смит и Бенджамин Стайнфильд, до воротил политических, вроде Тибора Рича и сенатора Хиллера. Бюро Второго Ребенка не производило больше тестирования семей. Переселение шло полным ходом и охватило огромные массы людей. Моше Чейзен передал в своем письме два обрывка вашингтонских сплетен: один – по поводу того, что Президент Рич после беседы с Кристианом дал Джулии развод; и другой – о том, что именно благодаря Кристиану произошел радикальный – и, очевидно, очень благоприятный – перелом в лечении дочери Президента.

Ладно Доктор Карриол шлепнула руками по коленям: жест, означавший «Сдаюсь!». Вероятно, никто и никогда не раскусит, что же за связь возникала между Кристианом и людьми, служить которым он себя обязал. Он был самой яркой звездой, а она, Карриол – только пустая консервная банка в сверкающем хвосте Пустая консервная банка, летящая "по небу, вся в снопе остывающих звездных искр.

Организация Марша Тысячелетия была поручена Моше Чейзену. Или его компьютеру? В душе Чейзена постоянно росла тревога. Не за Марш Тысячелетия, – о чем беспокоиться, если на его материальное обеспечение отводился здоровенный ломоть бюджетного пирога. Волновало Чейзена, что происходит с Кристианом – и с Джудит Карриол. Встреча, которую она обещала, когда он встречал ее в аэропорту, не состоялась. Не последовало и заездов в Вашингтон по выходным, которые, по словам Джона Уэйна, она собиралась делать Джудит совсем не писала, а когда звонила, то не

удостаивала его никакой серьезной информацией. Самой обширной весточкой от нее был кодированный компьютерный телекс, посланный из Омахи, в котором она уточняла детали Марша Тысячелетия и давала Чейзену инструкции. Сектор № 4 тоже до некоторой степени страдал от ее отсутствия: все они наконец поняли, что их начальница – человек незаменимый Джон Уэйн прикрывал административный фланг, а Милли Хемингуэй служила заменой на фронте научных идей, но им определенно не хватало хватки и темперамента Карриол. Без нее Сектор был чем-то вроде шампанского без пузырьков.

Все они, разумеется, знали где она и понимали, что взялась она за эту миссию по воле Президента. С тех пор, как Джошуа Кристиан стартовал из Холломана, чтобы штурмом взять Америку, в жизнь всех, кто работал по программе Исследований, вошло немало перемен. Милли правила Сектором железной рукой Она не допускала не только утечки информации, но и простого обмена новостями между сослуживцами. И заставила всех прикусить языки. Пока доктор Кристиан колесил по глубинке, бедный старый Сэм Абрахам был сослан еще дальше – в Каракас преподавать. Однако, основные их исследовательские кадры все еще состояли при Департаменте в распоряжении Чейзена.

А тут еще Марш Тысячелетия Идея не просто ошеломила Чейзена, – ужаснула Блеск, помпа, мишура – вот какой она увиделась ему. Позже, сворачивая в рулон метровую ленту компьютерного телекса, посланного Карриол откуда-то из Омахи и его собственный терминал, он изменил свое мнение. В конце концов, Джошуа Кристиан сможет наполнить человеческим содержанием и эту затею, превратив ее в достойное и полезное дело. Ради Джошуа не жаль потратить время и силы – не ради Джудит. Ради Джошуа. Не ради Джудит. Он любил ее всегда – как идеального руководителя; иногда – как друга. Иногда жалел. Жалость к человеку много значила для Чейзена. Из жалости он мог совершить геркулесовы подвиги. Из жалости был готов простить то, чего не простил бы даже из любви. Набожный еврей, но при этом – самый верный христианин, сам он грешил чисто по оплошности или по беспечности, или неспособности к восприятию. Но за блеском карьеры Джудит Карриол он видел то, чего не видели другие: нищету духа, раздавленного эгоизмом.

Тем не менее, сомнения не помешали ему погрузиться в работу по планированию Марша Тысячелетия Его разработки были переданы Милли Хемингуэй, снабдившей их примечаниями и дополнениями, а затем посланы Карриол кодированными компьютерными телексами. Карриол выработала окончательный вариант, часами просиживая в автомобилях и

гостиницах в ожидании, когда Кристиан вернется из очередного странствия. Результатом этих трудов явилось нечто действительно эпохальное по размаху и отточенности.

Право возвестить о Марше Тысячелетия было предоставлено Бобу Смитсу, который и сообщил эту новость в своем специальном, юбилейном выпуске шоу «Сегодня вечером» в конце февраля 2033 года. Боб считал себя крестным отцом доктора Кристиана. И каждую неделю в своем шоу пускал в эфир видеосюжет из очередного пункта на пути доктора, заканчивая его краткими беседами с теми, кто встречался и говорил с Кристианом во время его походов. Для студии был заказан новый задник: огромная светящаяся карта Соединенных Штатов, вся юго-восточная, центральная и северо-западная часть которой была изборозждена изумрудно-зелеными трассами переходов доктора Кристиана, а города, которые он посетил, сияли малиновыми звездочками. Закрашенные розовым штаты, где он уже побывал, контрастировали с белыми пятнами территории, только еще ждавших прихода Мессии.

В течение всего марта и апреля шла рекламная кампания, тщательно разработанная мозговым центром Департамента, который закупил рекламное время на всех каналах. Превозносился общий настрой Марша Тысячелетия, в мельчайших деталях перечислялись все возможные трудности для его участников, давалось исчерпывающее описание того, как государство намерено эти трудности устранять. Короткие и выразительные рекламные ролики и клипы настраивали участников на нужный лад. Им объясняли, как экипироваться, как духовно и физически подготовиться к Маршу. Прилавки супермаркетов и магазинов были завалены бесплатными проспектами, в которых имелись маршрут похода, транспортные схемы, указания, какой дорожкой выйти из дома и какой вернуться домой, листки с советами, что взять с собой в дорогу, а что оставить дома, и как лучше обуться, и что на себя надеть, и какой лучше выбрать головной убор. Была предусмотрена даже на редкость зажигательная песенка, исполняемая на счет «два-четыре» и называвшаяся просто «Марш Тысячелетия»; сочинил ее по специальному заказу Сальваторе д'Эстрагон, новый оперный гений, получивший в музыкальных кругах прозвище Водка-с-Пивом. И будь он хоть каким кутилой, – решил про себя Моше Чейзен, прослушав сие произведение, – но, несомненно, это лучшее музыкальное выражение патриотизма, какое только было сочинено с тех пор, как Элгар написал свои «Блеск и Торжественность».

Джошуа Кристиана доставили в Нью-Йорк в середине мая, когда ветер

еще завывал на мрачных улицах и последний снег лежал на промерзлых газонах, – ведь зима была такой длинной и холодной... От краткой поездки из Нью-Йорка к себе домой в Холломан он отказался, хотя Мама и умоляла. Все его занятия в Нью-Йорке сводились к тому, что он сидел у окна своей комнаты в высотном здании на улице Пьер и считал дорожки, выющиеся по Сентрал-Парку до пешеходов на этих дорожках. И, конечно же, ходил. Хождений своих он не оставил.

– Джудит, он так болен, – сказала Мама, когда он лег спать в первую свою ночь в Нью-Йорке. – Что нам делать?

– Ничего, Мама. Ничего не поделаешь.

– А больница? Он ведь мог бы полечиться? – спросила она без особой надежды.

– Болен... Вряд ли это подходящее слово, – сказала Карриол. – Он просто отошел от нас. Не знаю – куда, да и сам он едва ли знает. Но можно ли назвать это болезнью? Даже душевной? Никогда не слышала о таком заболевании. Знаю одно: от чего бы он ни страдал, – вылечить себя сможет только он сам. Вот закончится Марш, и он, надеюсь, согласится куда-нибудь уехать, чтобы хорошенько отдохнуть. Шутка ли – восемь месяцев без отдыха!

Говоря это, Карриол уже прекрасно знала, что Кристиан действительно собирается отдохнуть. Все уже было подготовлено: частный санаторий в Палм Спрингсе, сбалансированный режим, диета и гимнастика, набор развлечений. Спустя неделю после случая на водопаде Сайск она отослала своих «ангелов» назад в Вашингтон; в них не было необходимости. Она, конечно, ругала себя за эту безумную вспышку, но та, без сомнения, сослужила свою службу: притушила в Кристиане источник пламени, который постоянно грозил стать вулканом.

Планировалось, что Джеймс и Эндрю с женами прибудут в Нью-Йорк для организации Марша Тысячелетия, но первой из Холломана приехала Мэри. И сразу показалась Маме похожей на Джудит. О, это была не прежняя Мэри! Хотя Мама никак не могла понять, в чем переменялась ее дочь.

По пятам за Мэри прибыли и остальные. Оба младших брата, впервые уйдя из-под опеки Джошуа и Мамы, быстро приобрели самоуверенность и предприимчивость. Они вкусили той особой свободы, когда вольны были вносить поправки в идеи Джошуа, чтобы подогнать их под свои собственные идеи, не опасаясь, что об этих вольностях донесут Джошуа. О, идеи Джошуа были удивительны, но они столь же не сочетались с образом мыслей иноземцев, сколь подбираемые им слова невозможно было

перевести на иноземные языки. Мириам тоже раскрепостилась. И только Марта так и осталась прежней Мышкой.

Когда они приехали, Джошуа, конечно же, в гостинице не оказалось: он опять где-то ходил; а к тому времени, когда он вернулся, первые восторги их встречи с Мамой уже схлынули. Карриол предпочла удалиться: ее последний оплот, отель, тоже был оккупирован семейством Кристианов.

Теперь Мама могла отдохнуть в кругу детей. Правда, счастливого отдыха не получилось. Она не переставала удивляться тому, каким стало ее семейство. А ведь в это же время два года назад... За долго до этой трудной зимы, задолго до Джудит, до книги. Это все книга! Все из-за этой книги! «Божье проклятие» – вот уж правда подходящее название. Бог проклял христиан. И меня тоже. Но что я сделала? Чем навлекла Его гнев? Пусть я не бог весть что, довольно нудная женщина, действую людям на нервы, но чем же я заслужила проклятье? Одна вырастила своих дорогих крошек, я никогда не сдавалась, никогда не просила пощады, никогда не теряла веры в будущее, никогда не оставляла себе времени на личную жизнь, не искала ни мужа, ни любовника, ни даже какого-нибудь хобби. И все-таки проклята. Остаток жизни мне придется провести с дочерью, и это будет адом для меня, потому что она ненавидит меня так же яростно, как и старшего моего, а я и знать не знаю, почему...

Джошуа только что вернулся и стоял, глядя на свое семейство, тесно столпившееся у окна, на фоне яркого неба, в светлом ореоле, и лиц их не было видно против света. Он ничего не сказал.

Оживленная болтовня тотчас смолкла.

А затем – никто и слова вымолвить не успел – Марта упала в обморок. Без стопа рухнула на пол, как от удара.

Пока ее приводили в чувства, все они могли взять себя в руки и сделать вид, что не состояние Джошуа, внушает им тревогу – только обморок Марты. Теперь они могли должным образом приветствовать своего знаменитого брата. Только Мышку пришлось увести. Да Мама так суетилась и причитала, что Мэри взяла да и выставила ее из спальни и закрыла за нею дверь. Выставила в гостиную вместе с Джеймсом и Эндрю, и Мириам, и Джошуа. Вышвырнула в гостиную обломки своего прошлого.

– Так вы все отправитесь со мной в Вашингтон? – спросил Джошуа, стягивая перчатки, кладя их на стол и расстегивая молнию на куртке.

– Ты же не отправишь нас отдельно малой скоростью на навозной телеге, – сказал Джеймс. – Ох, дорогой, как я, должно быть, устал... Глаза так и слезятся.

Эндрю отвернулся, зевая и потирая лицо. Затем с наигранной

бодростью воскликнул:

– Послушай, что я здесь торчу? Я должен быть рядом с бедняжкой Мартой! Ты извинишь меня, Джош? Я скоро.

– Извиню, – сказал Джошуа и сел.

– Да, конечно же мы пойдем вместе с тобой! – воскликнула с большим чувством Мириам, хлопнув Джеймса по сутулой спине. – Ты ходил по Айове и Дакоте, а мы – по Франции и Германии. Ты ходил по Вайомингу и Миннесоте, мы – по Скандинавии и Польше. И повсюду люди стекались точно также, как здесь. Это так прекрасно, Джошуа! Просто чудо какое-то, правда?

– Это богохульство, Мириам, – называть то, что мы делаем, – чудом, – отрезал он.

Настала тишина; никто не знал, что сказать, чтобы разорвать ее тиски.

В этот момент вошла Карриол. Она была напугана с визгом бросившейся к ней Мириам, необычно бурным приветствием Джеймса, суеющей позади них Мамой и видом Джошуа, вяло сидевшего на стуле и взиравшего на всю эту суматоху так, словно смотрел очень старый, немой еще кинофильм – выцветшая пленка, нелепые герои.

Мама заказала кофе и сэндвичи, вернулся Эндрю, и все они уселись к столу. Кроме Джошуа, который воспользовался этим моментом, чтобы без объяснений уйти в свою комнату. Ушел да так и не вернулся. Но они не стали говорить о нем с Карриол. Вместо этого разговор завели о Марше Тысячелетия.

– Все под контролем, – сказала она. – Я долго пыталась убедить Джошуа прежде отдохнуть, но он и слушать не захотел. Итак, начало – послезавтра, на Уолл-Стрит. От Уолл-Стрит, по Пятой авеню, на Вест Сайд к 125-ой Стрит и по мосту Джоржа Вашингтона в Джерси. Далее – в Филадельфию, Уилмингтон, Балтимор и, наконец, – в Вашингтон по шоссе 1-95. Мы нашли отличный способ оградить его на шоссе от толпы, которая повалит следом: сделали высокий деревянный настил вдоль осевой линии. Это для Джошуа; людей пустим по обеим сторонам от него, грузовой транспорт и автобусы пойдут по Шоссе Джерси. В любом случае шоссе 1-95 подходит нам больше, чем Шоссе Джерси, потому что проходит через города, а не огибает их.

– Как вы думаете, сколько времени займет Марш? – спросил Джеймс.

– Трудно сказать. Он ведь ходит очень быстро и вряд ли ему понравится, если его заставят двигаться по какому-то графику. Он быстро отрывается от своих спутников, чтобы могли присоединиться другие. Честно говоря, даже не знаю: он никогда не обсуждал со мной, как намерен

действовать на сей раз. Так или иначе, у нас есть комплект удобных палаток. Как только станет ясно, где и когда он соберется закончить очередной этап, мы разобьем лагерь как можно ближе к этому месту. В парке или где-нибудь еще на государственных землях, где можно.

– А люди? – спросил Эндрю.

– Предполагается, что большинство из них будут участвовать в Марше только по одному дню. Но, скорее всего, сложится некое ядро из самых активных, которые не отстанут от Джошуа до самого Вашингтона. Отставших будут поджидать на каждом шагу транспортные средства и они тут же отправятся домой. Национальная гвардия обеспечит полевыми кухнями, местами отдыха и медицинской помощью, а подразделения сухопутных войск отвечают за порядок продвижения людей. Мы еще не знаем, сколько народу собирается участвовать в Марше, но обслужить можем несколько миллионов. Конечно, не одновременно, а в целом. Хотя, думаю, в первый же день по меньшей мере два миллиона людей отстанут от Марша по пути.

– Если Джошуа пойдет по мосту, возвышаясь над толпой, не станет ли он легкой мишенью, – спокойно спросила Мириам.

– Риск не исключен, – сказала Карриол, тщательно взвешивая слова. – Джошуа отказывается идти в коридоре из пуленепробиваемого плексигласа, как мы первоначально собирались сделать. И от Марша отказаться не хочет, и на эскорт не согласен. Говорит, что пойдет один и без защиты.

Мама пискнула, схватив Мириам за руку.

– Да, Мама, знаю, – сказала Карриол. – Но нечего от вас скрывать. Лучше, чтобы вы были к этому готовы. Вы ведь знаете Джошуа! Если он что-то вбил себе в голову, его уже ничто не поколеблет. Даже Президент не смог бы образумить его.

– Джошуа слишком гордый, – процедил сквозь зубы Эндрю.

Карриол подняла брови:

– Как бы то ни было, я, например, не допускаю и мысли, что на него могут напасть. Где бы Джошуа ни бывал, он всюду действовал на людей умиротворяюще. А ведь какие только типы не следовали за ним! А он бывал всегда один, без защиты, и не боялся. И – ни намека на угрозу! Даже ни одного психа не попало – просто удивительно... Все будет, как в давние времена на Пасху. Хотя для Пасхи уже поздновато... Впрочем, зима теперь длится гораздо дольше, чем раньше. А Пасха родилась как празднование Нового года. Люди приветствовали весну и возрождение жизни. Поэтому, как знать? Может быть, если весна приходит все позже и позже, мы можем в конце концов и Пасху перенести?

– Конечно, – улыбнулся Джеймс, – мир стал совсем другим. Так почему бы и нет?..

Вечером, накануне того дня, на который было назначено начало Марша, Кристианы рано разошлись на отдых. Последней ушла Мама, оставив большую гостиную в полном распоряжении Карриол.

Джудит подошла к окну и посмотрела вниз на Сентрал-Парк, где разбивали лагерь первые группы участников Марша, те, кто пришел из Коннектикута, штата Нью-Йорк и даже из более отдаленных мест. Там, внизу, были актеры и певцы, танцоры и клоуны, кукольники и уличные музыканты, целые бродячие оркестры, и она знала об этом, потому что проходила мимо них; Сентрал-Парк стал убежищем для величайшего собрания «комедия дель артс», какое когда-либо видел мир. Было холодно, но не сыро, и настроение у людей в лагере было бодрое. Они свободно переговаривались, они делились друг с другом припасами, которые захватили с собой, они мило смеялись, они не выказывали страха или подозрительности по отношению к незнакомцам; и у них не было денег, у них не было забот. За те два часа, что она провела, бродя среди них, разглядывая и слушая их, ей показалось, что хотя они, разумеется, и не забыли о Джошуа, но где-то по пути сюда люди, стекшиеся в парке, успели забыть, что им позарез нужно живьем увидеть самого доктора Кристиана. Если бы все они (как она с усмешкой отметила) действительно хотели увидеть доктора, они скорее бы остались дома и посмотрели Марш по телевизору. Те же, кто пришел пришли ради самого Марша.

«Это моя идея! Я это придумала!» – хотелось ей крикнуть им.

Она много расспрашивала, как они собираются возвращаться домой, хотя ей лучше, чем кому-либо другому было известно, что военные мобилизовали все силы для организации самого массового в истории этой страны перемещения людей. Просто ей было интересно, как они оценивают уровень мероприятия. Но никого, казалось, не беспокоила обратная дорога. Они знали, что рано или поздно возвращаться придется, понадобится; но не желали забивать себе голову такими пустяками в канун великого праздника, великого дня своей жизни.

Джошуа Кристиан, пожалуй, менее, чем кто-либо имел представление о том, что происходит, насколько грандиозен Марш, сколь колоссальны приготовления к нему, в какую катастрофу может превратиться провал этого замысла. Он собирался пройти пешком от Нью-Йорка до Вашингтона, и только. Карриол говорила, что ему, вероятно, придется выступить с речью на финише Марша, на берегах Потомака, но это его не смущало. Ему не приходилось долго подыскивать слова, чтобы обращаться

к тем, кого он любил. Если они хотят, чтобы он говорил – он будет говорить. Чего уж проще... Почему из-за такой малости он стал значить в глазах окружающих так много? Ходить пешком – разве это не самое большое, естественное занятие для человека? А говорить – разве это требует усилий? Протягивать руку помощи, утешать – это же ничего не стоит. Тем более, если не можешь утешить страждущих чем-нибудь более существенным. Все равно спасение они могли найти в самих себе, только в самих себе. Он был лишь катализатором их сознания, проводником духовных токов.

В эти дни ему постоянно нездоровилось. Его затыгивал водоворот физических и душевных страданий. Он никому об этом не говорил, но сам чувствовал неладное. Казалось, тело начинает разваливаться. Он явственно ощущал, что кости ног пошли трещинами – последствия долгих месяцев пешей ходьбы. Он научился прятать руки в карманах куртки, когда ходил, потому что стоило опустить их вниз, плечи провисали. Голова уходила в грудь, грудь – в чрево, под их тяжестью скрипели тазобедренные суставы. Когда священный огонь в нем угас, он перестал заботиться о себе; слишком часто он не давал себе труда надеть свежее белье, которое добросовестно приносил Билли; слишком часто забывал надеть теплые носки, либо надевал исподнее заношенное, с затертым, скатавшимся ворсом.

Неважно. Все – пустяки. Он знал, что этот великий поход может быть последним. И не мог придумать, куда ему девать себя, когда он не сможет больше ходить. Будущее ничего не сулило. Когда человек закончил свое дело, когда человек сам себя спалил, что ему остается? Покой, брат мой, мягко отвечала его душа. Покой в самом долгом, самом крепком сне. Ты не доволен? А чего еще можно пожелать?

Вытянувшись на кровати в эту последнюю ночь перед Маршем Тысячелетия, он пытался взбодрить свое изможденное тело, размягченное, как каша, от того, что он постоянно потел в своем полярном снаряжении. Ну прекратите же жаловаться, кости, перестань саднить, кожа, отстань от меня со своей острой болью, позвоночник, а вы, мускулы, расслабьте сухожилия, звенящие как струна. Я буду лежать в своем забытии, я больше не чувствую боли, я не – я, я – ничто, я – темнота, меня нет. Пусть свинцовая тяжесть монет, приготовленных для Харона, ляжет на веки, накрепко смежит их, вращайтесь, глазные яблоки, в орбитах, вращайтесь, пока я не умер – пользуйтесь миготом, я продлю ее еще чуть-чуть...

Взошло солнце. Верхушки небоскребов вокруг Уолл-Стрит засверкали багрянцем, золотом и медью, а доктор Джошуа Кристиан выступил в свой последний поход. Вместе с ним шли его два брата, его сестра, две его

двоюродные сестры, а первые несколько кварталов – и его Мать – до тех пор, пока новенькими модными туфлями не набила себе ноги; тогда она потихоньку отошла и забралась на заднее сиденье машины, припаркованной на углу специально для того, чтобы в случае затруднений подбирать сошедших с дистанции. Санитарные машины тоже дежурили на каждом углу.

Лайем О'Коннор, мэр Нью-Йорка, двинулся в путь, горя желанием идти до победного конца, так как в молодости был неплохим спортсменом. Сенатор Дэвид Симз Хиллер-седьмой держался рядом с мэром, чтобы тоже дойти до Вашингтона. Губернатор Хаглингс Кэнфилд из Нью-Йорка, губернатор Уильям Грисволд из Коннектикут и губернатор Пол Келли из Масачуссетса, – все они вышли в поход, настроенные решительно: они специально тренировались еще с февраля, когда Боб Смит впервые объявил о Марше. Шли все члены городского совета Нью-Йорка, а также комиссар полиции, начальник пожарной службы и городской инспектор. Шла большая группа пожарных в форменной одежде. У отеля «Плаз» собрались члены Американского легиона, чтобы присоединиться к Маршу. Целая группа представителей одного из оставшихся на Манхеттене высших учебных заведений, во главе с заведующими кафедр пожелала участвовать. Последние обитатели Черного Гарлея собирались в районе 125-й Стрит, а то, что остатки пуэрториканцев из Вест-Сайда скапливались у входа на мост Джорджа Вашингтона.

Было холодно, порывами налетал сильный ветер, доктор Кристиан счел нужным идти с непокрытой головой и без перчаток. Он не стал торжественно открывать Марш; просто вышел из священных врат банка, где еще с предрассветного времени сидел в ожидании, и широкими шагами проследовал на середину улицы, никого вокруг не замечая. Семья двинулась за ним. Волнующиеся сановники своими улыбками старались задать настрой шествию. За ними хлынули тысячи других, покорно выполняющих указания полицейских.

Доктор Кристиан, спокойный и немного суровый, шел, не глядя по сторонам; уставившись в какую-то только ему известную точку между телевизионными передвижными фургонами Си-Би-Эс и Эй-Би-Си, ехавшими впереди, тогда как объехавший их фургон Эн-Би-Си маячил на дороге прямо перед ним. Средствам массовой информации было дано жесткое распоряжение ни в коем случае не мешать продвижению доктора и не пытаться взять у него на ходу интервью. Никто не нарушил табу, тем более, что после первых четырех кварталов, журналисты уже не могли отдышаться настолько, чтобы задать вопрос.

Кристиан шел очень быстро, словно боялся, что силы его ограничены, и рассчитывал набрать до старта хорошую скорость, а дальше уж двигаться по инерции.

Десять тысяч, двадцать тысяч, пятьдесят, девяносто... Толпа разрасталась, пополнялась на перекрестках. Вновь прибывших солдаты и полицейские оттесняли в задние ряды. Охрана выстроилась вдоль дороги цепью, плечом к плечу, и сдержанно приветствовала доктора, когда он проходил мимо: многомильная волна поднимаемых и опускаемых рук. Пуговицы, пряжки и значки блестят на солнце, мундиры вычищены и отглажены: солдаты и полицейские и сами нравились себе такими.

Из Сохо и Виллиджа выплеснулся пестрый поток людей, танцующих, с перьями в головных уборах, с развевающимися цветными шарфами, в блеске бус и шорохе лент и бахромы. Несколько дорогих вертолетов, дрожа, как стрекозы, зависли над южной оконечностью Сентрал-Парка, направив кинокамеры на доктора Кристиана, пока он выбирался из ущелья Пятой Авеню, ведя за собой с полмиллиона пешеходов, заполнивших с западной и восточной стороны весь Мэдисон и Парк, Шестую и Седьмую Авеню; пешеходов, шествовавших по две сотни в ряд, с сияющими глазами, с белозубыми улыбками, грудью навстречу весеннему ветру Манхеттена.

А из Центрального Парка повалили гурьбой и с пением те, кто разбил здесь лагерь и всю ночь болтал и смеялся под окнами Джудит.

Те, кто мог слышать джаз-банд, – приплясывали на ходу, те, кто шел рядом с гитаристами, пытались им подпевать; сотни людей, как журавли, приседали и поднимались в ритуальном танце, тогда как другие маршировали по-военному: левой-правой, левой-правой, – в ритме духового оркестра, а некоторые, казалось, плыли, несомые звуками оказавшихся поблизости свирелей и флейт. А кто-то шел на ходулях, кто-то – на руках. Многие просто шли и с удовольствием глазели на тех, кто предпочел более необычный способ передвижения. Здесь были Арлекины и Пьеро, Базо и Рональды Макдональды, Клеопатры и Марш Антуанетты, Кинг Конги и Капитаны Хуки. Целая группа – человек в пятьсот – явилась в тогах, предводительствуемая римским военачальником в полном парадном облачении; тот восседал на носилках, положенных им на плечи. Мастера боевых искусств заявили в своих мешковатых белых одеяниях, подпоясанные поясами разного цвета. Ехать на лошадях или велосипедах не разрешалось, но было довольно много инвалидных кресел – с лисьими хвостами, свисающими с шестов, и с мишурой, оживлявшей их хромое однообразие. Шарманщик с обезьянкой на плече брел под звуки своей

мелодии, обезьянка визжала и гримасничала, а шарманщик пел надтреснутым тенором. Три джентльмена, одетые в монашеские рясы и в цилиндрах, украшенных плюмажем из павлиньих перьев, траченных молю, неслись вдоль процессии на моноциклах, потому что никто не догадался специально запретить езду на моноциклах, и джентльменам-монахам удалось доказать это полицейским. Факир на утыканном гвоздями ложе, тряся, несомый группой своих учеников, бритоголовых и замотанных в шафранного цвета мануфактуру, на впалом животе факира возлежали лотосы. Человек сто шли, высоко запустив несколько китайских летучих змеев и производя настоящий кошачий концерт под гром трещоток и барабанов, цитибал и шутих. Семифутовый негр во всем великолепии бус и перьев, составляющих убранство зулусского принца, шествовал сквозь толпу с копьем, на острие которого для безопасности был насажен кусок пробки, расписанный и украшенный перьями так, что казался скальпом врага, добытым в поединке.

Сдержанность измученного болью доктора Кристиана постепенно исчезала по мере того, как он продвигался по Пятой Авеню к Музею Метрополитен, где собралась большая группа желающих примкнуть к походу. Они стали осыпать его цветами – нарциссами и гиацинтами, среди которых затесались несколько последних крокусов, сорванных уже увядающими, розами и вишневым цветом. Он отвлекся от своего сосредоточенно направленного движения вперед, пересек широкую улицу к тому месту, где они стояли за цепью солдат и полицейских, и протянул им руки сквозь ряд суровых военных. Он улыбался им, ловя цветы и набивал ими карманы, осыпал ими голову и плечи. Кто-то неуклюже накинул на него венок из крупных маргариток, кто-то набросил гирлянду из бегоний. Он пошел к ступеням музея, словно принц весны, весь осыпанный лепестками. Поднявшись по ступенькам, он широко раскинул руки и чуткие микрофоны (приготовленные штабом Марша как раз для такого случая) разнесли его слова, донесли до толпы. Толпа остановилась. Люди слушали, восхищенные.

– Люди этой земли, я люблю вас! – кричал он, плача. – Идем со мной в этот прекрасный мир! Наши слезы сделают его раем! Отбросьте свои печали! Забудьте свои горести! Род человеческий переживет даже самый лютый холод! Пойдем вместе, взявшись за руки. Возьмитесь за руки, братья и сестры! Ибо кто может скорбеть о том, что у него нет братьев и сестер, если каждый мужчина – его брат, а каждая женщина – его сестра? Пойдемте со мной! Пойдемте со мной в наше будущее!

И он двинулся дальше под рев приветствий, по устилавшим дорогу

цветам, которые люди подбирали, чтобы заложить меж страницами книги, написанной Джошуа, чтобы засушить их и сохранить.

Он шел, его нескладное тело было привычно к долгой ходьбе, к ритмичному, размеренному шагу, он легко оставлял позади тех, кто намеревался держаться рядом с ним.

Он пересек мост Джорджа Вашингтона в полдень. За ним миновали мост три миллиона людей в Нью-Джерси, – огромную массу людей, которая сама задавала себе темп движения. Они шли за этим гемельнским дудочником, знавшим заветную мелодию их мечты; шли, не ведая, куда идут, и не беспокоясь об этом. Какой прекрасный, торжественный день – ни горя, ни забот, ни сердечной боли!

Именно здесь, в Нью-Джерси, проявился истинный гений организаторов Марша Тысячелетия. Как и говорила Карриол, все шоссе 1-95 от Нью-Йорка до Вашингтона Кристиан должен был пройти по высокому помосту вдоль осевой линии, вознесенный над скоплениями людей – шагавших внизу, по обе стороны от него.

– Осака! – кричали они. – Аллилуйя! Благослови тебя Бог вовек за твою любовь к нам! Храни тебя Бог, и спасибо Господу, что дал нам тебя, Джошуа, Джошуа, Джошуа КРИСТИАН!

И они разливались как дельта медленной, неторопливой реки: море голов, бьющаяся в пустынных и хламных берегах, среди пустырей умирающего Нью-Джерси, заколоченных домов Нью-Йорка и Элизабет, по зеленым пастбищам и сплетению стальных сухожилий железнодорожных узлов. Они помогали друг другу, бережно пропускали из своих рядов тех, кто устал, а уставшие замедляли ход, и отставали, чтобы не отягощать собою шествие, и передавали факел тем, кто ждал своей очереди подхватить его.

Пять миллионов людей участвовало в Марше в этот первый день – радостные и свободные, спотыкающиеся, просветленные, счастливые, счастливые, счастливые.

Джудит Карриол в Марше не участвовала. Она осталась в гостинице, чтобы посмотреть начало по телевизору. Кусая губы, она чувствовала, как воля вытекает из нее – будто кровь сочится. Когда авангард процессии проходил под окнами гостиницы, она высунулась из окна и смотрела на нее с болью, провожая глазами черную короткую щетину на голове Кристиана. От вида этих масс она стала задыхаться; она никогда раньше не могла представить себе, что в мире может быть так много людей.

Неужели ее блестящий ум оценить качество не в состоянии? Неужели

только количество впечатляет ее?

А они все шли и шли мимо. До тех пор, пока солнце не начало клониться к западу и город не погрузился в пронзительную тишину.

Тогда она спустилась вниз, пересекла Пятую Авеню и вошла в парк, где ее ожидал вертолет. Она собиралась настичь Кристиана в Нью Джерси.

Пусть это тяжело, но она должна быть рядом.

В Белом доме выдался суматошный денек, поскольку Президент отличался сварливостью. Его изводила мысль, будто что-то идет не так, что все это людское море вот-вот разбушует, круша все на своем пути; что где-то кроется незамеченный никем гнойничок и он лопнет, прорвется кровавыми волнами насилия; что какой-нибудь фанатик-одиночка наведет мушку своей винтовки на доктора, шагающего без охраны.

Естественно, он сразу же согласился с замыслом Марша Тысячелетия, когда Гарольд Магнус представил ему эту идею, но по мере того, как приближался срок, и Марш становился все более неизбежным, Президент все больше и больше страшился его. И все чаще жалел о том, что дал согласие. Когда уже в мае Гарольд Магнус упрекнул Президента за его колебания, тот быстро занял оборонительную позицию; ему было известно, что доктор отказался идти под охраной, и он требовал все больших и больших гарантий от Департамента окружающей среды, от Вооруженных Сил и Национальной Гвардии – и от всех подряд – что любые случайности учтены. Подчиненные клялись, что это так, и показывали ему груды документов. И все же он упорствовал в предчувствии катастрофы: ведь доктор оставался уязвим...

Поэтому теперь он так изводил себя и подчиненных. Марш Тысячелетия, славя доктора Кристиана и повсеместный триумф философии Кристианизма, – все это слишком много значило для Тибора Рича. Впервые после Делийского Соглашения лидеры крупных держав собрались в Вашингтоне; впервые после Делийского Соглашения стало казаться, что между Соединенными Штатами Америки и другими странами может быть достигнуто подлинное согласие. Вот какую тяжесть нес сейчас на своих плечах этот человек, шагающий на экране уверенно и быстро, мило за милей, час за часом, и остающийся прекрасной мишенью для стрелков. Если Джошуа Кристиан вдруг упадет, обливаясь кровью, – для Америки это будет ударом более разрушительным, чем Дели: народы всего мира снова столкнутся с разрушительным анархистским началом.

С рассвета он распорядился никого к себе не пускать и сидел в компании Гарольда Магнуса, нервничая каждый раз, как ему начинало казаться, будто камера, дающая общую панораму Марша, повернулась к

возможному очагу беспорядка. Для Гарольда Магнуса он сделал исключение, потому что случись что не так, под рукой был бы человек, на котором можно сорвать зло.

Трепет и ужас. Президент впервые видел наяву, что значат миллионы людей – не абстрактные миллионы, о которых разглагольствуют политики. А подлинные, во плоти, миллионы тех, от кого Президент зависит и за кого он в ответе. Пять миллионов маленьких точек, икринок, молекул единого целого, но в каждой – гнезвился разум, который велел голосовать за Рича или против него. Как он мог вообразить, будто управляет ими? И он, и его предшественники. А как он мог обманываться, что в состоянии справиться с этой стихией? Как ему теперь отдавать распоряжения? Хотелось лишь убежать отсюда, затеряться среди них – точкой, икринкой, молекулой, – затеряться навсегда. Кто такой Джошуа Кристиан? Почему он вдруг вышел из безызначности, чтобы достичь величайшей власти? Может ли человек действительно быть столь бескорыстным, чтобы не сознавать, какие возможности даны ему послушанием толп? Страшно, как страшно! Что я наделал!

Гарольду Магнусу были известны сомнения, терзающие Тибора Рича, но сам он их отнюдь не разделял. Он наслаждался. Что за картина! Что за чудо, черт побери! А ведь тут есть и его заслуга! Ничего не стрясется, он был уверен. И он жадно всматривался в экран: телевидение показывало не только поход на Вашингтон, но и остальные девять шествий, проходивших по всей стране, которые должны были завершиться в один-два дня – из Форт-Лаудердейл в Майами, из Гэри в Чикаго, из Форт-Уорс в Даллас, из Лонг-Бич в Лос-Анджелес, из Мэйкопа в Атланту, из Галвестона в Хьюстон, из Сан-Хосе в Сан-Франциско, из Пуэблы в Мексику-Сити и из Монтеррея в Ларедо. Он наслаждался зрелищем, которое тешило его надежды, он резвился, как молодой кит резвится на морском просторе, как кит, в одиночку пасущийся на фантастическом скоплении планктона. Людской планктон густо колыхался на экране. Ну и ловкий же я парень, а!

Моше Чейзен смотрел Марш дома, по телевизору, вместе со своей женой Сильвией, и чувства его были значительно ближе к тем, которые бушевали в душе Тибора Рича, нежели к беспечному восторгу Гарольда Магнуса.

– Кто-нибудь его все-таки достанет – пробормотал он, когда увидел, что Кристиан взбирается на свой высокий помост.

– Ты прав, – сказала Сильвия.

– Тебе вовсе не обязательно было со мной соглашаться!

– Ну, конечно, как жена я имею право и поспорить. Но когда ты прав,

Моше, я с тобой соглашаюсь. Ты заметил, надеюсь, что случается это не слишком часто?

– Прикуси язык, женщина! – он сжал голову руками и потряс ее – Ну что же я наделал!

– Ты? – Сильвия оторвалась от экрана, чтобы взглянуть на мужа – При чем же тут ты, Моше?

Она думала высмеять его, но увидела, что муж расстроен не на шутку, и попыталась его подбодрить. Затем она решила сделать иначе.

– Все обойдется, Моше, – уверяла Сильвия.

Но доктор Чейзен был безутешен.

Уже час, как стемнело и доктор Кристиан наконец спустился со своего помоста и покинул ликующую толпу. Он прошел около девятнадцати часов без остановки, без единого перерыва, не перекусив, не охнув, даже не утоляя жажду «Это не к добру», подумала Карриол, сидя в одном шатре, где Джошуа, его семья и сопровождавшие их должностные лица должны были остановиться на ночь. Настоящий фанатик; вот откуда эта нечеловеческая выносливость и безразличие к себе. Он скоро испепелит себя вконец. Но не раньше, чем будет в Вашингтоне. Такие никогда не сгорают в один момент.

Разумеется, были приняты все мыслимые и осуществимые меры для охраны Кристиана; над его головой постоянно висели несколько вертолетов, которые не имели отношения к телевидению. Они без устали осматривали толпу, готовые среагировать на блеск оружейного ствола. Помост тоже худо-бедно защищал кумира: все-таки злоумышленник не мог броситься на доктора. Любому, кто захотел бы его убить, пришлось бы, находясь в толпе, поднять свое оружие и, таким образом, показать его окружающим. Скорее, воспользовались бы окном какого-нибудь из зданий. Но все здания на расстоянии выстрела были тщательно прочесаны.

Когда доктор Кристиан вошел в разбитую для него и его семьи большую палатку, Карриол подошла, чтобы помочь ему снять куртку. Он выглядел совершенно измотанным. Она предложила ему пройти в туалет. Он кивнул и через минуту вернулся.

– Мы подготовили для всех вас специальную ванну, – объявила она – Помогает от усталости.

– О, Джудит, это было удивительно! – сказал Эндрю, щеки которого порозовели от ветра.

– Я весь разбит, но так счастлив, что, кажется, закричал бы сейчас, – сказал Джеймс.

Все им пришлось легче, чем Джошуа он и только он прошел всю

дорогу без еды и питья, отдыха или передышки, остальным же каждые два часа предлагалось сойти с шоссе и устроить на час привал; затем их отвозили в какое-нибудь место, до которого Марш еще не дошел, чтобы они могли снова присоединиться к нему, когда Кристиан доберется туда.

– А сейчас, мальчики, давайте-ка я дам вам попить, – сказала Мама, колдуя над столами, уставленными едой.

Джошуа не тронулся с места. Стоял молча уставившись перед собой.

Мама заметила его странное поведение и уже готова была начать суесться, потому Карриол решила ее опередить. Она взяла Джошуа за руки:

– Джошуа, пойдите, примите ванну.

Он покорно последовал за нею в огороженный угол палатки, где были установлены лохани с водой, особую кабину. И снова встал.

– Хотите, чтобы я вам помогла? – спросила Джудит Сердце ее билось тревожно.

Казалось, он ничего не слышал. Она тихо сняла с него одежду; он не сопротивлялся.

То, что она увидела на его обнаженном теле, лишило ее всяких сил.

– Джошуа, кто-нибудь знает об этом? – только и хватило ее, чтобы спросить.

Он, казалось, наконец услышал ее: вздрогнул, покачал головой.

С минуту она рассматривала его, не веря своим глазам. Его ноги были раздуты, обмороженные пальцы черны и изъедены язвами. Выше голени ноги покрылись сетью глубоких трещин, сочившихся кровью. Внутренние части бедер были кровавым куском мяса – кожа истерлась. Подмышки – в нарывах. Нарывы были и в паху, в промежности, и на ягодицах. И все тело его было в кровоподтеках – в старых и новых, и только-только проступающих.

– Боже мой, как вы еще ходите? – воскликнула она, пытаясь гневом погасить свою боль – Скажите, ну, почему вы не обратились за помощью? Вы в своем уме?

– Я ничего не ощущаю, правда, – сказал он.

– Ладно, все кончено. Завтра вы не пойдете.

– Я еще могу. Я пойду.

– Ни в коем случае.

И тут он набросился на нее, схватил и зло ударил о деревянный край кабины, весь покрывшись жуткими желваками, словно облитый кислотой, как в фильме ужасов.

– Ты! Ты! Не смей указывать мне, что я должен и чего не должен! Я

буду идти! Буду потому что должен! И вы ничего не скажете Никому! Ни слова!

– Пора с этим покончить, Джошуа. И если вы покончите с этим, то это должна сделать я, – она задыхалась, не в силах вырваться от него.

– Я покончу с этим, когда я захочу. Завтра я пойду, Джудит. И послезавтра. До самого Вашингтона. Чтобы встретиться с моим другом Тибором Ричи.

– Вы умрете, не добравшись туда.

– Я выдержу весь путь.

– Тогда позвольте хотя бы привести врача!

Она яростно вырывалась, она трясла и била его.

– Я настаиваю! – кричала она. Он рассмеялся:

– Время, когда вы могли управлять мною, давно прошло! Вы что, действительно думаете, что все еще управляете мной? Нет! После Канзас-Сити – нет! С того момента, как я пошел в народ, я слушаюсь только Господа, и только для Господа тружусь.

Она со все возрастающим страхом глядела на его лицо, и вдруг начала понимать. Он действительно был безумен. Наверное, он был безумен и с самого начала, только умел скрывать лучше, чем другие безумцы.

– Бросьте, Джошуа, вам необходима помощь.

– Я не сумасшедший, Джудит, – сказал он спокойно – У меня нет галлюцинаций, я не общаюсь с внеземными силами. Я даже больший реалист, чем вы. Вы – жестокая, самолюбивая, неистовая, вы использовали меня для достижения своих собственных целей. Думаете, я не знаю? – он снова рассмеялся. – А теперь мы поменялись ролями, сударыня. Теперь я буду использовать вас для достижения своих целей. Будете делать, что вам скажут, будете повиноваться мне. А если нет – уничтожу вас. Я могу! И я это сделаю! Плевать, понимаете ли вы, что я делаю и почему делаю это. Я обрел дело своей жизни, я знаю, как его совершить, и вы будете помогать мне. Поэтому – никаких врачей! И никому ни слова!

Глаза безумца. Да он и был безумен! Что он мог ей сделать? Как мог уничтожить ее? Тут ее осенило «И что я вмешиваюсь? Хочет убить себя – пускай Он сделает это не раньше, чем придет в Вашингтон, он достаточно безумен и достаточно целеустремлен. Что ж, пусть послужит моим целям! Я ведь и так собиралась вывести его постепенно из игры. И, может быть, я добьюсь гораздо большего благодаря его безумному самоистязанию. Сердце и глотка у него в порядке, он выживет как только подлечится. Я была потрясена.

Я вышла из себя при виде того, что сумасшедший может сделать с

собой во имя своей цели, или своего Бога, или своей навязчивой идеи. Хочет идти в Вашингтон? Пусть идет! Зачем я сопротивляюсь? Зачем же я согласилась отказаться на многие месяцы от своего дома, от своей работы, если не ради успеха этого величайшего предприятия? Пусть думает, что освободился от меня. А все-таки – я использую его.»

– Хорошо, Джошуа, если вы хотите пусть. Но дайте мне хотя бы кое-что сделать для вас. Позвольте принести какую-нибудь мазь, чтобы облегчить боль, ладно?

Он сразу же отпустил ее, словно понял, о чем она только что думала, словно заранее был уверен, что она сохранит его тайну.

– Несите, если вам так нужно, – сказал он.

Она помогла ему дойти до стенки кабины и войти в пенящуюся воду. Действительно казалось, он не страдал от боли, поскольку погрузился в тонирующий солевой раствор со вздохом наслаждения и гримаса боли не исказила его лица.

Когда она вышла из кабины Кристианы быстро повернулись к ней, на какой-то момент ей подумалось, что они слышали все что произошло между нею и Джошуа. Да нет же бульканье пузырящейся воды должно было совершенно заглушить их слова. На лицах его домашних было написано естественное любопытство.

– Отмокает, – сказала она весело. – Почему бы вам всем не последовать за ним? Мне нужно немного поспать. Мама, я поняла, чем вы действительно можете помочь Джошуа.

– Чем? Чем? – жадно переспросила Мама.

– Если я достану несколько пар шелковых трусов, подшейте их изнутри нижнего белья, которое он наденет завтра. Он немного натер себе кожу, но, к счастью, думаю уже не так холодно, чтобы носить утепленное белье. В пуховике, наверное, тоже уже жарковато, но он удобен и легкий, надо только подложить немного шелка, он будет чувствовать себя лучше.

– О бедный Джошуа! Я смажу ему кожу каким-нибудь кремом.

– Нет. Боюсь, он не захочет, Мама. Придется делать это украдкой, незаметно, как, например, с этими шелковыми трусами. Я постараюсь побыстрее, – сказала она, перекинув через плечо вместительную сумку.

– Майор Уитерс сбился с ног, устраивая лагерь для ночлега. Карриол уже была представлена майору в Нью-Йорке и знала, что может им располагать. Союзник достался ей несколько туповатый, способный лишь исполнять мелкие поручения, но когда она попросила его найти для нее как можно больше пар белья из чистого и тонкого шелка, и хотя бы одну пару уже сегодня вечером, он только кивнул и исчез.

В большой палатке она без лишних объяснений попросила каких-нибудь средств для лечения ссадин и нарывов, не вдаваясь в подробности; ей дали присыпки и мази, она сунула их в сумку вместе с одеждой и вернулась в ванную к Кристиану.

Он не испытывал мучений. Перестал чувствовать их в тот момент, когда его забрасывали цветами, – это был знак такой любви и такой веры, на какие он и надеяться не мог. Они пришли – эти миллионы, – чтобы быть рядом с ним, и он никогда не разочарует их. Даже если придется поплатиться здоровьем. Джудит никогда реально не верила в него, только в саму себя, но они-то верили в него, в него. И не для нее он всегда старался – только для них. Цветы притупили боль, и идти стало легко. После зимы, когда ноги то проваливались в глубокий свежий снег, то скользили на льду, Марш Тысячелетия был просто легкой прогулкой. Особенно после того, как он взобрался на специальный помост, построенный для него; все, что ему приходилось делать после этого, – шагать, переставлять ноги, заставляя ноги двигаться ритмично по ровному, нескончаемому, гладкому пути, расстилавшемуся перед ним. Такое движение успокаивало. Он одолевал милю за милей и чувствовал себя так, словно может идти целую вечность, и люди шли за ним, освобожденные, счастливые.

Он даже не понял, какое впечатление может произвести на Джудит Карриол вид его язв, сам-то он никогда не смотрелся в зеркало.

А-а-а! О чем тревожиться? Она подчинилась ему, как он и рассчитывал, стоило напомнить, какую выгоду она извлечет, если даст ему закончить Марш. Он откинул голову, оперся затылком в край лохани, и полностью расслабился. Прекрасно! Как это успокаивающе действует, когда погружается в нечто, бурлящее сильнее, чем ты сам.

Сначала Карриол подумала, что он умер: так неестественно была запрокинута его голова. Она вскрикнула так громко, что заглушила бульканье воды. Он поднял голову, открыл глаза и удивленно посмотрел на нее.

– Давайте, помогу вам выйти.

Она боялась коснуться ран полотенцем и подняла его на ноги, чтобы он обсох. Затем уложила его на носилки, покрытые толстым слоем простыней. Она когда-то готовилась стать массажисткой, вот навыки игодились. Видимо, лучше было не нарушать целебного действия солевой ванны и постепенного высыхания, поэтому она оставила в покое его потертости, трещины и обморожения, удовольствовавшись лишь тем, что обмазала мазью его язвы? карбункулы? Нарывы были огромные, с

несколькими головками.

– Оставайтесь здесь, – распорядилась она. – Я принесу вам теплого супу.

Мама сосредоточенно шила, остальные исчезли, – видимо, ушли принять ванну или вздремнуть перед обедом.

– О, молодец майор Уитерс, – он прямо сразу их вам и выдал! Удивляюсь, где он достал шелковые так быстро?

– Это его собственные, – сказала Мама, перекусывая нитку своими мелкими зубками.

– Бог ты мой! – рассмеялась Джудит. – Кто бы мог подумать?

– Как Джошуа? – спросила Мама так нарочито небрежно, что доктор Карриол подумала: не заподозрила ли мама о его болезни?

– Не очень хорошо. Отнесу ему сейчас большую чашку супа, а больше ничего и не нужно. Поспать он может там же, там удобно, – она взяла со стола чашку. – Мама...

– Да?

– Сделайте большое одолжение – не ходите к нему.

Большие голубые глаза Мамы потускнели, но она мужественно проглотила обиду:

– Конечно, если вы думаете, что так лучше...

– Думаю, что так лучше. У вас мужественное сердце, Мама. Для вас это очень тяжелое время, я знаю. Но как только закончится Марш, мы отошлем его на отдых, и он будет в полном вашем распоряжении. Как вам понравится отдых в Палм Спрингс, а?

Но Мама лишь улыбнулась – так уныло, словно не поверила ни одному слову.

Когда Карриол внесла суп, Кристиан сел и свесил ноги с края высоких носилок. Теперь он выглядел очень уставшим, но не изможденным. Он завернулся в простыню, наподобие сари, чтобы скрыть самые ужасные свои раны. Из-под простыни виднелись только пальцы ног. Подготовился ясно к приходу Мамы. Она без слов передала ему суп, и стояла, глядя как он пьет.

– Еще?

– Нет, спасибо.

– Вам лучше поспать здесь, Джошуа. Утром я принесу чистую одежду. Все в порядке, семья думает, что вы просто устали и немного раздражены. А Мама занята тем, что пришивает шелковую подкладку к вашему нижнему белью. Так будет лучше.

– А вы способная сиделка, Джудит.

– В пределах, очерченных здравым смыслом. Дальше я теряюсь.

Взяв пустую чашку, она посмотрела на него.

– Джошуа... Зачем? Скажите мне: зачем!

– Что зачем?

– Держать в такой тайне ваше состояние.

– Оно никогда не имело для меня значения.

– Вы безумец!

Он склонил голову в сторону и усмехнулся одними глазами.

– Божественное безумие!

– Вы серьезно, или кривляетесь передо мной?

Он улегся на свое узкое ложе и уставился в потолок.

– Я люблю вас, Джудит Карриол. Я люблю вас больше, чем кого бы то ни было на свете, – сказал он.

Это потрясло ее больше, чем вид его тела. Потрясло так, что она резко опустилась на стул рядом с его кушеткой.

– Ну, конечно! После того, что вы мне сказали какой-то час назад как вы можете теперь...

Он посмотрел на нее так печально и странно, словно ее слова были для него еще одним разочарованием.

– Именно так, я люблю вас, потому что вы как никто другой из тех, кого я встречал, нуждаетесь в любви. Вот поэтому я люблю вас, как...

– Как старый, уродливый калека! Спасибо! – она бросилась вон.

Храни бог от этих Кристианов! Почему она никогда, кажется, не может сказать ему то, что нужно? Будь ты проклят, проклят, проклят, Джошуа Кристиан! Как ты смеешь считать, что покровительствуешь мне?

Резко повернувшись на каблуках, она вернулась в его кабину, подошла к нему, лежавшему с закрытыми глазами, схватила его пальцами за подбородок и приблизила лицо к его лицу. Он открыл глаза, черные, черные, черные глаза. Глаза цвета моей настоящей любви.

– Подавись ты своей любовью! – прошипела она. – Сунь ее себе в задницу!

Утром Карриол помогла Кристиану одеться, хотя, говоря точнее, он помог ей. Самые тяжелые места нарывов и трещин покрылись коркой, но она не надеялась, что начавшийся процесс выздоровления не будет нарушен. Она продумала, что понадобится сегодня вечером: постель поудобней, система для осушения воздуха, чтобы раны его не мокли после ванны. Он не произнес ни слова, пока она одевала его, только садился и вставал, и поворачивался, и протягивал руки, автоматически подчиняясь

действиям ее рук. Но как бы он этого ни отрицал, боль его мучила; иногда, застигнутый ею врасплох, он вздрагивал, как зверь.

– Джошуа?

– Мммм? – и ничего более.

– Вам не кажется, что где-то в пути каждому из нас придется определить свое отношение к жизни? Я имею ввиду – отделить большое от малого, великое от пустяков.

Он не ответил; она даже не была уверена, слышал ли он ее, но упорно продолжала:

– Поймите: я просто выполняю работу, которая мне подвернулась. И не делайте из меня какого-то изверга! Вы бы никогда не обрели то, что называете теперь смыслом своей жизни, если бы не я. Разве вы этого не понимаете? Я знала, что нужно этим людям, но сама не могла дать им этого. Поэтому и нашла вас. Вы и этого не понимаете? И вы были счастливы, не так ли? Вначале вы были счастливы, пока в голове у вас не завелись безумные идеи. Джошуа, вам не в чем упрекнуть меня. Не смейте!

– О, Джудит, не сейчас! – воскликнул он жалобно. – У меня нет времени! Все, что я хочу – это дойти до Вашингтона!

– Не смейте упрекать меня!

– Думаете, мне это нужно?

– Полагаю, что нет. Но... О, как я жалею, что я не кто-нибудь другой! Вы когда-нибудь об этом жалели.

– Каждую секунду. Но сюжет должен обрести завершенность. Нужно успеть...

– Какой еще сюжет?

– Если бы я знал, Джудит, что я стану тем, кем не был никогда – я был бы больше, чем человек.

И он вышел в путь.

Он шел, и миллионы следовали за ним. В первый день – от Манхеттена до Нью-Брансуика. Самый дальний, самый быстрый переход – и самый многочисленный. Он прошел через Филадельфию, Уилмингтон и Балтимор и на восьмой день достиг предместья Вашингтона.

Нью-йоркцы вернулись по домам, а те, кто шел с ним, теперь были сдержаннее. Хотя некоторые разодетые, полные задора нью-йоркцы прошли с ним весь путь до конца. Меньше миллиона человек не собиралось. Он шел вдоль шоссе 1-95 по своему помосту, над ним – вертолеты, впереди – передвижные станции телесети, позади – семья и до смерти уставшая группа правительственных чинов. От Нью-Брансуика с

ними пошел губернатор Нью-Джерси; губернатор Пенсильвании присоединился в Филадельфии, где Кристиан выступил с краткой речью. Ввиду своего преклонного возраста и немалого веса губернатор Мэриленда предпочел присоединиться к комитету, организующему встречу в Вашингтоне, но председатель объединенного комитета начальников штабов, девятнадцать сенаторов, более сотни конгрессменов и с полсотни генералов разных родов войск, адмиралов и астронавтов затесались в группу официальных лиц, шагающих за доктором мимо сложенных из тусклого красного кирпича и недостроенных общественных зданий Балтимора, брошенных на произвол судьбы еще в начале века.

Он шел. Карриол не понимала, как. Но он шел. Каждый вечер она пыталась спасти то, что оставалось от его медленно истлевающего тела. Каждую ночь Мама пришивала новую шелковую подкладку к его белью, каждую ночь вся семья бодрилась, когда ревностный страж уводил от них Кристиана. Джудит – знали бы они, – занималась главным образом тем, чтобы скрыть от них страдания Джошуа.

Сам доктор Кристиан перестал мыслить после Нью-Брасуика. Ощущение боли покинуло его в Нью-Йорке, способность думать – в Нью-Брасуике. Но способности идти должно было хватить до Вашингтона. Все, что осталось у него в голове – Вашингтон, Вашингтон, Вашингтон.

С головой у него что-то случилось. Нет, сознание не помутилось! Он сознавал, что находится в предместье Вашингтона, в местечке под названием Гринбелд. В последнем ночном бивуаке он забыл про осторожность, расслабился, словно уже прошел весь путь до Потомака. Вместо того, чтобы сразу принять освежающую ванну и лечь в постель, он уселся со своим семейством, болтая и смеясь, как в прежние дни; вместо того, чтобы выпить чашку бульона, плотно поужинал в кругу домашних: тушеная телятина с картофельным пюре и бобами и кофе с коньяком напоследок.

Его жестоко мучили боли. Карриол уже имела достаточно опыта, чтобы заметить мелкие симптомы – то, как его взгляд фокусировался не столько на людях, сколько на стенах за их спинами, как мышцы его сводило после неловкого движения (для успокоения семьи он называл их судорогами), как помертвела кожа на его носу и щеках, как бессвязна его речь.

В конце концов ей пришлось силком отправить его в ванну и в постель. Согласился он охотно.

Но не раньше, чем она включила подачу воздуха в лохань и плотно

задержала занавески, висевшие у входа в кабину, он позволил себе скорчиться над туалетом, который она добавила к его удобствам после Нью-Брасуика. Его рвало, пока в желудке хоть что-то оставалось. Мучительные, ужасные пароксизмы, казалось, содрогали все его тело. Только убедившись, что желудок пуст, он согласился двинуться с места. Пришлось довести его до постели; он сгорбился на краю кровати, хрипло дыша, с лицом сведенным и черным.

Объяснения и обвинения, обличения и оправдания – со всем этим было покончено еще в Нью-Брасуике. С этого времени Кристиан и Карриол сблизилась, спаянные узами боли и страдания, объединившись перед лицом всего мира ради того, чтобы любой ценой сохранить тайну. Она стала ему прислугой и сиделкой, единственным свидетелем нескончаемой борьбы, единственным свидетелем того, сколь непрочна его связь с прохудившейся оболочкой, которую окружающие привыкли называть Джошуа Кристианом.

Она положила его голову к себе на колени, пока он пытался отдышаться, а когда ему стало легче, она вытерла губкой его лицо и руки и подала чашку с водой, чтобы он прополоскал рот.

В молчании. В единении.

Только когда он был раздет и облачен в чистую шелковую пижаму, а все его раны смазаны мазью, он заговорил – тихо, невнятно:

– Завтра пойду опять.

Вот все, что он сказал: его слишком била дрожь, губы были синие.

– Вы можете заснуть? – спросила она. Слабое подобие улыбки над зубами, выбивающими дробь. Он кивнул и закрыл глаза.

До тех пор, пока она не убедилась, что он действительно спит, она оставалась рядом: тихо сидела на стуле, не отрывая взгляда от его лица. Потом на цыпочках вышла, чтобы позвонить Гарольду Магнусу.

Освобожденный, наконец, из своего заточения в Белом доме, тот только что сел за свой очень поздний и весьма желанный обед, когда позвонила Карриол.

– Мне нужно немедленно увидеться с вами, мистер Магнус, – сказала она. – Откладывать нельзя. Слышите? Я настаиваю.

Он не просто рассердился – он пришел в ярость. Но он слишком хорошо знал Джудит Карриол, чтобы протестовать. Его дом стоял на другом берегу реки Армингтона, напротив Гринбелта; тем не менее, он не пожелал устраивать у себя совет и комкать ради этого обед.

– Тогда в моей конторе, – сказал он коротко и повесил трубку.

На обед у него была копченая семга из Новой Шотландии и петух в

винном соусе на второе. Ладно, семга отплавалась и петух не улетит – подождут, пока хозяин дома вернется к столу. У, черт!

Здание Департамента окружающей среды построили уже после того, как был введен жесткий режим экономии энергоносителей, и на крыше его не предусмотрели площадку для вертолетов, а подземные этажи были отданы под все разрастающийся архив. Поэтому Карриол решила поехать туда из Гринбелта на машине, используя один из автомобилей, оставленных для официальных лиц, что шагали вместе с доктором Кристианом. Расстояние было невелико, но поездка заняла около трех часов: Вашингтон заполнили люди, надеющиеся присоединиться к последнему этапу Марша Тысячелетия, настроенные празднично, они рассыпались по всем улицам, устраивая где попало небольшие бивуаки. Хотя машин в Вашингтоне было больше, чем где-либо еще в стране, никто и не думал соблюдать священную неприкосновенность мостовых. Машины пробирались там, где толпа была пожиже, постоянно сигналив, петляя среди спящих и иногда даже заезжая на тротуар. Карриол злилась, но знала, что Магнусу пришлось столкнуться с той же проблемой, так что раньше Джудит он до Департамента не доедет. А обогнать его и томиться в приемной, ей тоже не хотелось.

Толпа на набережной Вирджинии – оказалась не такой густой, и доктор Карриол недооценила обстановку: Гарольд Магнус добрался до Департамента всего за два часа. Настроение у него было так себе, но по другой причине – из-за оставшихся дома семги и петуха. Восемь дней он был рядом с Президентом, как на привязи, и не мог вырваться из Белого дома. Президент ничего не понимал в кухне да и аппетита не имел, поэтому кормили там редко, скудно, однообразно и всегда подавали на обед лишь одно блюдо. Удрать не удалось даже среди ночи, так как Тибор Ричи желал иметь под рукой козла отпущения в любое время суток, чтобы было на кого поорать, если что-нибудь случится с Джошуа Кристианом. Поэтому Магнус был вынужден пастись возле автоматов, продающих сласти в служебном кафетерии Белого дома, и за восемь дней своего заточения испробовал невероятное количество всяких-разных шоколадок да пастилок, тщетно пытаясь заполнить свой гулкий трюм и заодно хоть как-то посластить свою жизнь, полную лишений. Но в последнюю ночь Секретарь взбунтовался. Позвонил своей жене и заказал на обед свои любимые блюда, а от обеда в Белом доме отказался. В девять часов вечера он уехал домой, сославшись на необходимость подготовиться к большому приему, назначенному на

завтра; он сказал Президенту, что должен привести в порядок свой костюм.

Когда Секретарь вырвался в начале третьего часа утра в контору, миссис Хелена Тавернер оживилась. Ей пришлось несладко без четкого руководства своего шефа.

– Сэр, как я рада вас видеть! Мне крайне необходимы ваши решения, приказы, подписи.

Он прошел мимо, показав рукой: за мной!

Сияя, она прихватила с собой большую кипу документов, блокнот и карандаш, и присоединилась к нему.

Работали они в течение часа. Иногда Секретарь бросал взгляд на настольные часы: наручных он не носил.

– Куда они, к черту, провалились? – спросил он, когда с делами было покончено.

– Им не позавидуешь, сэр. Они ведь едут по трассе Марша. Представляю, сколько там народу, – утешила миссис Тавернер.

Не прошло и пяти минут, как приехала Карриол, – как раз в тот момент, когда миссис Тавернер снова поместилась за свой стол: ей предстояло выполнить еще едва ли не большую работу. Обе женщины обменялись понимающим взглядом, затем улыбнулись.

– Так плохо, а? – спросила Карриол.

– Да, восемь дней проторчал в Белом доме, а к столу там подают то, чего он терпеть не может. Но его настроение поднялось, когда он вернулся в свое кресло.

– О, бедное дитя!

Действительно, ему полегчало; обед он рано или поздно съест, Хелена не успела наделать слишком много ошибок в его отсутствие (надо не забыть, порадовать ее подарком как-нибудь) – и главное, заточению в Белом доме конец. Он приветствовал Карриол, лихо закусив длинную сигару «корона», его живот был весело обтянут розово-зеленым парчовым жилетом.

– Ну, что, Джудит, с вас уже хватило, а?

– Да, господин Секретарь, – сказала она, снимая пальто.

– Утром последний переход к Потوماку. Мы уже все устроили: мощную платформу из вермонтского мрамора, которая потом послужит основанием для Мемориала Тысячелетия, громкоговорители на углу каждой улицы и в каждом парке на мили вокруг, и кое-какой комитет по встрече! Президент, вице-президент, все послы, премьер-министр Раджпани, премьер Хсато, главы всяких там государств, кинозвезды, и телезвезды, и президенты колледжей – и король Англии!

– Король Австралии и Новой Зеландии, – уточнила она.

– Да, ладно, но в действительности он – король Англии; просто эти республиканцы не любят королей. – Он связался с миссис Тавернер и попросил поднос с кофе и напитками. – Надеюсь, вы не откажетесь выпить со мной стаканчик бренди, Джудит? Знаю, знаю, вы не пьете. Но слышал от Президента, что доктор Кристиан однажды совратил вас на рюмочку коньяку к кофе.

Поскольку она не ответила, он посмотрел на нее более пристально, окутав ее клубами дыма:

– Вас не смущает моя сигара? – спросил он с небывалым участием.

– Нет.

– Ну, и чем обязан?... Что-нибудь насчет доктора Кристиана? Он еще не набросал свою речь? Он знает, что планируется выступление?

Она глубоко вздохнула:

– Господин Секретарь, он не будет завтра выступать.

– Что?

– Он болен, – сказала она, тщательно подбирая слова. – Думаю, он смертельно болен.

– О, черт! Он ведь выглядит великолепно! Я смотрел на него всю эту проклятую дорогу, вместе с Президентом, готовый принять свою пилюлю, если бы кто-нибудь выстрелил в него. И, могу вам сказать, парень выглядел орлом! Чушь! Он прекрасно выглядит. Болен? Шагая с такой скоростью? Чушь! Серьезно – в чем дело?

– Мистер Магнус, поверьте. Он безнадежно болен. Так болен, что я опасаюсь за его жизнь.

Он устался на нее с растущим беспокойством, начиная, наконец, верить ей, и все же не смог удержаться, чтобы в последний раз не воспротивиться:

– Чушь!

– Нет, правда. Я видела. Знаете, что там, у него на теле, под одеждой? Кусок голого мяса. Без кожи. Кожу он стер там, на севере. Там, где кожи не осталось, – там кровь. Боль уже почти свела его с ума. Кровь и гной. Он смердит. Пальцы на его ногах уже отваливаются! От-ва-ли-ва-ют-ся! Слышите?

Он позеленел, замолк, торопливо потушил сигару:

– Господи Иисусе!

– Он конченный человек, мистер Магнус. Не знаю, как он прошел такое расстояние. Слава Богу, что прошел, но это – его лебединая песня, поверьте. И если хотите, чтобы он выжил, помогите остановить его, нельзя

ему идти завтра к Потوماку.

– Какого же черта вы скрывали это? Почему я не был в курсе? – Он зарычал так громко, что даже не заметил, как его секретарь заглянула в дверь и тотчас же, не входя, захлопнула ее за собой.

– На то были свои причины, – сказала Карриол, ничуть не испугавшись. – Он будет жить, если увезти его куда-нибудь в очень тихое место, обеспечить медицинское наблюдение. И медлить мы не будем. Правда? – С этого момента она почувствовала себя уверенней. А это приятно – подмять Гарольда Магнуса...

Он собрался с мыслями:

– Сегодня ночью?

– Сегодня ночью.

– Ладно, чем скорее, тем лучше. Черт! Что я скажу Президенту? Что подумает король Англии? Войти в такие расходы, чтобы потом остаться ни с чем! Черт! Какой скандал!

Он посмотрел на нее подозрительно:

– Вы уверены, что этот человек...

– Еще бы. Взгляните и на обратную сторону медали, сэр, – продолжала она, слишком усталая, чтобы обращать внимание на то, удалось ли ей избавиться от иронических ноток. – Остальная компания в прекрасной форме. Им-то не пришлось ходить пешком всю зиму, даже не пришлось прошагать всю дорогу до Вашингтона. Сенатор Хиллер, мэр О'Коннор, губернаторы Кэнфилд, Грисволд, Келли, Стэнхоуп и де Маттео, генерал Пакеринг и так далее, и так далее, – все они просто в чудесной форме и упиваются всеобщим вниманием к своим особам. Почему бы не сделать завтрашний день их днем? Джошуа Кристиан был мотором Марша Тысячелетия, да, но телекамеры и глаза всего мира уже восемь дней как привязаны к нему, а все остальные, независимо от чинов, сознавали, что они – лишь трофейная команда этой армии и трясутся на телеге где-то в арьергарде. И следует смотреть правде в глаза, – присутствие доктора Кристиана превращает в статистов короля Англии, императора Сиам и Королеву Сердец. Поэтому предоставьте господину Ричи, и сенаторам, и губернаторам, и всем остальным завтрашний день в их распоряжение. Пусть Тибор Ричи один взойдет на платформу и обратится к толпе! Он обожает доктора Кристиана; значит не забудет отдать должное виновнику торжества, собравшему в столице столько разного люда. А толпе на данном этапе просто не важно, кто к ней обращается. Они участвовали в Марше Тысячелетия; это все, о чем они хотят знать.

Он следил за ходом ее мыслей как никогда рассеянно: он плохо и мало

спал, давно не ел ничего, кроме сладостей, сладостей и сладостей, и теперь чувствовал легкую тошноту.

– Полагаю, вы правы, – сказал он и зевнул. – Да, так пойдет. Мне лучше повидаться с Президентом прямо сейчас.

– А вот здесь – стоп! Перед тем, как вы уйдете отсюда, нужно, чтобы вы решили, куда и как мы эвакуируем доктора Кристиана. Палм-Спрингс отпадает, я подготавливала этот вариант, еще не зная, насколько серьезно он болен. К тому же, это слишком далеко. Меня более всего беспокоит секретность. Куда бы мы его ни отвезли, следует исключить любые догадки, слухи. Нам не нужно, чтобы просочились слухи об ужасающем состоянии, до которого он себя довел; из него сделают жертву. Его должна лечить небольшая, специально подобранная группа врачей и сиделок где-нибудь неподалеку от Вашингтона, но там, где никто его не найдет. Разумеется медперсонал должен быть из числа государственных служб, чья благонадежность гарантирована.

– Да-да. Конечно же, мы не можем позволить сделать из него жертву. Годик спустя предъявим его народу, в хорошей форме.

Подняла брови Карриол:

– Итак?

– Итак, куда? Есть предложения?

– Нет, господин Секретарь, никаких. Я думала, вы знаете какое-нибудь подходящее место – вы же из Вирджинии. Местечко понадобится неподалеку, чтобы его обслуживали медики из крупной клиники – я полагаю, они будут из Уолтер Рид.

Он кивнул.

– И чтобы это было изолированное место, – настаивала она.

Он вытащил потухшую сигарету из пепельницы, посмотрел на нее, и потянулся к коробке за новой.

– Лучшие сигары, – сказал он, пуская клубы дыма, – скручивают женщины – катая их между бедрами. Эти, – клуб дыма, – сигары, – клуб дыма, – лучшие.

Карриол взглянула на него настороженно:

– Мистер Магнус, с вами все в порядке?

– А что мне сделается... Просто я не могу думать без сигары, вот и все. – Он выпустил еще несколько клубов дыма. – Ладно, возможно и есть одно место. Остров в Пампико Саунд, в Северной Каролине. Сейчас он совсем обезлюдел. Принадлежит табачной компании «Бинкмэн». Конечно, куплен в давние времена. Не думаю, что для вложения капитала. Пожалуй, это единственная табачная компания, которая не вкладывает капиталы, – он

продолжал дымить.

Ну давай же, продолжай! – хотелось крикнуть Карриол, но она терпеливо молчала.

– Один из людей их Управления Парков и Дикой Природы говорил мне об этом острове как раз перед Маршем. Похоже, что Бинкмэны хотят передать его в дар государству, чтобы там был устроен парк. Продать-то его они один черт не могут. Он уже несколько лет птичий заповедник и заказник, но у Бинкмэнов нет денег, чтобы использовать остров, вот и решили отделаться от него, пока там еще порядок. Там есть один любопытный старый дом, они его использовали под летнюю резиденцию долго – несколько веков! Владельцы рассчитывали найти спрос на дом и остров, но пару недель назад торги провалились. А до тех пор, пока эмтабечники от него не избавятся, придется платить солидные налоги. Вот и обратились к нам. Думаю, в действительности-то они надеются, что государство купит остров под президентскую резиденцию. Но поскольку все внимание Президента было поглощено Маршем, я еще не заводил с ним разговор на этот счет. В доме и на острове нет ни души, но в Управлении Парков меня заверили, что там все функционирует. Есть вода, канализация и дизельный генератор на 50 киловатт. Остров подойдет?

– Заманчиво. Даже не верится. Это место как-нибудь называется?

– Остров Покахонтас. Всего где-то в милю длиной и в полмили шириной. Полагаю, в действительности это песчаная отмель, достаточно долго остававшаяся над уровнем моря, чтобы покрыться растительностью. Управление Парков говорит, что он отмечен на картах. – Он вызвал по селекторной связи миссис Тавернер. – Где мой кофе и коньяк, черт побери?

И кофе и коньяк явились очень быстро, но когда миссис Тавернер попыталась же быстро ретироваться, он удержал ее:

– Не спешите, не спешите! Доктор Карриол, хватит у вас медицинских познаний, чтобы дать Хелене некоторое представление о том, какие врачи и какое оборудование понадобится нам?

– Хватит. Миссис Тавернер, нам нужен хирург-специалист по сосудистой системе, специалист по пластической хирургии, хороший терапевт, специалист по травмам и шоковому состоянию, анестезиолог и две опытных медсестры. Все – с гарантиями благонадежности. Они должны иметь все необходимое для лечения шока, истощения, последствий воздействия тяжелых природных условий, серьезных обморожений с развитием, как я полагаю, гангрены или какой-то другой формы некроза; может быть, последствий хронического недоедания; отчасти – почечной недостаточности. Им понадобится весь набор лекарств, побольше

перевязочного материала для ран, хирургические инструменты для лечения язв и сшивания тканей... Да, и давайте добавим еще психолога.

Эта последняя заявка заставила Магнуса прищуриться, но он ограничился невнятным мычанием.

– Все поняли? – спросил он миссис Тавернер. – Хорошо. Я скажу, что с этим делать, когда доктор Карриол уйдет. А сейчас соедините меня с Президентом.

Миссис Тавернер побледнела:

– Сэр, вы думаете, это удобно? Уже почти четыре часа утра!

– Уже? Что же, тем хуже. Разбудите его.

– Что я скажу дежурному?

– Что-нибудь. Что угодно. Это не мое дело! Делайте, что вам говорят!

Миссис Тавернер исчезла. Карриол встала, допила свой кофе с коньяком, а чашку Секретаря поставила перед ним. И снова села.

– Я не представляла себе, что уже так поздно. Мне пора возвращаться к нему. Проклятые толпы! Если не возражаете, я воспользуюсь вертолетом. Я думаю, лучше всего усадить доктора Кристиана прямо в вертолет – и еще до рассвета, если возможно – и посадить на острове Покахонтас. Он привык летать с Билли, нашим пилотом, так что подниму Билли. Я, конечно, полечу вместе с доктором. Команда медиков может встретить нас на Покахонтасе. В любом случае, при нашей скорости, они прибудут туда до нас. По крайней мере, должны прибыть, если вы пошевелитесь. – Это прозвучало угрожающе.

– Могу вас уверить, доктор Карриол, что я потороплюсь. В мои планы вовсе не входит подвергать опасности жизнь доктора Кристиана, – сказал он с достоинством. Он поднял стакан с бренди, покосившись на то небольшое количество жидкости, которое отмерила Карриол. – Я предпочитаю пить в техасском стиле – сказал он, залпом осушил стакан и отставил его. – Налейте, не жадничая, если можно.

Секретарша вызвала его, когда Карриол занялась графином с бренди.

– Сэр, они будят господина Ричи. Он перезвонит.

– Отлично. Спасибо. – Он быстро выпил новую партию. – Вам лучше идти, Джудит.

Она посмотрела на стенные часы:

– Черт возьми. Не успею вернуться к пяти, даже на вертолете. Не забудьте должным образом проинструктировать медиков, и скажите им, что с пациентом их познакомят на острове Покахонтас. О, хорошо бы взять с собой еще кого-нибудь, кто умеет обращаться с дизельным генератором.

– Проклятье, вы еще хуже моей жены! Хватит суетиться! Все будет в

лучшем виде. Господи Иисусе, как я буду счастлив, когда весь этот бедлам закончится!

– Я тоже, мистер Магнус. Спасибо. Буду держать вас в курсе.

Когда она уходила, Гарольд Магнус стоя допивал третью рюмку коньяка и собирался зажечь еще одну сигарету – из тех, что женщины скатывают, зажав между бедер.

Карриол задержалась у стола миссис Тавернер, чтобы позвонить Билли: пусть встречает ее на вертолетной площадке Капитолия.

– Жаль, что в Департаменте нет своей площадки! – сказала она, вешая трубку. Потом пристально посмотрела на миссис Тавернер:

– Вы здорово устали.

– Это точно. Я же не была дома с тех пор, как доктор Кристиан вышел из Нью-Йорка.

– Правда? Так здесь и сидели?

– Да. Ведь мистер Магнус был в Белом доме, а кто-то должен был вести дела... Другим он не доверяет.

– Он ублюдок. Зачем вы его терпите?

– О, он не так уж плох... Когда дела идут хорошо. И это один из немногих высших постов...

– Вам лучше пойти к нему, но не раньше, чем ему позвонит Президент, ладно?

– Ладно. Спокойной ночи, доктор Карриол.

Четыре утра, – думал Гарольд Магнус, залпом допивая третий стакан коньяка. Он зевнул. Кружилась голова. Черт, бренди никогда не действует на него! О, Боже, помоги, если дела и дальше пойдут так плохо! Он чувствовал себя неважно, действительно неважно. Слишком много сладостей при нехватке нормальной жратвы. Врачи тут ни при чем, у него нет диабета. Четыре утра. Неудивительно, что он чувствует себя неважно. Без обеда! Черт бы побрал эту Карриол. Черт бы побрал этого Кристиана. Черт бы побрал врачей. Черт бы побрал весь белый свет. Мысль о врачах заставила его вспомнить о плохом состоянии Кристиана. Он потянулся, чтобы вызвать миссис Тавернер и дать ей инструкции. Но она опередила его.

– Мистер Ричи на проводе, сэр. У него совсем нерадостный голос.

– Какого черта вы меня разбудили? – донесся голос Президента, сонный и капризный.

– Ладно, если меня отрывает от сна и обеда положение дел в государстве, то почему, черт возьми, вы должны спать? Это ваше государство, а не мое! – сказал Магнус и хихикнул.

– Гарольд, это вы?

– Я, я, я, я, я! Конечно, это я! – пропел Магнус. – Пробыло четыре, и я в эфире.

– Вы пьяны.

– Господи Иисусе, должно быть так! – Секретарь сделал усилие, чтобы немного взять себя в руки. – Прошу прощения, господин Президент. Просто прошло слишком много времени между тем, как я последний раз поел, и этим бренди, – вот и все. Извините меня, сэр. Мне правда очень неудобно.

– Вы разбудили меня, чтобы сообщить, что голодны, но пьяны?

– Конечно нет. У нас проблема.

– Ну?

– Доктор Кристиан идти больше не может. Утром у меня здесь была доктор Карриол, сказала, что он смертельно болен. Так что, похоже, Марш Тысячелетия придется завершить без лидера.

– Понятно...

– Тем не менее, остальные высокопоставленные участники Марша – в хорошей форме, поэтому, с вашего разрешения, я собираюсь предоставить им право повести Марш дальше. Естественно, в центре будет его семья. Но нужно, чтобы кто-нибудь произнес речь за доктора Кристиана. Думаю, этого не сделает никто, кроме вас.

– Согласен. Приезжайте в Белый дом. Только чуть попозже. Скажем, в восемь. Я распорядюсь, чтобы сюда доставили и Карриол. Хочу сам выяснить, в чем дело с бедным доктором Кристианом. И, Гарольд, не пейте больше, ладно? Сегодня великий день.

– Да, сэр. Конечно, сэр. Спасибо, сэр. Секретарь по вопросам окружающей среды повесил трубку. Голова все еще кружилась, он действительно чувствовал себя разбитым. Сидеть бы так за столом и не вставать никогда.

Он положил голову на столешницу и тотчас заснул. Или скорее, впал в тревожное, болезненное забытие.

Приемная, где восседала миссис Тавернер, была пуста. Воспользовавшись звонком Президента, секретарша зашла в свою комнату для отдыха. Уже собравшись снова выйти, она подумала: Почему на минутку не присесть на край кушетки, если уже шатаешься от усталости и нервного истощения? «Присесть» как-то незаметно перешло в «прилечь». А сон только того и ждал.

Почему-то накануне вечером доктор Кристиан почувствовал, что

должен сделать над собой усилие и уделить хоть немного времени своей нежно любимой семье. Он знал, что совсем забросил их еще с тех пор, когда вышла его книга, он понимал, что был несправедлив к ним; не их вина, что рухнули и практика, и клиника в Холломане; не их, а его. А упрекал он все-таки их. Бедняжки так зависели от него, так жаждали угодить ему, а он и не обращал на них внимания с тех пор, как вся семья снова собралась в Нью-Йорке.

Поэтому, он сделал усилие над собой, сидел и разговаривал с ними, даже смеялся и немного шутил. Ел то, чем усиленно потчевала его Мама. Давал советы Джеймсу, и Эндрю, и Мириам. Ласково посмеивался над Мышкой. Даже пытался расположить к себе Мэри. Единственная из всех она недолгоблизала его, и он впрямь не понимал, почему, но допускал, что причины на то были.

За эти часы, подаренные им, он расплатился сполна. Не только пищей, комком застрявшей в желудке, не только жесткой, изнурительной рвотой. Может ли человек любить своих палачей? Любить того, кто его предал? Лежа в постели, перед тем, как заснуть, он задавал себе эти и другие вопросы снова и снова, но думать становилось все труднее.

Заснуть ему не удалось до тех пор, пока Карриол не вышла. Он не мог заснуть, пока она смотрела на него, вот и притворился спящим. Только, когда она ушла, – господи, наконец-то! – сон пришел к нему. С тех пор, как она стала заботиться о нем, ему стало спокойнее, и он был лучше подготовлен, чтобы справиться с ночным приступом боли.

Он легко заснул, глубоко и с чувством удовлетворения, и проспал до четырех утра. Наверное, так спят перед смертью.

Но в самом начале пятого он перевернулся во сне и нечаянно надавил на гнойник под мышкой; он безуспешно пытался отвлечь внимание от очага боли, сосредоточившись на чем-нибудь другом, но не получилось. Тогда он стал, как зверь,лизывать изболевшуюся плоть. Но плоть, которую он пытался задобрить, надрывалась в агонии.

Он рванулся, чтобы сесть, не дав вырваться крику, и начал раскачиваться в полном ужасе, пронзенный столь жесткой болью, что минут десять он пытался понять: а не может ли человек умереть просто от боли?

– Боже мой, Боже мой, избавь меня от этого! – заскулил он, раскачиваясь взад – вперед, взад – вперед. – Разве я уже недостаточно страдал? Разве я не знаю, что я всего лишь смертный?

Но боль накатывала все сильнее. Он сорвался с постели и стал в безумии кружить по палатке черные, гноящиеся пальцы босых ног не

выдерживали вес его тела. Он так боялся закричать в голос, что, в конце концов, решил найти какое-нибудь место, где его вопль никого бы не потревожила.

Как тень, выскользнул он из палатки – в ночь. Шатаясь и прихрамывая, он, как младенец, учащийся ходить, останавливался через несколько шагов – останавливался, чтобы укачать, унять свою боль.

На его пути воздвиглось дерево; он потянулся, чтобы обхватить его, удержаться за него, но медленно заскользил по стволу вниз, пока не упал на траву у его корней, и, сидя так, вжал голову в плечи, раскачиваясь.

– Боже мой, позволь мне дожить до завтра! – он ловил ртом воздух и боролся, боролся – Я еще не закончил! Только до завтра! Боже мой, Боже мой, не покидай меня, не бросай меня!

Хотя может быть, человеку и невозможно умереть просто от боли, но он, несомненно, может от боли сойти с ума. Лежа там, у подножия дерева. Джошуа Кристиан лишился рассудка. Так радостно! Так приятно! Так легко! Теперь у него больше не было сил бороться. Ему больше незачем бороться. Он стал настоящим безумцем. Безумный. Без ума. Без рассудка. Свободный, наконец, от цепей логики, от пут осознанной воли. Блаженное забытие безрассудности, безумия – там, за рубежом упрямства и стойкости. Неведомое животное копошилось теперь на земле – жесткой, но теплой и ласковой, как его мать.

Не хочу больше видеть ни единого вертолета, – думала Джудит, когда ее вертолет приближался к временной посадочной площадке, отмеченной значками на траве парка прямо позади огороженного невысокой оградой места, где расположились Кристианы и правительственные чины.

Она привычно выскочила из круга полегшей от ветра травы и побежала к палатке. У входа остановилась, сообразив, что не найдет в темноте место выключателя, и повернула назад. Вдоль ограды палаточного городка стояло человек сто полицейских.

– Часовой! – позвала она.

– Мэм? – он выступил из темноты.

– Мне нужен электрический фонарь.

– Есть, мэм. – Он исчез и тут же вернулся, луч фонаря подпрыгивал в такт его тяжелым шагам. Элегантно козырнув, он передал ей фонарик и вернулся на свой пост где тусклая лужица света на земле служила ему ориентиром.

Направив луч фонарика в дощатый пол, Карриол тихо прошла через палатку и отдернула занавеску, закрывающую вход в спальню Кристиана.

Луч выхватывал из темноты то один, то другой предмет скудной обстановки. Она отыскивала кровать. Здесь! Свет плавно скользнул по ножке, прошелся по разбросанным простыням Его там не было! Джошуа не было в постели!

Мгновение она стояла, не зная, что лучше – затопить всю эту чертову палатку светом всех разбудив, или тихонько обыскать все помещение. Решение пришло через секунду, холодное и ясное. Если он спятил придется умыкнуть его тайком, пока никто не успел сообразить, в чем дело. Мама уже сама почти рехнулась. Да, почти, а узнает – рехнется окончательно.

В полной тишине она прокралась по палатке прощупав лучом каждый ее уголок, каждую щель, посветив под столы, под стулья. И здесь его не было Его вообще не было в палатке.

– Часовой!

– Мэм?

– Найдите мне начальника караула, будьте добры.

Он пришел пять минут спустя. Пять минут она ожидала в сонной тишине паники, не смея пошевелиться.

– Мэм, – он подошел ближе. – О, доктор Карриол?

Майор Уитерс собственной персоной!

– Слава Богу, знакомое лицо! – сказала она. – Майор, вы понимаете, что я уполномочена Президентом?

– Да, мэм.

– Доктор Кристиан исчез. Его нет в палатке Кристианов, можете мне поверить. Ни в коем случае нельзя поднимать панику, чтобы никто не догадался. Но мы должны найти доктора. Быстро и тихо, с минимумом фонарей. Когда найдете – пусть никто не приближается к нему. Слышите? Тот, кто найдет, пусть немедленно сообщит мне. Только мне! Я буду здесь, ни на шаг не отойду. Понятно?

– Да, мэм.

Снова ожидание, долгое и мучительное ожидание. Ночь истаивала. Джудит взглянула на часы, осветив их фонариком: уже почти шесть. Господи, только бы они нашли его! Только бы он не оказался по ту сторону ограды, среди толпы! Нужно увезти его до того, как лагерь проснется, до того, как проснутся люди за оградой. Плохо, если начнут летать туда-сюда вертолеты. Спасибо, Господи, что ты лишил людей топлива для машин. Еще несколько минут до зари... Лучи света метались по траве, по кустарникам и деревьям. Сотня полицейских прочесывала темные окрестности.

– Мэм?

– Да? – вздрогнула она.

– Мы нашли его.

– О, Господи!

Она пошла за майором, ее туфли шуршали по траве – ших-ших-ших, быстро и ритмично. Ты умница, Джудит! Ты спокойна. Значит, можешь все спасти. Только сохраняй спокойствие – что бы они ни нашли.

Майор указал на сгусток тьмы под кустом.

Она медленно подошла, стараясь не попасть лучом фонаря ему в лицо, не испугать его.

Он был там! Валялся у корней большого бука, вжав голову в плечи. Без движения. Как мертвый. Она подошла вплотную и опустилась около него на колени.

– Джошуа? Джошуа, вы в порядке? Он не двигался.

– Это Джудит. Что с вами? В чем дело?

И он услышал. Он услышал хорошо знакомый голос и понял, что еще не умер, что смерть еще впереди. Но хочет ли он этого? Нет! Он тайком улыбнулся.

– Больно, – сказал он, как ребенок.

– Знаю. Идемте! – Она просунула руку под его левую подмышку, и довольно легко поднялась вместе с ним на ноги.

– Джудит? Кто такая Джудит? – спросил он, глядя на нее. Затем он посмотрел туда, где за ее спиной на фоне неба вырисовывались смутные силуэты дюжины полицейских.

– Пора идти, – сказал он, вспомнив единственное, что было вытеснено безумием из его сознания.

– Нет, Джошуа, не сегодня. Все закончилось! Марш Тысячелетия закончился! Это Вашингтон. Теперь вам пора отдохнуть и полечиться.

– Нет, – сказал он тверже. – Идти! Я иду!

– На улицах слишком большая толпа, чтобы идти, не получится, – она не знала, что еще сказать ему, не могла угадать, о чем он думает.

– Я пойду, – все еще упрямылся он.

– Тогда пройдемся немного вместе, только до ограды. А потом пойдете сами. Ладно?

Он улыбнулся было, но тут же почувал, как она взволнована.

– Нет! Вы пытаетесь предать меня!

– Джошуа, я.... я никогда.... Я – Джудит! Вы же меня знаете, я – и Джудит! Ваша Джудит!

– Джудит? – спросил он недоверчиво. – Нет! Юдифь? Нет! Вы Иуда! Иуда пришел, чтобы предать меня! – он засмеялся. – О, Иуда, самый

любимый из всех моих учеников! Поцелуй меня, покажи мне, что все кончено! – Теперь он плакал. – Иуда, Иуда, я хочу, чтобы все это кончилось! Поцелуй меня! Покажи, что все кончено! Я не могу терпеть эту муку. Я измучился, ожидая.

Она наклонилась вперед и поднялась на цыпочки, приблизила лицо к самой его щеке, закрыв глаза, только вдыхая запах его кожи, неприятный, тяжелый. Затем ее губы совершили последнее огромное усилие и прижались к краю его рта, его искусанных губ.

– Ну, – сказала она, – вот и все, Джошуа.

Вот и все. Он просил поцелуя. Он получил его. Что, если бы он сам захотел поцеловать ее? Что бы стало с ней, с ним, с этим миром? Может быть, все повернулось бы иначе? Как знать?

Вот и все. Он протянул к солдатам руки.

– Я предан, – сказал он радостно. – Мой любимый ученик предал меня – обрек на смерть.

Полицейские двинулись вперед, окружили его. Он пошел среди них. Затем обернулся к ней, шедшей следом, и спросил:

– Сколько за это платят в наше время? Все. Все. Все.

– Повышение по службе. Машина. Независимость. Власть! – сказала она.

– Я бы вам не смог дать ничего из этого.

– Не знаю, не знаю. Ведь все это – благодаря вам...

Через деревья и кусты. За ограду, к вертолету с двигателем, запущенным в ожидании отлета. Один из полицейских вскочил внутрь и протянул Кристиану руку, он уцепился за нее и вспрыгнул на подножку. Полицейский надежно пристегнул его ремнями к заднему сиденью за плечи и поясицу: немаловажная мера предосторожности. Высадив ее, Билли так и не выключал двигатель. Запускать снова – больше наделаешь шума.

Карриол дождалась, пока полицейский выпрыгнет, и приготовилась забраться в салон сама. Но задержала полицейского, жестом указав ему вернуться в вертолет.

– Вы можете мне понадобиться, рядовой. Пристегнитесь рядом с доктором. Хорошо? Я сяду рядом с Билли.

Через площадку пробежал капитан, растолкал солдат и сунул голову в дверь:

– Доктор Карриол!

– Что там?

– Сообщение из Белого дома, мэ. Президент хочет увидаться с вами в Белом доме, будьте на месте в восемь часов.

Проклятье! Что делать? Часы показывали шесть тридцать, было уже светло, неподалеку собирались толпы людей, разбуженных шумом пропеллера. Она повернулась к пилоту:

– Билли, сколько нам нужно времени, чтобы добраться туда, куда мы летим?

Он захватил с собой карты.

– Сначала придется заправиться, мэм. Извините, я бы уже слетал и заправился, но думал, что вы вот-вот подойдете. Поэтому... Ну, около часа, думаю. Полчаса, чтобы вернуться оттуда. Да еще какое-то время на... на земле.

Итого – минут десять на острове Покахонтас. Хватит ли этого, чтобы все уладить? Что делать, что делать?

Победило честолубие. Вздохнув, она отстегнула ремни.

– Билли, вам придется самому посадить доктора Кристиана. Сразу возвращайтесь ко мне.

Нахмурившись, она оглянулась на Кристиана, безвольно повисшего на ремнях. С ним – полицейский. Можно ли на него положиться? Успокоился ли Джошуа или его снова потянет на подвиги. Не разбушует ли он? Может быть, следует послать с ним Уитерса? Она посмотрела вниз на группу полицейских, всмотрелась в лицо майора, и кое-что ей действительно не понравилось. Тогда этот капитан?.. Нет, нет. Лучше уж этот рядовой, уже пристегнувшийся ремнем. Сильный, тренированный парень. Ему должно быть лестно – попасть в охрану столь известной персоны. Спокойное и твердое лицо. Что у парня на уме? Как у него с нервами? О, решайся же, ради Бога! Решай! Медики, без сомнения, прибыли. Так, уже легче. Да, конечно, конечно... Остается его посадить.... Парень справится.

– Билли, – сказала она пилоту, – вам придется лететь без меня, я не могу опоздать на встречу с Президентом. Высадите доктора Кристиана и передайте его встречающим как можно скорее, ладно? Найдите дом, о котором я вам говорила, посадите свою «птичку» как можно ближе к нему, – она повернулась к солдату. – Могу я положиться на вас, рядовой?

Он уставился на нее большими серыми глазами.

– Да, мэм.

– Прекрасно. Тогда слушайте. Доктор Кристиан болен. Мы возем его на лечение. Юн болен физически, а не психически, но он испытывает такую ужасную боль, что немного не в себе – всего лишь временно, вы понимаете. Присмотрите за ним во время высадки. Когда Билли приземлится, вам предстоит проводить доктора в дом, который там стоит.

Не задерживайтесь, не любопытствуйте. Чем меньше увидите, тем лучше для вас. Доктора будут ждать врачи и санитары. Поэтому просто отведите его в дом – и поживее обратно. Понятно?

Он выглядел так, словно готов умереть, выполняя это самое серьезное в своей жизни поручение; и, похоже, ему очень хотелось полета на вертолете.

– Понял, мэм. Мне надо присматривать за доктором Кристианом в полете, затем проводить его в дом. Не задерживаться. Не глазеть по сторонам. Сразу вернуться.

– Молодец! – она улыбнулась ему. – И никому ни слова, даже своим командирам. Вы выполняете приказ Президента.

– Есть, мэм.

Она любовно хлопнула Билли по плечу и выпрыгнула. Затем заглянула в салон и тронула Кристиана за колено.

– Джошуа?

Он открыл глаза и пристально посмотрел на нее; остатки рассудка мелькнули в его глазах и пропали.

– Теперь все будет прекрасно, мой милый. Поверьте, скоро все будет хорошо. Поспите, если можете. Когда вы проснетесь, все будет позади. Жизнь сначала, а? Жизнь без Иуды Карриол.

Он не ответил. Казалось, он даже не понял, кто с ним говорит.

Она отбежала от вертолета и постояла рядом с полицейскими, пока «птичка» медленно поднималась с земли. Вертолет набрал высоту, взревел турбинами и рванулся вперед, подхваченный струями воздуха.

Молчаливые полицейские рассматривали ее с тем тупым выражением на лицах, которое появляется у хорошо обученных военных при виде необъяснимых действий высшего командования. Она поджала губы.

– Сегодня утром здесь ничего не произошло, – отчеканила она. – Ни-че-го. Вы ни-че-го не видели, ни-че-го не слышали. Это приказ. Его может отменить только Президент.

– Так точно, мэм, – сказал майор Уитерс.

Билли посмотрел на шкалу горючего и покачал головой. Он любил доктора Кристиана. Чувство восхищения этим человеком укрепилось за месяцы совместных странствий. Казалось, они никогда не понимали, как трудно этому бедолаге упорно брести с места на место. Наконец-то они дадут ему передохнуть. Да вот только поздно. Не вышло у доктора завершить то, что начато. Ладно, Билли окажет доктору добрую услугу напоследок. Горючее найдется в Готтерасе. Так что можно прямиком лететь

на этот Покахонтас, где доктор наконец вылечится и отдохнет, потом – в Гаттерас на заправку.

– Не унывайте, док! – бросил он через плечо. – Мы быстренько!

Карриол шла к палатке Кристианов. «Ну-ка, пошевеливайтесь, – приказывала она своим ногам. – Я кому говорю!» И ноги повиновались. «Вот и хорошо,» – хвалила она их. И ноги дотащили хозяйку до входа.

Мама, вся дрожа, первой бросилась:

– Джудит, Джошуа ушел! Он начал Марш без нас!

Карриол опустилась на первый попавшийся стул. Она больше не выглядела моложе своих лет. Ее годы догнали ее. И ударили – подло, в спину.

– Марта, дорогая, нет ли у вас горячего кофе? Мне нужно выпить чего-нибудь возбуждающего, а то свалюсь.

Марта наполнила кружку. Сделала она это нехотя, угрюмо. Снова увидев Джошуа в Нью-Йорке, она возненавидела Карриол за то, что эта посторонняя женщина взяла на себя все заботы о Джошуа, отстранив от него домашних.

– Мама, сядьте, – сказала мягко доктор Карриол, отхлебывая из кружки и морщась. – Ох! Как горячо!.. Боюсь, что Джошуа вовсе не начал без вас. Скорее, вам придется выступить без него. С ним все в порядке, только приболел. Я узнала об этом еще в Нью-Брансуике, но он не послушался, а предать его я не могла. – Она замолкла, вспомнив... Предать. Он назвал ее Иудой. Может, он и безумец, но ударил он ее больно. Предать... Это она-то? Ей хотелось кричать. Черта с два она закричит, не дождетесь. – Он хотел идти. Я согласилась. Вы ведь знаете Джошуа... С ним бесполезно спорить. Но сегодня утром он... он... он просто уже... был не в состоянии идти дальше. Поэтому Президент организовал для него – специально для него – больницу, где его поставят на ноги, где он отдохнет. Я только что отправила его туда на вертолете.

Мама, конечно же, устроила истерику. Но Джудит уже успела привыкнуть к этим истерикам с тех пор, как Мама заявила в Мобил, чтобы быть рядом с Джошуа, чтобы разделить с ним славу. Лучше бы оставалась в Холломане. Для нее самой лучше. И для всех.

– Почему вы не сказали нам? – спросила Мама сквозь слезы.

– Я хотела, поверьте! И если молчала – то вовсе не вам назло и ради какой-то корысти. Он всегда диктовал нам, как себя с ним вести. Всем нам, и мне тоже. Он скрывал, что болен. Единственное, что я знаю, это – больше всего он хотел, чтобы вы закончили Марш вместо него. Вы это сделаете?

– Конечно, – сказал Джеймс. Милый, кроткий Джеймс!

– Без разговоров, – поддержал его Эндрю.

Но Марта разъярилась.

– Я хочу поехать к нему! Я требую, чтобы меня доставили к нему!

– Невозможно, – сказала Карриол. – Джошуа находится в специальной больнице под охраной Президента. Извините, но то, что относится к Маме, относится и к вам, Марта.

– Это какой-то заговор! – неистово воскликнула молодая женщина. – Я не верю ни единому вашему слову! Где он? Что вы с ним сделали?

Эндрю быстро встал:

– Марта, перестань городить чушь. Сейчас же пойдем со мной.

Она заплакала, но Эндрю заставил ее взять себя под руку и увел за ширму. Все равно они слышали ее отчаянные протесты и рыдания.

Эндрю вернулся.

– Извините, – сказал он и посмотрел на сестру. – Ты тоже сбавь тон. Хватит! Ни слова больше! Пойди и поплачь у Марты на плече, если тебе нужно. Но нечего стоять здесь с таким видом!

Мэри повернулась и вышла; через мгновение рыдания Марты стали стихать, из-за ширмы донеслись два голоса: один – полный слез, другой – тихий и нежный.

– Все в порядке, Джудит, – сказал Эндрю, садясь рядом с Мамой и беря ее за руку. – Марта, знаете ли, всегда была немного равнодушна к Джошуа, и иногда теряет из-за этого голову. Что касается Мэри... Что же, Мэри – это Мэри.

– Это меня не касается, – сказала Джудит и попробовала, не остыл ли кофе. – Я просто ужасно рада, что все вы приняли это так близко к сердцу, это относится и к Марте. Вам не за что упрекнуть меня. Хотя, должно быть, выглядело это так, словно я отобрала у вас все права на Джошуа.

– Чепуха! – сказал Джеймс, обнимая Мириам, которая держалась спокойно. – Мы только надеялись, что когда все это будет закончено, вы с Джошуа поженитесь. И действительно получите все права на него.

Похоже, не следовало их разочаровывать, поэтому она улыбкой выразила свою благодарность.

– А как же я? – взывала Мама. – Идти я не могу! А сидеть в машине в такой день тоже нельзя...

– Что, если я устрою вам поездку в одной из телевизионных передвижных станций? – спросила Карриол. – Таким образом вы первая прибудете к трибуне для ораторов. И сможете занять место рядом с королем Австралии и Новой Зеландии и увидеть его вблизи.

Предложение ей понравилось, но не утешило:

– Ну, Джудит, по чему я не могу поехать к Джошуа? Я не буду мешать, обещаю вам, не буду! Я ведь все эти месяцы вела себя хорошо, слушалась вас. Пожалуйста! Ну, пожалуйста!

– Как только он почувствует себя лучше и сможет покинуть свое убежище. Тогда вы будете рядом с ним, обещаю вам. Потерпите. Я знаю, каково вам. Не волнуйтесь. Честное слово, он в хороших руках.

Уитерс спас ее от дальнейших объяснений с Мамой:

– Доктор Карриол, вездеход ждет. Карриол вскочила. Куда угодно, только подальше отсюда.

– Мне надо идти. Меня хочет видеть Президент.

Произнеся эти магические слова и увидев, какое действие он и произвели на Кристианов, она почувствовала гордость.

Оставалось еще одно дело. Она взглянула на Джеймса, потом на Эндрю. Похоже, теперь, когда Джошуа вышел из игры, именно Эндрю принял на себя роль старшего в семье.

– Нужно объявить высокопоставленным особам, что сегодня Марш пройдет без Джошуа, – сказала она. – Эндрю, было бы лучше, если бы вы пошли со мной и тоже поговорили с ними.

Он тотчас двинулся к ней, но обернулся на Джеймса, Мириам и Маму.

– Марте лучше не участвовать в Марше, – сказал он. – Мэри может отвезти ее сегодня поездом в Холломан.

Джейм печально кивнул.

– Если они подождут здесь пару часов, я, скорее всего, смогу прислать за ними вертолет, – сказала Карриол.

Но Эндрю покачал головой:

– Нет, спасибо, Джудит. Лучше ехать на поезде. Все, что нужно сейчас моей жене, – это посидеть с полдня где-нибудь и убаюкать свое горе. То же самое можно сказать и о моей сестре. Долгая поездка их отвлечет. Единственное, о чем я попросил бы – дайте им машину, чтобы доехать до вокзала.

Глава XII

Карриол могла не беспокоиться: пассажир вертолета, пристегнутый к заднему сиденью, не доставлял хлопот ни конвоиру, ни Билли. Он сидел тихо, свесив голову и закрыв глаза. Не как спящий, а скорее, как тот, кто покорно ждет неминуемого.

Миля за милей... Городки и деревни, пустынные шоссе... Все ближе к морю. Вот болота и реки – серебристые, перистые линии, тянущиеся к морю, и прямые стрелы каналов, тенистые старицы. Случайное рыболовецкое судно, опрокинутое набок, как умирающая лошадь. Запустение. Мир, где есть все, кроме людей.

Они пролетели над Китти Хок, где братья Райт совершили свой первый в истории полет, взмыли над мысом Олбимарл Саунд с длинной и тонкой песчаной перемычкой, сдерживавшей натиск атлантического океана, над огромными пространствами соляных топей. К югу от устья Оригона завиднелся остров, плоский, ромбовидный, густо заросший кипарисами.

Билли сверился с картой, разложенной на коленях, облетел остров, чтобы убедиться, что это – тот самый, и начал отыскивать дом. Дом нашелся на северной оконечности острова, посреди большой опушки. Ярко-зеленая трава, садовые деревья, желтые крапинки нарциссов, должно быть, посаженные еще в те времена, когда нарциссы расцветали в апреле, – и большой серый дом.

Ну и чудной дом, – подумал Билли между делом. Из какого-то серого камня, на крыше – серый шифер. Перед ним большой мощный двор, огороженный высокой стеной, каменной, серой. Билли с любопытством рассматривал усадьбу. Надо же! Чем это они двор так вымостили. Чем-то серым, уложено елочкой... Ладно, солдат потом расскажет. Билли опустил свою «птичку» как можно аккуратнее футах в пятнадцати от деревянных ворот, представлявших собой единственный вход. Можно подумать, строили дом в давние времена и специально так, чтобы выдержал любую осаду.

– О'кей, вот он! – крикнул он, обернувшись к солдату. – Только давайте поживее, ладно? Горючего у меня в обрез.

Рядовой отцепил свой ремень и склонился над доктором Кристианом:

– Сэр! Доктор Кристиан, сэр! Ты на месте! Если я отстегну ремни, вы как, сможете держаться?

Кристиан открыл глаза и мрачно кивнул. Когда его ноги коснулись земли, он оступился, но солдат выскочил следом и не дал ему упасть.

– Ничего, сэр. Вы только минутку постойте здесь. Я вас прислоню. Вы постойте, я ворота открою, ага?

Солдат наклонил голову и вприпрыжку побежал к воротам, попробовал толкнуть их и, довольный, отступил, когда они легко подались. Он вернулся к вертолету и взял доктора под руку и, пригибая спутника к земле подальше от работающего винта, поволок свой груз к воротам.

– Пошевеливайся, ладно? – крикнул вслед им Билли. – Заглушить движок не рискую – заведемся ли. Нам еще до Гаттераса добираться.

Солдат надел шаг. Кристиан послушно плелся рядом. Впереди них вырисовывался тянувшийся через двор сводчатый проход высотой футов в двенадцать, переходивший в короткий широкий тоннель, который вел, очевидно, к дверям. Не сбавляя шага, солдат подвел Кристиана к ступени перед дверью и постучал в нее.

– Эй! – крикнул он. – Эй, там, внутри, мы здесь!

Он положил руку на большую медную ручку, и надавил на нее, дверь открылась. За ней обнаружился длинный широкий холл, очень чистый, пустынный и без всяких украшений, пол был вымощен ромбовидными плитами черного и белого мрамора с маленькими красивыми вставками по углам. Вот ведь дикое место, – подумалось солдату, незнакомому с образцами классической простоты интерьеров.

– Вот удача, док! – сказал солдат и дружески пихнул Кристиана к столику, отчего тот влетел в холл и, споткнувшись о ступеньку, остановился, удивленно оглядываясь.

– Вы только пройдите туда дальше, док, – сказал солдат. – Они там, ждут вас!

Солдат повернулся и изо всех ног бросился обратно через двор, в ворота. Как человек хозяйственный, он задержался, чтобы плотно прикрыть ворота, а потом вскочил в вертолет, который тут же сорвался с места.

– Порядок? – спросил Билли, пока солдат устраивался рядом с ним, готовясь насладиться своим первым и, возможно, последним полетом: их подразделение всегда перевозили на грузовиках.

– Наверно, порядок. Я, правда, не видел никого. Так я ж торопился – не смотрел я...

– Эй, парень, а покрытие во дворе? – крикнул Билли. – Из чего оно, а?

Солдат уставился на него, затем рассмеялся:

– Черт, я так спешил... Когда мне было посмотреть-то!

Вертолет, ревя, летел к Гаттерасу. Под ним, скользя и переливаясь, мерцали прозрачные воды Палмико Саунда.

– Ух ты! – вдруг вскрикнул солдат, показывая вниз. – Черт возьми, вы видите? Там рыба!

Косяк большим темным веретеном скользил под водой – медленнее, чем железная стрекоза над ним, но все же быстро – как будто там, под водой, они слышали шум в небе и удирали от этого прожорливого птеродактиля, готового спикировать вниз, сцапать и сожрать.

Билли и солдат были так заняты, гадая, акулы это или дельфины, или небольшие киты, что не заметили, как одна из огромных лопастей пропеллера ротора оторвалась и с визгом отлетела. Сверкающая капля в небе содрогнулась и упала. Обломок лопасти достиг моря первым, ударил в небольшое суденышко и заставил его закачаться на поверхности воды, как поплавков. Обломок же продолжал свой путь. Он прорезал толщу воды, воткнулся в дно, накренился и лег среди песка и водорослей, вдали от любопытных глаз. Волны плескались. Море будто облизывалось: ни дать ни взять кошка, пообедавшая мышкой.

В холле было очень холодно и так ослепительно чисто, что Кристиан на мгновение зажмурился, а потом посмотрел вверх. Над ним был огромный купол из матового стекла, пропускавшего чистый мягкий свет, стальной каркас купола отбрасывал на пол четкие тени, нарушавшие геометрический узор пола. Лестницы Джошуа не увидел – только четыре арки, соединенные длинной голой стеной, и большие деревянные двери, которые, казалось, почернели от времени. В самом конце холла – белая ниша, и в нем – бронзовая статуя футов в семь, поздневикторианская копия скульптуры Праксителя «Гермес, держащий младенца Диониса» – с лицом прекрасным и загадочным. Бог был прекрасен, но слеп: скульптор не одарил его глазами. На его изогнутой руке сидел ребенок – миленький, пухленький, протягивающий ручонки – и тоже безглазый. Перед ними – небольшой квадратный бассейн с водой цвета аквамарина, в котором плавала одна прекрасная темно-голубая водяная лилия с желтым стебельком и тремя изумрудными листьями.

– Пилат! – позвал доктор Кристиан, его голос прокатился по холлу и отозвался эхом. – Пилат, я здесь! Пилат!

Но никто не вышел. Никто не отозвался. Черные двери не открылись, бронзовые слепцы не шелохнулись, лилия затрепетала.

– Пилат! – закричал он и его собственный голос отозвался, постепенно затихая: – илат!... илат!... илат!

– Почему ты умываешь руки за моей спиной? – грустно спросил он

статую, повернулся и вышел через все еще открытую входную дверь. В тоннеле с арками он огляделся в поисках стражи в латах, сандалиях и шлемах, с пиками наперевес, но и стражники скрывались.

– Вы пря-а-а-а-четесь! – обвинил он и замолчал, немного потоптавшись на месте: – Выходите, выходите, где бы вы ни были! – пропел он, затем захихикал над собой и стал неуклюже приплясывать.

Трусливые legionеры! Они знали, что происходит, потому-то и прятались. Никто не хотел взять вину на себя – ни иудеи, ни римляне. Это трудно. Брать на себя – всегда трудно. Никто и никогда не хотел брать на себя вину. Как всегда, это предоставляли ему. Он должен взять всю вину на себя. Взвалить весь мир себе на плечи и нести его, как крест, на свою Голгофу. И, не дойдя, упасть и умереть под его непомерной тяжестью.

Он прекратил свои пританцовывания и неверной поступью вышел во двор – голый, скучный, просторный, серый. Серыми были его стены, серым – пол, серым – небо над двором. Множество оттенков серого. А, так вот каким был этот мир! Он стоял в самом центре этого мира, и мир был сер и бесцветен на всем протяжении, как печаль, бесцветен как одиночество, серый, серый, бесцветный.

– Я – серый! – объявил этому серому. Серое не ответило. Серое было бессловесно.

– Где вы, гонители мои? – закричал он. Никто не ответил, никто не пришел.

Он брел, спотыкаясь, в своей тонкой шелковой пижаме, потому что никто в Вашингтоне не позаботился дать ему пальто. И засохшая корка крови на его теле цеплялась за ткань и отпадала, и мясо под ней сочилось кровью; его босые ноги оставляли на сером коричневые следы. Следы шли сначала к одной стене, потом к другой, обратно к дому и снова в центр двора, бесцельный поход по спирали на Голгофу, которая висилась над серой пустыней его повредившегося рассудка.

– Я – человек! – возопил он и безутешно заплакал. – Почему мне никто не хочет верить? Я – всего лишь человек!

Он кружил по двору. Туда-сюда. И на каждом шагу громко кричал.

– Я – человек!

Но никто не отвечал ему, никто не приходил.

– Боже мой, Боже мой, почему? – он пытался вспомнить остаток фразы, но не смог, и решил, что и так сойдет: простой-простой вопрос, первый, последний, единственный:

– Почему?

Но никто не ответил.

У стены, в том месте, где она с одной стороны соединялась с домом, был небольшой каменный сарай, его деревянная дверь была закрыта. И именно там внутри, – как он внезапно понял, – все они и прятались. Все до последнего. Иудеи и римляне, римляне и иудеи. Поэтому на слабых ногах он подкрался к сараю, бесшумно отодвинул засов и с победным криком бросился внутрь.

– Я поймал вас, поймал!

Но пуст был и сарай. Только несколько полок и немного инструментов на них, все – совсем новые: несколько молотков и колун, набор стамесок, две пилы, два коротких куса тяжелой цепи, топор, несколько длинных железных рельсовых костылей, горсть гвоздей, моток крепкой веревки, большой карманный нож, неосторожно оставленный раскрытым, еще один моток веревки, потоньше, совсем как бечевка. Здесь были и садовые инструменты, но выглядели они значительно более старыми, со следами починок, оставшихся от тех дней, когда этот дом знал, что такое детский смех. И в дальнем конце, у стены, – шесть или семь деревянных брусьев одинакового размера и формы. Длинной около восьми футов, в фут шириной и шесть дюймов толщиной.

Здесь в былые времена садовник хранил свои сокровища, а владельцы дома держали несколько запасных деревянных брусьев на случай, если понадобится починить причудливое покрытие двора. Потому что двор был вымощен древними деревянными железнодорожными шпалами, их уложили «елочкой», узкой стороной вниз. Это было удивительное покрытие: дерево настолько затвердело, что не гнило, когда служило ложем для рельсов, и если море захлестнуло бы остров во время ужасных штормов, какие налетали разок-другой в столетие, покрытие выдержало бы. И сейчас было видно: соль застыла меж волокон древесины. Так что за все время существования запасные шпалы ни разу не понадобились. Брусья, вырубленные почти двести лет назад, сохранились не так хорошо, ибо не просолились штормами; стоя в сарае, они тронулись гнильцой.

Кристиан пристально посмотрел на брусья и понял. Спутников не дано ему. И нет для него креста – сработанного на совесть римскими воинами. И никто не поможет ему на крест взойти. Он обречен сделать все это сам, один. Молчаливая толпа невидимых обвинителей приговорила: распни себя сам.

Шпалы были ужасно тяжелыми, но он ухитрился сдвинуть их с места. Выволок во двор одну, затем другую, и выложил из них букву Т на деревянном покрытии двора. Потом вернулся в сарай. За костылями, колуном и молотками, топором, стамеской и пилами. Он рассчитывал сбить

шпалы костылями – там, где брусья соединялись. Ничего не получилось: стоило ударить молотком, как брусья разъезжались.

Пять минут он стоял, плача и причитая, хватаясь за волосы, дергая себя за уши, за нос, раздирая пальцами губы.

Потом он надумал расколоть один из брусков в верхней части, вполювину уменьшив его толщину. С помощью большей из пил, он прорезал узкий паз до середины бруса, в футах от торца. Взял молоток и стамеску и сколол древесину. Получалось. Но с топором дело пошло бы быстрее. Он схватил топор, но топор тут же соскочил с топорика, ударился оземь, со звоном отскочив в сторону, и лежал, зияя проухом, будто беззубым, бесстыдно ощеренным, насмехающимся ртом. Быстро не выйдет; путь ему предназначен трудный. Он снова вернулся к молотку и стамеске, откалывая длинные щепки.

Со вторым брусом было труднее: предстояло выдолбить выемку в фут шириной, чтобы вставить потом в нее тонкий конец первого бруса. И ему было больно. Ему было больно. Боль пронзала его под мышки и пах всякий раз, как он ударял по стамеске. Пот жег ему глаза, потрескавшиеся пальцы кровоточили и оставляли следы на свежесколотовой древесине, а пальцы его ног так вонзились в землю, пока он стоял на коленях, что, он знал, – если посмотреть на них – увидишь торчащие кости. Он не смотрел. Не хотел он смотреть.

Но работа – великий целитель. Работа отвлекала его от мысли, от боли, она не позволяла останавливаться на своих обидах, собирала в кучку расползающиеся мысли. Работа – вот величайшее из благ.

Он работал: постанывая, всхлипывая, но преодолевая боль.

Наконец у него получилось два бруса: у одного средняя часть вполювину тоньше, у другого – вполювину тоньше торец. Он положил брус с выемкой на землю, поднял второй, наложил пазы один на другой. Он прочно скрепил шпалы двумя костылями, хотя взмахи молотом отдавались долгими судорогами в каждой мышце – словно он не дерево пронзал железом, а себя самого приколачивал к оси мироздания. Он опускал молот с такой силой, что, закончив работу, обнаружил: костыли прошли насквозь, он прибил свой крест к покрытию. Тогда он заплакал и опустился на колени, раскачиваясь. Но через некоторое время успокоился. У него было мало мускульной силы, но оставалась сила воли, которая была необходима, чтобы идти пешком сквозь метели. Он подобрал топор, вставил его под свой крест и ударил молотом по обуху. Крест отскочил, сдвинувшись на несколько дюймов.

Но теперь, сделав крест, он обнаружил, что его негде воздвигнуть: ни

одного подходящего отверстия в земле. Ни одного надежного места, где он мог бы прислонить крест к стене так, чтобы крест не зашатался под тяжестью человека. Где же, где? В тоннеле с арками, который вел к входной двери, он нашел большой железный крюк, на котором, быть может, в старые добрые времена, когда табачные короли еще процветали, люди подвешивали жаровню или сигнальный фонарь.

Он вернулся к кресту, взял топор, всунул лезвие в место соединения, между костылями. Один удар молотом, и наконечник топора вошел в щель так глубоко, что ни вес человека, ни вес бруса не сдвинул бы его.

Ножом он отрезал кусок толстой веревки, сделал петлю, продернув ее через проушину топора. Завязал ее раз, и два, и еще одним узлом, и за свободный конец веревки поволок свой крест к арке. Веревка врезалась ему в плечо, как тупое лезвие.

Стул. Он не мог делать ничего дальше без стула. В дом, через одну из черных дверей. Здесь была столовая с черным деревянным столом, похожим на стол в трапезной монастыря, вдоль каждой стороны – деревянная лавка без спинки. Слишком тяжелые и слишком длинные; ему не протащить такую через дверь, не развернуть ее в холле. Теперь, когда цель была уже близка, неистовство прошло и силы иссякали.

В пятой комнате он наконец нашел, что искал, – низкий стул без спинки, с очень большим квадратным сиденьем, но высотой всего в пятнадцать дюймов: не хватит, чтобы дотянуться до крюка. Вытащить стул наружу было тяжело, он провозился даже дольше, чем с крестом. Да, силы иссякали. Но теперь он не мог отступить. Бормоча и шатаясь, он призвал на помощь остатки сил. Слезы катились по его щекам, смешиваясь с потом, и попадали в его судорожно распахнутый рот.

В конце концов он установил стул во входе в тоннель, вскочил на него и перебросил конец веревки через крюк.

Крест подвинулся, когда он потянул за веревку, оторвался от земли. Налегая на веревку, он завязал ее узлом, чтобы удержать крест в таком положении и спрыгнул со стула. Он упал – и поднялся, держась за крест.

– Я – человек – прорычал он.

В сарае он взял моток тонкой веревки и несколько гвоздей, и нож. Назад, к кресту! Он вбил по два гвоздя в каждый конец горизонтального бруса, сперва отмерив длину своих вытянутых рук с каждой стороны, чтобы убедиться, что гвозди сожмут с двух сторон его запястья. Гвозди он поотгибал и закрепил между ними веревку.

Еще одно, последнее дело – и все. Все, как две тысячи лет назад и почти в тот же день Гвозди не смогли удержать вес человека, его плоть и

мелкие кости разорвались бы; римляне не делали таких простых физических ошибок. Может быть, они и использовали какой-нибудь гвоздь для прочности, но своих осужденных они привязывали к крестам. Вот и он привяжет себя.

Он снял свою тонкую пижаму. Он напевал без слов. Он торжествовал, потому что доказал невидимым свидетелям: человек способен сделать невозможное. Да, он показал им – Пилату и его чиновникам, высшему духовенству и синоду, всему народу. Пусть смотрят! Пусть увидят, как простой смертный, в ком божественного не больше, чем в любом другом человеке, может пойти на смерть и подготовить ее.

Стоя на земле, он закончил подъем креста. Потом взял веревку и вскочил на стул; крест действительно был пригнан так хорошо, что и подпирать не придется. Края горизонтальной перекладины не уперлись в арку, это хорошо. Он ведь даже не учел, что они могли оказаться слишком длинными. Обошлось; это хорошо. Натянув веревку, он завязал петлю палача, несколько раз обвив веревку вокруг себя, и сделал прочный узел. Но не отрезал лишние шесть футов веревки, которые свисали с конца петли, держащей крест на железном крюке.

Он переставил стул и, встав к кресту лицом, пропустил лишнюю часть веревки под левой рукой, подтянул к передней стороне креста, привязал – очень свободно – к вертикальному брусу, пропустил обратно, но под правой рукой, и завязал на несколько узлов. Теперь на кресте, ниже Т-образного соединения, повисла большая петля.

Он развернулся, прижался к кресту спиной и посмотрел через двор, затем согнул колени и продел голову в веревочную петлю, прочно подложив ее под подбородок перед тем, как затянуть. Раскинув руки, он подсунул кисти рук под бечеву на концах поперечины; петли были слишком слабыми, руки могли выскользнуть, едва он повиснет. Но он обдумал и это: он нащупал бечеву и подтягивал ее, пока она не врезалась ему в кожу, охватив запястья.

– В твои руки предаю я душу свою! – закричал он сильным звенящим голосом и ногой оттолкнул стул.

Тело сразу же тяжело обвисло на петлях. Не так уж и больно! Не больнее, чем при ходьбе. Не больнее, чем поцелуй Иуды Карриол. Снести это куда легче, чем бремя его призвания, долгую печаль земной жизни.

– Я – человек! – пытался он сказать, но будучи человеком не мог этого сделать: веревка перехватила его горло и едва позволяла дышать.

И тут ему показалось, что двор наполнился людьми. Здесь была его мать, такая красивая, которая, стоя на коленях, смотрела вверх на него – в

мраморной печали. Джеймс и Эндрю, Мириам и Марта Мэри. Бедная, бедная Мэри Тибор Ричи и толстяк, в котором он узнал Гарольда Магнуса. Сенатор Хиллер и мэр О'Коннор. И все губернаторы. И Иуда Карриол, улыбающаяся и перебрасывающая серебряный поток наград и почестей с ладони на ладонь Ворота, на которые он смотрел, с грохотом распахнулись, и за ними стояли все мужчины, все женщины, все дети – ах, как мало осталось детей, – люди всего мира протягивали к нему руки, моля, чтобы он спас их.

– Я не могу спасти вас! – сказал он. – Никто не может спасти вас! Я лишь один из вас я – человек. Всего лишь человек. Спасите себя сами! Сделайте это, и вы выживите.

Сделайте это, и род человеческий будет жить всегда!

Последним осмысленным словом было «всегда!».

Его убила не веревка на горле, его убила тяжесть собственного тела: слабея, он так налег грудью на веревку, что легкие не могли вытолкнуть использованный и отравленный воздух. Он умер тихо, будто уснул: серый человек на сером кресте в тесном сером углу большого серого поместья.

Серо заморосил дождь и смыл кровь с его тела, и его бесцветная, серая кожа заблестела от влаги.

На острове он пробыл ровно три часа.

Глава XIII

Последний этап Марша Тысячелетия начался в пятницу, ясным майским утром. Во главе огромной процессии шли Эндрю Мириам и Джейм. Они двинулись от лагеря к шоссе под напутствие официальных лиц и военных чинов. Никого, казалось, не удивило и не встревожило отсутствие самого Джошуа Кристиана. Этому в немалой степени способствовал сенатор Дэвид Симз Хиллер, который, сверкая белозубой улыбкой, шествовал совсем один сразу за родными Кристиана и чуть впереди остальных. По пути к ним присоединялись все новые и новые толпы людей. И каждый раз то ли вздох то ли стон проносился над толпой, ибо при всей торжественности этого кульминационного момента без доктора Джошуа это было совсем не то, чего они ждали.

Потом, когда события того дня уже отошли в прошлое, Мама с гордой улыбкой утверждала, что именно она возглавила последний этап Марша века, поскольку в это время находилась в правительственном фургоне. Правда, ехал он на малой скорости впереди процессии, и из него можно было видеть только ноги полицейских из почетного оцепления.

Доктор Джудит Карриол прибыла в Белый дом ровно в восемь утра и была немедленно препровождена в Овальный кабинет. Президент Тибор Ричи сидел перед телемониторами. Ровно в полдень процессия должна была подойти к специально для этого случая сооруженному постаменту из белоснежного вермонтского мрамора, и Президент мог позволить себе не торопиться: до выезда из Белого дома оставалось еще более трех часов.

– Извините, господин Президент, я наверное, пришла слишком рано, – проговорила Джудит, отыскивая глазами Гарольда Магнуса. Но Президент был один.

– Да нет же, вы пунктуальны, как всегда, доктор. Или мне будет позволено называть вас просто Джудит?

Она вспыхнула, с хорошо разыгранным смущением – и, как ей показалось, очень грациозно – всплеснула руками, выражая свое полное согласие. Как ни странно, в ее жесте не осталось ничего похожего на зловещую грацию змеи.

– Для меня это честь, Господин Президент, – сказала она почтительно.

– Гарольд опаздывает, – заметил Ричи. – Вероятно, из-за приближающегося шествия. Мне докладывают, что на улицах такие толпы... Проехать на машине просто немыслимо. А представить себе

Гарольда Магнуса, добирающегося пешком... – его лицо, обычно скорбное, как лица христианских мучеников с картин ранних прерафаэлитов озарилось озорной улыбкой.

– Да, тут я с вами вполне согласна, – с готовностью отозвалась она.

Осложнения с Кристианом сейчас отошли для нее на задний план. Джудит упивалась выпавшей ей удачей. «Спасибо судьбе, сделавшей так, что Гарольд опоздал, – думала она. – Иначе, пожалуй, побыть наедине с Президентом не удалось бы. И мне нравится этот человек, действительно нравится! Господи, отчего Джошуа лишен бесстрастности и здравого смысла, которые есть у этого человека. Ведь внешне они так похожи. Хотя что верно, то верно: людям, вроде Тибора Ричи, проживи они хоть сто лет, не дано достичь такого единения со своим народом, как это удалось Джошуа. И вообще – что тут сравнивать..»

– Как великолепно все получилось, – с воодушевлением продолжал Президент. – Это самое значительное и знаменательное событие в моей жизни. Величайший дар судьбы, что это произошло именно во время моего пребывания на посту президента.

Когда он был взволнован, то в его речи сразу начинали чувствоваться интонации его родного штата – Луизианы. Сейчас он говорил как типичный южанин. Калифорнийский выговор, который он с успехом усвоил, стараясь во время предвыборной кампании набрать как можно больше голосов, исчез совсем.

– Президенту Америки оставлено так мало возможностей выразить свою благодарность людям, которые оказывают ему и нации неоценимые услуги, – говорил он, – Джудит, дорогая, я не могу, как это сделали бы в Австралии, изобрести специально для вас новый титул. Не могу подарить вам виллу или оплатить вам отдых на фешенебельном курорте, как это сделали бы русские. Наши железные законы о государственной службе не позволяют даже, минуя несколько ступеней, сразу предложить вам высокий пост. Но я благодарю вас, благодарю от всего сердца и искренне надеюсь, что вы не сочтете это малостью, недостойной вас лично.

Его темные, глубоко, как у Джошуа, посаженные глаза выражали нечто, близкое к восхищению.

– Я просто выполняла свою работу, господин Президент. Мне хорошо платят и я люблю свое дело.

О, господи, какие еще банальные слова следует произносить в таких случаях? И куда, черт его возьми, подевался Магнус?

– Присядьте же, дорогая моя. Похоже, вы совсем измучилась. Хотите чашечку кофе?

– Честно говоря, сэр, сейчас мне это нужно больше, чем любой титул.

И он сам – сам! – принес и поставил перед ней маленький поднос с молочником, сахарницей и кофе в большой чашке китайского фарфора. Она с жадностью выпила все и хотела попросить еще, но не решилась.

– Я с большой симпатией отношусь к доктору Кристиану, – продолжал Тибор Ричи. – Расскажите, что с ним происходит? Чем он болен?

Она рассказала ему только то, что посчитала нужным – гораздо меньше, чем Магнусу. С тем она была откровенна почти полностью. Но и того, что она рассказала, было достаточно, чтобы Ричи встревожился, – правда, скорее, как человек, а не как Президент.

– Джошуа был у меня как раз перед выпуском «Божьего проклятия». Надо сказать, я не припомню, когда еще я проводил время так приятно, как в тот вечер, с ним. Это настоящий человек! Тогда мне как раз предстояло принять несколько труднейших решений, и он мне очень помог. Только в одном случае он воздержался от ответа. И это было мудро с его стороны. В том случае выбор должен был сделать я сам и никто другой. Что же касается моей дочери... Тут он рекомендовал именно тех специалистов, которые сумели ей помочь. Это поистине перевернуло всю ее жизнь. Ей теперь несравненно лучше.

«Так вот, оказывается, в чем было дело! Поразительно, что она догадалась... Зря изводила бедолагу Моше Чейзена! А скучища, которую она испытывала всякий раз, назначая свидания с Гарри Маннерингу?! Так тебе и надо, Джудит Карриол! В следующий раз будь догадливей!»

– Да, в этом весь Джошуа, – сказала она.

– Помнится, когда вы сами предложили его на роль Мессии, вы дали понять, что очень близки с ним. Понимаю, как тяжело вам сейчас: и его болезнь, и ответственность за Марш... Отчего вы не сказали мне утром, что хотели бы сопровождать доктора на лечение? Я бы понял и отпустил вас.

– Сейчас, сэр, я знаю, что вы бы так и поступили. Но в тот момент... Все происходило так быстро... Но он в надежных руках, к тому же прямо отсюда я вылетаю к нему, – и она подняла на Президента глубокие, загадочные глаза.

Он кашлянул, переменил позу так, чтобы лучше видеть мониторы. Она тоже перевела взгляд на экран. Некоторое время они сидели молча, наблюдая за толпами, двигавшимися по празднично убранному, залитым солнцем улицам Вашингтона. Магнус все не появлялся.

В девять его все еще не было. Похоже, что-то случилось. Доктор Карриол решительно встала, Президент вопросительно посмотрел на нее.

– Извините, сэр, но я хотела бы сама пройти в Департамент окружающей среды. Это не похоже на мистера Магнуса – опаздывать, не поставив в известность заранее.

– Я позвоню, – предложил Ричи. Он не собирался сообщать ей о том, что в четыре утра Магнус был мертвецки пьян.

– Нет, сэр, не утруждайте себя. Я сама. Она чувствовала: что-то стряслось. Что-то очень серьезное.

Вокруг Белого дома было не протолкнуться: ждали выхода Президента. Она с трудом добралась до правительственной вертолетной площадки и распорядилась, чтобы ее доставили к Департаменту и желательно как можно ближе ко входу в здание. Пилот почесал в затылке, но посадил машину посреди улицы, прямо перед входом. Сделал он это с предельной осторожностью. К счастью, сегодня здесь было особенно мало пешеходов.

По случаю Марша были объявлены самые длинные каникулы в истории страны, поэтому Департамент, разумеется, не работал. Однако, поднявшись в Сектор № 4, она застала коротышку Джона Уэйна на обычном месте и погруженным в дела.

– Джон! – крикнула она, сбрасывая пальто. – Вы знаете, где мистер Магнус?

– Нет, – ответил он, недоуменно.

– Пойдемте со мной в его кабинет. Он должен был быть у Президента еще час назад – и не появился.

За столом, где обычно сидела миссис Тавернер, никого не было. Яростно, но молчаливо мигал телефон. Мистер Магнус терпеть не мог звонков, поэтому телефон был переключен на световые сигналы. Без сомнения, это тоже пытались связаться с Магнусом из Белого дома.

– Отыщите миссис Тавернер – кажется, за этим кабинетом у нее маленькая комната для отдыха. Наплюйте на хороший тон и загляните прежде всего туда, – бросила она на ходу Уэйну и открыла дверь в кабинет Магнуса.

Похоже, что несмотря на сильное опьянение, Магнусу ночью удалось каким-то образом перебраться из-за стола на удобный, мягкий диван. Там он и остался. Лежал на спине, одна нога свешивалась с дивана: громадный толстый младенец, сопящий, слюнявый, только лицо дряблое, раскисшее.

– Мистер Магнус! Мистер Магнус! – кричала она, тряся его за плечи. Содержание сахара в его крови, видимо все-таки несколько снизилось с тех пор, как Карриол видела его в последний раз, и все-таки ей понадобилось не менее двух минут, чтобы разбудить его. Наконец, веки дрогнули и

зеленые, как крыжовник, глаза бессмысленно уставились на нее.

– Да проснитесь же, Магнус! – чуть ли не в двадцатый раз произнесла она, с трудом сдерживая ярость.

Постепенно взгляд его сделался более осмысленным: во всяком случае, он, кажется, начал ее узнавать.

– Черт! – вдруг простонал он, пытаясь сесть, – Господи, как мне худо! Сколько сейчас времени?

– Девять тридцать, сэр. На восемь у вас была назначена встреча с Президентом. Он все еще ожидает вас, но, думаю, его терпение вот-вот лопнет. Тем более, что через два часа, ровно в полдень, как и было задумано, завершается Марш и Президент покинет Белый дом, чтобы быть вместе с народом...

– Черт, черт, черт! – всхлипывал Магнус, хватаясь за голову, – принесите мне кофе! Где Хелена?

– Понятия не имею.

Тут прибыл Уэйн с донесением, где и в каком виде он обнаружил миссис Тавернер. Джудит велела ему принести кофе; она стояла, скрестив руки на груди, и насмешливо наблюдала, как ее начальник, сидя на краешке дивана, растирает ладонями свои заросшие щетиной щеки – да с такой силой, что пальцы утопают в складках жира.

– Плохо себя чувствовал, – бормотал он, – так странно... Отключился... и все. Никогда раньше такого не случилось, даже когда крупно перебирал.

– Есть у вас здесь чистое белье, свежий костюм? Хоть что-то презентабельное? В чем вы на торжество пойдете?

– Вроде бы есть, – проговорил он и зевнул. Глаза его слезились. – Ох, надо сосредоточиться, а не могу.

Джон принес кофе.

– Как там миссис Тавернер?

– В порядке. Правда, думает покончить с собой. Все время твердит, что с ней еще никогда такого не случилось в рабочее время.

– Передайте, что я ей глубоко сочувствую и что нет такого шефа и такой работы, ради которых стоило бы думать о самоубийстве. Отправьте-ка ее домой.

Джон вышел, а Карриол налила кофе и передала Магнусу. Кружку он опорожнил в два глотка и потребовал добавки. На сей раз он пил медленнее.

– Господи, ну и денек! Я все еще не очухался.

– Бедняжечка! – саркастически воскликнула Карриол. – А вы хоть

знаете, что миссис Тавернер тоже потеряла сознание и у нее, смею заверить, было на то куда больше оснований. Разве можно так бессовестно эксплуатировать женщину? Вы ее так в гроб вгоните!

В это время в дверь постучали, и на пороге показалась миссис Тавернер собственной персоной: за десять минут она успела привести себя в полный порядок.

– Благодарю вас, доктор Карриол, – сказала она, – мне и правда лучше бы домой... Если можно. Вот только как с тем списком специалистов и оборудования, который вы передали мне вчера вечером?

Лицо Карриол, и без того бледное, сделалось мертвенно-бледным. На какой-то момент миссис Тавернер показалось, что с главой Сектора № 4 случится удар: тело ее неестественно выгнулось, глаза почти закатились, из оскаленного рта вырвались странные, пугающие звуки. Но уже в следующий момент Карриол подскочила к дивану, где все еще восседал Магнус. С непонятно откуда взявшейся силой подхватив под мышки личного секретаря Президента, она поставила его на ноги и яростно встряхнула:

– Остров Покахонтас! Врачи!

На этот раз он сразу понял, о чем идет речь.

– Господи, Джудит! Я совсем забыл! Я... не сделал! – в ужасе воскликнул он.

Карриол повернулась к миссис Тавернер:

– Найдите немедленно Джона и сами никуда не отлучайтесь. Надо действовать.

Она отмахнулась от Магнуса, как от назойливого комара, и кинулась к телефону. Прежде чем миссис Тавернер успела выйти из кабинета, Карриол поручила ей срочно связаться с дежурным администратором больницы. Сама она набрала телефон президентской летной бригады.

– Говорит доктор Карриол. Где Билли?

– Еще не прибыл, мэм, – ответили ей. – На связь тоже не выходил. Мы запрашивали – не отвечает.

У нее стучало в висках. Или это сердце – сердце, которое от страха переместилось черт-те куда? Она услышала свой собственный голос:

– Сегодня утром в шесть тридцать я послала его со специальным заданием. Он должен был вернуться самое позднее к восьми тридцати. Правда он предупредил, что должен будет дозаправиться...

– Это нам известно, мэм. Знаем, что задание секретное. Но поскольку он захватил карты всех курсов между Вашингтоном, Гаттерасом и Райли, то мы искали его на заправочных станциях, в этом районе. Пока он не

объявился ни на одной. С другой стороны, сигналов SOS сегодня никто не принимал и информация о неполадках при взлете или посадке тоже не поступала. Остается предположить, что он застрял в пункте назначения с пустым баком и неисправным радиопередатчиком.

– Скорее всего, он решил сначала выполнить мое поручение, а дозаправится потом. Если запас горючего у него кончился в воздухе, это ему не помешало бы спокойно приземлиться; так ведь? Насколько я помню, такое уже было однажды несколько месяцев назад, когда он летал за нами в Вайоминг.

– О, да, разумеется! В этих машинах самое ценное, что они могут сесть практически везде. Тем более, что Билли прекрасно знал – бензина у него мало. Это не застало бы его врасплох.

– Спасибо. Значит, будем считать, что он действительно задержался не в пути, а в месте назначения. Там нет ни души. Нет, естественно, и телефонной связи. Так что, если у него вышел из строя передатчик, то ему с нами не связаться, – она с ненавистью посмотрела на Магнуса. – Спасибо. Если получите весточку, держите меня в курсе. Я в кабинете генерального секретаря Департамента окружающей среды. Нет, нет, не кладите, пожалуйста, трубку. Мне срочно нужен вертолет, способный взять около десяти человек и несколько сот килограммов медицинского оборудования. Повторяю: срочно. Не кладите трубку, я жду.

– Это невозможно, мэм, – последовал ответ. – По личному приказу Президента все имеющиеся в наличии вертолеты уже распределены для перевозки персонала из администрации Президента на Потомак, к началу церемонии.

– Плевать на персонал и на церемонию тоже! Добудьте вертолет!

– Только по личному распоряжению Президента, – последовал лаконичный ответ.

– Вы его получите, а теперь пошевеливайтесь!

– Слушаюсь, мэм! – в растяжку и чуть насмешливо ответили ей.

На телефоне уже мигал сигнал: звонили из клиники. Она тут же передала трубку Магнусу:

– Разбирайтесь сами. Это ваши проблемы, – сказала она и перешла в другой кабинет, оставив Магнуса уточнять с клиникой список специалистов.

Карриол же попросила срочно связать ее с Президентом.

– Неприятности, Джудит? – услышала она.

– Да, и серьезные, господин Президент. Ситуация чрезвычайная. Доктор Кристиан оказался один на острове Покахонтас без всякой

медицинской помощи, которая должна была быть ему оказана еще вчера. Ваша вертолетная бригада отказывается предоставить мне транспорт для доставки на остров врачей и медицинского оборудования. Все вертолеты заняты для сегодняшней церемонии. Могу я вас попросить лично переговорить с командиром и подтвердить, что дело действительно не терпит отлагательства?

– Подождите, пожалуйста.

Она слышала, как он отдает кому-то распоряжения. Потом Ричи спросил:

– Как же это могло произойти?

– Похоже, после того, как я поздно ночью распрощалась с господином Магнусом, у него начался сердечный приступ. Вероятно, произошло это еще до того, как мистер Магнус успел распорядиться насчет медицинской помощи. Господи, я боюсь, что говорю очень путано, но, надеюсь, вы понимаете, о чем речь. Я вылетаю с медицинской бригадой немедленно. Почти наверняка там, на Покахонтасе, возникли какие-то непредвиденные осложнения, потому что пилот вертолета, на борту которого должен был вернуться доктор Джошуа, не связывался с базой с тех пор, как вылетел из Вашингтона в шесть тридцать утра.

– Так значит у Гарольда был сердечный приступ? – в голосе Президента ей послышалась легкая ирония. Или только почудилось?

– Он потерял сознание у себя в кабинете, сэр. Я уже договорилась с клиникой. Сейчас они пришлют скорую.

– Бедняга Гарольд! – на этот раз не оставалось сомнений: голос был явно насмешливый. – Ох уж этот Гарольд!

– Спасибо за все, господин Президент.

Закончив разговор, она вернулась в кабинет Магнуса, чтобы убедиться, что переговоры с клиникой закончились успешно.

– Ну вот, теперь, кажется все в порядке! – воскликнул Гарольд. К нему постепенно возвращалась обычная беззаботность.

– Э, нет, милейший, – ледяным тоном проговорила Джудит. – Я только что спасла вас, заверив Президента, что сегодня утром вас хватил сердечный приступ – ничего серьезного, разумеется, но все же... все же будьте любезны, постарайтесь, чтобы у вас был достаточно болезненный вид, когда вас повезут в клинику.

Лицо Магнуса приняло зеленоватый оттенок, будто он и вправду почувствовал себя плохо.

– Но я не увижу тогда короля Англии! – жалобно воскликнул он и тут же грозно сдвинул брови. – О чем это вам приспичило толковать с

Президентом по прямому проводу, а?

– У меня не было выхода, пилоты не давали вертолет для медиков, понадобилось вмешательство Президента. Вот и пришлось информировать непосредственно его о том, что план сорвался. И не по моей вине, а, извините, по вашей. И вот вам наказание: в торжественной церемонии вы не участвуете.

Направляясь к выходу мимо остолбеневших от изумления миссис Тавернер и Джона Уэйна, она подумала: и впредь больше никогда этот Гарольд Магнус не посмеет отнять у нее машину и заставить ее мерзнуть в ожидании автобуса.

Было уже одиннадцать тридцать, когда армейский вертолет поднялся с площадки возле правительственной клиники. На его борту были доктор Джудит Карриол, специалист по сосудистым заболеваниям доктор Чарльз Миллер, хирург-пластик доктор Игнасиус О'Брайен, терапевт доктор Самуэль Финштейн, специалист по обморожениям Марк Амплфорт, анестезиолог Барни Уиллиамс, психиатр Гораций Персий, а также медицинские сестры – мисс Эмилия Массимо и миссис Ларлайн Браун. Каждый из них считался лучшим в своей области и все имели допуск к секретной работе.

Перед отлетом доктор Карриол кратко обрисовала им ситуацию и поблагодарила за то, что все они согласились пожертвовать своим драгоценным временем. Она сказала, что, хотя состояние доктора Кристиана вызывает серьезные опасения, она надеется, что лишь двоим или троим из них придется задержаться там, куда они летят, более чем на сутки. Тем же, кто вынужден будет остаться, – сказала она со слабой улыбкой, – в качестве компенсации за потраченное время будет гарантирован бесплатный полет на Палм Спрингс и отдых под калифорнийским безоблачным небом в течение нескольких недель. Продукты и все прочее перебросят на Покахонтас вертолетом, обслуживающий персонал туда допущен не будет. Военный летчик, который поведет вертолет, запустит дизельный генератор. Суточный запас еды загружен в контейнеры, равно как и необходимое медицинское оборудование, больничная койка и несколько канистр с горючим на случай, если на острове его нет.

Они летели тем же курсом, что и Билли всего несколько часов тому назад. Пилот и Карриол внимательно всматривались в проносящуюся под ними землю, стараясь не пропустить следов возможной аварии. Однако вскоре после вылета небо стало затягиваться облаками. Впрочем, для

высоты, на которой летел вертолет, они были не опасны. К тому времени, когда впереди по курсу показался остров Покахонтас, почти не оставалось сомнений, что вскоре они увидят и Билли, и его «птичку» на земле.

Тем сильнее было их удивление, когда, покружив над островом, они не обнаружили никаких следов вертолета. Пилот пожал плечами:

– Ничего не понимаю, мэм. Похоже, что они здесь и не приземлялись.

Он кружил как раз над тем местом, где посадил свою машину Билли.

– Посадите машину, – резко сказала Карриол. – Я хочу осмотреть все сама.

Была уже половина первого: тяжелому армейскому вертолету понадобилось больше времени, чтобы добраться сюда, чем легкой машине Билли.

– Бьюсь об заклад, что генератор вон там, на опушке под навесом, – заметил пилот, указывая на участок, который находился футах в четырехстах от дома. – Генераторы – штука шумная, особенно если нет ветра или он задует не с нужного направления. Пожалуй, сначала пусть все выгрузятся, тогда уж я туда пойду. А то почва здесь топкая и понтонов я не захватил.

– Спасибо, что в нарушение всех правил вы захватили дизель.

– Президент разрешил, так что я здесь ни при чем.

Команда медиков быстро и довольно ловко справилась с разгрузкой, после чего поднял машину на малую высоту и завис над навесом, под которым находился генератор.

Все выжидающе смотрели на Карриол. Она шагнула вперед, откинула деревянную щеколду в калитке и с силой распахнула ее створки.

– Да, в прошлые годы тут, наверное, малярия погуливала вовсю, – заметил доктор Амплфорт. – И кому это пришло в голову построить дом в таком месте?

– Насколько я помню, малярия свирепствовала на всем восточном побережье до самого Массачусетса. И ничего, люди как-то приспособлялись, что до меня, мне кажется, что это совсем неплохое место для дома: подумайте только, здесь можно чувствовать себя единственным владыкой вселенной.

Она шла чуть впереди остальных. Карриол уже пересекла двор, направляясь к дому. Остальные неуверенно двигались вслед за ней, ощущая смутную тревогу, потому что не совсем понимали, зачем их, собственно, сюда привезли. Джудит почти подошла к дому, когда вдруг поняла, что находится прямо перед ней и замерла на месте.

– Господи боже мой! – послышался чей-то возглас.

Как слепая, она снова медленно двинулась вперед.

Когда до двери оставалось не более восьми футов, она остановилась снова, широко раскинула руки, чтобы не подпустить никого ближе и сказала:

– Прошу вас, дальше не надо...

Тело его находилось так близко от земли, что его истерзанные ноги, с остро проступившими костями почти касались земли. Только веревка, врезавшаяся ему в шею подбородком да пальцы рук, все еще крепко вцепившиеся в веревочные петли вокруг запястий, удерживали его на весу. Лицо было склонено, и веревка, будто стремясь помочь ему найти опору, так глубоко врезалась в шею, что петля находилась где-то на уровне ушей. Глаза его были полуоткрыты и казалось, что он что-то рассматривает у себя под ногами. Видимо, он умер раньше, чем петля натянулась, поэтому и лицо его не было искажено, как это случается обычно с висельниками; глаза не вылезли из орбит и губы не распухли. Рот был слегка приоткрыт. Смерть, скорее всего, наступила оттого, что воздух перестал поступать в легкие. От недостатка кислорода его кожа приобрела цвет потемневшего от времени дерева. Даже кровоподтеки были почти незаметны.

Пройдет не одна неделя, прежде чем доктор Карриол будет в состоянии разобраться в тех чувствах, которые вызвало у нее это зрелище. В тот же момент, когда она стояла не двигаясь посреди двора, она осознавала только одно: абсолютную точность, с которой повторились события далекого прошлого. Отсутствовали лишь некоторые малозначимые детали.

– Прекрасно, Джошуа! – проговорила она и улыбнулась. – Исполненно просто безукоризненно! О лучшем завершении операции Мессия нельзя было и мечтать.

Одна из медицинских сестер негромко плакала; другая, чернокожая, опустила на колени. Остальные ошеломленно молчали. И в полной тишине прозвучал голос доктора Карриол:

– Иуда? – произнесла она раздумчиво и удивленно, будто пробуя это имя на вкус. – Да, есть вещи, которые нельзя ни изменить, ни предотвратить. Ведь я действительно обрекла тебя на крестную муку.

В Вашингтоне к этому времени тоже все уже было завершено. Марш Тысячелетия закончился настоящими римскими каникулами: около двух миллионов людей, заполнивших улицы и парки Вашингтона и Армингтона пожимали друг другу руки, обнимались и плакали, танцевали, пели, целовались. На берегу Потомака для встречи семьи Кристианов собрались

Президент, сенаторы, мэр Нью-Йорка, губернаторы штатов, главы религиозных концессий и прочие важные чины. С мраморного возвышения, на котором должен был бы стоять Кристиан, Президент обратился с речью к народу. После него говорил король Австралии и Новой Зеландии, премьер-министр Индии, премьер Китая и главы других государств. Каждый из них был достаточно краток, чтобы не надоесть публике. Все они выразили свою благодарность доктору Джошуа Кристиану за надежду, которую он подарил людям; все восторгались энтузиазмом и воодушевлением, которые вызвал Марш; все превозносили Господа Бога и друг друга.

Около часу дня влиятельные люди штата, крупные политики, кинозвезды и прочие знаменитости собрались под специально воздвигнутым возле музея Линкольна паланкином, чтобы слегка подкрепиться перед тем, как разойтись на отдых; вечером должен был состояться торжественный Бал Тысячелетия. В этот момент к Президенту подошел один из поручителей, отвел его в сторону и что-то тихо ему сказал. Те, кто находился поблизости, заметили, как Президент изменился в лице и, казалось, хотел что-то сказать, но передумал и просто кивнул головой. После этого он еще какое-то время беседовал с Его Величеством Королем Англии, после чего незаметно удалился. В Белом доме он ждал возвращения доктора Карриол.

Она прибыла вскоре после двух: получив сообщение, Президент распорядился выслать за ней самый скоростной вертолет.

Когда она вошла в Овальный кабинет, он был поражен ее полным спокойствием. Потом, когда он узнал ее ближе, он пришел к выводу, что она воистину неординарная личность: женщина, не позволяющая себе впадать в панику; не любит выставлять свои чувства напоказ, и самое главное, гордится не столько своей внешностью, сколько умом. Она стала все чаще занимать его мысли: ведь она была непохожа на Джулию, с которой Ричи, сам того не замечая, ее постоянно сравнивал.

— Присядьте, Джудит. Неужели это правда? Он действительно умер?

Она провела ладонью по лицу. Рука ее дрожала.

— Да, господин Президент, мертв.

— Но что произошло?

— Из-за болезни мистера Магнуса медицинская бригада не была отправлена вчера на Покахонтас. Наверное, те, кто доставил доктора Кристиана на остров, не знали, что там нет ни души. Вероятно, вертолет улетел, потому что на острове мы его не обнаружили: Билли и человек, сопровождавший доктора, и сама машина просто испарились, исчезли. Уже

два часа береговой патруль, военные и летчики ищут их, но пока не обнаружили никаких следов. Такое впечатление, что... что их поглотила земля, – она невольно вздрогнула; первый – и единственный раз Президент увидел, что и Джудит не всегда владеет собой.

– Машина могла упасть в море, – успокаивающе заметил он.

– Тогда на воде осталось бы масляное пятно. И потом по курсу больших глубин нет, машину было бы видно с воздуха. И облачность была незначительной, вертолеты же идут низко над землей, это не реактивный самолет, который легко может сбиться с курса. Перед тем, как отправиться с базы, Билли взял с собой все маршрутные карты. Вы же знаете его, сэр: самый опытный из пилотов...

– Да.

– Вертолет исчез, говорю я вам.

Президент почел за лучшее отвлечь Карриол от мыслей о пропавшем вертолете. К тому же, он хотел поставить точку еще в одном деле.

– Так значит, из-за доктора Магнуса, из-за его, так сказать, сердечного приступа, Кристиан был лишен своевременной медицинской помощи и погиб?

Карриол подняла голову и взглянула на Ричи. Ее глаза странно блестели – но не от слез.

– Доктор Джошуа Кристиан, – произнесла она торжественно, – был распят.

– Что? Как распят?

– Точнее, он сам себя распял. Президент побледнел. Его губы беззвучно шевелились. Он хотел задать сотни вопросов, но что-то случилось с голосовыми связками. Наконец он прошептал:

– Во имя всего святого, объясните, как он смог это сделать?

Она пожала плечами:

– У него явно было психическое расстройство. Я поняла это еще в тот день, когда прибыла в лагерь, чтобы перевезти его на Покахонтас. Первые симптомы я заметила уже давно. Пожалуй, через месяц после выхода в свет его книги. Потом они стали проявляться все сильнее. Но я считала, что на острове он под наблюдением медиков, и оснований для беспокойства нет. Не хочу сказать, что он был психически ненормален, скорее всего, это было нервное расстройство, вызванное переутомлением, переохлаждением, воспалением легких... и так далее. При нормальном течении событий он, думаю, вскоре оправился бы от депрессии и восстановил здоровье. Все, что ему было нужно – это длительный отдых в теплом климате.

– Но что же все-таки произошло?!

– Прибыв на остров, он оказался в полном одиночестве. Он соорудил крест из стальных шпал – инструменты были раскиданы по всему двору. Такими шпалами вымощено все пространство перед домом. Мы нашли кучу щепок на том месте, где он подгонял балки друг к другу. Он не мог сам себя прибить, поэтому сам себя привязал: вдел голову и руки в веревочные петли и оттолкнул табурет, на котором стоял. Он умер от того, что воздух перестал поступать в легкие; кстати, от этого погибало большинство распятых в те времена, когда существовал такой вид казни.

У Президента был вид глубоко потрясенного человека. Он действительно был ошеломлен: образ, который ему рисовала.

Карриол, не имел ничего общего с тем Джошуа Кристианом, в обществе которого он провел один из приятнейших в своей жизни вечеров. С тем Кристианом, который остроумно шутил, с удовольствием пил коньяк, цитировал Киплинга, наслаждался сигарами – словом, вел себя как вполне нормальный человек.

– Но это же святотатство! – воскликнул он возмущенно.

– Да отнюдь нет, пожалуй, святотатство предполагает вполне осознанное желание поиздеваться. Доктор же был уже абсолютно невменяем. Воображать себя Иисусом Христом – весьма распространенная идея-фикс среди психически неуравновешенных людей. Само его имя – Джошуа Кристиан, что значит Иешуа – восторженное поклонение, которым он был окружен, – ведь некоторые и впрямь видели в нем Бога – все это естественно фиксировалось в его сознании, и когда психика его оказалась настолько нарушенной, что он утратил ощущение реальности, то вполне естественным образом соотнес себя с Христом. Непостижимо другое – как он сумел осуществить это... распять себя. Ведь он был на пределе сил. Он столько времени провел за Полярным Кругом... Ходил пешком, общался с людьми, как Иисус Христос. Он ведь и правда был добр, как Иисус.

Смысл того, о чем хотела сказать Карриол, вдруг дошел до Президента. Он почувствовал, как на лбу у него выступает холодный пот:

– Что сделали с телом? – отрывисто спросил он.

– Конечно, сняли с креста.

– А сам крест?

– Убрали под навес. Там сложен целый штабель таких же шпал. Доктор Кристиан оттуда их и брал. Мы просто положили их обратно.

– Где сейчас тело?

– Я приказала, чтобы его, соблюдая секретность, переправили в морг клиники. Доктор Марк Амплфорт, официально являющийся руководителем бригады медиков, ожидает ваших распоряжений.

– Сколько человек видело его там? – выражение легкой брезгливости промелькнуло на его лице и исчезло. В конце концов, этот человек всегда вызывал у него симпатию и уважение. – Кто видел его на кресте? – повторил Президент.

– Только члены медицинской бригады и я, господин Президент. К счастью, я успела до этого отослать пилота, чтобы он проверил генератор. После того, как мы обнаружили доктора Кристиана, я попросила летчика остаться возле машины.

– Ему известно, что доктор Кристиан мертв, но он не знает точно, как тот умер.

– Где сейчас члены медицинской бригады? И кто они такие?

– Все они из правительственной клиники. Все занимают высокие должности. Все засекречены.

– Что, по-вашему, следует предпринять?

Доктор Карриол спокойно наблюдала за тем, как Президент мучительно ищет выхода. Она знала, что уничтожать всех медиков он не станет. Никто, будь он сам Президент Соединенных Штатов, не может безнаказанно умертвить десять видных специалистов. Как бы тонко ни была разработана подобная операция, в округе Коллумбия всегда найдутся люди, которые сразу почуют, что дело нечисто. К тому же многолетнее общение Карриол с чиновниками, близкими правительственным кругам, научило ее с известной долей скепсиса относить к слухам об убийствах, будто бы имеющих место в высоких сферах. Она не верила, что такое возможно – тем более среди политиков. Эти люди слишком боялись за свою собственную шкуру, за свою карьеру, чтобы идти на такой риск. А убийство – всегда риск. Нет, Тибор Ричи не думал об устранении нежелательных свидетелей – и тут она оказалась абсолютно права. Он размышлял о том, можно ли скрыть сам факт чудовищной смерти доктора Кристиана. И если можно, то как.

Тибор принял решение избрать тактику полного умолчания об обстоятельствах смерти Джошуа. «Ну и прекрасно», – подумала Джудит с облегчением. Такая линия поведения была самой разумной. Ричи пригласит к себе в Белый дом всех участников полета – якобы для того, чтобы поблагодарить их за героические, хотя и оказавшиеся тщетными, усилия спасти жизнь доктора Кристиана, и во время беседы потребует от них сохранения строжайше тайны. Правда, она сомневалась, что время работает на них. Скорее всего, наоборот. Хотя рассказ о том, как умирал доктор, потряс Президента и, судя по всему, вызвал у него отвращение, он вряд ли ясно представил себе, как это все выглядело на самом деле. Ужас пройдет.

Шоковое состояние – тоже. Но вряд ли кто-либо из свидетелей сможет забыть эту картину. Зрелище распятого Джошуа будет преследовать их всю жизнь, до последнего вздоха.

К этому времени, когда Президент примет их у себя и призовет к молчанию, они наверняка уже проговорятся. Не начальству и не коллегам. Они наверняка захотят поделиться пережитым с близкими, с теми, кто им дорог, это неизбежно: человек не может долго носить в себе такое.

Тибор Ричи уже сумел справиться с собственными эмоциями. Теперь он был в состоянии думать над тем, какие последствия смерть доктора Кристиана будет иметь для страны, для всего мира, наконец, для него самого, как Президента.

– Прежде всего, давайте договоримся о главном, – мрачно сказал он. – Мы не можем позволить себе роскошь иметь в его лице мученика.

– Господин Президент, – ответила Карриол, – смерть доктора Кристиана – результат действия космических сил, не зависящих от нас. Он сам себе устанавливал нравственные законы, по которым жил. Будь он иным, он не справился бы с Миссией, которую мы возложили на него. Почему он должен считаться мучеником? Из людей делают мучеников, когда их подвергают преследованиям. А доктор Кристиан? Разве кто-то преследовал его? Никто и никогда. Правительство сотрудничало с ним, оказывало ему постоянную поддержку, выделило транспорт для проведения Марша. Это факты, о которых вы можете говорить вполне открыто и с гордостью. Они свидетельствуют о том, как высоко правительство ценило и ценит доктора Кристиана. Именно с таких позиций следует подойти к этой сложной проблеме. Уверяю вас, ореол мученика вокруг Кристиана вряд ли возникнет.

Он пожевал губами, и глядя ей в глаза, сухо проговорил:

– Есть два типа мучеников. Одни – те, кого преследуют, другие – те, которые сами себя обрекают на мучения. Вы, Джудит, лучше других должны знать об их существовании. По крайней мере, половина всех матерей земного шара – из их числа.

– В таком случае, наша задача – сделать все возможное, чтобы его не вздумали относить к этой категории, – она поднялась. – Если я вам больше не нужна, господин Президент, я оставляю вас. Мне надо бы навестить доктора Магнуса.

– О, да, конечно! – поспешно согласился Ричи. Похоже, он начисто забыл о существовании своего секретаря по вопросам окружающей среды. – Передавайте ему поклон и скажите, что я загляну в клинику. Возможно, завтра утром. – Его глаза опять насмешливо блеснули:

Президент явно был осведомлен о том, что с Магнусом.

Вечером, когда усталые, но счастливые люди начали возвращаться мыслями к заботам своей нелегкой повседневной жизни, по всем радиостанциям и телевизионным программам было объявлено, что будет выступать Президент. Было восемь часов – время открытия Бала, но Бал отменили.

Одна, надежно отгороженная от мира стенами своей гостиной, взобравшись с ногами на диван и всем телом ощущая ласковое тепло домашнего платья, Джудит включила телевизор. Самый долгий в ее жизни день подходил к концу. Когда неожиданно лопается звено в цепи, на которой держалась вся твоя жизнь в течение нескольких месяцев, свобода радует и печалит. Был ли Джошуа Кристиан ее злым гением? Или наоборот – она была злым гением для него? Пожалуй, и то, и другое в какой-то степени верно. Ладно, как бы там ни было, обращение Тибора Ричи к нации обозначит конец той главы ее жизни, которая называлась Джошуа Кристиан.

Когда она отправилась в клинику навестить доктора Магнуса, ощущение чудовищности случившегося еще не оставило ее. С трудом пробившись сквозь толпы, осаждавшие Белый дом, и войдя в клинику, она узнала, что к Магнусу посетителей не допускают. Ему как всегда, везло: оказывается, ему и вправду стало плохо с сердцем после ее ухода, черт бы его взял! Правда, она сумела повидать доктора Амплфорта и узнала, что Президент уже успел ему позвонить и принимаются меры, чтобы скрыть от общественности истинные обстоятельства смерти доктора Кристиана.

Когда она развернулась, чтобы ехать к дому, то по радио ей передали распоряжение Президента: он поручал ей известить о гибели Кристиана членов ее семьи. Просил поехать к ним немедленно, до того, как они узнают об этом из официального сообщения. И выразить им соболезнования от него лично и передать, что в семь вечера он пришлет за ними машину.

И Карриол, как ненавистна ни была ей эта миссия, заставила себя поехать в отель, где остановились родные Джошуа. Она застала их в растерянности. После приема под открытым небом все разошлись кто куда, и никто не мог им сказать, где Джошуа, как он себя чувствует. Разумеется, прием был просто великолепен, а заключительная церемония Марша очень впечатляющая, но для них она тянулась мучительно долго – ведь с ними не было Джошуа. Разумеется, это лестно – запросто поговорить с самим королем Австралии и Новой Зеландии, очень милым человеком с безукоризненными манерами и приятным собеседником; разумеется,

приятно было обмениваться любезностями с премьер-министрами, послами, губернаторами и конгрессменами. Но Джошуа не было! Джошуа болен, тяжело болен. Единственное, чего им хотелось – увидеться с ним, все как будто говорились не допускать их к нему.

Поэтому, когда около шести часов доктор Джудит Карриол приехала к ним, она была встречена как член семьи, вернувшийся в родной дом после долгих скитаний. Она, которая, как они считали, вскоре станет женой Джошуа, была единственным связующим звеном между ними и Кристианом. Они тревожились все больше. И хотя Эндрю резко оборвал жену, когда та стала насаждать на Джудит, слова Марты заставили Маму глубоко задуматься. Она желала знать правду.

«Интересно, – проносилось тем временем в голове Карриол, – пришлось ли Иуде говорить с Марией и другими близкими Иисусу людьми перед тем, как повеситься? Там – Иуда, здесь – Джудит. Как похоже звучат их имена! Иуда! Ну, разумеется, на каждого Христа полагается один Иуда. Если бы не было таких как он, то человечество и не нуждалось бы в спасении. Только существование Иуды оправдывает страдания, с которыми появляется на свет человек и смертельные его муки, и всю ту боль, которую суждено испытать человеку между рождением и смертью. Иуда – он или она, не важно – тот или та, кто, претендуя на многое, использует других, чтобы добиться своего, Иуда – это тот, или та, кто эксплуатирует способности других. Иуда – это прибыль и разорение, шантаж и азартная игра чужими жизнями; отчаяние и убежденность в собственной непогрешимости; это когда из лучших побуждений в ход идут любые средства; это отпущение всех грехов самому себе. Иуда – это не обязательно предательство! Многим Иудам не пришлось никого предавать. Иуда – это не изверг, не урод. Это норма, один из парадоксов закона бытия».

– Джошуа умер, – сказала она, прежде чем кто либо из семейства Кристиана успел раскрыть рот.

Они ждали этого. Они знали, чувствовали, что так и будет. Джеймс подошел к Мириам, Эндрю – к Маме. И все они смотрели на Иуду Карриол. Никто из них не вскрикнул, никто не зарыдал, никто не запротестовал. Но их глаза, о, эти глаза! Она крепко сомкнула веки, чтобы не видеть.

– Он умер, – продолжала она, голос ее звучал спокойно и ровно. – Сегодня утром. Около десяти. Не думаю, что он очень мучился. Не знаю. Меня там не было. Тело в клинике. Похороны через пять дней. С высшими гражданскими почестями. Если вы не против, его похоронят на

Арлингтонском национальном кладбище. Белый дом все хлопоты и расходы берет на себя. Президент пришлет за вами машину. Он хочет видеть вас.

К своему изумлению она поняла, что самое трудное ей еще только предстоит: открыть глаза и заставить себя взглянуть в их лица. Она должна, должна сделать это во что бы то ни стало. Должна быть уверена, что они приняли ее версию. Они могут думать, что Президент скажет больше, но она знала, что этого не произойдет. Никто никогда не посмеет сказать им, как и почему умер их Джошуа-Иешуа.

И она открыла глаза. В их ответных взглядах она не прочла ничего – ни подозрения, ни возмущения. Это не честно, так не может быть! – подумалось ей.

– Спасибо тебе, Джудит, – сказала Мама. И Джеймс:

– Спасибо тебе, Джудит. И Эндрю:

– Спасибо тебе, Джудит.

– Спасибо тебе, Джудит, – сказала Мириам.

Иуда Карриол с легкой печальной улыбкой поднялась с места и ушла. И не виделась с ними больше никогда.

Теперь, оставшись наедине с собою, свободная от необходимости следить за тем, какое впечатление она производит, Джудит Карриол наблюдала за тем, что происходит на телевизионном экране. Сначала показали фасад Белого дома, потом – Овальный кабинет, теперь – личную гостиную Президента. Он сидел на краю диванчика. Справа от него – мать Джошуа. Вся в белом, с голубым соболем на плечах, она была безжизненно тиха и прекрасна, – особой, щемящей красотой. Правее – Джеймс и Мириам: она – в кресле, тоже в белом платье; он – стоя за нею и положив руку ей на плечо. Слева и чуть поодаль от остальных, до странности одинокий, стоял Эндрю. На всех трех мужчинах были одинаковые темно-синие свитера и брюки. Тот, кто инсценировал все действие, знал свое дело: неповторимый эффект, торжественность момента была достигнута. Теперь в кадре осталось только лицо Президента: осунувшееся и трагическое, оно и вправду очень напоминало лицо Линкольна, но, может быть, уже завтра станут говорить, что оно напоминало лицо доктора Кристиана?!

– Сегодня в десять часов утра, – начал Тибор Ричи, – скончался доктор Джошуа Кристиан. Он был тяжело болен уже довольно долгое время, но отказался лечь в клинику до окончания Марша Тысячелетия, хотя, будучи врачом, признавал всю серьезность своей болезни. – Президент выдержал короткую паузу и продолжал: – С вашего разрешения я хотел бы

процитировать отрывок из речи доктора Кристиана, с которой он выступил в Филадельфии. Это его последнее публичное выступление, и, мне думается, самое замечательное.

Направление взгляда пронизательных, глубоко посаженных глаз Президента слегка изменилось. Карриол догадалась, что он читает текст, помещенный перед ним, но невидного телезрителями.

– Не злобствуй. Сохраняй спокойствие. Живи с надеждой на будущее. Залог надежды – в сознании того, что ты не брошен на произвол судьбы, ты не один, ты принадлежишь к единому духовному братству, которое зовется Человечеством. И, что еще более важно, к братству народов, населяющих Америку. Залог надежды – в сознании того, что тебе Господь доверил великую миссию: сохранить и осветить радостью эту планету во имя Человека. Нет, не во имя Господа Бога, – во имя Человека, ради него. Уповай на день грядущий, ибо он стоит того. Если ты, человек, приложишь все силы, чтобы не погас свет, исходящий от тебя, последний час человечества не грянет никогда. Ибо если этот свет и есть дар божий, то лишь человеку дано сохранить его, не дать ему угаснуть. Так помни же, всегда помни: ты – Человек, – Президент снова остановился. Потом продолжал: – Я предлагаю вам Завет Третьего Тысячелетия. Завет, древний, как само учение Христа. Завет, заключенный всего в трех словах: Вера, Надежда, Любовь. Поверьте в себя! В этом ваша надежда и источник стойкости. Поверьте, что Завтра будет светлее и лучше, чем Вчера, поверьте ради ваших детей и их потомков. А Любовь? Что нового я могу сказать о ней вам, людям? Относитесь с любовью к себе. Относитесь с любовью и к тем, кто окружает вас, и к тем, кого вы никогда не видели. Не тратьте свою любовь на Господа Бога. Он не нуждается в ней и не ждет ее от вас, ибо он вечен и совершенен. Каждый из вас – Человек, и любовь свою вы должны отдать Человеку. Любовь отгоняет одиночество. Любовь греет душу даже когда ваше тело испытывает холод. Любовь – это свет!

По лицу Президента бежали слезы, и он не скрывал Их. Никто из родственников Кристиана не плакал, хотя каждый зритель чувствовал, что они убиты горем.

– Он умер, – продолжал Президент, – но умер, сознавая, что прожил свою жизнь достойней многих других. Многие ли из нас могут сказать это о себе? Я выбрал отрывок из его речи, потому что нет у меня других слов, чтобы так полно выразить все то, ради чего жил доктор Кристиан. Он сам олицетворял собою Веру, Надежду и Любовь. Он подарил нам Завет Тысячелетия, – Завет, который утверждает могущество духа Женщин и Мужчин; Завет, который дает нам силы существовать в этом суровом,

беспощадном третьем тысячелетии. Так помните же о человеке, который сложил эти слова. И знайте: пока вы помните о нем, он, который всегда повторял, что он всего лишь человек – как вы и я, – никогда не уйдет из этой жизни. Он не умрет никогда.

Президент кончил говорить, и Карриол выключила телевизор прежде, чем началась наспех составленная двухчасовая передача, посвященная жизни и деяниям доктора Кристиана.

Джудит встала, прошла через кухню и открыла дверь во внутренний дворик. Специальный прожектор, освещавший дворик, она включала редко, но это была отнюдь не лишняя предосторожность для женщины, которая живет одна. Она зажгла свет и вышла на крыльцо. Все тут было в полном порядке. Дворик окружен высокой каменной стеной. Калитка в переулок надежно заперта; каменная плитка, которой вымощен двор, сверкает как новая. Никаких клумб, но много декоративного кустарника и три крупных дерева: вишня, с поникших веток которой уже осыпались бледно-розовые лепестки; береза с нежными, только развертывающимися листочками и огромное кизилевое дерево в полном цвету. Его ветви в почти белых, нежных цветах чернели на фоне неба – изящные, как японская икебана. Словно вырезанные из кости рукой великого мастера белые цветы отрешенно и безмятежно смотрели прямо в небо. Говорят, Иуда повесился как раз на кизилевом дереве. Оно тоже было в цвету. Как чудно, наверное, умереть в окружении столь совершенной красоты!

Из соседнего дома доносились рыдания: кто-то оплакивал доктора Джошуа Кристиана, который приходил, чтобы спасти Человечество, и умер, как умирают великие: в апогее своего дела, принеся жертвоприношение, дабы умиловить богов и спасти людей.

– Напрасно ты будешь ожидать меня там, Джошуа Кристиан! – громко сказала она, обращаясь к кизилевому дереву. – Я хочу и буду жить еще долго-долго.

Она выключила прожектор, пошла в кухню и захлопнула за собою дверь.

Серебристый свет луны пролился с холодной высоты на замершие в сладкой дреме цветы кизилевого дерева.

Как ни странно, горше других оплакивал Джошуа доктор Моше Чейзен. При первых же словах Тибора Ричи он пал на колени и зарыдал, раздирая на себе одежды. Он стонал и причитал, и жена ничего не могла с ним поделать.

– Это несправедливо, этого не должно было случиться! Я не желал ему

зла! Зачем? Зачем? – все повторял и повторял он, рыдая.

Президент отправил Кристианов в Холломан на вертолете, пообещав в следующий вторник, в день похорон прислать за ними. Из аэропорта их доставили на машине к дому № 1047 по Оук-стрит. Было раннее утро, суббота. Джеймс открыл дверь, и они вошли в залитую ясным светом гостиную, где по-весеннему пышно цвели и зеленели домашние растения. В отсутствии Марии они нисколько не пострадали – Маргарет Кэлли, соседка, вызвалась следить за ними и обещание выполнила. На Кристианов повеяло теплом и ароматом их сада.

– Вряд ли Марта прибудет раньше завтрашнего утра.

– Бедные! Подумать только, что они услышат об этом вдали от нас и мы ничем не сможем им помочь, – сказала Мама. Она не плакала.

– Я сварю кофе, – предложила Мириам и выскользнула на кухню.

– Как нам жить дальше? – спросила Мама. Она обратилась не к Джеймсу, но к Эндрю, который обнимал ее за плечи.

– Мы продолжим его дело. Это ведь всего лишь начало.

Джеймс содрогнулся:

– Боже мой, Дрю! Без него? Будет еще тяжелее!

– Нам будет легче.

– Да, – помедлив, согласился Джеймс, – пожалуй, ты прав.

И они замолчали. Мать и два оставшихся сына понимали друг друга с полуслова.

Мэри и Марта услышали сообщение в поезде. Сначала Марию возмутило то, как Эндрю, не посоветовавшись, решил все за нее, но пока она торопилась на поезд, у нее было время одуматься, да и Марта доставила ей немало хлопот. Теперь она считала, что Дрю поступил верно.

Поезд еле тащился, застревая на каждом полустанке. В тот день завершался Марш, и поезд был почти пустой. В девять они прибыли в Филадельфию, и поезд остановился в очередной раз. На платформе было абсолютно безлюдно. На стене зала ожидания красовалась огромная надпись: ее сделал какой-то бедняга, которому сам доктор Джошуа уже не в силах был помочь. Она гласила: «Земное притяжение засасывает!»

«Несчастливая, потерянная душа! – с болью подумала Мэри. – Вот и тебя засосало...» Голос диктора передавал новости. Громкоговоритель был рядом на платформе, и они ясно слышали каждое слово.

Одни в длинном пустом вагоне, Мэри и Марта услышали, как голос из репродуктора объявил о смерти Джошуа Кристиана. Марта покачнулась и бессильно припала к плечу Мэри. Мэри обняла ее. Сама она даже не

удивилась. Поезд сразу же тронулся, будто напуганный вестью.

«Я знала, – подумала Мэри. – Еще утром знала, что больше не увижу его никогда. И не хотела быть вместе со всеми, когда они услышат об этом. Пускай там Джеймс и Эндрю утешают Маму. Без меня. Меня нет. Я больше не могу и не хочу так. Больше всего на свете я хотела путешествовать, но они не дали. Вернее, он. Единственный, кого я любила, не любил и никогда уже не полюбит меня. А взял он с собой ту, которую даже и не желал никогда».

– Мэри, как мне жить дальше? – простонала Марта, уткнувшись в ее плоскую грудь.

– Так же, как и всем нам, – отозвалась Мэри. – Всегда под крылом его памяти.

– Я говорю тебе, он распял сам себя, – повторял жене хирург-пластик перед тем, как лечь спать. – И не перестаю спрашивать себя: неужели это мы довели его до этого? Неужели мы сами заставили его совершить это? И он должен был умереть ради нас? О, Господи!

– Мне кажется, что меня теперь всю жизнь будет бить дрожь, – заявила О'Брайен своему возлюбленному в их общей квартире в Арлингтоне, – Сначала мне даже показалось, что он еще жив, – такая горечь и такое великое знание были в его взгляде. Уверяю тебя, мне до сих пор кажется, что его глаза жили и после его смерти.

– По крайней мере, Ида, на сей раз они не смогут обвинить в его смерти евреев, – говорил терапевт Самуэль Финштейн своей высохшей секретарше. – Будь я христианином, я, наверное, смог бы разобраться в том, что совершил доктор Кристиан – святотатство или самопожертвование. Но я не христианин и я никогда им не стану. Но знаешь, что меня ужаснуло больше всего? Эта Карриол, она улыбнулась – можешь себе представить? Она улыбнулась и сказала что-то вроде «Здорово сделано! Я и сама не придумала бы лучшего финала операции «Мессия». Ида, как ты думаешь, может он и вправду был Мессия?

– Послушай, Сюзи, – говорил Марк Эплфорд своей восемнадцатилетней невесте во время очередного свидания, – когда я взбудоражен, я часто говорю во сне. Если услышишь, не верь ни одному слову, поняла?

– Это было отвратительно, – признавался психиатр Гораций Перси во время сеанса со своим аналитиком. – Этот зануда из Холломана был похож на набитое соломой чучело. Слышали сегодня речь нашего великого лидера? Завет Третьего Тысячелетия, – не больше и не меньше! Какой там Завет – скорее очередная порция опиума для народа!

– Бедняга! – говорил за ужином анестезиолог Барни Виллиамс своей жене. – Один, совсем один в этом богом забытом месте! Какое надо было мужество, чтобы решиться... Не думаю, что он умер быстро. А его лицо...

Старшая медсестра Эмилия Массимо, стараясь объяснить своему парню, почему она сегодня не в состоянии заниматься любовью, говорила:

– Пойми, Чарли, это невозможно забыть. Знаешь, есть такие изображения Иисуса, когда кажется, что его глаза смотрят на тебя, куда бы ты ни повернулся? Ну вот – с доктором Кристианом то же самое. Мне пришлось прибирать тело, и куда бы я не повернулась, я всюду чувствовала на себе его взгляд. Он следовал за мною повсюду. Да, да, повсюду!

Миссис Лурлайн Браун, майор медицинской службы, шептала своему исповеднику:

– Святой отец, мне было предначертано присутствовать там. Я родом из тех мест и всякий раз, когда я там, у меня бывают видения. Теперь я знаю, почему! Я велела своим братьям и мужу отправиться на этот остров и взять оттуда Его крест. Ибо это – новое пришествие Спасителя. Аллилуйя, да святится имя его!

Прошло целых два дня, пока Тибор Ричи спохватился, что забыл кое о чем распорядиться. После чего два пожилых и вполне надежных моряка были откомандированы на остров Покахонтас. Им велели по прибытии на остров найти навес, где свалены старые шпалы и балки, сложить их посередине двора, облить бензином и сжечь. Почему, зачем – им объяснять не стали: их дело – выполнить приказ. Что они и постарались осуществить. Приземлились, нашли указанное место, все, что сыскали – пять балок – сожгли посередине двора, как было приказано. Утомленное долгой жизнью и долгой службой человеку сухое дерево горело хорошо, и через полчаса от балок остался лишь пепел в круге выжженной травы.

Вернувшись на базу, моряки отрапортовали начальству, что задание выполнено. Начальство, в свою очередь, связалось с генералом, а тот – с Белым домом. «Задание выполнено, сэр», – доложили Президенту. И поскольку никому, а прежде всего самому Тибору Ричи, не пришло в голову

осведомиться о числе сожженных балок и узнать, были ли среди них две сколоченные буквой «Т», никто и не догадался, что именно они – они не сгорели. Нет, не сгорели: не было их уже на острове.

На следующей неделе в Департаменте окружающей среды раздался телефонный звонок и владелец одной из старейших в Северной Калифорнии табачных компаний извиняющимся тоном поставил в известность Управление Флоры и Фауны, что члены его семьи решили взять обратно свое предложение. Они собирались бесплатно передать в государственную собственность остров Покахонтас, как уединенное, но достаточно близко расположенное к столице место отдыха для Президента.

– К нам поступило очень выгодное предложение, от которого мы не можем себе позволить отказаться. Оплата наличными, – добавил он. – Деликатность ситуации усугубляется тем, что предложение исходит от очень влиятельной чернокожей религиозной общины. Они предполагают использовать Покахонтас как религиозный центр. Поскольку они, к тому же готовы предать ему статус природного заповедника, мы просто не в праве ответить отказом. И потом, нам очень нужны деньги...

В Департаменте огорчились, но не очень. Там сознавали, что теперь на острове никак нельзя устраивать президентскую резиденцию. Что же касается дикой природы, то с точки зрения Управления Флоры и Фауны, ничего особенного остров из себя не представлял.

Однако, глава Управления не смог доложить доктору Магнусу, что остров Покахонтас потерян для Департамента. Не смог по той простой причине, что Магнус внезапно был смещен со своего поста. Официально было сообщено, что он ушел в отставку по болезни, однако по всему Департаменту ходили слухи, что никто иной, как Магнус был каким-то образом повинен в гибели Джошуа Кристиана. Новая кандидатура на этот пост, выдвинутая самим Президентом, обрадовала всех: это была доктор Джудит Карриол. Наконец-то – и профессионал высокого класса, и блестящий администратор!

Поэтому, когда Джордж, как глава Управления Флоры и Фауны, явился с очередным отчетом, то свою печальную новость насчет Покахонтаса он и преподнес уже доктору Карриол.

Она выслушала его невозмутимо. Только ее глаза, – глаза, которые всегда несколько пугали его, – вдруг ярко заблестели. Неожиданно она запрокинула голову назад и начала смеяться. Она смеялась, пока почти не задохнулась.

– Разумеется, мы можем настоять на своем, – растерянно проговорил

Джордж. – Договоренность была устной, но у нас на руках есть соответствующий протокол о намерениях сторон...

Чем бы ни был вызван внезапный взрыв веселья, он прошел, и так же неожиданно, как и начался. Она достала из ящичка клинекс, утерла глаза и высморкалась.

– У меня и в мыслях нет настаивать. Ни в коем случае не стоит этого делать! – похоже было, что она с трудом сдерживает новый приступ смеха. – Наш интерес в этом вопросе и состоял в сохранении там дикой природы, не так ли? Значит, проблема решена сама собой, если я правильно понимаю. Напротив, я склонна считать, что нам тут просто повезло. Смеем вас уверить: нет никаких шансов, что Президент когда-нибудь захочет устроить там свою резиденцию. Мне доподлинно известно, что это не тот уголок нашей большой страны, где он рвется побывать. Кроме того, поскольку на него претендует чернокожая община, вряд ли будет разумно вставлять им палки в колеса! Передайте своему другу, что он может со спокойной совестью подтвердить свое согласие на продажу. И пусть не тянет до последнего дня. Готова поспорить на что угодно: сделкой останутся довольны обе стороны! – И она снова расхохоталась, еще громче.

– Не могу взять в толк, Джудит, – говорил доктор Моше Чейзен своему новому Генеральному Секретарю спустя несколько дней, – зачем вы согласились занять этот пост? Нельзя служить сразу двум господам. Теперь Вы – один из советников Президента и связаны с ним неразрывно. Когда Тибор Ричи уйдет с Президентского поста, – а это рано или поздно произойдет, даже если его выберут еще и на четвертый срок, – вам как чину его администрации придется уйти вместе с ним. После этого Вам вряд ли предложат занять вашу прежнюю должность в Департаменте! Должность Секретаря, правда, не выборная, но она имеет прямое отношение к политике. Вы потеряете работу в Департаменте. У нас очень любят держать на ответственных постах тех, кто связан с какой-то политической партией. И на мой взгляд, это вполне разумно – Он пожал плечами. – Люди, занимающие важные должности на общественном поприще, должны оставаться вне политики. Политические лидеры – люди временные, они волей-неволей должны поддерживать тех, которые их выдвинули. И уходить с ними вместе.

– Вот уж не знала, что у вас такие твердые принципы на этот счет, – отозвалась доктор Джудит Карриол с насмешкой.

Как отреагировал бы на этот вызов доктор Моше Чейзен, так и осталось неизвестным, потому что в этот момент раздался звонок и

послышался голос миссис Тавернер:

– Доктор Карриол?

– Да, Хелена, я вас слушаю.

– Вам звонит Президент.

– Передайте ему, пожалуйста, что у меня сейчас совещание и я свяжусь с ним попозже.

– Слушаюсь, доктор Карриол.

У Чейзена от изумления брови поползли вверх.

– Не верю ушам своим! Джудит, с Президентом США не говорят через секретаршу! Это неслыханная наглость, черт побери.

– Ерунда, – хладнокровно отозвалась Джудит, тем более, что это был неофициальный звонок. Я сегодня с ним обедаю.

– Не может быть!

– Отчего же? Он теперь не связан брачными узами, а у меня их и не было никогда. Я ведь его советник. Почему же мы не можем пообедать вместе? Кто нам может запретить.

Доктор Чейзен дипломатично решил переменить тему разговора:

– Послушайте, Джудит, мне нужно услышать ваше официальное мнение по одному деликатному вопросу. Я бы хотел поехать в Холломан и навестить родных Кристиана. Если вы считаете, что этого делать не следует, я, конечно, не поеду...

Некоторое время она задумчиво молчала, потом ответила:

– Не могу сказать, что я в восторге от вашей идеи. Но и особых возражений нет. Полагаю, ваш визит будет носить личный характер?

– Конечно. Я же не знаком с ними. А похороны, согласитесь, не самый удачный момент для того, чтобы навязываться в друзья. С другой стороны, на меня большое впечатление произвела мать Джошуа. Какая мужественная, какая отважная женщина! Я хотел бы убедиться лично, что с ней все в порядке.

– Что, совесть мучает, а, Моше?

– И да, и нет.

– Не вздумайте корить себя. Он сам виноват. Только он сам. Некоторые просто не способны следовать здравому смыслу. Он был именно таким – самым непредсказуемым человеком на земле. Разумеется, он обладал могучим интеллектом, но руководствовался не им, а исключительно эмоциями. Пустая трата энергии и ничего больше, Моше.

– Каков бы он ни был, он вполне сгодился для ваших целей, Джудит. Уж вы-то знаете! Неужели вам ничуть не жаль его?

– Жаль? Его?! – она покачала головой. И в ее голосе не было обычного

сарказма, когда она продолжала:

– Джошуа Кристиана невозможно жалеть или оплакивать. Он не умрет никогда. Он переживет и вас, и меня. И торжествуя, с загадочной улыбкой на лице, она добавила: – Я сама позаботилась об этом.

Моше сокрушенно хлопнул себя по бедрам:

– Ах, иногда мне кажется, что вся эта ответственность слишком тяжела для меня. – Он поднялся и взглянул на часы: – Ну, мне пора обратно в Сектор № 4. У меня на сегодня две конференции. Боже, до чего мне все надоело: я бы скорее согласился горбатиться у компьютера, чем присутствовать на этой гостиной.

– Бросьте, Моше, никто вас не заставлял, сами согласились.

– Знаю, знаю! – Он выпрямился и снова надел на себя маску величественного достоинства. Она заметила, как он похудел в последнее время. – Я еврей, – сказал он просто. – Иногда мне надо поплакаться, чтобы чувствовать себя бодрее. Вы распорядились Сектором № 4, четвертым отделом с присущей вам прозорливостью, Джудит. Я как генератор идей и Джон Уэйн как администратор – мы прекрасно сработаемся.

– Как у вас со здоровьем, Моше? – спросила Джудит, когда он уже направлялся к выходу, – вы проходили медицинское обследование?

– Имея такую жену, как моя? И вы еще спрашиваете!

– Все в порядке?

– Разумеется, – ответил он и вышел. Джудит подождала и попросила соединить ее с Президентом. Его звонок пришелся как нельзя более кстати: избавил на необходимости отвечать на вопрос, почему она согласилась сменить профессиональную карьеру на политическую. Она чуть-чуть не проболталась, а это могло бы стать крупной ошибкой. Моше очень переменялся после смерти Джошуа Кристиана, хоть и не знал подробностей. Да, это наверное потрясающе, стать первой Леди! Можешь там изводиться, сколько душе угодно, милейший Джошуа! Петля на кизиловом дереве – это не для меня. Я даже не ненавижу тебя больше. Хотя сейчас могу признаться – ненавидела. Даже позволяла командовать собой. Но если бы ты вырос в Питтсбурге, в той среде, где я, то знал бы: ничем не пробить шкуру, которая там нарастает. Если бы не эта шкура, то я и до сих пор пребывала бы в том же Питтсбурге и либо спилась, либо сидела бы на игле – и то при условии, что ухитрилась бы добывать на это деньги?

А Тибор Ричи – мужчина красивый. И я буду для него идеальной женой. Я полюблю его. Сделаю его счастливым. Буду заботиться о его дочери, добьюсь, чтобы он выставил свою кандидатуру на четвертый срок. Добьюсь, что его будут считать еще более великим человеком, чем Август,

император римский. Я почивать на лаврах не стану. От операции «Мессия» – к операции «Император»!

Доктор Чейзен остался в Холломане на Оук-стрит, 1047 ночевать. Семья Кристиана встретила его сердечно. Они говорили о покойном свободно, без слез и рыданий – гораздо спокойней, чем сам Моше. Говорили о том, как намерены распорядиться собой теперь, когда с ними больше нет Джошуа.

– Я и Мириам собираемся вскоре отправиться в Африку. – Нам столько еще надо успеть сделать, чтобы Завет Джошуа по-настоящему утвердился на Земле, – говорил Джеймс.

– Скоро опять уеду в Южную Америку, – говорил Эндрю. Он не прибавил, что жена будет сопровождать его. Доктору Чейзену показалось, что она, бедняжка, не совсем в себе: то бесцельно бродила по комнате, тихонько напевая, то вдруг прислонялась к плечу Мэри, которая обращалась с ней нежно и терпеливо.

Они, – сказала Мэри, имея в виду себя и Марту, – останутся возле Мамаи здесь, в Холломане, пока остальные будут служить делу, начатому их покойным братом.

– Знаете, Моше, раньше я думала, что умру от тоски, если буду путешествовать по всему свету. Но даже путь до Вашингтона показался мне слишком долгим.

После великолепного обеда, приготовленного Мамои, они перешли в гостиную – самую красивую комнату, какую когда-либо доводилось видеть Моше. Там, среди зелени и цветов, разговор по-прежнему вращался вокруг семейных планов.

– Однако, вы должны помнить, что пока никто никуда отсюда уехать не может. Ведь со дня смерти Джошуа еще не минуло сорока дней.

– Сорока дней? – переспросил Моше, будто не понимая.

– Совершенно верно. И наш Джошуа еще не явился к нам! Но он явится обязательно! Через сорок дней. По крайней мере, мы так думаем, хотя и не можем быть абсолютно уверены. Может, пройдет дважды по сорок дней. Или на третьи сороковины. Две тысячи лет прошло, идет третье тысячелетие, а мы все еще ничего не знаем точно! Если окажется, что это не произойдет через сорок дней, то сыновья, конечно, не будут задерживаться: значит им просто не суждено присутствовать при этом. Думаю, что он должен явиться только женщинам – двум, Мариям и Марте. Но могу и ошибиться.

– Она выглядела такой счастливой, такой уверенной. И такой

безмятежной. Она безусловно не потеряла рассудок. Он пытался понять, что думают о словах Мама остальные, но тщетно: лица их были бесстрастны.

– Вы дадите мне знать, когда это случиться? – спросил Моше с приличествующим случаю почтением.

– Обязательно! – ответила Мама. Остальные промолчали.

Мэри вдруг обернулась к нему; ее губы были полуоткрыты; казалось, что она собирается сказать ему что-то важное.

– Да, я весь внимание! – воскликнул он.

Мэри улыбнулась светло и ясно; последнее время она стала еще больше походить на Маму.

– Пейте свой кофе, Моше, – сказала она. – А то остынет.